

С МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

A woman with long dark hair, wearing a crown and a flowing blue dress, stands on a wooden boat. She holds a glowing lantern. The boat is flanked by two large, carved dragon heads. In the background, a castle sits on a cliff under a dark sky, with a waterfall nearby.

ИМЯ
ШТОРМА

16+

Annotation

Программа переселения на фьорды закрыта. Конфедерация бурлит от слухов о жутких чудовищах, что обитают по ту сторону Тумана. Командор Грей плетет паутину интриг, желая уничтожить загадочный мир. Но все это мало интересует студентку Миранду Коллинз. Ведь у нее своя жизнь, в которой нет места сказкам о варварах. Но одна ошибка, один запущенный в небо фантом полностью меняют планы Миранды. И девушка оказывается там, где меньше всего хотела – в краю скал и озер. В мире ильхов, страшных тайн и невероятных открытий, которые уже ждут незваную гостью. «Имя шторма» – четвертая книга из серии «Мир за Великим Туманом».

- [Марина Суржевская](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Послесловие](#)
-

Марина Суржевская

Имя шторма

Глава 1

– Свет, – сказал Этан Грей, и под потолком плавно разлилось белое сияние крошечных встроенных ламп.

В его спальне, расположенной высоко над землей столицы Конфедерации, было настолько тихо, что даже полет мухи показался бы оглушительным гулом истребителя. Но в привилегированном небоскребе не водилось мух. Мух, тараканов или других вредителей, способных нарушить покой уважаемых постояльцев.

Здесь было тихо, чисто, красиво и очень, очень дорого.

Командор моргнул и посмотрел на свое тело, укрытое тонким синим покрывалом. Посмотрел, пытаюсь понять – какие сюрпризы ожидают его этим утром. И выдохнул, отбросив одеяло.

Внезапный приступ ярости накрыл так резко, что Этан не успел подготовиться. Он слетел с кровати, упал на четвереньки и зарычал, молотя правой рукой по светлому паркету. Левую руку командор не чувствовал, хотя и опирался на нее. Пальцы побелели, словно это была не живая плоть, а ледяной мрамор.

Изморозь этим утром продвинулась еще выше – почти до локтя. Подарок проклятого варвара – хёгга.

Командор со свистом втянул воздух и заставил себя успокоиться. Ярость никуда не делась, но Этан свернул ее внутри себя колючим жгутом – крепко-накрепко. Свернул и закрыл в глубине своей сущности. Никто и никогда не заподозрил бы сдержанного командора в подобных приступах. В злости, раздирающей его грудь. В ненависти, выжигающей сердце.

Впрочем, никто не поверил бы даже в то, что у командора Этана Грея вообще есть сердце.

Встряхнувшись, хозяин апартаментов на сто тридцатом этаже встал и отправился в душ. Скрипнул зубами, когда в спину ударили холодные струи, но даже не подумал сделать воду теплее. Некоторое время стоял неподвижно, тщательно отмеряя вдохи и выдохи. Это помогло – как всегда. И уже спокойнее командор снова взглянул на свою левую руку.

Да, изморози стало больше. Пальцы двигались, рука работала, но полностью утратила чувствительность. И ни один профессор, ни одно светило от медицины не могли объяснить происходящее.

– Это за гранью наших знаний, командор, – запинаясь, произнес один из них при последнем визите Грея.

Все посещения командора были строго секретными, и за разглашение тайны профессорам грозили пожизненные сроки в самой страшной тюрьме Конфедерации. Возможно, поэтому на командора разведки светила медицины смотрели с опаской. Впрочем, к такой реакции на свое появление Грей привык.

– Это за гранью нашего понимания. В вашем организме происходят неизвестные нам изменения. Эпителий, сосуды, кровь, даже молекулярная решетка – все стало иным. Но мы не можем это объяснить, а тем более – остановить. Для нашей науки такие изменения – нечто совершенно новое. Мы могли бы начать исследования... провести опыты, наблюдать... Но...

– Достаточно, – оборвал тогда Грей, разворачиваясь к выходу.

В глубине души он с самого начала знал, что никакие исследования и опыты не помогут. Наука Конфедерации не способна остановить то, что сотворил с командором варвар.

Встряхнувшись, но не вытираясь, Грей провел ладонью по волосам и покинул душевую. Оставляя на полу влажные следы, которые тут же испарялись, мужчина прошел в комнаты – двести квадратных метров функциональной чистоты и эргономики. Встал напротив черных окон, протянувшихся от пола до потолка, и произнес:

– Светопроницаемость.

Стекла начали медленно светлеть. словно чернота таяла на их безупречно чистой поверхности, пока не исчезла полностью, сделав окна совершенно прозрачными.

Над столицей Конфедерации вставало солнце. Оранжевые лучи мягко золотили башни из стекла и железа. С высоты сто тридцатого этажа столица лежала как на ладони. Великолепные, возносящиеся к небесам небоскребы, отражающие зеркальными гранями солнечный свет. Ровные стрелы магистралей и проспектов, аккуратные полосы парков и лаконичные арки чугунных мостов. В каждом квадратном метре – удобство и лаконичность, эргономичность и четкая

выверенность линий. Красота усмирённой природы. Великолепие, созданное прогрессом.

Командор заложил руки за спину, с удовольствием взирая на город у своих ног.

Это его мир.

Его Конфедерация.

Словно в насмешку, где-то внизу, у земли, которую даже не видно с высоты сто тридцатого этажа, хлопнул ящичек с фантомным огнем. Двое парней и девушка, оглядываясь, чтобы не попасть на глаза патрулю, подожгли толстый шнур и, пряча лица под капюшонами, бросились к густым зарослям аллеи.

Огонек с шипением дополз до основания ящичка – и тот хлопнул.

Одну невыносимо долгую секунду ничего не происходило. А потом в небо взвился огненный дракон. Огромный ящер, взлетев в небо, завис прямо напротив командора Этана Грея.

Словно насмехаясь. Словно издеваясь!

Черный иллюзорный дракон махал крыльями и выпускал дым напротив чистых окон небоскреба.

Конечно, чудовище было ненастоящим. Всего лишь иллюзия, созданная фантомным огнем, подделка. Невинная забава. Но от вида этого существа, пусть и иллюзорного, командор снова потерял контроль над своей яростью. Совершенно забыв, что он голый и мокрый после душа, Грей обеими руками ударил в непробиваемое стекло своих апартаментов. Ненависть снова развернулась внутри – горячая, живая, огненная, как проклятый фантом, уже тающий в небе. Ненависть к фьордам, к варварам, ко всему миру за Туманом.

Два месяца назад командор показал Конфедерации оскаленную морду фьордов, явил чудовище, обитающее там. Проклятую программу переселения наконец закрыли, но... но вместо уважения, почитания и благодарности командор увидел совсем иную реакцию! Люди, которых Грей желал спасти, не хотели быть спасенными! И совершенно неожиданно возник почти культ проклятых хёггов-драконов! Патрули уже несколько раз разгоняли митинги, требующие возобновить программу переселения и дать людям возможность посетить фьорды. Идиоты! Сумасшедшие тупицы! Масс-медиа, подконтрольные властям, драли глотки, чтобы нагнать страха и внушить населению ужас и отвращение к фьордам, но кажется, это

мало помогало, лишь усиливая интерес к миру за Туманом. И вот такие фантомные драконы уже не первый раз взмывали в небо над столицей Конфедерации!

И это несмотря на запрет, введенный властями. Несмотря на то, что за подобное грозит заключение почти на год!

Проклятые, проклятые фьорды! Какой силой вы обладаете, что даже те, кто никогда вас не видел, стремятся к вам? А те, кто видел – сходят с ума, не в силах забыть? Что за магия разлита во влажном воздухе, наполненном запахом мха и соли? Что за власть кроется в озерах и скалах, не позволяя жить, не позволяя очнуться от этого наваждения?

Проклятые фьорды. Ненависть к вам сводит с ума. Она похожа на одержимость.

Фантомный дракон растаял в воздухе.

Но командор не мог остановиться. Он колотил по стеклу снова и снова, пока... пока под левым кулаком не расползлась паутина. Пока непробиваемое стекло не треснуло!

Осколки брызнули в разные стороны, впились в обнаженное тело мужчины, и он пришел в себя. Ошарашенно глянул вниз – между ним и бездной сто тридцатого этажа больше не было преграды. Он разбил ее. Разбил кулаком, похожим на белый мрамор.

Где-то в пункте безопасности уже заливалась сирена, оповещающая о нарушении целостности. Беспрецедентный случай. И уже через пару минут апартаменты наводняют сотрудники безопасности.

Командор сделал медленный шаг назад. И еще один. С его тела капала кровь – в грудь и бедра впились мелкие осколки стекла.

Грей взял со столика полупрозрачный телефон, провел по экрану. И когда связь установилась, рявкнул:

– Я разве не ясно выразился? Никаких драконов! Так почему прямо в центре столицы кто-то запустил фантом? Найти нарушителей. Немедленно!

На том конце начали что-то говорить, но командор уже отключился.

И посмотрел на свою левую руку. На белой, как лед, коже не было ни единого пореза.

Спустя два часа, когда ошарашенные сотрудники безопасности запустили программу восстановления стекла и крошечные механические пауки начали насаивать чешуйки прозрачной субстанции, чтобы залатать повреждения, Этан Грей уже был в своем кабинете в здании госбезопасности. Собранный, аккуратно причесанный, в привычном сером мундире. Сейчас никто не заподозрил бы в этом человеке склонности к неконтролируемым приступам злости. Единственной деталью, выбивающейся из общего образа, была перчатка на его левой руке.

Напротив командора сидел человек в плаще. Капюшон привычно прятал его лицо.

– Варвары закрыли проход через Туман, – из-под темной ткани голос доносился гулко и хрипло, словно гость был простужен. – И я пока не вижу возможности попасть на фьорды.

– А ведь вас рекомендуют как человека, для которого нет невозможных заданий, – позволил себе толику насмешки командор, но его гость даже не шелохнулся, и Грей вновь стал серьезным. – Я нашел выход. Вероятно, единственный. Мои люди доложили, что завтра варвары откроют тайный проход для сестры Андерса Эриксона и ее мужа. Предатель решил спрятать родственницу от глаз Конфедерации.

Командор усмехнулся и щелкнул пультом, зажигая висящий на стене экран. Панель показала изображение молодой темноволосой женщины и ее полноватого спутника.

– Это Хельга и Бран Линдбург. Вы займете место последнего.

Гость в плаще едва слышно хмыкнул.

– Даже модификация не сделает меня господином Линдбургом. Лишь придаст отдаленное сходство.

– Этого будет достаточно, – оборвал командор. – Эриксон ждет родственников в Нероальдафе. В... одном из городов фьордов. Встречать вас и вести через Туман будут варвары. А они никогда не видели чету Линдбург. Естественно, в Нероальдафе супруги не попадут. Ваша задача – оказаться на фьордах и... исчезнуть. Это понятно?

– Более чем. Полагаю, мне нужна спутница. Но я не работаю в паре. И не потерплю рядом с собой соглядатая. Так что не думайте навязать мне кого-то из вашего ведомства.

– Я знаю ваши условия.

Командор нажал кнопку коммуникатора.

– Краус, выведи на мой экран изображения девушек, находящихся сейчас под следствием. Параметры: возраст от двадцати до тридцати лет, темные волосы, светлые глаза, сухощавая. Срочно.

– Да, командор, – ответил коммуникатор и на несколько минут замолчал.

Потом экран мигнул, на нем появились сигналистические фотографии арестантки – в анфас и в профиль. На них была молодая брюнетка. Минуту мужчины рассматривали изображение. Девушка выглядела одновременно испуганной и дерзкой, возможно, из-за длинной косой челки, выкрашенной в яркий синий цвет. Лицо с резкими скулами и широко расставленными светло-серыми глазами казалось слишком волевым, чтобы быть миловидным. В левой брови и ноздре девушки сверкали камушки.

Гость командора едва слышно хмыкнул.

Коммуникатор снова ожил:

– Наиболее подходящий вариант – Миранда Коллинз, двадцать четыре года. Родилась и до двенадцати лет проживала в Окламе, с родителями и двумя братьями. После гибели старшего брата семья переехала в столицу. Миранда и ее младший брат Алекс являются студентами спортивного университета...

– За что задержана? – оборвал командор.

– Хулиганство и нарушение статьи 206, пункт 10. Сегодня утром задержанная запустила огненного фантома в виде дракона. Прямо посреди города. Ее подельники сумели скрыться от прибывшего патруля...

– Так это она запустила в небо хёгга? – подался вперед Этан Грей. И вдруг расхохотался, что было ему совершенно несвойственно. – Ну надо же! Богиня возмездия сегодня необычно быстра на расправу! – оборвал он смех и сухо велел: – Арестованную доставить в центр госбезопасности. Немедленно.

– Приказ принят, командор.

Этан Грей откинулся на спинку кресла. Его спутник смотрел на экран, но вопросов не задавал.

«Тебе понравится, Мира, оторвемся не по-детски, Мира! – говорил мой чокнутый брат и его такой же чокнутый друг. – Не будь

занудой, Мира, давай развлечемся!»

Развлеклись.

Алекс и Джет сейчас уже пьют чай на кухне их маленькой съёмной квартирки и веселятся, вспоминая это утро. А вот я сижу в тесной камере, смотрю на крошечное окно с железными прутьями и не могу поверить, что все это реально. И что я действительно оказалась за решёткой.

– Эй, сестренка, это будет весело! – убеждал меня Алекс.

Теперь я могла бы ему сказать, что это совсем не весело. Вот ни капельки. Нет, запускать фантома оказалось забавно, и когда призрачное чудовище взмыло к верхним этажам небоскреба – даже дух захватило. Но вот на этом все развлечение и закончилось. Алекс и Джет со всех ног ломанулись к кустам, а я вот замешкалась. Парящий над головой дракон завораживал. Конечно, я и раньше видела огненных фантомов. Здесь, в столице, на праздники их запускают целыми пачками. Даже в Окламе развлекают публику подобными представлениями. Огненные птицы и звери, колесницы и люди несутся по воздуху, вызывая восторг у зрителей. Но с некоторых пор во всех городах стали взлетать к небесам не звери и птицы, а драконы. Вот и брат поддался этой лихорадке, охватившей всю Конфедерацию!

Я потеряла лоб и снова обвела взглядом узкую конуру с двумя рядами скамеек. На противоположной стороне дремала жутковатого вида женщина, рядом высилась какая-то куча тряпья. От нее так сильно разило вонью, что в первые минуты за решеткой я думала – умру от одного лишь запаха.

Я стиснула зубы. Вот бы и Алекс посидел тут и подышал тюремными ароматами, может, это отбило бы у него желание безобразничать! Но мой везунчик-брат, как всегда, успел смыться, а все наказание достанется мне! Так бывало и в детстве, когда Алекс разбивал кувшины и тарелки, пачкал одежду или пугал соседскую старушку Анну, а потом смотрел с невинным лицом и без малейшего сожаления сваливал все на старшую сестру. Удивительно, но даже родители, знающие пакостливую натуру Алекса, все равно ему верили.

И вот зачем я ввязалась в эту авантюру? Вот зачем?

Я притиснулась ближе к окну, стараясь дышать ртом.

Может, все дело в Джете. В том, что он мне нравится. Пожалуй, даже больше, чем нравится! И когда Алекс начал рассказывать о новой

забаве, я не смогла приказать, чтобы брат оставил эти глупости! Хотелось выглядеть перед Джетом смелой и рискованной.

Я скривилась от собственной глупости.

Алекс и Джет познакомились в университете и сразу стали лучшими друзьями. У них обоих была тяга к лихим авантюрам и розыгрышам, так что два красавчика постоянно ставили на уши все учебное заведение. Не вылететь в первый же семестр за свои развлечения им помогли лишь выдающиеся спортивные таланты. Оба выступали за сборную университета по плаванию и всегда брали призовые места.

Куча тряпья зашевелилась, развернулась, и вонь стала такой невыносимой, что я закашлялась.

– Девушки, дымка не найдется? – сипло пробасила куча, оказавшаяся мужчиной. Ну, вероятно, мужчиной. Он был настолько грязным, что сказать точно вряд ли возможно.

Я вскочила и прилипла к стене, надеясь дотянуться до окна. Но это не помогло. Не в силах больше выносить помойную вонь, я рванула к решетке и забарабанила по ней.

– Выпустите меня! – заорала я в глубину тюрьмы. – Я ничего не сделала! Да это был всего лишь огненный фантом! Просто забава! Вы не имеете права держать меня здесь!

Из полумрака показался мужчина в форме.

– Миранда Коллинз, на выход, – объявил он, и я чуть не взвыла от радости.

Да куда угодно, только бы подальше от этого убивающего запаха!

Железная дверь лязгнула и открылась, я вылетела в коридор.

– Следуйте за мной, – велел законник.

Я послушно и почти вприпрыжку понеслась за быстро удаляющимся мужчиной.

Конечно, как и все, я слышала сплетни о фьордах. Пару месяцев назад по всем каналам показывали огромного дракона, взлетающего над домами. Ох, что тогда было! Конфедерация словно с ума сошла! Все говорили о драконах. Спорили, перекрикивали друг друга! Нам грозит гибель от внезапно обнаруженной формы жизни? Это подделка и провокация? Опасны ли фьорды? Что случилось с переселенками? Разговоры не умолкают по сей день, а споры лишь разгораются. Наш мир разделился на тех, кто верит в существование драконов, и тех, кто

считает это очередной «липой». Видео почти сразу нарекли подделкой, свидетели исчезли. А кто не исчез, того признали сумасшедшими. На каждое доказательство приводилась куча опровержений. Вслед за первым шокирующим видео в сети конфер-нэт появилось сразу несколько похожих и тут же – подробный отчет, как создать подобный ролик с дополненной реальностью. Как создать реалистичного дракона. В конце концов, мы живем в мире, где каждый школьник умеет монтировать видеоролики со всякими монстрами. Что уж говорить о профессионалах подобного дела? Поэтому никто не знал, чему действительно стоит верить. Власти Конфедерации отмалчивались и ограничивались сухим: «Идет разбирательство, данные не разглашаются».

Единственное, что стало известно наверняка – программу переселения на фьорды решили временно остановить. «До выяснения подробностей дела» – еще одно сухое постановление. Об этом я знала, потому что за Туман собиралась знакомая из Университета. Она грезила загадочным затерянным миром и истово верила в то, что там и правда живут драконы. Я на ее восторженные вопли лишь головой качала.

А еще в Конфедерации появился новый культ, кажется, эти ненормальные назвали себя «Дети драконов». И теперь повсюду развешивают изображения монстров, клеят оскаленные морды на свою одежду, носят рогатые маски и запускают в воздух крылатых фантомов. Мой брат и его друг вступили в культ ради забавы, они надо всем этим потешались, но, конечно, не могли упустить подобное развлечение!

Я же относилась к новостям и ажиотажу вокруг фьордов довольно прохладно. Пожалуй, даже не совсем верила в происходящее. Уж слишком нереально все это выглядело. К тому же у Алекса и Джета на носу были крупные соревнования по плаванию, и я делала все, чтобы разгильдяи об этом не забыли. Из нас троих некое понятие о дисциплине имелось лишь у меня. Зато все награды и призовые кубки – у парней... Хотя Алекс и говорил каждый раз, что его победа принадлежит нам обоим. Но я никогда в это не верила.

Так что вся эта шумиха вокруг фьордов и хёгтов прошла мимо моего сознания, зацепив лишь краешком. В конце концов, фьорды

далеко, а реальная жизнь – вот она. И жить надо ею, а не глупыми сплетнями и невероятными газетными заголовками.

Да и вообще... Скоро ведь соревнования!

Вспомнив о них, я чуть не взвыла. Сейчас Алекс и Джет должны отрабатывать свою технику, а я – находиться рядом, а не бежать по серому бетонному коридору, который ведет меня... А кстати? Куда он ведет?

Коридор закончился еще одной дверью. И здесь на меня надели наручники! Я в панике уставилась на мигающий индикатор. Говорят, если отдалиться от сопровождающего законника, то лезвия браслетов выдвигаются и...

– Послушайте, я не понимаю, куда вы...

– Я не уполномочен с вами общаться, госпожа Коллинз. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Вам все объяснят.

– Что объяснят? Кто?

Законник молча открыл дверь на улицу. И меня втолкнули в стальную коробку, перевозящую преступников.

Ехали мы недолго. Я снова выбралась на улицу и, моргая, увидела высокое здание без каких-либо вывесок или табличек.

Куда меня привезли?

– Что происходит? Зачем мы здесь?

– Следуйте за мной.

Ладно.

Я повыше задрала подбородок. Ну не казнят же меня за этот фантом, в самом-то деле! Я полноправная гражданка Конфедерации, у нас есть законы! Все будет хорошо! Да, я слышала что-то о запрете на подобные действия, на изображения драконов и все такое... Но раздери меня демоны! Это всего лишь шалость! Я никому не причинила вреда. Видимо, мне выпишут штраф. Возможно, даже с занесением в рекомендательный лист. Сообщат родителям и в университет. Первые наверняка лишат нас с Алексом карманных денег, а вторые – повесят мою фотографию на доску позора.

Я приуныла. Висеть на позорном столбе даже в виде собственного портрета совсем не хотелось. И не видать мне теперь нового артфона, вот точно не видать! После такой выходки родители отберут и старый!

И зачем только я послушала Алекса?

Вслед за сопровождающим я вошла в просторный кабинет. В кресле сидел мужчина в серой форме, напротив – еще один, в плаще с капюшоном. Но я не успела удивиться его одеянию.

Серый окинул меня внимательным взглядом и кивнул. И тут же мне в плечо впиалась игла.

– Что... – сказала я и на этом отключилась.

Глава 2

...Белый потолок и белые стены... Какой-то мигающий прибор. Больница? Но зачем я здесь? Я ведь совершенно здорова!

– Что делать с девушкой, когда мы пересечем Туман? – спросил кто-то позади меня.

Но ответа я не услышала.

И снова темнота.

А потом...

Я очнулась – пробудилась. Во рту так пересохло, что язык стал казаться куском грубого дерева! Кажется, он даже поцарапал мне десна!

– Пить... – прохрипела я, моргая и пытаюсь сфокусировать взгляд. В зоне видимости возник мужчина. Полноватые щеки, темные волосы. Глаза скрываются за синими стеклами очков. На нем коричневые штаны и плотная рубашка. Сверху – какой-то жуткий старомодный плащ. И шарф грубой вязки на шее.

Мужчина открыл бутылку с водой и поднес к моим губам. Со стоном наслаждения я сделала глоток. А потом жадно прикончила всю бутылку! Мужчина рядом хмыкнул.

– Где мы? Что... что случилось? – просипела я, возвращая себе способность думать. – Куда мы летим? О Единый! Мы что же, в самом деле летим?

Я поморгала, оглядываясь. Да какого демона? Что происходит? Где я?

Очевидно, что в самолете. Вот только не в привычном, пассажирском. Железное нутро нашего транспорта было слишком... суровым. Здесь стояли какие-то ящики, что-то мигало и пикало. Здесь не было нормальных мягких сидений, а над головами висели... парашюты?

Да какого демона?

Я набрала в рот побольше воздуха. Сама не знаю, что собиралась сделать. Возможно, заорать?

– Не советую, – абсолютно спокойно произнес мужчина в очках. – Кричать совершенно бессмысленно. Бежать тебе тоже некуда. Мы

находимся на высоте десять тысяч метров.

– Не помню, чтобы переходила с вами на ты! – огрызнулась я, но орать передумала. Даже мой все еще затуманенный разум осознал слова незнакомца и признал их справедливость.

Мужчина усмехнулся. Но как-то криво. Словно улыбка давалась ему с трудом.

Странно. Все это просто невероятно странно! Может, я сплю? Брежу?

Увы, нет.

– Объясните, что происходит! Где мы?

– Да, пожалуй, самое время. – Незнакомец посмотрел на часы. – Скоро приземление, госпожа Линдбург.

Линдбург?

Единый, ну конечно! Меня приняли за кого-то другого! Сейчас все разрешится, и меня вернут домой!

– Вы ошиблись! —я не смогла сдержаться и перешла на крик. – Это какая-то ужасная ошибка! Меня зовут Мира! Миранда Коллинз! Я никакая не госпожа Линдбург! Вы слышите? Это все...

– Успокойся, – окатил ледяной водой голос незнакомца.

Он снял очки, и я увидела его глаза. Жесткие как гранит. Мертвецки спокойные. Удивительно не сочетающиеся с полноватыми щеками и маленькими усиками над губой. Рядом с такими глазами просто не может быть таких щек и усиков. Это противоречит законам мироздания.

И глядя в эту гранитную тьму, я почему-то поняла, что нет никакой ошибки. И что незнакомец с не принадлежащим ему лицом совершенно точно знает, кто я. Возможно, он знает обо мне даже больше, чем я сама.

– Ты – Хельга Линдбург, – с нажимом произнес страшный незнакомец. – А я твой муж Бран. Мы направляемся к твоему брату Андерсу. По которому ты очень соскучилась, моя дорогая жена.

Я моргнула, ничего не понимая. Хельга? Муж? Брат Андерс?

Единый, я точно сейчас заору. Это совершенно бесполезно и непродуктивно, но очень хочется. Заорать так, чтобы этот странный человек оглох и оставил меня в покое!

Но я не заорала. Кажется, я даже дышать стала тише.

Мужчина склонился ниже к моему уху.

– А вот Миру Коллинз временно забудь. Потому как Мира Коллинз совершила преступление и была осуждена на год заключения.

– Что? – изумилась я. – За невинную шалость?

– За нарушение закона Конфедерации. Была осуждена, но вместо заключения предпочла другой вид наказания. Изобразишь Хельгу Линдбург, выполнишь, что я скажу, и будешь свободна.

– Но кто вы?

– Говори мне «ты», дорогая супруга. Не переживай, можно сказать, что я представитель власти. Ты ведь помнишь учреждение, куда тебя привезли? Помнишь? Все твои действия на благо Конфедерации. И помочь мне – это твой долг перед своей страной.

Я нахмурилась. Снова захотелось пить, высохший язык все еще царапал рот. Но снова просить воду я не стала.

О чем говорит этот человек?

Последнее, что я помню – это строгий кабинет и военного в кресле. Хотя нет, там был кто-то еще – в плаще и капюшоне.

Дальше память забуксовала и отказалась выдавать что-нибудь дельное. Ничего не помню!

– Хотите сказать, что я согласилась помочь вам?

– Конечно, – тронула губы мужчины кривая неестественная ухмылка.

И снова меня передернуло от несоответствия этих губ и этих глаз.

– Ведь помимо тебя осужден и твой брат. И его друг – Джет Варниш. Им тоже грозит по два года заключения. Это конец их спортивной карьеры, ты ведь понимаешь. Но своей готовностью сотрудничать с властью ты, Хельга, обеспечишь парням свободу. Спасешь их и себя. В конце концов, это и правда была лишь глупая шутка. Зачем же ломать вам всем жизнь из-за глупости? Ведь так?

Я растерянно молчала. В голове все еще шумело, мысли текли вяло. Происходящее мне по-прежнему не нравилось, как и этот человек. Единый, и зачем я согласилась запустить того фантома! Вот зачем?

– Так? – с нажимом повторил мужчина.

– Так, мой дорогой супруг Бран, – с трудом выдавила я.

– Умница. – Он криво улыбнулся. – Я знал, что мы поладим. Ссориться ни к чему, поверь мне.

Да уж, ссориться в железной коробке, несущейся под облаками, действительно глупо.

– И что же я должна сделать? – спросила я и осторожно потрогала гудящую голову. Казалось, в ней поселился рой озлобленных шершней, пытающийся выбраться на волю.

– Всего лишь улыбаться и отзываться на имя Хельга. Еще можешь упоминать своего брата, по которому очень скучаешь. Не слишком сложно, правда?

– И все? – нахмурилась я. Даже мой затуманенный разум чувствовал какой-то подвох.

– И все.

– Что ж... звучит несложно. Но я могу прежде связаться со своим братом Алексом? Позвонить ему? Он знает, где я? А мои родители? Им уже сообщили?

– Как много вопросов... Не переживай. Твоя семья получит объяснения, которые всех успокоят. И нет, ты не можешь позвонить. Здесь телефон не работает.

– Послушайте, это все какое-то недоразумение. – Я беспомощно оглянулась, словно надеясь увидеть Алекса и Джета, которые выскочат вон из того железного ящика с воплем: сюрприз! – Это все как-то ненормально! Должны ведь быть бумаги, есть законы... предписания там, суды... Разные! Я свободный человек! У меня есть права! Есть семья! Родители и брат! И я не сделала ничего плохого! Я всего лишь...

– Оказалась не в том месте и в не то время. Чаще всего с этого все и начинается, – мягко произнес незнакомец.

На миг мне даже почудилось в его словах сочувствие. Но заглянув в гранитные глаза, я снова увидела лишь битое стекло и камень.

Я обвела взглядом железное нутро маленького самолета. Мысли с трудом ворочались в голове, и ощущала я себя совершенно разбитой. Что мне вкололи? Сколько прошло времени?

Что, демоны всех подери, мне теперь делать?

Словно подслушав мои мысли, псевдо-Бран посоветовал:

– Сядь поудобнее, Хельга. Самолет идет на посадку.

Я хотела огрызнуться, но тут железную птицу ощутимо тряхнуло, и в моем горле образовался тугий колющий ком. Проклятье! Я ведь всегда боялась летать! Ненавижу это дело! В воздухе я ощущаю себя

совершенно беспомощной, слабой и больной. А я терпеть не могу все эти чувства.

Как назло, самолет затрясся так, словно собирался развалиться. Незнакомец снова надел свои очки и невозмутимо уставился в противоположную стену, предоставив мне самостоятельно сражаться со своим ужасом и усиливающейся тошнотой.

– Тоже мне, любящий муж называется, – пробормотала я себе под нос. Самолет трясло и корёжило, уши заложило. Я держалась как могла и сама себе уже напоминала несчастную псину с высунутым языком. Тут уже не до гордости, выжить бы! Так что когда шасси коснулись твердой земли, я не сумела удержать протяжный вздох облегчения.

Мой фальшивый муж отстегнул ремни – свои и мои, и указал на трап.

– Что ж, мы на месте. Выходим.

На месте? Ужас перед полетом на время выбил из моей головы самый главный вопрос.

– А на месте – это где?

Хотя какая разница, главное, что мы наконец-то на земле!

Псевдомуж, не отвечая, пошел к выходу. Я на трясущихся ногах поползла следом. Яркий свет после полумрака самолета заставил зажмуриться и отчаянно заморгать. А потом я открыла глаза и увидела... увидела... Кажется, я только что решила, что хуже быть не может?

– Ну нет, – прошептала я, мотая головой и пятясь обратно в темное и уже почти родное нутро самолета. Подумаешь – десять тысяч над землей! Да ерунда! – Нет-нет. На это я не подписывалась! Да вы шутите? Да ни за что!

За короткой полосой бетона темнел лес. Здесь не было ни домов, ни людей. Только лес и узкая полоса, на которую сел самолет.

А впереди поднималось белесое, непроницаемое и опасное марево, знакомое каждому жителю Конфедерации.

Туман.

Я плохо помню, как мы входили. Видимо, я все еще не оправилась от лекарств, которыми меня пичкали по дороге к фьордам. В голове шумело и перед глазами все плыло. Тело казалось ватным и каким-то

чужим. Незнакомец с гранитными глазами поддерживал меня за локоть, но вряд ли это был жест заботы! Скорее, он опасался, что я в последний момент все-таки дам деру! Хотя куда мне бежать? Меня едва ноги держали, а самолет и вовсе... улетел! Пока я таращилась на Туман, трап подняли и железную дверь захлопнули. Нас просто высадили и улетели, оставив перед самым жутким местом на земле!

Пока я осмысливала этот факт, псевдомуж тащил меня к Туману. Я шла с трудом, и если бы не держащие меня руки, то наверняка упала бы.

Некоторое время ничего не происходило. Впереди возвышалось марево, позади тихо шелестел лес. А потом... Потом марево заволновалось и соткалось в фигуру – к нам навстречу неторопливо шел дикарь. Открыв рот, я уставилась на жителя фьордов. Высокий темноглазый мужчина. Ильх – так они говорят о себе. Когда началась программа переселения, фотографии ильхов были повсюду. Но я тогда уже увлеклась Джетом, так что лишь посмеивалась над восторженными воплями своих приятельниц. Фьорды манили своими тайнами, но я никогда всерьез не думала о переселении. Ведь все знают, что это навсегда. Попасть на фьорды можно лишь пожизненно, возврата не будет.

Эта мысль заставила меня побледнеть. Как, интересно, псевдо-Бран собирается возвращаться в Конфедерацию? Он сказал, что надо притвориться Хельгой лишь на время, но как мы вернемся?

Додумать мне не дали. «Муж» обнял меня за плечи и повернулся в сторону варвара.

Тот пришел один. Широкий в плечах, мощный. На ильхе были плотные полотняные штаны, сверху темная туника с красным узором у горла. На ногах – башмаки, привязанные к голеним кожаными лентами. И на плечах – шкура. Огромная такая. На шее варвара матово поблескивал черный обод. Что это? Зачем? Странное украшение... Да и сам он странный, непривычный! Другой.

Ильх остановился в паре шагов и окинул нас острым взглядом.

И только тут я сообразила обратить внимание на свой внешний вид. Скосила глаза, рассматривая, и едва сдержала очередной возмущенный вопль. Да какого демона?

Оказывается, на мне было платье – зеленое и длинное, почти до земли, а под ним еще одно – тонкое и льняное. Да как в таком наряде

вообще можно ходить? Он же в ногах путается! Сверху накинута какая-то несуразная безрукавка из вязаной пряжи и кусочков меха. На талии – широкий кожаный пояс. Белье... я прислушалась к ощущениям. Кажется, белье по-прежнему на месте и даже мое собственное. Ноги под платьями голые, только на стопах – высокие серые носки. И грубые башмаки. Совершенно дезориентированная, я задрала подол, осматривая это чудо обувной промышленности. Или они сделаны вручную? Похоже на то.

Жуть жуткая, а не наряд!

Где мои стильные джинсы и модные кроссовки с неоновой полосой? Где легкая курточка из нового умного волокна?

Вот же попала!

И кто, интересно, меня переодевал?

Меня – спящую, ничего не чувствующую!

Я потеряла лицо и чуть не зашипела. Сережки-пирсинг, украшающие нос и бровь, тоже исчезли. Как и яркая синяя челка. Оттянув пряди, я убедилась, что волосы теперь однородного цвета, моего родного, темного. Кто-то заплел их в аккуратные косы и перевязал веревочками. Гадость!

Злость взметнулась внутри, обжигая. Да как они посмели?! Я гражданка Конфедерации! У меня есть права! Я буду жаловаться!

Затравленно оглянулась. Позади монолитной стеной высился лес. Впереди – Туман. Между лесом и маревом только трое. Я и двое мужчин.

Права? Да плюнули на мои права и растерли... И здесь, возле полосы Тумана, нет никого, кто стал бы эти мои права защищать. И что мне делать? Повернуться и броситься к деревьям? А дальше что? Куда?

Думай, Мира, думай!

Скрипнув зубами, я заставила себя успокоиться.

Происходящее по-прежнему казалось мне каким-то нереальным. Словно и правда глупый розыгрыш. Может, Алекс постарался, и все это – его рук дело?

Я посмотрела на молчащего варвара. Ну уж нет! На такое даже Алекс не способен.

Перед глазами снова поплыло, мысли спутались.

– Хельга и Бран, я вас ждал. Я – Трув из Нероальдафе, меня послал Сверр-хёгг, – нарушил молчание варвар. – Я проведу через Туман.

– Благодарим тебя, Трув из Нероальдафе, – склонил голову псевдо-Бран.

Варвар глянул на меня и вдруг нахмурился.

– Твоя венлирия ведет себя странно, Бран. Что с ней? – Его рука скользнула вбок, и я рассмотрела там рукоять.

Да у него же там меч! Самый настоящий! А я думала, все это вранье... Про то, что варвары ходят с мечами и секирами...

– Полет был долгим и непростым. А моя жена тяжело переносит самолеты, – дружелюбно ответил мой спутник. Его голос странно отозвался внутри, проникая сквозь мое затуманенное сознание.

– Тут я ее понимаю. Летать в мертвой железной птице – что может быть ужаснее? Кто бы сказал – не поверил, – проворчал варвар с непонятной злостью. И неожиданно шагнул ко мне ближе, склонился, всматриваясь в лицо. – Ты здорова, дева? Ты бледна и от тебя пахнет страхом. Твой муж спокоен и тверд, а ты дрожишь, как сухой лист в ненастье. Что так испугало тебя?

– Я...

Варвар смотрел внимательно. Он был уже далеко не молод, резкие борозды морщин исчертили бронзовое лицо, а в черных волосах, заплетённых в косы, блестела седина. Но даже в таком возрасте ильх оставался удивительно привлекательным. Признаться, у меня даже дух захватило, когда я увидела его вблизи. От дикаря веяло мощью. Первозданной, необузданной силой. Но почему-то казалось, что эта сила не навредит мне. И я вдруг ощутила желание все ему рассказать. Довериться. Попросить помощи...

И тут же чуть не рассмеялась своим глупым мыслям. Кому я собралась изливать душу? Варвару из-за Тумана? Нет, мне точно дали что-то запрещенное. Вот и лезут в голову разные глупости.

– Моя жена, или, по-вашему, венлирия, беспокоится об оставленных друзьях, – негромко произнес псевдомуж. Его рука снова легла мне на плечи, поглаживая. – Об Алексе и Джете. Нам пришлось попрощаться, и Хельга переживает, все ли с ними в порядке. Они склоны ко всяким безрассудствам, вот Хельга и волнуется. Не так ли, дорогая?

Его рука расслабленно лежала на моем плече. Я покосилась на мерзавца. Намек был более чем понятным.

Оглянулась на пустую бетонную полосу позади. На лес за ней. И совершенно четко поняла, что у меня нет выбора. Только сделать то, что хочет от меня негодяй с гранитом в глазах.

– Так, – пробормотала я, пытаюсь улыбнуться. – Простите меня. Я неважно себя чувствую, полет и правда оказался тяжелым. И все это... Слишком неожиданно. Но мне не терпится увидеть брата. Думаю, рядом с Андерсом все мои тревоги исчезнут.

Варвар не двигался, внимательно всматриваясь в мое лицо. Его рука по-прежнему лежала на рукояти устрашающего меча. Что будет, если он не поверит? Поможет мне? Да уж конечно! Скорее покрошит на фарш и меня, и псевдо-Брана!

Я не увидела, скорее почувствовала, как напрягся мой «муж», и снова улыбнулась ильху. Что он там говорил про железных птиц?

– Полет в самолете – ужасное испытание. Я думала, что не переживу его.

Варвар еще мгновение смотрел мне в лицо, но я улыбалась и пыталась не дрожать, так что ильх расслабился и кивнул.

– Что ж... Фьорды излечат твою тоску, дева. Радуйся, скоро ты увидишь лучшее место на земле. Ты увидишь Нероальдафе.

И развернувшись, он шагнул в Туман. Псевдо-Бран схватил меня за руку и потащил следом.

Проход сквозь липкое марево длился несколько часов. Или дней? Я полностью потеряла ориентиры и уже не понимала, сколько времени мы бредем в этом мареве. Один раз «муж» отпустил мою руку, и я сама вцепилась в его ладонь, испугавшись Тумана. Я слышала множество баек про эту неизведанную субстанцию. Его природу так и не смогли определить, ученые до сих пор спорят, чем именно является Туман. Кто-то уверяет, что это лишь природное явление, кто-то верит в его мистическую силу. Жители Конфедерации точно знают лишь одно – входить в Туман нельзя.

Сейчас я могла сказать, что реальность оказалась страшнее любых предположений. Марево вокруг меня было живым. Оно дышало и двигалось, заглядывало в лицо, манило в бездну. Поглощало все звуки и наполняло иными. Я слышала потусторонний смех, уханье совы,

чавканье болота. Звуки были так близко, что я опустила взгляд, ожидая увидеть топь. Но мы шли по твердой земле. В другой раз я явственно ощутила прикосновение, дернулась в сторону, завертела головой. Но рядом никого не было, лишь белесая дымка. Туман играл с нами, показывая то, чего нет. Сводил с ума.

Варвар вел нас одному ему известной тропой. Порой марево становилось настолько густым, что я не видела даже своих ног. Я теряла ощущения собственного тела. Несколько раз мы останавливались, чтобы передохнуть, садились на землю, пили воду. И снова шли. Это длилось бесконечно. Я выбилась из сил и уже не верила, что когда-нибудь снова увижу небо. А потом вдруг все закончилось. Просто еще один шаг. И... марево расступилось. Плотная серая пелена осталась за спиной – высоченной и непроходимой стеной. А впереди...

Впереди зеленел фьорд. После долгого перехода ноги меня не держали, так что я опустилась прямо на мох и смотрела, смотрела, смотрела! Я никогда не видела ничего подобного. «Ты совершенно не романтичная особа, Мира», – говорил мне брат, и я кивала. Мне не досталось умения восторженно вздыхать над цветочками или непонятной мазней на картинах. Я ничего не понимала в искусстве, а глупой и бесполезной романтике предпочитала практичность. И было совершенно непонятно, почему от вида этого пейзажа комок подкатил к горлу и защипало в глазах. Изрезанный ломаной линией фьорд врезался в скалы. Он был наполнен серо-голубой водой, блестящей на закатном солнце. Закат? О Единый. Мы шли целый день. А может, не один? Кто знает этот Туман...

По обеим сторонам от меня высились горы, густо покрытые мхом и дикими травами. Воздух упоительно пах чем-то острым и соленым, хвойным и вкусным. Может, так пахнет северное море? Или это аромат исполинских сосен и кедров, ползущих по скалам и растопыривающих на камнях длинные бугристые корни?

– Это... это... – выдохнула я, не в силах найти слов. – Невероятно...

– Хёггар уже ждет, и скоро стемнеет, – поторопил варвар. – Так что не мешкайте.

– А вы? То есть... ты? – Я уже поняла, что на фьордах не принято выкать.

Ильх улыбнулся и почему-то посмотрел вверх, на зажигающиеся звезды.

– А я не жалую хёгткар. Как и все потомки Лагерхёгга. Не бойся, дева, ладья крепкая, через несколько дней будете в Нероальдафе. Я вывел вас в стороне от основной тропы сквозь Туман, Сверр-хёгг так велел. Сказал – дело тайное, Трув, лишние глаза нам не нужны.

– Сверр-хёгг невероятно мудр, – кивнул мой «муж». – Значит, этот хёгткар потащит хёгг?

– И без него доберетесь, – хмыкнул ильх. – Хорошая ладья, я же сказал. Нероальдафе недалеко, пара дней – и вы на месте.

Я переводила взгляд с одного мужчины на другого, совершенно не понимая, о чем речь.

– Солнце садится, поторопитесь. На этом спуске да во тьме можно и голову расшибить, – снисходительно усмехнулся варвар, и мой «муж» двинулся к обрыву.

Я тоже подошла и охнула. Спуск к воде оказался крутым. И никаких ступеней здесь, разумеется, не было! Да что ступеней, даже тропы!

– Да не дрожи, дева! – видя мою растерянность, ободрил ильх. – Скала только с виду страшная, а на деле ласковая! Ты не мельтеши и под ноги смотри. Видишь корни? Хватайся, если покатишься.

– Хвататься за корни, угу. Ничего сложного. – Я ошалело глянула вниз. На воде, невообразимо далеко, покачивался на волнах удивительный корабль. На его высоко задранном деревянном носу скалилось какое-то чудовище, темные паруса опускались крыльями. Фигуры ильхов на борту казались со скалы совсем крошечными.

Ярко-рыжее солнце на краю фьорда вдруг ухнуло в воду и ушло сразу наполовину, расплескав багряные и золотые брызги. Фьорд вспыхнул, словно объятый нестерпимым пламенем, и тут же погас, разливая по округе темную синеву. И это было так невыносимо прекрасно, что я застыла, не в силах отвести взгляд.

– Давай, давай, двигайся. Наглядишься еще, Ельга, – добродушно проворчал ильх, исковеркав чужое имя. – Ночь уже рядом стоит.

Я обернулась на него, на миг испытал сожаление, что ильх с нами дальше не пойдет. Почему-то рядом с варваром мне было почти спокойно... Но он снова кивнул на обрыв, поторапливая, и я начала спуск. Осторожно, молясь, чтобы нога не соскользнула на влажном

мху, и я не полетела носом вперед до самого корабля. «Муж» молча двигался следом. Я окинула быстрым взглядом его фигуру, скрытую широким плащом. Тела не видно, но движения выдают истину. И говорят о том, что этот мужчина отлично подготовлен. Его мышцы хорошо тренированы, а чувству равновесия позавидую даже я.

Мой брат Алекс часто повторял, что из меня получился бы отличный тренер. И все благодаря умению с первого взгляда определять потенциал и возможности спортсмена.

Мужчина, скрывающийся под именем Брана Линдбурга, был одним из лучших. Он не испытывал от тяжелого спуска ни малейшего неудобства. Его дыхание ни разу не сбилось, а ноги безошибочно находили опору. Так делают опытные скалолазы.

Значит, я была права, понимая, что не смогу от него убежать перед Туманом. Догнал бы... Влегкую!

Заметив мое внимание, «муж» коротко хмыкнул. Так что я сочла за лучшее отвернуться и сосредоточиться на том, чтобы не свернуть себе на этой скале шею.

Глава 3

К счастью, несмотря на усталость, марево в голове и мои дрожащие ноги, до воды я добралась без приключений.

Вот только никакой полосы берега здесь не было. Скала просто ныряла в воду. Мы застыли на тесном выступе-карнизе, в который плескала вода. Фальшивый муж натянул повыше вязаный шарф, спрятав лицо почти наполовину. Я поежилась. Здесь, за Туманом, оказалось холоднее, чем в столице. Ветер, гуляющий вдоль фьорда, огладил щеки студёным воздухом. А ведь уже лето! Дома я успела покрасоваться в лёгких платьях, а здесь прохладно даже в шерстяном одеянии.

На миг сердце сдавило страхом. Дом... когда я его снова увижу?

Но я лишь мотнула головой и сжала зубы, запрещая себе унывать. Все будет хорошо, надо верить в лучшее. Да меня вообще можно назвать счастливицей, кому еще довелось увидеть таинственный мир за Туманом? Да я даже с ильхом разговаривала, а сейчас еще и на местной ладье прокачусь! Алекс и Джет сойдут с ума от зависти, когда я обо всем этом расскажу! Конечно, с меня возьмут какую-нибудь подписку о неразглашении, но я ведь лишь своим, по секрету? Своим-то можно!

Глянула вверх, туда, где остался Трув. Но черноволосого великана уже не увидела. Интересно, как он будет отсюда выбираться? Здесь ведь лишь вода да Туман позади...

Вода плеснула в наш уступ, окатила подол моего платья. И рядом вдруг бесшумно скользнула узкая лодочка с высоким, будто завитым в крендель носом. Двое ильхов изнутри лодки протянули узкую доску, уложили ее на камень. Я с сомнением оглядела этот неустойчивый, пошатывающийся переход. Пройти по этой доске? Серьезно?

– Поторопитесь, чужаки, – басовито окликнул один из прибывших. И почему-то с беспокойством глянул на воду – темную, непрозрачную.

Псевдо-Бран пробормотал что-то в свой шарф, закрывающий лицо, и первым прошел по доске в лодку. Ильхи глянули на него неодобрительно.

– Дева, теперь ты. Ну же, скорее! Да не мешкай, ну!

Я встала на доску. Ветер, словно только и ждал этого момента, налетел, играя, подхватил тяжелый подол и задрал его, оголил мои колени и бедра, завертел ткань вокруг тела. Доска качнулась из стороны в сторону. И внизу, в темной воде, что-то двинулось. Я застыла на доске – между скалой и лодкой. Взгляд прилип к мелко плещущейся волне, пытаюсь проникнуть под нее. Насколько здесь глубоко?

Очень. Ответ подсказали чутье и опыт. Подо мной была бесконечная толща воды. Целая бездна воды! И из этой бездны на меня кто-то смотрел. Внимательно, безотрывно.

Я дрогнула, едва не свалившись с шаткой переправы. Что за чушь лезет в голову, что за мысли? Возьми себя в руки, Мира! Да кто может смотреть из-под воды? Пучеглазые рыбы? Вот же нелепость!

– Не стой столбом, глупая дева! Живо лезь в лодку! – нервно, но почему-то едва слышно прикрикнул на меня ильх.

Ветер вдруг стих, спрятался за камнями. Влажный подол тяжело хлестнул меня по голым ногам. И я отмерла, двумя шагами преодолела доску, юркнула за узкие борта лодки и съежилась.

И что это на меня нашло? Что вообще со мной было? Или все дело в воде?

Ильхи между тем налегли на весла, и легкая лодочка резво понеслась по волне к хёггкару. Не выдержав, я притиснулась к бортику и снова посмотрела на темную воду. Тянуло прикоснуться. Опустить пальцы, тем более что лодка осела глубоко и вода плескала совсем близко, почти у лица. Казалось, еще чуть – и перельется через край. Я даже протянула руку, но один из ильхов вдруг накинул на меня толстую медвежью шкуру, закрыл целиком, с головой.

– Тихо сиди, дева! – яростно прошипел он.

Его голос сквозь толщу меха казался глухим и испуганным. Я попыталась освободиться, но меня лишь прижали к углу. И кажется, накинули сверху еще что-то!

– Не высовывайся, кому сказано!

Да что здесь вообще происходит?!

От меха так резко и остро несло звериным духом, что я едва не задохнулась. Но сопротивляться сил не было, усталость взяла свое, и я застыла в углу.

К счастью, до хёггкара добрались быстро, и задохнуться я не успела. Зато успела целиком проняться медвежьим – или кому там принадлежала жуткая шкура – духом. Страшенное зеленое платье, в которое меня облачили, радостно впитало мускусный запах, и я едва не застонала, ощутив этот непередаваемый «аромат». Варварство, ну какое же варварство! Стиснув зубы, я в очередной раз заставила себя успокоиться. Терпи, Мира. Ничего, все это ненадолго. Вот вернусь домой, вот расскажу все брату и Джету!

На борт хёггкара пришлось лезть по жёсткой веревочной лестнице, но я преодолела подъем, не оборачиваясь. Бран легко прыгнул на борт и тут же куда-то ушел, искоса глянув в мою сторону. А я осталась – озираясь по сторонам.

И что теперь делать?

Корабль-хёггкар сразу отошел от скал, и почти одновременно с этим солнце окончательно растаяло в море. Вода под палубой стала совершенно черной, словно мы плыли по густому дегтю. Ильхи бросились ставить паруса и натягивать какие-то канаты, так что я просто отошла подальше от бортов. На палубе тускло тлела лампа, но кажется, варварам столь скудного освещения вполне хватало.

Я же беспрестанно моргала, пытаюсь рассмотреть во мраке больше. Единый, неужели я и правда на фьордах? За Туманом? Невероятно... Но почему-то понимание этого уже не вызывало особых эмоций, видать, устала я удивляться. А вернее – просто устала. В животе заурчало, и я ощутила, сколь сильно проголодалась. Когда я ела последний раз? Утром, перед тем как отправиться в центр города, чтобы запустить в небо огненного фантома. Но когда было то утро? Вчера или много дней назад?

Увы, ответа я не знала. Как и не знала, все ли в порядке с Алексом и Джетом. Псевдо-Бран вполне мог меня обмануть.

Я снова потеряла сухие глаза и решительно сжала кулаки. Буду верить в лучшее. Я сделаю то, что от меня хотят, и вернусь домой. Так и будет! Понятно, что это какая-то секретная операция Конфедерации. Зачем-то им понадобилось проникнуть на фьорды. Зачем? Я помотала головой. Да какая мне разница. Меня совершенно не волнует политика, и я не хочу знать подробности. В моей жизни нет места всем этим интригам. Я просто хочу вернуться домой. Может, я даже стану

гордиться тем, что помогла своей стране? Может, мне и вовсе вручат награду. Надо просто потерпеть.

А пока... пока неплохо бы найти хоть что-то съедобное.

Словно в ответ на мои мысли, с одной стороны подошел ильх, а с другой – мой проклятый муж. В полумраке верхняя часть его лица выглядела неприятно опухшей, словно он хорошенько приложился о скалы, нижнюю по-прежнему скрывал грубый шарф. Бран ежился и сутулился, словно мерз на ветру, отчего ильхи поглядывали на чужака с толикой презрения. Сами варвары были одеты легко, многие даже без обуви. Видимо, их босые ноги и оголенные торсы не чувствовали зябкого ветра! У ильхов постарше я заметила бороды, заплетенные в косицы, так же они укладывали и длинные волосы. У молодых парней лица оказались гладковыбритыми, а волосы – короткими. Видать, не доросли еще эти ильхи до почетных бород. На нас – чужаков – варвары поглядывали с живым любопытством, но обходили стороной и вопросов не задавали. К счастью, потому что у меня не осталось сил на связное вранье. Все, что я сейчас могла – это тереть глаза да таращиться на прекрасно сложенные тела мореплавателей. Рельефными торсами меня не удивить, все же изрядная часть моей жизни проходила среди профессиональных спортсменов. Но варвары произвели впечатление даже на меня.

Вверху хлопнуло, затрепетало. Это раскрылся парус, и я увидела на темном полотне желтый рисунок – солнечный круг, а внутри извивающийся силуэт... Змей? Вот же странность! Но рассмотреть подробнее не успела, к нам приблизился пожилой ильх. Он был одет, как и большинство варваров на этом корабле, в штаны да безрукавку. Но еще на нем оказались сапоги и странный головной убор – часть рогатого звериного черепа, пришитая к кожаной шапке. На светлые косицы ильха спадали многочисленные веревки с вплетенными бусинами, косточками и чешуйками. Одна – узкая, жемчужно-перламутровая – покачивалась у самых губ капитана и ловила гладкими боками блики скудного света. Красивая вещица. Необычная.

На миг я задумалась, кому могла принадлежать такая чешуйка? Да она же размером с мою ладонь! Это что же за рыбина ее оставила?

Сам ильх был светловолосым и светлоглазым, как и все на этом корабле. И это тоже меня удивило. Может, они все здесь

родственники? Иначе чем объяснить такую одинаковую масть? Правда, черты лица не слишком-то похожи... Еще одна странность!

Ильх протянул мне пару шкур – еще более вонючих, чем та, что была в лодке. И поставил на доски небольшую корзину.

– Давненько на моем хёггкаре не было пригожих дев, – косясь на меня, хмыкнул он.

И вроде сказал добродушно, но вот радости в его словах не было, скорее досада. Может, на фьордах бытует гадкое предубеждение, мол, женщина на корабле – к беде? Вот же дикость. Но не объяснять же им про права женщин? У них тут, похоже, о правах вообще ничего не слышали.

Я недовольно насупилась, а ильх ткнул пальцем в сторону.

– Устроишься вон там, за бочками, дева. Мы везем в них просоленную сельдь, пахнет она, конечно, гадко... Но там тебе самое место, чужачка. Сиди тихо и не суйся к бортам.

– Почему? – не сдержалась я. Все ясно! Дева, да еще и чужачка – вон твое место, в самом вонючем углу!

Стало как-то по-детски обидно.

– Так вода потеплела, – сказал ильх, словно это что-то объясняло. Но так как я продолжала удивленно таращиться, пояснил: – Согрелись фьорды. Самое время для любви. Дети Ньордхёгга не любят эти воды, слишком близко Ёрмун. Это течение такое, злое течение. И сильное! Бьет о скалы и хёггкары, и хёггов. Попадешь в его белый плен – и все, молись Перворождённому. Живым уже не выберешься! Даже Ярла-Кровавое-Лезвие утащил Ёрмун, представляете? Хотя вот это, пожалуй, к лучшему... Ёрмун и во тьме видно – он словно разлитое молоко. Не дай Хеллехёгг угодить в поток, утянет под скалы, разобьет – и костей не останется. Множество хёггкаров сгинули навечно из-за Белого Ёрмуна. Говорят, все дело в Саленгварде, течение рождается в его недрах, потому и губит каждого... Мёртвое оно. Злое. Но уже к завтрашнему полудню мы обогнем вон ту гору и двинемся к Нероальдафе. А там вода уже чистая, а подводных хёггов – как карасей! Так что держись подальше от бортов, дева! И шкурой накройся. Завтра, может, и вовсе спущу тебя под доски да обложу тухлятинкой, так-то оно надёжнее будет!

– А? – Это было все, что я смогла произнести. Вот удивительное дело! Вроде слова ильха я понимаю, но вот смысл того, о чем он

говорит – ни капельки. При чем тут теплые воды, мертвое течение и караси? И как это все связано с тем, что я должна прикинуться вонючей селедкой? И зачем, забери всех демоны, вдобавок обкладывать меня чем-то тухлым?

Я не желаю!

– Значит, Саленгвард рядом? – подался к ильху мой «муж».

– Примерно в сотне хвостов, – снова непонятно изъяснился ильх. – Не бойся, чужак, мы его обойдем, главное, не попасть в Ёрмун. А к утру будем во-о-он за той горой. За перевалом и Хребтом лежит непроходимый Бурый Лес и Гараскон, только нам не туда, нам-то в Нероальдафе! Ничего, чужак, моя ладья и не такое выдерживала! Вот как-то попали мы между двумя потомками Ньордхёгга, и как раз в начале лета! И здоровые оба, бешенные! Начали они мою ладью таранить – играть, значит! Кто перетянет, значит! Эх, я рассердился! Раз хёгг, так что же – позволено на дно тащить? Не бывать тому! Велел я достать бочки со смолой...

– Во сколько твоя ладья пройдет рядом с Саленгвардом? – невежливо оборвал капитана корабля Бран.

Ильх обиженно поджал губы, и мне неожиданно стало стыдно за чужую грубость. Глянула на «муженька» укоризненно, но он вообще не смотрел в мою сторону и укором не проникся.

– Саленгвард – это... это какое-то поселение? – улыбнулась я, пытаюсь смягчить неловкость и представляя, как живут варвары. Пока я видела лишь бесконечные горы и воду. Вероятно, у жителей фьордов есть что-то вроде деревенок. Я нарисовала в голове несколько домиков с соломенными крышами и пасущихся рядом коз. Интересно, на фьордах есть козы?

– Саленгвард – это позор для честных ильхов! – буркнул капитан хёггкара, непонятно чему разозлившись. – Все, некогда болтать с вами! Устройтесь там, а у меня и без того дел по горло!

И ушел, недовольно бурча что-то в светлую бороду.

– Спасибо за еду! – крикнула я ему в спину, но варвар не обернулся.

Решив вести себя послушно, я отошла за бочки и села на шкуру. Запах здесь и правда стоял мерзкий, и в другое время я даже не посмотрела бы в сторону еды, но усталость и голод на время изменили мои приоритеты. Морщась и стараясь не дышать носом, я заглянула в

корзину. Внутри оказалась черная, запачканная углями лепешка и куски засушенной вместе с чешуёй рыбы. В кожаном бурдюке – горячий хвойный чай.

Я поморщилась, рассматривая угощение. Выглядело оно довольно гадко. Но мне нужны силы, поэтому, старясь не вдыхать запах рыбы, я сунула кусочек в рот, быстро прожевала и запила настоем.

Зато мой «муж» на корзину даже не посмотрел, отошел в сторону.

– Эй, ты есть будешь? – подумав, я все-таки решила его окликнуть. – Лучше поторопись, а то не достанется.

Бран обернулся. Его лицо на миг попало в тонкий луч светильника. И я удивилась. Мне кажется, или пухлые щеки несколько... сдулись? А лоб, кажется, стал выше...

Но рассмотреть я не смогла, мужчина отступил в тень.

– Решила поделиться со мной? – со странной интонацией произнес «муж». – С чего бы это?

– Это просто правила хорошего тона, – буркнула я. – Мы ведь делаем одно дело, так? Можно сказать, мы напарники.

Бран не ответил. Видимо, он так не считал.

Ну и демоны с ним! Я положила в рот еще хлеба и рыбы, прожевала.

– Может, скажешь, как тебя зовут? – негромко произнесла я.

– Бран. И лучше ешь молча, дорогая жена.

– Рядом никого нет, нас никто не слышит, – повела я рукой.

– Ты ничего не знаешь о фьордах. И судишь обо всем со своей человеческой точки зрения. Большая ошибка, дорогая супруга.

– А с какой еще можно судить? – не поняла я.

От еды тело налилось тяжестью и стало ватным. Горячий напиток в бурдюке оказался сладким, медовым и немного хмельным. Напившись, я отодвинула корзину, разложила шкуры и устроилась в их коконе, уже почти привыкнув к острому запаху.

Невыносимо потянуло в сон и, не сдержавшись, я широко зевнула. Хотелось закрыть глаза и просто уснуть, но пока псевдо-Бран рядом, надо попытаться узнать еще хоть что-то полезное.

– Значит, ты о фьордах осведомлен? Может, посвятишь и любимую жену? Кто такие хёгги и почему их постоянно упоминают?

Но «муж» лишь качнул головой, оставаясь на своем месте. И даже сейчас я ощущала его собранность. Как... у спортсмена перед

соревнованиями. Да, я узнавала это напряжение в мышцах, этот контроль дыхания... Похоже, мой лжесупруг, в отличие от меня, совсем не устал. Может, так и будет стоять возле борта до самого утра?

– Что ты хочешь там увидеть? – не удержалась я.

Со всех сторон была лишь темная вода и такие же темные скалы. Да еще светлые точки звезд, рассыпанные по черному полотну, словно пшено – часто-часто и мелко-мелко. А рядом тонкий и голубой, почти прозрачный серп месяца. Новолуние. Новая жизнь. Надо же, какое совпадение...

А больше ничего и не видно, одна лишь темень.

Я снова зевнула. Хёггкар шел плавно, мягко укачивая. Воды были спокойными. Что там говорил варвар о загадочном Нероальдафе? Это лучшее место на земле... Ну надо же... Скоро я увижу это место. Сама себе не верю...

На другом конце корабля затренькала струна незнакомого инструмента, и басовитый, но приятный голос ильха затянул песню. Я прислушалась сквозь подступающую дрему, пытаюсь разобрать слова. Но они казались такими же непонятными и чуждыми, как сами варвары. Вроде все то же самое, а совсем иное.

Совсем-совсем иное...

... Черный зверь Лагерхёгг рожден был от железа и камня, в яйце золотом. Сила его велика и в скалах, и в небе, отзываются ему буря и грозное ненастье. Черный хёгг – властитель небес и гор, и зов его родит самых сильных воинов и выносливых дев.

Белый зверь Улехёгг родился от союза льда и сияния, в яйце алмазном. Глаза его видят сквозь толщу льда, отзываются ему хрусталь вершин, снега и ветра севера. От зова Улехёгга появляются люди, не боящиеся холода и плавающие стекло, что крепче алмаза...

Серый зверь Ньордхёгг вышел из пучины морской, и яйцо его там навеки осталось. Оттого водному хёггу легче жить в море. Хёгг этот вольный, и зов его слаб. Дети Ньордхёгга суше предпочитают свободные просторы водной глади...

Яйцо красного зверя Хеллехёгга треснуло в лаве и огне. Пробудился он злым и коварным, потому что жжет горящий уголь его шкуру от начала времен. И ярость этого зверя страшна так, что боятся ее люди от северного предела до южного острова. Ибо каждый ребенок

фьордов знает: проснется красный зверь, издаст рев, и придет смерть. Потому что отзывается на зов красного хёгга Огненный Горлохум...

Белые стены и белый потолок. И голос позади меня, но теперь я знаю, кому он принадлежит. Брану, моему лжемужу!

– Что делать с девушкой, когда мы пересечем Туман?

И другой голос – незнакомый, бесцветно-серый.

– Никаких свидетелей, Клейм.

Густое молчание, которое я ощущаю всей кожей.

– Приказ принят.

... Я открыла глаза и жадно втянула сырой соленый воздух. Странная песня ильхов закончилась. Узкий серп месяца лишь немного отполз в сторону, значит, спала я совсем недолго. Но этого хватило, чтобы... чтобы вспомнить!

Я застыла в коконе из звериных шкур, боясь пошевелиться. Видимо, после того как мне сделали укол снотворного, я на краткий миг все же очнулась и слышала слова незнакомцев. Их было двое. Один из них – это военный в серой форме, которого я видела в кабинете. А второй... второй сейчас где-то рядом. Второй – это человек в плаще и капюшоне. Тот, кого называли Клейм. Тот, кто выдает себя за Брана Линдбурга.

И тот, кто вовсе не собирается возвращать меня домой. Он собирается... собирается...

О Единый! Он собирается убить меня!

Паника накрыла штормовой волной, лишая мыслей, силы и голоса. Разум бился в клетке страха, пытаюсь найти выход. Проклятие! Что мне делать? Что же мне теперь делать? Я на корабле, на фьордах, среди незнакомцев! Я совершенно одна! И рядом со мной – убийца.

Зачем мы пересекли Туман? Что происходит? Что здесь надо этому псевдо-Брану?

И что теперь делать мне?

Вот же влипла!

Я резко открыла глаза и совсем близко увидела незнакомое лицо, которое больше не закрывал шарф. И знакомые глаза! Щеки Брана сдулись, усы исчезли. Лоб стал выше, а подбородок приобрел суровые твердые очертания. У нового Брана были тонкие, но четко очерченные губы, неровный от перелома нос и шрам-рубец на шее, превращенный

в черную татуировку. Да, вот это новое лицо подходило гранитным глазам. Оно было создано для таких глаз. Было таким же острым и твердым. Таким же безжалостным.

Клейм... Кто-то говорил мне, что на языке финансистов этим словом обозначают требование о возмещении убытков. Устранение ошибки. Иск.

Поэтому так называют человека с холодными глазами? Потому что он устраняет чужие ошибки? Или его имя произошло от слова клеймо?

Бывший Бран смотрел прямо на меня и не двигался. Даже не моргал.

– Это была модификация, да? – прошептала я, осторожно отодвигаясь в сторону. Почти незаметно. – Я слышала о ней. Модификация изменяет тело. И внешность. Но эффект недолгий... Вот почему ты кутался в этот шарф... Знал, что лицо скоро изменится!

Я еще попятилась – задом, с трудом понимая, куда ползу. Куда? Вокруг лишь вода...

Клейм пошевелился, мягко потянулся. Неторопливо, размеренно.

– Ты что-то вспомнила, не так ли? – совершенно спокойно и даже как-то дружелюбно произнес он.

Меня от этого дружелюбия едва не перекосило.

Как он понял? Как? Я ведь ничего не сказала! Я только глаза открыла! Он что, мысли читает?

Я не ответила, продолжая незаметно отползать. Ну, мне казалось, что незаметно. Кинула быстрый взгляд по сторонам. Мне нужно оружие. Что-нибудь! Хотя бы палка!

Где же ильхи? Почему, когда надо, рядом никого нет? Может, закричать?

Но проклятый «Бран» окажется рядом через секунду. Или быстрее.

Мужчина вздохнул.

Я еще немного отползла, ощущая, как колотится мое сердце. И как неумолимо приближается конец... Он все понял, врать бессмысленно.

– Я вспомнила, – прошептала едва слышно. – Приказ... Тот человек в форме приказал, чтобы не было свидетелей... Приказал убить меня.

Ну же, скажи, что я сошла с ума, и мне все приснилось! Скажи – и я сделаю вид, что поверила. Дай мне еще хоть немного времени!

Но Клейм кивнул. Он просто кивнул, словно это ничего не значило.

– Плохое время и плохое место. Я же говорил. Ничего личного, Мира.

В его руке блеснул нож.

Нет, я не заорала. Я знала, что это бесполезно. Один лишь спуск со скалы показал мне, на что способен этот мужчина. Насколько он быстрый и сильный. Ильхи мне не помогут. Никто не поможет. Спортсмены умеют оценивать противников. Я никогда не считала себя настоящей спортсменкой, но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, на что способен этот человек. Или я все поняла в тот миг, когда заглянула в темные и острые глаза? Еще там, в самолете? Может, поэтому я даже не пыталась бежать? Чутьем понимала, что это бесполезно.

Меня не отпустят и не вернут домой.

Все бесполезно.

Кроме...

Не издав ни звука, я плавно спружинила ногами, когда Клейм оказался ближе, и со всей силы ударила его в живот. От неожиданности «муж» согнулся, но тут же бросился ко мне. Поздно. Краткой заминки мне хватило, чтобы оказаться у борта.

И прыгнуть вниз. Прямо в темные-темные воды фьорда.

Глава 4

Если бы я задумалась хоть на миг, то ни за что бы не прыгнула.

Но я не позволила себе задуматься.

В тот день, когда родители привели нас с Алексом в бассейн, чтобы научить плавать, все ждали от меня паники и слез. Думали, я испугаюсь воды, готовились успокаивать и убеждать. Некоторое время я и правда стояла на бортике. Стояла и смотрела в глубину – прозрачную и голубую, подсвеченную белыми лампами. Совсем не похожую на ту, другую... А потом я просто шагнула вниз. Алекс, вечный мой подражала, конечно, тут же сиганул следом. Так мы и стали жить – больше в воде, чем на суше. Только бассейны становились все больше и профессиональнее. Оказалось, у меня прекрасное чувство воды. И это удивительно, если учитывать мое первое близкое знакомство со стихией. Но плавала я и правда превосходно. Тренер говорил, что Единый лишь по ошибке создал меня человеком, а не юркой серебристой рыбкой! Что плавать – мое предназначение. Что все профессиональные награды Алекса должны быть моими... Но я на эти слова лишь улыбалась. И никогда не участвовала в соревнованиях, сколько меня ни уговаривали.

Я не боялась воды в бассейне. Я свыклась с ней. В огромных бассейнах прогрессивных городов Конфедерации воду поддерживают умеренно-прохладной, а тела пловцов облачают в специальные костюмы из умного волокна. Они регулируют температуру, облегчают скольжение и посылают наблюдателям данные о пульсе и дыхании пловцов, чтобы вовремя отреагировать, если что-то пойдет не так.

Вот только здесь, в черной воде, ничего подобного не было. Ни умного костюма, ни людей, которые помогут, если мой пульс зашкалит. Здесь была только я – спасающаяся от убийцы. А еще – холодная вода и острые скалы, на которые я в любой момент могу напороться.

И паника почти стертых воспоминаний...

Тяжелая волна без всплеска сомкнулась над головой. Она оказалась слоистой, как пластилин в детской ладошке. Сверху – светлая, теплая. А дальше все темнее, плотнее и студёнее! Фьорды

отогрелись, сказал капитан. Фьорды, может, и отогрелись, а вот вода — ни капельки! Она была холодной и ужасно соленой!

На миг я едва не потеряла сознание от ужаса, тяжело задышала, забилась. Надо взять себя в руки! Немедленно! Сейчас есть опасность пострашнее воды!

Опасаясь, что мне вслед полетит нож, я нырнула как можно глубже и поплыла под водой, не позволяя себе подняться на поверхность. Гребок, толчок и скольжение, гребок-толчок-скольжение, и снова гребок! И еще один! Шерстяное платье камнем тянет на дно. Ботинки мешают, словно привязанные к ногам гири. В темной воде ничего не видно, а соль разъедает глаза. И легкие уже горят... но я упрямо плыву вперед. Еще, еще и еще! Здесь наградой служит не бесполезный позолоченный кубок, который можно поставить на полку в ряд таких же глупых достижений. Здесь награда — моя жизнь.

Гребок, гребок, гребок...

Четкие движения и контроль тела. Еще и еще...Ты сможешь, Мира! Сможешь!

Когда в груди закололо так, что, казалось, разорвет изнутри, я все же вынырнула — осторожно, без всплеска, — и осмотрелась. И возликовала! Оказывается, уплыла я довольно далеко. Хёггкар покачивался впереди, но к моему удивлению, никто не бежал по палубе с воплями: человек за бортом! Никто меня не искал и не пытался спасти! Значит, ильхи не заметили, как я упала.

Я перевела дыхание и попыталась избавиться от тяжелых ботинок. Какой там! Это не легкие кроссовки, которые можно скинуть одним движением. Ботинки казались привязанными к стопам гирями. Путаясь в дикарских веревках, я все же кое-как освободилась от обуви, следом скинула безрукавку. Хорошо бы стянуть и тяжелое платье, но тут я оказалась бессильна, завязки набухли в воде и запутались в нераздираемые узлы. Вот же мерзкий наряд!

Решив пока остаться как есть, я снова поплыла. Хёггкар шел вдоль скал. Я прикинула, что могу попытаться где-нибудь выбраться на берег. Главное — этот берег найти.

Надо просто плыть. А это я делала бесчисленное количество раз! Это я умею. Я смогу! Найду склон, на который можно забраться, вылезу! А потом доберусь да этого Нероальдафе. Там будет великан Трув и Сверр-хёгг, который его послал, и Андерс... Эриксон! Ну

конечно! Андерс Эриксон – знаменитый путешественник и ученый, основатель фонда переселения на фьорды! Вот чьей сестрой меня представили! Видимо, от купания в холодной воде туман в моей голове растаял, и мыслить стало легче. Пазлы сошлись, и все стало понятно.

Единый, как же я так влипла!

Глаза защипало от соленой воды и слез, но я заставила себя сосредоточиться на гребках. Плыви, Мира, плыви. Просто плыви!

Надо добраться до этого проклятого Нероальдафе и найти Андерса Эриксона. Раз я понадобилась лже-Брану, чтобы выдать меня за сестру Эриксона, значит, сам Андерсон ничего об этой афере не знает. Надо его найти! Он мне поможет! Вернет домой. Ну а потом... потом я отправлюсь прямиком к журналистам – и все им расскажу! Про похищение, про попытку выдать меня за другого человека и убить. Все-все!

Я посмотрела на хёггкар и показала ему кулак.

– Вот тебе! Думал, я так просто сдамся? Да ни за что!

И вдруг на корабле вспыхнул свет. Несколько ярких огней озарили палубу и бегущих по ней ильхов. И я увидела, как на воду снова опускают лодку.

Погоня! Проклятый Клейм решил все-таки догнать беглянку!

Луч света – и откуда у варваров такой мощный источник? – вдруг скользнул по воде и выхватил меня из мрака.

– Она там! Вон она! Скорее!

Паника выбила воздух из моих легких. Задыхаясь, я метнулась в сторону и едва не напоролась на острый пик скалы, торчащий из волн. Выдохнула, пытаюсь сдержать поток адреналина, бушующий в крови. Нельзя терять выдержку, нельзя бояться! Не тогда, когда вокруг холодные черные воды. Волна усилилась и ударила в скалы, таща меня на каменные лезвия. Я забила руками и ногами, словно новичок, словно неумелый малек!

Снова выдохнула, собирая волю в кулак. Плавать в холодной и соленой воде – совсем не то же самое, что в бассейне... и все же!

Собралась, беря панику под контроль. Со злостью рванула завязки платья, оборвала их и выбралась наконец из мокрой тяжелой ткани. Осталась лишь в легком тонком нижнем платье да белье. Быстро осмотрелась. Лодка приближалась с поразительной скоростью. Справа

отвесная скала – не выбраться. И вода волнуется, бьет усиливающейся волной, словно злится!

Но ведь с водой можно договориться. Иногда-можно.

И я сделала то, что совершала каждый раз, входя в бассейн. Опустила губы к самой воде и произнесла:

– Помоги мне! Прошу тебя, помоги!

Еще один быстрый вдох. И я поднырнула под водяной валик, рыбкой скользнула на глубину. Дальше и дальше – прочь от преследователей. Наверху вспыхнул свет, луч пробился сквозь толщу воды. И там, внизу, я увидела... Что это было? Извивающееся, длинное? Или почудилось? Может, какое-то подводное растение?

Снова сомкнулась тьма. Я осторожно вынырнула – едва-едва, на один вздох. Лишь чтобы глотнуть воздуха и понять, где лодка с демоном Клеймом!

Увы, преследователи были не так далеко, как мне хотелось. Клейм, стоя в лодке, держал пузатую лампу и нервно оглядывался. Рядом топтался капитан хёггкара.

– Неужто утопла дева? – донес ветер его голос.

– Нет, – резко и уверенно ответил «Бран». – Она где-то рядом. Смотрите внимательно!

И словно сам демон ему подсказал, повернулся прямо в мою сторону. Поднял лампу повыше, освещая тьму. Я погрузилась в воду, с отчаянием понимая, что попала в ловушку. Позади острые скалы, впереди лодка. Где спрятаться?

Негде.

– Ищите ее! – рявкнул на лодке Клейм. – Она рядом. Я знаю! Зажгите еще лампы. Быстро!

Вот же демон проклятый!

Понимая, что болтаться в холодной воде без движения тоже опасно, я сделала осторожный гребок и поплыла к скалам. Попробую укрыться за ними, другого выхода все равно нет. Я плыла, пытаюсь оставаться максимально глубоко в воде и поднимая голову лишь для очередного вдоха. Гора, поросшая колючими кустарниками и мхом, уже недалеко. Я смогу. Смогу...

– Вон она! Туда!

– Да чтобы ты провалился, – с отчаянием выдохнула я.

И поплыла быстрее, делая сильные резкие взмахи, отталкиваясь от черной воды всем своим телом. Быстрее! Еще быстрее!

– Гребите к ней! Ну же! Ельга! Ельга!

И тут моей ноги что-то коснулось. Под водой. Что-то живое. Длинное. Извивающееся. Змея?!

От ужаса я сбилась с ритма и захлебнулась. Вода вокруг меня вспучилась, забурлила водоворотом. Меня швырнуло куда-то в сторону, и я забарахталась, словно неумелый малек. А когда вынырнула, то едва не лишилась чувств! Из черной воды фьорда поднималось что-то невообразимое. Не веря своим глазам, не веря вообще в то, что происходит, я вытаращилась на чудовище, нависающее над волной. На огромного морского змея! В свете хёггкара и фонарей с лодки его чешуя отливала темной синевой сверху и светлела на брюхе. По бокам топорщились три пары широких плавников, а вдоль хребта торчали костяные резные наросты. Голову венчали загнутые и ребристые белые рога. И это чудовище было просто гигантским! Невероятным! Чудовищным! Единый, да оно могло бы перекусить меня пополам и не подавиться! Сожрать целиком! Так вот чью чешуйку носит возле лица капитан хёггкара. Жуткого монстра, живущего в водах фьорда!

– Хёгг! – закричали на лодке. – Хёгг!

Хёгг. Змей. Или дракон. Чудовище фьордов. Значит, все, что говорили о мире за Туманом, правда? Здесь действительно обитают монстры...

– Мира! – выкрикнул вдруг Клейм мое настоящее имя.

Морской змей яростно зашипел и, резко нырнув, ушел под воду. Но уже через миг вынырнул – с другой стороны лодки! И ударил хвостом по суденышку. С такой силой, что лодка забилась, будто в припадке. Ильки что-то орали, пытаясь удержать посудину на воде. Но змей словно взбесился. И ударил снова. Люди горохом посыпались в воду, а змей яростно обвил лодку хвостом, протащил и швырнул на пики скал. Разбивая в щепки!

Вода вокруг гигантского змея закрутилась смертельной воронкой. Я уже ничего не понимала, меня швыряло из стороны в сторону, словно я тоже была щепкой. И все, что я могла – это пытаться не утонуть и не напороться на скалы.

Очередная волна накрыла меня с головой, перевернула, потянула в сторону. Я открыла глаза и вдруг увидела, что вокруг все белое-белое. Словно я попала в молочную реку. Ёрмун. Течение, которое убивает!

Вскрикнув, я забилась, пытаюсь удержаться, выбраться. Но какой там! Бороться с мощью потока оказалось невозможно. Течение тянуло меня, все ускоряясь и ускоряясь. Било, швыряло, стискивало в своих белых объятиях. Я колотила по воде, я сражалась! И с ужасом неотвратимости понимала, что выбиваюсь из сил. Что я почти побеждена! Захлебываясь соленой водой, я ушла в глубину, пытаюсь поднырнуть под течение, вырваться из его плена. И совсем близко увидела жуткую змеиную морду. Огромную. С открытыми глазами и вертикальными зрачками. На невообразимый и бесконечный миг мы зависли в этой белой воде, рассматривая друг друга. Я и водяной дракон.

Это было уже слишком.

Мое дыхание закончилось.

А потом змей дернул плавниками и мордой вытолкнул меня на поверхность. Я вылетела пробкой, а приземлилась точнехонько на змеиную шею. Как раз между головой и костяными шипами. И не успела я от ужаса стиснуть пальцы, вцепляясь в загнутые рога, как хёгг рванул в сторону, рассекая воды фьорда с невероятной, невероятной скоростью. Он несся изо всех сил, пытаюсь вырваться из губительных объятий Белого Ёрмуна.

Глава 5

– Надо найти девушку, – хмуро повторил тот, кого называли Клейм. Настоящее имя этого мужчины так давно не произносили человеческие губы, что имя растворилось в небытие, словно его никогда и не было.

Даже сам Клейм почти не помнил это имя.

Стоя на палубе хёггкара и глядя на воды фьорда, он снова повторил:

– Надо ее найти!

– Некого уже искать, – хмуро буркнул рядом капитан. Подергал свои косицы, коснулся губами чешуйки со шкуры морского дракона. – Ты же видел, чужак, их обоих забрал Белый Ёрмун. И хёгга, и деву. Мне жаль.

– Они могли выжить, – упрямо произнес конфедерат, не отрывая взгляда от безмятежной и такой мирной на вид воды. Глядя сейчас на скалы и стекающие по мху тонкие водопады, кто бы поверил, какие опасности таит фьорд?

– Никто не выжил, а чужачка-дева – сумеет? – недоверчиво хмыкнул ильх. – Ты уж прости, но как девчонке побороть силу течения? Я же тебе говорю – оно и хёггкары утаскивает! Огромные, с двадцатью парами гребцов и морским хёггом под килем! Утащит и все – никто никогда их больше не увидит! Мертвое течение. Злое! Хвала Перворожденным, что моя ладья в стороне стояла, а то и нас бы утянуло! Вот же беда какая... Держись, чужак. На все воля незримого мира и перворожденных... Эх, что же я Сверр-хёггу теперь скажу? Не углядел, не уберёг деву! Как оправдаюсь перед риаром? Как в глаза посмотрю? Вот же беда так беда...

Ильх еще что-то говорил, пытаясь утешить скорбящего вдовца, в первую же ночь на фьордах потерявшего жену.

Клейм молчал и смотрел на волны. Остальные ильхи после купания в воде благополучно добрались до хёггкара и даже сумели вытащить изрядно побитую лодку. Но девушка и подводный змей сгинули в течении, которое белой лентой извивалось вдоль фьорда. Клейм видел, как Мира тонула. Он пытался добраться до нее, но его

откинул змеиный хвост. Да с такой силой, что по телу сейчас разливался фиолетовый синяк, а уже срастающиеся ребра болели при каждом вздохе. А потом оба – и Мира, и проклятый змей – исчезли в белой пучине.

Погибли?

Ильхи утверждают, что иного варианта и быть не может.

Чужак сжал край гладкого борта, сдавил с такой силой, что пальцы хрустнули. Или это борт? Хёггкар кружил вдоль скал уже почти сутки, но девушку – или ее тело – так и не обнаружили. И сообщив, что это бесполезно – никто не выживает после битвы со злым течением, – капитан отдал приказ поворачивать в сторону Нероальдафе. Клейм еще раз посмотрел на воды и отвернулся. Заставил себя отвернуться. Внутри него бушевали чувства, которым он не знал названия. Которые давно забыл.

Что это было? Сожаление?

Только не у него.

Прищурившись, он глянул в сторону капитана хёггкара.

И что теперь? В Нероальдафе ему точно делать нечего... Снова оглянулся на безмятежные воды. Усмехнулся. Неужели не врут? Проклятые фьорды и правда будили в душе что-то ненужное. Или просто – будили душу?

Ерунда какая-то.

Выругавшись сквозь зубы, Клейм отвернулся.

Ему еще предстояло убедить капитана двинуться в сторону от Нероальдафе и доставить чужака туда, где начинался заповедный лес. Пожалуй, он начнет с поиска вельды.

Я потеряла счет времени. Я не знаю, сколько часов, дней или лет мы провели, сражаясь с течением. Или пытаюсь просто выжить. Все, что я могла – это изо всех сил держаться за ребристые рога морского змея. Понимая, что он – моя единственная надежда на спасение! Потому что будь я даже лучшим пловцом на всей земле, это не помогло бы мне преодолеть Ёрмун. Силы человеческого тела просто не хватит, чтобы сопротивляться мощи стихии.

Даже огромный змей едва мог преодолеть поток. Хёгг тащил нас обоих, кувыркался в волнах и бился о скалы. И все это длилось бесконечно! А потом он куда-то нырнул – в очередной раз. Я снова

попыталась сохранить дыхание и сознание, а когда легкие едва не разорвались без воздуха, хёгг вынырнул и... остановился. Некоторое время я просто лежала, пока еще не понимая, что все закончилось. Потом очень медленно подняла голову и открыла глаза, которые нещадно щипало от соли. Приподнялась, благоразумно не выпуская из рук спасительный рог. Где это я? Открытое пространство фьорда куда-то исчезло. Скалы и небо – тоже. Мой спаситель, растопырив все плавники, беспомощно покачивался на неподвижной воде грота. Мы выплыли в каком-то гроте с озером! Камень потолка и стен местами оказался дырявым, словно сыр, и сквозь круглые «окошки» просачивался свет зарождающегося дня. Рассвет! Неужели уже рассвет?

Весь грот окутывал пар, мягкая дымка поднималась от воды к потолку.

Мелкая волна лизнула мои босые ноги, и я с изумлением ощутила, что она теплая. Значительно теплее, чем во фьорде! Верно, в глубине этого подземного озера бил горячий источник, согревающий воду и камни. И еще эта вода была пресной!

Теперь понятно, почему морской змей заполз на мелководье, распластался и закрыл глаза! Или он просто сдох от усталости? Кажется, не дышит!

Я попыталась отпустить рог, который все еще держала. Я так крепко в него вцепилась, что казалось, рука навсегда останется вмурованной в ребристую кость морского змея. От попыток отлепиться пальцы свело болезненной судорогой. Сил двигаться у меня не было. Совсем. Даже чтобы сползти со змеиной чешуи и добраться до суши. Поэтому мы так и болтались в воде –дохлый змей и почти дохлая я. В теплом гроте мое озябшее тело охватило долгожданное тепло, а гудящие мышцы наконец расслабились. Я вытянулась на своем спасителе и закрыла глаза. Вот полежу так пару минут, отдохну и выберусь из воды. Узнаю, есть ли что-нибудь за стенами этой пещеры. Надеюсь, поблизости меня не ждет голодный змеиный выводок, предвкушающий вкусный завтрак в виде обессиленной девы!

Но даже такие кровожадные мысли уже как-то не пугали. Если мне удалось выжить в битве с губительным течением, то уж со змеиными детёнышами я как-нибудь справлюсь.

От камней грота шел горячий и сухой жар. Пахло чем-то хвойным и горьковатым. Может, мхом или каким-то лишайником. От блаженного ощущения тепла по телу побежали мурашки. Хотелось лежать так вечность, и даже плавники растопырить, как сделал змей! Ну то есть руки-ноги...

Усталость накатила ласковым забвением, легкой дремой на грани с реальностью. Еще лишь пару минут...

Нет, надо вставать. Надо выбраться на берег. Надо...

Я потянулась, не открывая глаз. Тугое длинное тело подо мной тоже потянулось и задвигалось. Ого, значит, змей не сдох? И начал... меняться? Эй, что происходит? Верно, я все-таки отключилась и мне снится невероятный сон. Чем еще объяснить то, что под моими руками чешуя плыла и таяла, а потом и вовсе исчезла. И тут змей перевернулся, как-то отвердел, и я оказалась лежащей на мужчине!

Моргнув, я уставилась в лицо незнакомца, который меня обнимал.

– Какого демона? – совершенно ничего не понимая, пробормотала я, и мужчина слегка улыбнулся.

Это все было настолько странным, а я настолько устала, что происходящее даже не вызвало у меня страха. Может, я действительно сплю? Или упала в обморок от усталости?

– Ты кто? – выдохнула я.

Мужчина насмешливо улыбнулся.

– Красивая, – сказал он. – Вся красивая. Не только ножки.

Не только ножки? Это когда он успел их рассмотреть?

И тут я вспомнила, как стояла на доске, и мне почудился взгляд из-под воды.

Но... как это вообще возможно? Все это какой-то бред!

Я уперлась ладонями в обнаженную грудь мужчины и приподнялась. Надо ведь иметь представление о размерах моего бреда? Размеры были впечатляющими.

Первая моя мысль – он наверняка хороший пловец. Вон какие рельефные плечи, какие сильные руки, какие жесткие пластины мышц на груди и животе. И еще с первого взгляда становилось ясно, что передо мной – ильх. Что-то в нем было необъяснимо иным. Может, нечеловеческая сила и гибкость? Было ясно, что его тело – это результат борьбы за выживание, а не тренировок за какой-то там позолоченный кубок. Его тело создано не ради бахвальства или

награды, что пылится на полке. Его тело – оружие. Быстрое, гибкое и совершенное.

А может, все дело было во взгляде? Жарком и в то же время немного насмешливом?

Так, о взглядах я пока думать не буду. Что еще?

Еще варвар высокий. И даже в таком положении значительно крупнее меня. Я снова моргнула, сосредотачиваясь. Нет, ильх не такой здоровяк, как Трув, что встретил нас у Тумана. Этот скорее – худой, без грамма лишнего веса, поджарый и гибкий.

На загорелой коже груди, в которую сейчас упираются мои ладони – никакой растительности, лишь внизу живота виднеется полоска светлых волос. Никакой одежды, конечно же, нет. У крепких бедер плещется вода. Я резко подняла голову. Черты лица у варвара были резкими, а длинные, заплетенные в косицы волосы – светлыми, с пепельным оттенком. В воде они казались темнее, но у шеи топорщились почти белые пряди, что выделялись на фоне загорелой кожи. Оба виска выбриты, а левый глаз и щеку пересекают три широкие черные линии. Одна вертикальная тянулась через все лицо, от лба до подбородка. Две другие отходили от нее углами под глазом, составляя странный и почему-то пугающий знак. Когда я уставилась на эти жутковатые черные линии, во взгляде ильха что-то мелькнуло, а сами глаза угрожающе сузились. На миг показалось, что он сбросит меня в воду, оттолкнет. Или сделает что-то гораздо хуже... Но длилось это лишь миг. Он снова расслабился и даже почти улыбнулся, позволяя на себя смотреть. Правда, и дальше таращиться на черный символ я не стала, переключилась на все остальное. Лицо у варвара узкое, подбородок твердый. Я бы даже назвала его красивым, если бы не странный рисунок, который все портил. Брови у ильха темнее, чем волосы, прямые и тяжелые, нависают над яркими глазами. На миг я задумалась, что мне напоминает их цвет. И поняла. Такой же была вода во фьорде, когда я смотрела на него сверху. Холодное серо-зеленое северное море. Эти глаза напоминали о мхах на скалах и о ледяной глубине. О чешуе змея, живущего в ней...

Скулы у варвара четко очерченные, нос прямой. Бороды и усов нет, лишь колкая светлая щетина. И красивая линия губ. Сейчас эти губы улыбались, пока варвар с интересом наблюдал за сменой эмоций на моем лице.

Где-то в процессе изучения варвара я все-таки догадалась, что он живой и даже вполне реальный. И что он тоже изучает мое лицо и тело. Лицо – взглядом, а тело – осторожными поглаживаниями вдоль спины!

На шее варвара темнел узкий обруч, а на предплечьях поблескивали широкие железные браслеты с замысловатым орнаментом. И эти непривычные глазу украшения тоже немного пугали.

– Ты кто? – снова брякнула я с перепугу. – И почему ты без одежды?

Варвар приподнял светлые брови, словно вопрос показался ему забавным.

– Снял, когда решил поплескаться во фьорде, – насмешливо пояснил ильх и снова провел ладонью по моей спине. И снова. – Знаешь, я бы предпочел сначала выспаться и выпить пару кубков хмеля, но если ты настаиваешь... можешь отдать свой долг прямо сейчас, лильган.

А?

Я моргнула, пытаюсь выловить из слов ильха ускользающий смысл. Да что с этими фьордами не так? О чем они все говорят? Я же понимаю его речь! Тягучую, с новыми для моего слуха хрипловатыми интонациями и резкими согласными. Понимаю, но... Но вот совершенно ничего не понимаю! О чем он толкует?

Снова моргнула, пока варвар терпеливо ждал.

Потрясла головой.

И вдруг осознала главное. Морского змея в гроте не было. Он исчез. Зато появился этот незнакомец, как и я, сплошь покрытый ссадинами и синяками. Под насмешливой улыбкой варвара таилась дикая усталость, как у чемпиона, который целиком выложился в тяжелом соревновании и теперь улыбается, стоя на пьедестале. И умирает от желания просто лечь и закрыть глаза. Лоскутами фраз и образов промелькнуло все, что твердили в столице Конфедерации о фьордах, и все, что увидела я сама. Чудовища... драконы... монстры, населяющие мир за Туманом. Иные.

Хёгги.

Те, кого здесь почитают. Те, кого боятся и кому поклоняются. Нет, не звери. Люди с кольцом на шее.

Такой же матовый обруч был у Трува. И у того варвара, который стал для конфедератов олицетворением мира за Туманом – Сверра.

Они все не совсем люди. Они драконы! Как и светловолосый ильх, который сейчас смотрит на меня, лежа на горячих камнях!

– Вот же демоны... Ты – хёгг! – все еще не веря в свою догадку, почти выкрикнула я.

– Ну да, – с удивлением протянул он. Словно говоря: конечно, хёгг, кем же еще я могу быть, глупая чужачка? Хёгг и есть.

И пока я хлопала глазами, погладил мои плечи, потянул за волосы. В мужском голосе появилась легкая хрипотца.

– Я – хёгг. А ты – дева. И давай лучше под скалу, мне там больше нравится. Не бойся глубины, я удержу. Нас обоих.

Легко перевернулся и одним плавным движением утянул меня дальше от мелководья, туда, где теплый берег резко оборвался, а вода стала темной и бесконечной.

– Вот так... поплаваешь со мной, дева?... – прошептал ильх, не выпуская меня из рук, окружая собой, трогая волосы, плечи, грудь, скрытую бельем и льняной сорочкой. И с каждым движением менялись глаза ильха, словно внутри радужек тоже текла вода...

А я зависла – ошеломленная до глубины всей своей сущности. До самого нутра. Едва не рыдающая от потрясения. Не верящая, что это вообще возможно. Как? Как это возможно?

– Нравится? – шепнул варвар, касаясь губами моей шеи.

Нравится? Да я сейчас с ума сойду!

Я никогда не видела, чтобы человек ТАК двигался в воде! Так, как никогда не смогу я, хоть сколько часов проведу на тренировках! Ильх перемещался, словно был неотъемлемой частью стихии. Словно она держала его в своих объятиях, баюкая на ладонях, как самое дорогое. Словно он был ее любимцем. Был... морским змеем!

Я могла бы вечность смотреть на это.

– Хочешь услышать мой Зов, дева?

Я снова зависла, пытаюсь понять, почему это предложение звучит так... многозначительно? С явным подтекстом? И что вообще оно значит? Почему я должна этого хотеть?

Нет, все-таки я ничего не понимаю в этих диких фьордах!

В ярких глазах ильха серого сумрака стало больше, чем зелени. И в голову против воли пришли сравнения: зарождающийся над

фьордами шторм... темная глубина... пока еще ласковая волна, способная измениться в один миг и утянуть на самое дно.

Странное оцепенение охватило мое тело. И на миг показалось, что это самое верное, что можно сделать. Быть здесь, с этим светловолосым варваром. В этой темной и теплой пещере, со дна которой поднимаются пузырьки воздуха и щекочут мне пятки. Впитывать эту удивительную невесомость и легкие – пока еще легкие – прикосновения.

Ильх снова провел рукой по моей спине и подтянул ближе, вынуждая обхватить его плечи. Его рука скользнула на мой затылок. И лицо варвара оказалось близко-близко. Он уже не улыбался. Совсем нет. В удивительных глазах возникло что-то иное, не сочетающееся с весельем.

Я словно опять увидела морского змея – хищного, гибкого, нечеловечески сильного. Серо-зеленые радужки потемнели, но зрачки не расширились, как у людей, а напротив – сузились. Ильх приподнял меня и коснулся губами шеи. Влажное и теплое прикосновение отозвалось внутри сладкой ноющей болью. Мягкое движение – и губы сместились ниже, на ключицы. Обхватив меня за бедра, он снова приподнял и лизнул наверх груди. Прямо поверх мокрой ткани. Ощущение оказалось таким острым, что я едва не застонала.

Мои бедра коснулись его бедер. И ильх что-то прошипел сквозь зубы.

– Кьяли... – хрипловато выдохнул он.

Мурлыкающее непонятное слово раскатилось внутри игристым вином.

Но тут варвар прижался ко мне всем телом, давая ощутить свои твердые намерения. И я наконец очнулась. Это что тут вообще происходит? Это что за ерунда лезет в голову? Почему я все это... позволяю? И самое главное, почему мне все это так нравится?

– Нет. Отпусти!

Мой голос предательски дрогнул.

А он снова прикоснулся к моей шее губами. Ласка стала жарче и слаще. Вот же демон!

Я дернулась в сторону. В глазах ильха теплые и ласковые волны сменились тьмой. Словно море перед бурей... И это отрезвило меня лучше любых слов и действий.

Мое тело отреагировало помимо моей воли. Левая рука скользнула по бедру варвара и обхватила рукоять узкого стилета, привязанного к его ноге. Правая мягко обвила мужскую шею. Одним движением я выхватила оружие и приставила его к груди наглеца!

Вернее – попыталась. Потому что ильх по-змеиному скользко вывернулся, каким-то невероятным образом переместился в сторону, и вот – стилет уже прижат к моему горлу! А я – спиной к груди ильха.

Я ойкнула от изумления и неожиданности. Как он это сделал? Как? А потом замерла от страха. Ну все, допрыгалась, Мира...

– Ты что, совсем дурная? – удивленно и совершенно беззлобно поинтересовался ильх. – Пытаться прирезать морского хёгга в его же стихии – это ж надо совсем не иметь в голове разума!

– Пусти! – Я дернулась и забила ногами, но ильх даже не шелохнулся. Да проще сражаться со злым Ёрмуном!

– Ты ведешь себя странно, кьяли-лильган, – негромко произнес он. – Может, ударила голову о скалы, пока я тащил тебя?

– Ударила, ударила! Несколько раз! – торопливо буркнула я, поняв, что вырваться из хватки варвара просто невозможно. Он несравнимо сильнее меня. Демоны! Да я никогда не встречала настолько сильного человека! – Слушай, ты все неправильно понял! Не хочу я с тобой... ну... плавать!

– Почему это?

Ильх развернул меня к себе лицом. В зеленых глазах плескалось явное непонимание.

– Тебе плохо? Тело болит? Верно, и правда ударила... Ну что же. Не сейчас, значит, – протянул он. – Может, и к лучшему, все же Ёрмун хорошо помотал и меня... Завтра. Поплаваем с тобой завтра.

И он разжал руки, отпуская меня. Я оттолкнулась в воде и пулей вылетела на берег. Осмотрелась торопливо. Сквозь дыры-окошки виднелись деревья и краешек светлеющего неба, а больше ничего и не разобрать. Окинула быстрым взглядом свое тело. На руках – синяки, на ногах длинные царапины-ссадины. Хорошо хоть соль смыта пресной водой, а то было бы совсем плохо. Сидеть на чешуе морского гада – это примерно то же самое, что скакать на лошади, обтянутой наждачкой! То еще удовольствие!

И куда мне бежать в таком виде? И надо ли вообще – бежать? Агрессивным ильх не выглядит, к тому же сам меня отпустил. Решив,

что с бестолковым побегом пока повременю, я оглянулась.

Варвар выходил из воды неспешно, не спуская с меня внимательного взгляда.

Я сделала шаг в сторону. Преследовать меня варвар, кажется, не собирался, да и вообще выглядел скорее удивленным, чем рассерженным.

Он вздохнул и поморщился, тронул бок, на котором разливалась синева от ушиба. Я резко отвернулась, потому что варвар был без одежды. Но все же не смогла удержаться и снова глянула в его сторону, пытаюсь делать это незаметно. Впрочем, на меня ильх уже не смотрел. Он пошел к сундуку возле стены, который я поначалу и не заметила. Движения ильха были скупыми, осторожными. Болезненными. И еще он заметно прихрамывал. И это было застарелое, привычное движение. Человек, который в воде двигался как морской бог, на суше заметно подволакивал ногу.

Кажется, мое любопытство он все же заметил, и лицо ильха вмиг стало замкнутым и отстранённым.

Он повернулся ко мне спиной, и я не сдержала невольного возгласа. Спина и бока варвара представляли собой жуткое зрелище – кожа местами содрана, местами изрезана до мяса, и все – от шеи до бедер – в огромных и уже черных кровоподтеках! А ведь я прекрасно помню, как швыряла нас волна, вот только все удары принял на себя морской змей. Демоны! И с такими побоями он еще собирался предаваться каким-то... развлечениям? Вот же варвар ненормальный! Да ему нужен вагон обезболивающего, постельный режим и пару недель вообще не шевелиться!

Но сам варвар, видимо, считал иначе. То, что этот мужчина и есть морской змей – по-прежнему плохо укладывалось в моей голове. Но пока я не видела других вариантов. К тому же интуиция – иррациональная и забытая часть моего существа – подсказывала, что это именно так.

Снова что-то прошипев сквозь зубы, варвар достал синий шерстяной плащ с меховой подкладкой. Повертел в руках, глянул на меня через плечо и положил плащ на крышку сундука.

– Возьми, дева. Тебе надо согреться.

Я не стала привередничать и шустро завернулась в теплую и сухую ткань.

Варвар тем временем натянул простые штаны, тунику без рукавов, широкий пояс. Ошарашенная и ошалевшая, я смотрела, как ильх одевается, а потом подходит ко мне.

– Занятно... волосы у тебя темные, как у детей Лагерхёгга, а глаза – подарок снежных вершин. И плаваешь ты так, словно рождена от Зова самого Ньордхёгга. Откуда ты, дева?

Ответить я не успела. За сундуками отлетела бычья шкура, прикрывающая вход, и в грот всунулось юное чумазое лицо. И тут же заглянувший мальчишка заорал куда-то в сторону:

– Эй, там! Шторм вернулся! Живой! Я же говорил! Эйтри, ты снова проиграл! Живой наш Шторм-хёгг! Целехонький!

Вслед за орущим мальчишкой в грот ввалились мужчины. Все рослые, сильные, дикие. В отличие от моего спасителя, некоторые из них были темноволосыми и черноглазыми, со смуглыми бородатыми лицами. У многих – выбриты виски. И у всех на лицах темнеют какие-то непонятные знаки – у кого волнистые линии, у кого круги или даже грубоватые странные изображения. Порой эти черно-багровые символы даже спускались на шею. Мне удалось рассмотреть рисунок, напоминающий рыбу, другой смахивал на оружие или полумесяц. А присмотревшись, я вдруг поняла, что все эти знаки буквально выжжены на коже! Мечтающая о фьордах подруга как-то рассказала мне, что за Туманом приняты две формы письменности – схожая с нашей, буквенная, и древняя, руническая. Похоже, что я видела как раз второй вариант. Но ничего подобного я не заметила на Труве или моряках хёггкара, что вез нас в Нероальдафе. Может, украшать себя подобными рисунками – это какая-то местная традиция?

В этом гроте-пещере лишь у меня и мальчишки не было на лице никаких черных или красных знаков. Хотя за мальчишку я бы не поручилась, уж очень паренек оказался чумазым. Темноволосый и темноглазый, он напоминал уголек.

От бритых висков, блестящих зубов и глаз, косматых нечёсанных голов, звериных шкур и браслетов на предплечьях у меня зарябило в глазах. В одежде варваров царил полный хаос и неразбериха – на одних красовался бархат, на других – грубое сукно. На третьих и то и другое разом. А еще – мех, костяные ожерелья, у одного на голове и вовсе был звериный череп. Он полностью закрывал лицо и пугал массивными рогами. Ужас! Но всех объединяло одно – ильхи были

вооружены. Все, кроме моего спасителя. У каждого варвара блестел на боку широкий нож, а то и парочка, топор или жуткий загнутый клинок, напоминающий серп.

Я попятилась от неожиданности и легкой паники. Все-таки оказаться наедине с толпой вооруженных варваров – не самое радостное событие.

– Шторм! – вскричал один из мужчин. – Ты вернулся! Стражи моря говорят, что Белый Ёрмун этой ночью позеленел от злости и утащил на дно хёггкар! А кто-то кричал, что он ухватил за хвост и самого Шторма! Ухватил и разбил о скалы, так что и чешуи не осталось!

Мой светловолосый спаситель легко рассмеялся. Его ссадины и фиолетовые синяки скрыла одежда, и сейчас ничто не говорило о том, что он едва стоит на ногах. Илх выглядел довольным и даже расслабленным,

– Подавится! Ухватить мой хвост не под силу даже Ёрмуну, Торферд-Коряга! Так что зря ты, Эйтри, снова поставил на мою смерть. Не сегодня.

Он легко рассмеялся, остальные подхватили.

Отошел – и илхи увидели меня, завернутую в плащ. Но особого удивления не выказали. Скорее на их лицах возникло понимание. Словно не впервой в этом гроте оказываться полуголым девицам, прикрытым чужим плащом!

– Ого, да у нас тут гостя, – с насмешкой сказал тот, кого называли Торфердом-Корягой.

Я нервно сглотнула при виде этого громилы. В жизни не встречала таких великанов! Да он выше меня в два раза, а я всегда считалась высокой. Это был рослый, грубоватый на вид мужчина, с тяжелым топором за спиной. У него единственного виски оказались не сбриты, напротив, илх радовал густой черной растительностью, больше похожей на шерсть, чем на человеческие волосы. По правде, Торферд сильно смахивал на говорящего медведя. Лишь глаза – карие и веселые – сглаживали пугающее впечатление. И прямо посреди лба илха темнел неаккуратно выжженный рисунок – то ли рыбка, то ли птичка, то ли не пойми что.

На всякий случай я отодвинулась подальше.

– С хёггкара утащил или из долины? Личика не рассмотреть, ну-ка, покажи свои глазки, дева!

Я резко подняла подбородок от меховой опушки, хмуро глянула на веселящихся мужчин.

– Личико у девы пригожее, без шрамов, – одобрительно цокнул языком человек-медведь.

Я отодвинулась еще дальше.

– А остальное такое же ладное? То, что под плащом?

Мужики засмеялись. И даже проклятый морской змей ухмыльнулся!

– А остальное я и сам пока не рассмотрел, – весело сообщил он. – Эта дева сама меня позвала, из воды. Просила спасти ее. Я и спас. – Ильх все с той же улыбкой повернулся ко мне. – Поблаговаришь позже, лильган. Пока ты моя гостья, поешь и согрейся. А поплаваем с тобой позже... Завтра.

– Эх, я бы с ней тоже поплавал...

– Иди со своей Вихле плавать!

Светловолосый протянул руку, желая поправить край моего плаща. Я отшатнулась.

– Не трогай меня! Я же сказала – не буду я с тобой плавать! Совсем! – возмутилась я, не выдержав. От веселых глаз ильхов кружилась голова. Это они что же, стоят сейчас и обсуждают, когда я буду... мм... благодарить этого светловолосого дикаря? Обсуждают и посмеиваются? Да что за варварство такое!

Ильхи разом замолчали. Теперь они смотрели как-то странно. Что было в их глазах? Возмущение? Непонимание?

– Нет? – спокойно спросил мой спаситель. И все же в глубине его глаз было что-то такое... от чего хотелось сделать шаг назад. А еще лучше – сбежать на другой фьорд!

– Что ж... право твое. Не хочешь со мной плавать – уж заставлять не буду, – усмехнулся он, кто-то из варваров хмыкнул. – Но тогда как ты отдашь мне долг, лильган? За спасенную жизнь?

Варвары замолчали, притихли. Я осмотрелась растерянно.

– Руки у девы белые. Без следов тяжелой работы. И без мозолей, – задумчиво протянул худой и полностью седой ильх.

Или не седой? Но тогда почему его волосы белые, словно снег? В длинных заплетенных косицах болтались многочисленные стеклянные

бусины, кольца и разноцветные камушки.

А когда ильх обернулся, я едва не вскрикнула. Лицо варвара оказалось неожиданно молодым, а глаза... Один – почти прозрачный, с толикой голубого цвета на светлой радужке. А второй... Вместо второго в глазницу был вставлен желтый янтарь. Выглядело это пугающе. Бледную щеку блондина тоже пересекал резкий черный знак. И в отличие от большинства, одет этот ильх был почти роскошно, в меха и шелк. По горловине ярко-синей рубахи вился алый узор – крылатые змеи... хёгги. Такие же были выбиты на двух серебряных бляшках, держащих концы рысьей шкуры, накинутой на плечи варвара. У рыси сохранились лапы, хвост и даже голова, и сейчас шкура хищно скалилась желтыми клыками и поглядывала на меня зелеными камушками-глазами. Как мне казалось – с неприязнью.

Как раз этого ильха называли Эйтри.

– Может, дева родовита? – с усмешкой продолжил он. Край красивого мужского рта перечеркивал рубец, отчего левый угол резко опускался вниз. – Только вот я вижу край ее сорочки – домотканой и серой, как у простых прислужниц или невольниц. Ни шелковой полоски по краю, ни узора, пусть и самого простого. Волосы девы без лент и заколок, и украшений никаких. Разве родовитую деву кто-то выпустит из дома без колец, цепей, драгоценного пояса или браслетов? А у этой ни одного золотого колечка. Ни единого! Да даже серебряных нету!

Я насупилась и в душе мрачно «поблагодарила» тех, кто снаряжал меня на фьорды. Могли бы и выделить парочку побрякушек! Скрыги! Хотя зачем украшать будущий труп?

Скрыги и мерзавцы.

– Да и выглядит дева странно... – продолжил беловолосый Эйтри, обходя меня по кругу, словно зверь.

Мягкая поступь варвара пугала. Да что там! Они все меня изрядно пугали. Только бежать мне оказалось некуда.

– Ее волосы, кожа, глаза... и говорит странно. А может, пришла и вовсе вёльда?

Мужики втянули воздух и разом склонили головы, прищурились, как стая диких волков.

Я покосилась на воду, решая – нырять прямо сейчас или повременить. Одно ясно: кем бы ни были эти вёльды, но лучше мне не

представляться одной из них! Да и о Конфедерации лучше помалкивать. А то вдруг это еще хуже, чем быть вельдой? Что-то мне подсказывает, жители фьордов не жалуют затуманных гостей. Если ильхи столетиями скрывали свой мир от Конфедерации, то вряд ли будут рады незваной чужачке с той стороны.

– Я не вельда! – максимально честно сказала я. Еще знать бы, кто они такие.

– Так откуда ты?

– Я... издалека! – пробормотала, нервно пытаюсь припомнить хоть одно название. А ведь капитан хёггкара что-то такое говорил, вот точно... как же оно... – Из Гараскона! Я из Гараскона!

Кто-то из ильхов фыркнул.

– Гараскон? Это тот, что за Бурым лесом? Ох, дикий край. Кажись, старый Дюккаль из Гараскона? А нет, он из Гравера...

Мужики немного поспорили, решая, откуда взялся неведомый мне Дюккаль. Я же украдкой покосилась на своего спасителя. И наткнулась на острый, внимательный взгляд.

Торферд-медведь наклонился, всматриваясь в мое лицо.

– Видать, когда твои мамка с папкой над тобой трудились, рядом звали два хёгга, один был черный, а другой – белый! – прогудел варвар. – Потому ты такая и получилась! Разномастная!

Кто-то расхохотался, другие принялись жарко доказывать, что не может такого быть, и дитя рождается с метками одного лишь риара, а никак иначе. Обсуждение сопровождалось откровенными намеками, которые тоже вызывали общий хохот.

Я молчала, потому что снова ни черта не понимала. Какие риары? Куда звали? Зачем? Но напряжение, грозящее закипеть и взорваться, схлынуло, теперь ильхи улыбались и не казались зверьми, готовыми меня сожрать.

– Как ты оказалась в воде, дева? Свалилась с хёггкара?

– Сама она спрыгнула, – произнес мой спаситель, по-прежнему внимательно рассматривая меня.

И от его острого взгляда захотелось куда-нибудь спрятаться. И снова волна коснулась меня изнутри...

«Поплавай со мной...»

Ильх нахмурился и отвернулся.

– Так чем ты заплатишь долг, лильган? – ожил «медведь». – Отдать долг спасителю – это дело чести. Перворожденные сурово накажут всякого, кто не заплатил за свою жизнь. Все это знают. И того, кто спас, ничего не взяв в уплату – тоже. Тебе есть чем отблагодарить за свою жизнь, дева? Может, у тебя припрятано что-то ценное?

Хорошо бы. Проклятые соотечественники могли бы и разориться на какие-нибудь бусики. Эх... Увы, сейчас у меня не было даже обуви, не то что драгоценностей.

Мой спаситель-хёгг молчал. И на меня не смотрел, словно его вообще не интересовал этот вопрос.

– У меня ничего нет... И я... Я не знаю! – вконец растерявшись, пробормотала я. От произошедшего кружилась голова. А еще болели все мои синяки и ссадины.

– Ты просила спасти тебя, а платить не хочешь, – с колючей насмешкой протянул беловолосый Эйтри. – Какая неблагодарная попалась дева. Что Хвален-стяг делает с неблагодарными? Может, на шатию ее?

Ильхи снова радостно ухмыльнулись, чем вконец меня обозлили.

– Да ни о чем я не просила!

– Как же? – обернулся безучастный до этого хёгг. – Сама шептала: помоги мне, спаси. Волна принесла мне твою просьбу, я услышал и поднялся со дна.

Я моргнула. И тут поняла! Я молила воду, но мои слова услышал морской змей, затаившийся в глубине! И принял на свой счет. Вот же гадство! С другой стороны, этот ильх, кем бы он ни был, действительно меня спас. Вытащил из смертельного течения. Если бы не он, я сейчас не стояла бы здесь, не дышала и не ощущала боль побитого тела, доказывающую, что я все еще жива. Я бы лежала на дне и кормила собой рыб.

Брр.

И я не настолько испорчена, чтобы не понимать всего этого.

– Я тебе благодарна, – слегка запнувшись, сказала я. В конце концов, с толпой злых мужчин лучше не спорить. – Я от всего сердца благодарна! Но... Я... я готова отработать свой долг! Я могу убирать или готовить!

– Мне не нужна кухарка, – ровно произнес он. – И вряд ли ты умелая прислужница, слишком руки у тебя мягкие. Что ж, я тебя

услышал, лильган. Думай, чем сможешь отдать долг. Время тебе – до заката. А пока – идем. Сегодня ты моя гостья.

Резко развернувшись, словно потеряв ко мне всякий интерес, ильх вышел из грота.

Торферд-Коряга укоризненно пощелкал языком.

– Зря ты обидела Шторма, дева. Ой, зря. Да еще в таких словах... Даже мне гадко. Поплавала бы с ним, уважила, что стоило-то? Нравится нашему хёггу с девами плавать, природа у него такая! Он тебе вообще честь оказал, а ты! Не каждый сунется в Белый Ёрмун, чтобы спасти чужую шкуру. Да что там! Никто не сунется.

– Почему ты зовешь его Штормом? – прошептала я.

– Так его все так зовут. Шторм он и есть, – очень «понятно» пояснил человек-медведь.

И продолжая качать головой и что-то бухтеть, Торферд указал мне на выход. Я вцепилась в мех плаща и двинулась следом. Шторм, значит... Хуже не придумаешь.

Шторм – это то, что однажды уже сломало мою жизнь и меня. То, что почти уничтожило.

И я точно не позволю этому повториться.

Глава 6

За гротом вилась узкая тропинка. С одной стороны ее подпирала скала, с другой – кедры, сосны и густой можжевельник. Земля шелестела сухими листьями и иголками, колющими мои босые ноги. Ботинки-то остались в воде фьорда, а новые мне никто не выдал. Но я шагала молча, поглядывая по сторонам. Ильхи растянулись цепочкой, идти по тропке можно было лишь по одному. Позади меня топал и сопел громила Торферд, так что я старалась быстрее переступить ногами и не спотыкаться. А то если такой здоровяк ненароком на меня наступит – раздавит и не заметит!

Шторм ушел вперед. Несмотря на хромоту, двигался он быстро и уверенно. Кажется, он и правда забыл о спасенной деве.

Но стоило мне об этом подумать, как ильх обернулся и махнул мальчишке-угольку, который первым заглянул в грот.

– Брик, отдай деве сапоги, – велел Шторм. – А то она исколет свои нежные пятки и сляжет на несколько дней. И кто мне тогда отдаст долг?

Ильхи рассмеялись, юный Брик поспешно стянул обувь и сунул мне. На Шторма он смотрел как преданный щенок и, кажется, готов был прыгнуть с утеса по одному лишь слову светловолосого варвара.

– Благодарю, – пробормотала я, натягивая жесткие сапоги. На левой подошве обнаружилась изрядная дыра, к тому же обувь оказалась мне велика. Но это точно лучше, чем топтать босой.

– Ага, так пятки ты успел изучить, да, Шторм? – ехидно протянул седой Эйтри.

Ильх обернулся, и на миг наши взгляды встретились. И снова почудилось, что в его глазах живет море...

– Она своими пятками мне все бока отбила, – с привычной уже насмешкой протянул он и отвернулся.

Варвары снова расхохотались, словно в этом было хоть что-то смешное! Насупившись, я двинулась дальше. Шторм рассказывал юному Брику о ночной битве с течением, и по его словам выходило забавное и веселое приключение, а вовсе не смертельная схватка. Я топала позади и сверлила взглядом спину этого вруна. Да на нем

живого места не осталось, а зубы скалит, словно всю ночь веселился! И остальные хохочут, будто верят!

Тропинка резко завернула, вильнула мимо густых и высоких зарослей и вывела на берег. Ильхи пошли дальше, а я застыла, даже забыв об опасном громиле Торферде.

Впереди темнела извилистая стена из черного камня. Старая, даже древняя. Покрытая лишайником и густо оплетенная колючими растениями. Но за ней... за ней... За ней где-то в вышине парил на скалах город! Я видела лишь его краешек, но даже этого хватило для изумления. Город наползал на гору, вился по ней серпантинном проспектов и мостов, стеклянными шпилями и малахитовыми колоннами, стремился ввысь, к самым облакам. Великие боги, что это был за город!

– Вот тебе и скромное поселение с козами, Мира, – ошарашенно пробормотала я. Фьорды весьма болезненно щелкнули по моему снобизму конфедератки.

Я открыла рот, глядя на вздымающиеся к небу башни. Потом взгляд переместился на железное кружево моста, соединившего скалы, на крепкие добротные здания. Вытесанный из серого и зеленого камня город казался драгоценной шкатулкой, невероятным видением. Дымка утреннего тумана таила его за воздушным шифоном, словно вуаль – лик прекрасной невесты.

– Эй, не смотри туда, – передо мной выросла мрачная фигура Торферда, закрывая обзор. Ильх выглядел рассерженным. – Ты что уставилась? Беды хочешь? На Саленгвард лучше не таращиться понапрасну. Ты что же, не знаешь?

– Я знала, но забыла, – торопливо выкрутилась я. – Я никогда его не видела. Саленгвард. Я не знала, что он такой.

– Да-а-а... – с непонятым выражением протянул «медведь». – Такой вот. Ну идем, нам сюда.

И повернувшись спиной к волшебному городу, начал вслед за остальными спускаться по склону. Значит, в этот Саленгвард мы не пойдем? Я ощутила острое разочарование. Тянуло приблизиться, взобраться на высокий пригорок и заглянуть за извилистые высокие стены. Хотелось увидеть не краешек, а весь Саленгвард. Хотелось рассмотреть, почувствовать, прикоснуться! Но ильхи решительно

свернули прочь от скал и двинулись через небольшой лесок вниз по склону. И мне ничего не оставалось, кроме как отправиться следом.

Мы шли, пока деревья не скрыли очертания далеких башен. Трава и колючие ветки поминутно цеплялись за подол моего плаща, приходилось его отдирать и ловить насмешливые взгляды ильхов. Варвары шли сквозь деревья так, что не вздрагивала ни одна ветвь, и, кажется, даже трава под их сапогами не приминалась! Я же собрала своим плащом все колючки этого леса, да еще и чихать начала. Горло нещадно першило, и я с печалью размышляла о том, что длительная простуда мне теперь обеспечена.

Густая занавесь иголок и листвы расступилась совершенно неожиданно, и перед нами раскинулся берег.

И тут я снова застыла.

У неровной и каменистой полосы земли плескалась вода. С двух сторон высились горы, по которым вились тонкие белые нити водопадов. Сама бухта расстилалась широким полукругом, заключенная в кольцо прибрежных скал.

А на мелководье лежали черные просмоленные хёггкары – не меньше сотни. Но все они выглядели ужасно. С пробойнами, кое-как залатанными светлыми досками. С кусками грязных и рваных парусов или вовсе без них. С обломанными мачтами. На некоторых кораблях не имелось носа или кормы. Многие суденышки лежали днищем кверху, беспомощные, как дохлые рыбыны. Здесь были огромные хёггкары и небольшие узкие лодки, на которые сверху пристроили дощатые крыши. Это была не флотилия, нет. Это был город из затонувших и поднятых кораблей. Их вытянули на мелководье и обустроили в качестве жилищ. Между домами-хёггкарами тянулась паутина скользких досок. Иногда они пролегали низко, у самой воды, иногда – высоко, над бортами. Пробойны в кораблях служили окнами, дверьми и дымоходами – порой всем одновременно.

И сейчас в эти дыры выглядывали люди. Заметив нашу процессию, кто-то замахал Шторму. Несколько ильхов расположились на берегу, одни чинили сети, другие о чем-то спорили. Пахло дымом, рыбой и кислым хлебом, так что мой рот поневоле наполнился голодной слюной.

– Хвален-стяг к твоим услугам, дева, – произнес мой спаситель, сделав широкий жест рукой. Оказывается, он стоял совсем близко.

– Хвален... стяг? – повторила я, пробуя на вкус незнакомое слово.

– Чаще его называют Последний Берег. Берет все и ничего не отдает. Хотелось бы добавить, что это лучшее место на земле. Но не стану врать, – зло усмехнувшись, ильх кивнул мальчишке: – Брик, отведи деву на «Медузу». Дай ей одежду и накорми. И... пусть Нана приготовит для гостьи отвар. – Ильх с сомнением осмотрел меня, что-то прикидывая, и добавил: – Пусть насыплет ей щепоть пепла. Дева долго проболталась в воде.

Эйтри недовольно цыкнул, глянув на меня своими жуткими глазами. Развернулся и быстро пошел к хёгткарам. Остальные ильхи устремились за ним.

Юный Брик потоптался рядом, оставляя на земле следы босых ног.

– Идем! Ну идем же! – поторопил мальчишка с досадой. Похоже, ему не понравилась необходимость «нянчиться» с гостьей-чужачкой.

Я послушно двинулась за ним, а когда обернулась – Шторм уже ушел.

«Медуза» оказалась небольшим хёгткаром, к моему удивлению – почти целым. Парусов только не было, а мачта торчала черным сломанным клыком. Корабль лежал в отдалении от основного плавучего города, за нагромождением валунов. На многих хёгтках я видела веревочные лестницы, но здесь, к счастью, на борт вела доска с прибитыми дощечками. И почему-то, глядя на нее, я снова вспомнила, как Шторм хромал по тропинке.

Лавок для гребцов на корабле не было. Половину судна накрывала «крыша» из досок и выделанных шкур. Внутри обнаружилась одна длинная, но узкая комната. Я осмотрелась. В самом дальнем углу – кровать, укрытая шкурами и одеялами. С потолочной балки спускались две полосы тяжелой ткани, образуя над ложем своеобразный балдахин. Вероятно, для защиты от ветра и холода. Сбоку стол, сооруженный из старого ящика, поставленного на одну кривую деревянную ножку. Рядом – скамья, несколько глубоких корзин и сундук с тяжелым замком. Пол покрыт сухим тростником. В углу высилась большая, с меня ростом, пузатая колба, доверху наполненная тлеющими углями. Я удивленно потрогала ее теплый бок, размышляя, как варвары изготовили такую большую и почти идеально ровную стеклянную посудину?

Квадратные отверстия, в которые некогда просовывали весла, оказались забиты досками, чтобы не пропускать холод. Лишь одно оставили открытым, и толстый луч дневного света рассекал эту странную комнату на две части.

Я снова осмотрелась. Да уж... О комфорте здесь можно только мечтать.

– Чей это... дом?

– Шторма, конечно. Ты ведь его гостья. Можешь поспать или отдохнуть, делай что хочешь. Шторм сегодня переночует в другом месте.

Сегодня. А завтра? Когда я перестану быть гостьей и стану просто должницей?

– Мыться мы ходим в гроты, – важно сообщил Брик, роясь в одной из корзин.

Я вытянула шею, пытаюсь рассмотреть ее содержимое. И увидела одежду, одеяла, шкуры, какие-то деревяшки и остатки утвари. Целую кучу непонятного барахла.

– Но в тот, где ты была, больше не ходи, этот грот лишь для Шторма. Он злится, если туда чужой заходит. А Шторма лучше не злить... Это лишь сегодня мы не выдержали, потому как старый Дюккаль увидел, как хёгга тащит по камням Белый Ёрмун.

Я моргнула с недоумением. Шторма лучше не злить? Странно, вообще-то ильх не показался мне опасным или агрессивным. Тот же Торферд-Коряга выглядит куда внушительнее, чем мой светловолосый хромающий спаситель.

– Да и далеко тот грот, ходить туда все равно неудобно, – между тем продолжил мальчик. – А за деревьями есть еще один, здоровенный! Его уже люди сложили, над источником, чтобы греться и отмываться от грязи. Вот туда можно ходить. А когда захочешь в нужник, топай за скалы, дома должна быть чистота! Нет, на «Медузе», конечно, есть нужная дыра, найдешь, если что... Но лучше иди за скалы, поняла?

Я сдержала улыбку. Чистота у них дома, ну надо же! Представила, как сижу под каким-нибудь колючим кустом, да еще и во время дождя, и немного грустила. Но тут же себя одёрнула. Ничего, это все временно. Вернусь домой и снова буду радоваться благам

цивилизации. И таким достижениям великого прогресса, как туалетная бумага и унитаз.

– А кто живет в том городе? В Саленгварде? – не сдержала я любопытства.

Но тут Брик помрачнел, насупился. Глянул на меня косо и буркнул:

– Ты совсем без головы? В Саленгварде жить нельзя. Смерть там.

Я от души чихнула и задумчиво сдула с носа длинную челку.

– Постой-ка... Ты хочешь сказать, что весь этот город, весь огромный город – стоит пустой? И что там никто не живет? Совсем?

Это не укладывалось в моей голове. Зачем ютиться на гнилых дырявых хёггках, если рядом пустует целый город? Основательный, хороший, удобный город?

Ерунда какая-то!

Брик развернулся и сложил на груди руки, изо всех сил копируя позу и мимику Шторма. Но у того это получалось естественно, а худющий мальчишка с поднятыми лохматыми бровями выглядел в такой позе смешно и нелепо.

Но, конечно, я не стала об этом говорить и снова удержала улыбку.

– Нельзя там жить, дева! Ты что же, не знаешь о Саленгварде? Все знают!

– Я издалека, – неопределенно пожала плечами.

– Саленгвард – это гибель, – понизив голос до испуганного шепота, сказал мальчишка. – Каждый, кто войдет в город, будет проклят Перворожденными. Духи от них отвернутся. И даже после смерти не примут на вечный пир. В Саленгварде смерть выпивает сначала тепло, потом дыхание. Забирает по капле, а потом ничего не остается. Все мертвое.

Я едва слышно хмыкнула. Что еще за глупые байки?

– Ты сам-то там был?

Мальчик вытаращился так, словно я сказала великую глупость. Глянул боязливо через плечо.

– Смеешься? Нет, конечно. Хотел как-то глянуть, но меня Шторм потом так уму научил... – Брик слегка сконфузился. – Нельзя живым в Саленгвард. Его риар много лет назад нарушил законы Перворожденных. И они его проклинали навеки. Мертвое там все... Даже дышать трудно. Хочется грудь разодрать, чтобы хоть глоток

сделать! Камни там мертвые, земля мертвая, лес, что рядом... Жуть одна. Все погибло! Даже на охоту мы ходим за дальние скалы, три дня идти надо! Через перевал. И даже там мертвечиной тянет. Одну лишь воду убить не удалось, потому как вода вездесущая. И течет со всех сторон, и обновляется каждый день. Воду не убить даже Саленгварду. Мы потому на воде и живем, лильган. Пока еще живем. Потому что... Знаешь что! Не говори о Саленгварде! Не смотри в его сторону и не думай. Не буди то, что за стеной.

Он осекся, насупился и замолчал. Я поняла, что больше о пугающем месте Брик не скажет. Ну и ладно, у меня и других вопросов полно.

Лильган... я покрутила в голове непривычное слово. Кажется, я уже поняла, что оно значит. Должница.

А вот что значит другое слово – кьяли?

Я спросила, и мальчишка неожиданно ярко покраснел.

– Это... ну в общем... нежданное сокровище. Так говорят женщине, которая... которая... ну, вызывает сильное... вожеление!

– Не продолжай! – Я уже пожалела, что спросила. – Вообще-то меня зовут Миранда. Мира.

– Ты странная, Мира. Очень странная! – округлил глаза паренек.

Я рассмеялась и пожала плечами, решив, что это лучший ответ, когда ничегошеньки не понимаешь!

Мальчик снова вернулся к корзинам. Поиски его наконец увенчались успехом, и Бриг, сунув мне в руки комок тканей, вышел. Я же с содроганием стянула с себя влажную одежду и с блаженным стоном облачилась в сухое и теплое. Мне выдали вытертую синюю рубашку, явно мужскую, пришлось подворачивать длинные рукава. От ткани пахло сухими травами и тоже – солью. Ею тут пропахло абсолютно все. Сверху я натянула серое платье без рукавов, с высокими боковыми разрезами и низкой горловиной. Край платья украшал белый узор. Я удивленно погладила вышивку. Гладкие стежки лежали ровно-ровно, один к одному. И казалось, рисунок нанесли не иголкой, а кистью. Скалы, солнце и лунный месяц, звезды, и конечно – извилистая лента фьордов, тянущаяся по всему подолу. Вроде и просто, а красиво так, что глаз не оторвать. Какая мастерица сшила и украсила это платье? Оно не новое и явно многократно стиранное. Но даже несмотря на мешочки с сухими травами, от ткани тянет

затхлостью. Эту вещь очень давно не доставали из корзины. Я снова погладила вышивку. Платье и рубашка – чистые и сухие, и это самое важное. Хотя сейчас я бы надела что угодно, лишь бы согреться! На ноги полагалось натянуть тонкие штаны, вязанные носки и башмаки. К счастью, они пришлись мне впору.

Подсохшие волосы я кое-как расчесала пальцами и стянула в хвост выданной веревочкой. Только вот челка упрямо падала на лоб и щеки, так что я периодически ее сдувала. По меркам варваров было совсем тепло, на берегу многие ильхи расхаживали босиком, с подвернутыми до колен штанами и в легких безрукавках, а то и вовсе без них.

«Фьорды согрелись», – сказал капитан.

Я же снова расчихалась и поэтому мрачно натянула сверху еще и плащ. Короткий мех на опушке неуловимо пах морем. Совсем как светловолосый варвар со странным именем.

С досадой мотнув головой, чтобы выбросить из нее слишком навязчивое воспоминание, я вышла из «комнаты». Бриг, увидев меня, кивнул одобрительно и повел обедать.

Увы, вдобавок к чиханию меня начало знобить. Я куталась в плащ, уныло размышляя, удастся ли найти на этом берегу хоть какого-нибудь врача. Или кто у них тут? Знахари? Мне бы не помешала пара пилюль с антибиотиком и антисептиком! Конечно, здесь я не найду ничего подобного, но вдруг у местных имеются хоть какие-то снадобья? Я скривилась, представив себе лекарство из сушеной жабы и водорослей. Чем еще могут лечить варвары? О нормальных лекарствах здесь и не слышали! Хотя местные ильхи выглядят удивительно здоровыми и крепкими. Верно, на них климат влияет! И хорошая экология.

Ссадины на моем теле тоже болели, добавляя «приятных» ощущений. Я приложила ладонь к горячему лбу и поняла, что дело плохо. Меня потряхивало от поднимающейся температуры, даже аппетит пропал. Хотела окликнуть Брика и сказать, что обойдусь без обеда и лучше вернусь на «Медузу», но мальчишка уже пробежал по шатким доскам и оказался на берегу. На границе с водой лежала большая перевернутая ладья. В нее иногда входили ильхи, и именно из ее пробоин-окон тянуло дымом и едой. Брик юркнул в проем, так что мне ничего не оставалось, как пойти следом.

Поморгав, я постояла на пороге, привыкая к полумраку. Внутри лодки-таверны обнаружились несколько длинных столов и подле них – лавки.

– Здесь готовит Нана, – пояснил Брик, снова возникая рядом. – Берет недорого, а еда у нее всегда вкусная! Тебе туда. – Брик ткнул пальцем на скамью. – Ты дева, но не родовитая, значит, должна сидеть с краю... Но сегодня ты гостя хёгга... Значит, надо посадить на лучшее место. Точно, туда!

Я устало покачала головой, пытаюсь уяснить правила местной иерархии. Хотя какая разница? Туда, значит, туда! Я готова и на пол сесть, не гордая. Голова закружилась, а от запахов еды к горлу подкатила нехорошая тошнота. Вот же гадство.

Я села на доску, укрытую шкурой, и тяжело сглотнула.

– Знаешь, Брик, я, кажется, не голодна...

– Садись, садись, сегодня Нана приготовила суп из медвежатины. Торферд – ее брат, лишь вчера притащил, огромный зверюга был! Больше самого Торферда! Вкуснятина!

Я моргнула и не стала говорить, что вполне обошлась бы без таких подробностей. Джет несколько лет назад вступил в фонд защиты диких животных, и я тоже, желая быть к нему ближе. Интересно, как отреагировали бы члены фонда на суп из медвежатины?

Промеж лавок пытел жаром каменный круг, в котором лежали угли. Но к моему удивлению, дыма от них почти не было. Над кругом исходил ароматным паром большой котел с мясной похлебкой. Рядом топталась женщина-великанша. Огромная, так сильно похожая на Торферда, что не оставалось сомнений в их близком родстве. На самом деле она выглядела его почти полным близнецом. Только лицо кухарки было лишено обильной черной растительности, а впереди виднелась пышная грудь. В остальном же – ну точная копия! На женщине было широкое зеленое платье без рукавов, богато украшенное серебряной и золотой вышивкой, а из-под подола виднелись кожаные мужские штаны и огромные грубые сапоги. На внушительном бюсте блестели две крупные, с кулак, серебряные застёжки, а между ними свисала толстенная цепь. Оголенные руки Наны заботливо обнимали широкие и блестящие браслеты, похожие на ободья колес, а пальцы сверкали от массивных колец. В спутанных черных волосах болтались многочисленные украшения – монеты, бусины, стеклышки и кусочки

дерева. А на широком кожаном поясе звякали различные висюльки и набитые добром мешочки. Похоже, эта удивительная женщина таскала на себе все свое богатство.

Я опустила голову, скрывая улыбку. Ну вот, теперь понятно, как должна выглядеть приличная девушка. Не то что я, нищенка!

– И кто это у нас тут? – вскинув кустистые черные брови, пробасила великанша.

– Гостья Шторма! Он велел накормить ее и напоить отваром пепла! Целую щепоть велел насыпать! – бодро отрапортовал Брик.

Женщина хмыкнула и подошла ближе. Снова уперла руки в бока, рассматривая меня.

– Тонкая и нежная, никуда не годная! – постановила великанша презрительно. – Ее же тронь – так сломается! И что за девы нынче пошли! Ни меч поднять, ни ильха в первую ночь приласкать! Никуда не годная дева!

– Я годная, – огрызнулась я сердито, но женщина уже ушла. Вернувшись, она бухнула передо мной тарелку густого варева. На поверхности в слое жира покачивались сухари и шкварки.

Я сглотнула сухим горлом.

– У вас нет другой еды? Это... это слишком жирная пища. Вредная.

Нана изумленно подняла брови. Брик вытаращился, словно я сказала несусветную глупость.

– Шторм ее через Белый Ёрмун тащил, – громким шепотом поведал мальчишка. – Видать, малость того... головой ударилась!

– Ааа, – понимающе хмыкнула Нана.

– Ничего я не ударилась! К тому же я здесь и все слышу.

– Со слухом вот уже порядок, а с головой еще беда-а-а, – все так же тараща глаза, пояснил вредный мальчишка, и Нана поняливо что-то забормотала.

Продолжая бурчать себе под нос – видимо, это была их семейная привычка, – повариха вернулась к своему месту и достала из сундука маленькую шкатулку. Я вытянула шею, внезапно заинтересовавшись. Под крышкой белел порошок, отливающий красноватым блеском. Этот блеск был удивительным и ни на что не похожим, словно по белому снегу пробегала жаркая искра. Глянешь – и видишь ее. Глянешь снова – и нечего нет, лишь белые крупинки.

Нана осторожно подцепила шепотку, кинула в кружку, залила горячей водой и принесла мне.

– Пей, малохольная. Живо давай, что таращишься, как испуганная коза?

То ли от поднимающейся температуры, то ли от того, что мне становилось все хуже, я не стала спорить, а просто в несколько глотков выпила отвар. Вкус оказался солоноватым. Неужели мне насыпали обычную соль? Вдруг варвары считают ее лекарством? Тогда придется их разочаровать, от высокой температуры и многочисленных ушибов соль не поможет.

– Ну вот и хорошо, вот и славно, – неожиданно ласково проговорила Нана и отобрала у меня пустую кружку. – А теперь супца наверни, да с мясцом, и совсем полегчает.

– Я не хочу есть... – начала я, но великанша уже ушла. Несмотря на внушительные размеры, двигалась она легко и даже как-то грациозно.

Я поворочала языком, сглатывая сухим и больным горлом слюну. И тут ощутила, как внутри разгорается пламя. Обжигающая лава прокатилась по венам и мышцам, меня бросило в жаркий пот. Дышать стало нечем. Я открыла рот, пытаюсь сделать хоть один глоток спасительного воздуха. Единый, неужели мне дали яд? Но зачем? За что?

В глазах потемнело.

На миг я лишилась всех органов чувств, я почти умерла.

Я...

Хотела закричать, но не смогла.

И тут все закончилось. Лава схлынула, словно ее смыли прохладной родниковой водой. Я жадно втянула воздух. И снова! И тут поняла... что горло не болит. Совсем! Заложенный нос снова свободно дышит, а легкие не горят на каждом вздохе. Не веря, прижала ладонь ко лбу. Все еще жаркий, но озноб почти прошел. Температура спадает! Симптомы болезни, которая по всем признакам обещала стать затяжной и тяжелой, отступили буквально за несколько минут! Но как это возможно? И еще... мне до одури захотелось есть! Вот просто невыносимо!

Пока я изумленно пыталась понять, что со мной происходит, Нана поставила рядом с моей тарелкой исходящую паром кружку, от

которой пахло дикими ягодами. Брик получил такой же набор и уже вовсю уплетал свой обед.

Я осторожно опустила ложку в густой жирный суп, щедро сдобренный шкварками и сухарями. За такой обед любой пловец получил бы по шее от тренера. Еда должна быть питательной и легкой. Лучше всего – смесь протеина и витаминных добавок, от них и тело сильное, и разум ясный. Правда, и вкуса почти никакого, но так еда ведь нужна не для того, чтобы ублажать язык. Так делают лишь глупые дикие варвары. Я же уже много лет питалась лишь рекомендованной едой.

Я поболтала ложкой, не решаясь отправить жирную похлебку в рот. Но голод взял свое. Осторожно сунула в рот, подержала. Проглотила. Посмотрела на ухмыляющуюся Нану. И торопливо зачерпнула еще варева, да побольше!

Кушанье оказалось непривычным, но очень вкусным. Невероятно, восхитительно вкусным! Или я настолько проголодалась? Не в силах сдерживаться, я начала лопать наперегонки с Бриком, хлебая суп и заедая лепешкой. И даже не заметила, как съела все, целую тарелку!

По телу разлилась восхитительная блаженная сытость. Кажется, во время еды я даже немного мычала, совершенно забыв о культурном поведении за столом. Казалось, заberi у меня ложку – и я буду пить прямо из тарелки, а отberi тарелку – и я перегрызу мерзавцу горло.

– Голод скоро пройдет, – понимающе улыбнулся Брик, который уже прикончил свою порцию и довольно облизывал пальцы. – Это все из-за пепла. Целая щепоть, вот ты и голодная... Ничего, зато болезнь исчезнет без следа. Благодарю Шторма за щедрость, не каждый гость получает целую щепоть пепла. Но ты и правда дева нежная, разболеешься, хуже будет.

«Это я-то нежная?» – едва не завопила я, но рот был занят едой. Да я профессиональная спортсменка! Какая тут нежность?

Кстати, а почему белый порошок называют пеплом?

По примеру Брика я облизала ложку, но к счастью, голод и правда почти отступил.

– Что такое пепел? Тот порошок, что вы мне дали? Это лекарство? Растение? Или какой-то корешок? Он растет здесь? Это же изумительно. У него просто потрясающее действие, вы это знаете? Нет, это же невероятно! Лучше, чем антибиотик!

– А вот пустой болтливости после пепла я раньше не замечал, – задумчиво протянул вредный мальчишка. – Видать, это у тебя врожденное! Конечно, мы знаем о свойствах порошка. Не переживай, болеть ты теперь не будешь. Ну, я пошел, на «Медузу» ты и сама можешь вернуться. Дел еще полно!

И Брик сбежал, прихватив свою грязную тарелку. Я с сожалением посмотрела на пустую свою. Хотела попросить добавки, но тут ощутила, что совершенно сыта! Вот просто под горлышко. Голод и правда отступил так же внезапно, как и моя болезнь.

А еще показалось, что я стала лучше видеть. И слышать. И... обонять! Все мои органы чувств словно омыли живительной водой, убрав накопившуюся с годами пыль и сняв клочья паутины. И все они теперь сияли и блестели от свежести и чистоты.

Изумительно!

Желая подтвердить смутную догадку, я задрала рукав и уставилась на свою руку. Еще час назад на запястье красовался темно-фиолетовый синяк. И сам локоть опух, я сильно его ушибла. А сейчас не было ни боли, ни... синяка. От него остались лишь желтоватые очертания, словно с момента удара прошла пара недель.

И что-то мне подсказывает, что такую же картину я увижу на всем своем теле. Но как это возможно? Как? Что за чудесный порошок, обладающий такими исцеляющими и обновляющими свойствами? Да ни одно лекарство Конфедерации на это не способно!

Я вернула рукав на место. Ответов у меня, конечно, не было. А местные явно не собираются просвещать меня насчет пепла. Вон даже Брик – мальчишка совсем, а как ловко ушел от моих вопросов.

Покачав головой, я решила пока оставить все их при себе. Чувствовала я себя теперь просто превосходно. Вот только и за это тоже надо благодарить Шторма.

Глава 7

Пока я наворачивала похлебку, помещение заполнилось местными жителями. Вошедшие ильхи тихо переговаривались и с явным интересом поглядывали в мою сторону. Один даже поднялся, намереваясь подойти, но тут Бриг громко сообщил, что я гостья Шторма. И сразу все головы повернулись в другую сторону, а смельчак и вовсе сел ко мне спиной.

Я задумчиво сдула со лба челку. Дела! Кажется, мой спаситель обладает здесь авторитетом, и стать его гостьей означает получить охранную грамоту.

И снова я задалась вопросом, что будет, когда эта защита закончится.

Проглотив все до последней капли и повторно облизав ложку, я отнесла тарелку великанше и поспешила уйти. Бриг остался за столом с ильхами, похоже, он решил, что его миссия по спасению чужачки закончилась.

Я пошла вдоль моря, размышляя, что делать дальше, и поглядывая по сторонам. Встречные ильхи смотрели с интересом, но не подходили. Наверное, уже знали, что Шторм притащил очередную гостью. И теперь я должна ему не только за спасенную жизнь, но и за одежду с едой. И за свое чудесное исцеление. А времени на раздумья мне дали лишь до вечера. И чем я буду платить? А главное – как мне отсюда выбраться и доплыть до Нероальдафе, где ждет сестру Андерс Эриксон? Может, угнать одну из дырявых лодок? Я фыркнула, представляя себе эту картину. И все же решила присматривать подходящие посудины, на случай, если более разумного плана в моей голове не появится.

За огромными, покрытыми мхом валунами стекал по камням тонкий водопад. А над узким потоком речушки стоял крепкий дощатый домик. Некоторое время я смотрела на него, гадая, зачем здесь поставили такое сооружение. Потом поняла. Да это же и есть нужник! Осторожно заглянула внутрь. Там обнаружилась пара досок, на которые можно сесть, и дыра в них. Запаха, которого я опасалась –

не было, все уносил поток, протекающий под домиком. Значит, мокнуть под кустом не нужно, вот радость-то!

Сделав в нужнике необходимые дела, я в задумчивости свернула с утоптанной травы и посмотрела наверх. Туда, где поднимался город.

Что делать, если у тебя ничего нет?

Поискать там, где что-то может быть!

В рассказанные Бриком страшилки я, конечно, не верила. Проклятия, перворожденные... Ерунда какая-то! Внутри поселилась яркая, хмельная бесшабашность, и я решительно двинулась наверх, к Саленгварду. Стена вокруг города казалась черной извилистой змеей. Оглянулась – меня никто не останавливал и не кричал вслед. Рядом вообще никого не было – только кусты и деревья.

Размышляя о своей участи, я поднималась все выше. Вот и тропинка, что ведет к гроту Шторма. И стоило подумать о нем, как внутри лизнуло жаркой волной.

«Поплаваешь со мной, кьяли?»

Кьяли-сокровище. Демоны! Ну почему я снова о нем думаю!

Нахмурившись, я обернулась.

Сверху лодки и корабли напоминали ракушки черных рапанов, вода в заводи казалась светлой. Бухту со всех сторон закрывали скалы, и даже в воде они сужались кольцом, оставляя лишь неширокий проход. Я снова повернулась к стене. У ее подножия клубился туман, он же обволакивал пеленой дома и башни города. А ведь солнце уже высоко... Но от Саленгварда ощутимо тянуло сыростью. Кедр и сосны сменились кривоватыми лиственницами, полянки с мелкими цветами тоже стали исчезать, заменяясь мхом. Серые камни и огромные валуны облепляли лишайники. Я поднималась в гору, но ландшафт сменялся так, словно напротив – опускалась в низину. Солнце закатилось за скалу, и Саленгвард снова окрасился в глубокий синий цвет. Со стороны города не доносилось ни звука. Неужели там действительно никого нет? Но это ведь глупость! Что может выгнать людей из удобных и красивых домов? Да еще и этот туман... Ерунда какая-то!

А может, Брик соврал? И за городской стеной живут люди, которые мне помогут? Точно! Наверняка, так и есть.

До стены оставалось совсем немного, я уже видела ее – огромную, в три моих роста. А то и выше! Как варвары сумели

сложить ее без специальной техники и грузоподъемников? А весь город? Еще одна загадка фьордов...

Добравшись до вожаемой цели, я выдохнула и потрогала камни стены. Холодные. Словно их никогда не касались солнечные лучи. Перелезть через такую преграду невозможно. В кладке почти не было выступов – настолько плотно прилегали друг к другу гладко обтесанные камни. И снова возник вопрос – как варвары это сделали. Что за инструмент стесал камень до гладкости стекла?

Качая головой, я двинулась вдоль стены, надеясь найти какую-нибудь лазейку, чтобы пробраться на другую сторону. Мне повезло: через сотню шагов я увидела сползающие по стене стебли засохшего плюща. Наверное, когда город был обитаем, стену чистили от выходящих растений, а сейчас заниматься этим стало некому. Располагался плющ довольно высоко, но я разбежалась, подпрыгнула и сумела уцепиться за стебли. Растение выдержало, а я, подтянувшись, шустро полезла наверх. Добравшись до верха, перемахнула через нее и спустилась вниз.

Выдохнула. Я здесь! В Саленгварде!

Прямо передо мной расстилалась улица. Неподалёку стояли дома – деревянные стены и крыши были сплошь укрыты бурым мхом, засохшими колючими растениями и бледными поганками. Я осторожно двинулась вперед, осматриваясь по сторонам. В крови кипел азарт, все чувства обострились до предела.

– Эй, – негромко произнесла я, приблизившись к одному из домов. – Есть кто-нибудь?

Мне никто не ответил. Над городом висела тишина, только вдалеке шелестела стекающая вода. Я двинулась дальше, вглубь города. Деревянные дома сменились каменными, тоже сплошь покрытыми лишайниками и влажными грибами. С удивлением я обнаружила, что в окнах есть стекла! Стекла! Не привычные мне, а словно созданные из множества ледяных чешуек, складывающихся в замысловатый узор. Одноэтажные постройки сменились двухэтажными, но я по-прежнему не видела людей. Как же так? Выходит, мальчишка не соврал? Но почему люди покинули город? Почему живут на воде, ютятся на разбитых хёггках, когда здесь стоят такие крепкие дома?

Непонятно.

И очень, очень странно. Еще мальчик говорил, что здесь трудно дышать. Я постояла, делая глубокие вдохи. Создавалось ощущение, что воздуха и правда меньше, чем на берегу. Словно дышишь, а надышаться не получается. Но это чувство было знакомым... Так же дышится в столице Конфедерации.

Или все дело в тумане, ключьями расползающемся вокруг?

Задумавшись над этим необычным открытием, я двинулась дальше. Может, заглянуть в один из домов?

Решившись, я толкнула деревянную дверь. Не заперто. Постояла на пороге, моргая и привыкая к полумраку. Взгляду открылась комната, вполне обычная, если не считать плесени на стенах и лишайника под ногами. Я осмотрелась. Резной стол у окна, кровать с широким изголовьем и резьбой по дереву. В переплетении линий взлетали в небеса хёгги, распускались бутоны, плескалось море. Красиво... Одежда и тюфяк от времени превратились в гнилую ветошь, прикасаться к ним я не стала. Сделала несколько осторожных шагов. В углу качнулся на сквозняке пыльный стеклянный цветок, внутри которого...закручивались тонкие зеленые спирали. Единый, да это же лампа! Почти такая же, как у меня дома! Невероятно!

Осторожно повернула витой рычажок. Но чуда не произошло, лампа не вспыхнула светом.

– На что ты рассчитывала, Мира, – усмехнулась я, оглядываясь. – Неужели ты действительно ожидала, что в древнем городе варваров имеется электричество?

Подошла к столу. Его покрывал толстый слой трухи и вековой пыли. В центре высилась горка забытой посуды. Я сняла верхнюю, удивленно провела по гладкой, словно облитой шоколадной глазурью поверхности тарелки. Поразительное мастерство! На полке сбоку примостилась утварь попроще, глиняная. Я заглянула в глубокую миску, вытащила мелкий предмет, подняла к свету. Рыболовный крючок. Железный. Четкой формы и почти не заржавевший. И это удивительно, все-таки в Саленгварде довольно сыро.

Наверху что-то приглушённо грохнуло. И, несмотря на мою браваду, страх вымел меня на порог, словно сквозняк – пылинку. Отбежав на пару шагов, я обернулась. На втором этаже дома болталась оконная створка, она-то и стучала от ветра. Вот я глупая!

Рассмеявшись своему страху, я двинулась вперед. Улицы Саленгварда расширились, стрелами сходясь к главной площади. Удивительно, но под слоем лишайников и разросшихся бледных грибниц я заметила добротную и почти целую брусчатку, а по краю ее – сливные канавки и высокие железные шесты. Словно цветы на тонких ножках. Некоторое время я рассматривала их с недоумением, а потом догадалась. Да это же фонари! Уличное освещение! Невероятно.

Ноги сами принесли меня к площади. Удивительно, но здесь все выглядело хуже, чем на окраинах. От домов остались лишь развалины. Некогда красивая и светлая площадь сейчас была похоронена под слоем камней и обрушившихся деревьев. Те, что уцелели, тянули вверх сухие корявые ветки, словно просили у неба пощады. Листвы на них не было, а стволы темнели от плесени и мха. Может, город погубила буря? Свалила высоченные дубы, выбила стекла из домов, разрушила стены? Осторожно переступив через поваленный ствол, уже почти сгнивший, я посмотрела на странное украшение площади. В ее центре возвышались три железных меча, до половины воткнутые в землю. Черный металл покрывали символы, кажется, тоже руны. Хотя под слоем грязи и ржавчины ничего толком не разобрать.

Я подошла ближе, пытаюсь рассмотреть символы. Непонятные, но такие притягательные... В их плетении таилась ускользающая красота, Которую хотелось разгадать. Медленно протянув руку, я тронула нацарапанные знаки.

– Ай!

Ладонь ужалило холодом, словно я коснулась вечной мерзлоты. На кончике пальца выступила капля крови.

– Острый! – удивилась я. А ведь казалось, мечи давно затупились от непогоды и времени.

Растирая руки, я отошла от мечей подальше. В глупости вроде проклятия я, конечно, не верю, но почему-то стало не по себе.

За мечами начиналась широкая лестница, ведущая в небеса. Так мне показалось. Я окинула изумленным взглядом тысячи ступеней. Там, наверху, за лестницей, простирались скальные террасы с роскошными строениями, спящими в окружении статуй и парящих орлов. Где-то тихо шелестела вода, стекая по камню. И стлался туман, пеленой окутывая весь город. Хотя если присмотреться, клочья марева

напоминали не туман, а скорее сизый дым. Но запах гари не ощущался. Тогда откуда он?

Я заворуженно уставилась на вершину лестницы, пытаюсь рассмотреть сквозь марево величественное серо-зеленое здание и удивительные скульптуры вокруг. На верхней террасе, почти упираясь крышей в шапку низкого облака, стоял самый настоящий дворец, окруженный четырьмя башнями. В отличие от зданий вокруг площади, он казался совершенно целым и нетронутым. За ним высился огромный барельеф, выточенный на скале. Присмотревшись, я увидела мужской силуэт со сложенными у груди руками. И мне до безумия захотелось подняться наверх, войти в малахитовое здание, увидеть больше!

Но странный дым-туман мешал, двигался, застилал скалы покрывалом. Может, это марево и есть причина страха местных ильхов? Признаться, даже мне – рациональной до мозга костей жительнице Конфедерации – стало не по себе, пока я всматривалась в него. Казалось, внутри сизой вуали кто-то движется, но тут же дым расходился, обнажая лишь камни да кривые засохшие деревья.

Я потянула носом. Запах я заметила еще в заброшенном доме, но вот странность. Здесь, на открытом воздухе, он был сильнее. Сладковатый и горький одновременно. Некоторое время я хмурилась, пытаюсь понять, что ощущаю. А потом сообразила. И узнав, попятилась. Воспоминания вдруг нахлынули штормовой волной, выбивая из меня и решительность, и оптимизм. Память услужливо отворила ворота бездны, гостеприимно предлагая рухнуть на дно. Снова. Как тогда...

Да, я знала этот запах. Тлен. Смерть. Кровь. Нечто отвратительно гадкое и в то же время так хорошо знакомое...

Сизое марево хлынуло вниз потоком. Террасы затянулись дымом целиком. Кажется, даже солнце исчезло.

Иррациональное чувство страха затопило сознание, и, развернувшись на пятках, я пулей понеслась обратно к стене. Я никогда в жизни так не бегала! Неслась, не чувствуя под собой земли! По сухому плещу я взлетела птицей, распласталась наверху и тяжело втянула воздух. Обернулась. Саленгвард выглядел совершенно пустым и таким же тихим. Просто заброшенный город. Ничего пугающего.

Азарт схлынул, и я вдруг ощутила себя разбитой и уставшей. И чего я понеслась прочь? Все дело в воспоминаниях.

Хлюпнув носом, я посмотрела вниз и тут до меня дошло.

Демоны, да я же просто взлетела на эту стену! Как мне это удалось? Я, конечно, слышала, что от страха люди еще и не такое проделывали, но... но, кажется, все дело в черном порошке, который я выпила. Он причина моей силы, скорости и бесстрашия! И, кажется, его действие начинает отступать, потому что я вдруг осознала, что лежу на пятиметровой высоте и боюсь слезать.

Надеюсь, никто не наблюдал мой спуск, потому что он точно не отличался изяществом. Скорее, я напоминала мешок картошки, неуклюже сброшенный сверху. Покряхтев и отряхнув платье, я побрела обратно к берегу, размышляя о том, что видела, и что мне делать дальше. И чего я так испугалась? Надо было подняться наверх, посмотреть в других домах. Вдруг удалось бы найти что-то ценное, чтобы заплатить свой долг? Идея мне не слишком нравилась, она дурно пахла мародерством. Но какие еще у меня варианты? Да и вряд ли я нашла бы в опустевшем городе что-то, не обратившееся в труху. Брик сказал, что город давно заброшен, там наверняка уже побывали целые толпы разбойников, жаждущих наживы. Остались лишь стены да камни. А их не предоставишь в качестве выкупа!

И что же мне теперь делать?

Пока я блуждала по склонам и лазила через стены, солнце докатилось до снежных верхушек гор и свалилось в просвет между ними. Тени удлиннились и потемнели, день клонился к вечеру.

А я так и не придумала, чем буду платить за свое спасение! Да и что я могу? У меня ничего нет.

Мрачней с каждым шагом, я двигалась к берегу.

И тут на скалах что-то звякнуло! А потом отозвалось эхом чуть ближе, и еще! Словно там засели наблюдатели, которые били в гонги, передавая друг другу какую-то весть. Я ускорила шаг, а потом и вовсе понеслась, подобрав плащ, чтобы не путался в ногах. Из домов-хёггкаров выбегали люди. А между скальными воротами бухты покачивался корабль.

Корабль!

А вдруг... вдруг это за мной? Вдруг Андерс Эриксон каким-то образом прознал, где его «сестра», и прислал помощь?

Шальная надежда подарила мне крылья, и я понеслась к воде. К моему удивлению, пришлый хёггкар не заходил в бухту, а стоял между скалами, словно чего-то ждал. Но чего? На его боках блестели в лучах солнца белые щиты.

Рядом со мной оказался Брик и тоже козырьком приложил руку ко лбу, всматриваясь в воды.

– Почему он не заходит в бухту? – забеспокоилась я. – Чего ждет?

– Так преграда там. Никто просто так не войдет! – Мальчишка широко улыбнулся, показав щербатый рот.

Он подмигнул и рассмеялся. Среди серых волн мелькнуло извилистое тело морского змея. Шторм! Он был там, в воде. Сцепив от волнения руки, я смотрела, как голова змея приподнялась над водой. И тут из-под днища корабля выскользнул еще один хёгг! Кажется, два змея друг друга поняли, потому что Шторм стремительно ушел в глубину, а узкая ладья с завитым носом вошла в бухту.

Глава 8

Вслед за остальными ильхами я снова вернулась в перевернутую лодку Наны. Пользуясь общей суматохой, уселась в самом углу, там, куда почти не дотягивался свет из дыры-оконца. Все лавки заняли ильхи. Большинство – мужчины, но попадались и женские лица. Правда, порой их было трудно отличить от суровых ильхов. Местные девы оказались такие же грозные и крепкие, облаченные в штаны и телогрейки, вооруженные ножами и украшенные черными знаками на лицах. На меня они косились с любопытством, но представляться не торопились.

Я тоже не спешила заводить знакомства, сидела тихонько и помалкивала.

Входная шкура отлетела, и, хромая, вошел Шторм. С его светлых волос капала вода, оставляя темные дорожки на рубахе. Я попыталась отодвинуться еще дальше в угол, чтобы он меня не заметил, но ильх прошел мимо, не повернув головы. Сел в стороне ото всех и кивнул Нане, поставившей перед ним огромную кружку горячего взвара. За торцевым столом на меховой подушке важно устроился смуглый бородатый ильх. Все лицо бородача покрывали мелкие черные символы, отчего он казался рябым. На нем была тяжелая и яркая туника без рукавов, волосатые руки украшали тяжелые плечевые браслеты. Лоб сдавливал золотой обруч с белым камнем, но черного обода, как у Шторма, я не увидела.

И почти сразу появились гости. Первым шел светловолосый, голубоглазый мужчина. На прищом был обычный для варваров наряд – полотняные штаны, сапоги и расшитая безрукавка. Предплечье его обвивал железный браслет, а шею – черный матовый обруч.

Значит, это хёгг.

Впрочем, я догадалась бы и без украшения на шее. Движения у ильха поражали тягучей и завораживающей грацией. Подобное я уже видела. У Шторма. В краткие мгновения, когда он не хромал.

– Милости Перворожденных этому дивному берегу, – звучно произнес варвар, блестя светло-голубыми глазами. – Долгих лет тебе, Шторм-хёгг. И тебе, Бирон-Стервятник.

– И тебе не хворать, Верман-хёгг. Только не забывай, называть меня конухм, если не хочешь остаться без языка, – хмуро отозвался «рябой», которого называли Бироном. – С чем ты пожаловал сегодня?

И тут же вошли трое – молодой мужчина, старик и девушка, укутанная в плащ так, что лица не рассмотреть. Лишь по женственной фигуре был понятен пол незнакомки. Жители берега с интересом рассматривали гостей. Пришлый хёгг первым поманил к себе мужчину. Тот смотрел хмуро, но голову держал высоко. Плечистый, темноволосый и черноглазый, одетый лишь в грубые штаны. Весь торс ильха покрывали рубцы и шрамы, руки и ноги сковывала железная цепь. На щеке алел свежий рубец-знак, похожий на перечеркнутую луну.

– Этот Ульф из Торнисхема, – хмыкнул Верман, сделав шумный глоток хмельного напитка. – Знатный воин, бился не в одном сражении и все еще жив, как видите! Славное приобретение, не так ли, конухм Бирон?

– Только вижу, риар Торнисхема не оценил ратные заслуги своего воина, – хмыкнул конухм. – Занятный у тебя знак, Ульф. Радуйся, что тебя сразу со скалы не кинули, привязав камень для верности!

– Кинули, – обрадовал Верман-хёгг. – Я когда его вытащил, он уже посинел, бедняга! Но мои ребята откачали, выжил, как видите. И должок отдаст в полной мере! Посмотрите на него! Крепкий, сильный. Плавает, правда, как топор, ну что с него возьмешь, он рожден от зова черного хёгга. Зато мечом орудует так, что зависть берет!

– Только несдержан в своих желаниях, не так ли? – Конухм постучал себя по щеке, намекая на символы пленника. – И слишком любит женщин. Чужих, к своему несчастью.

– Я взял свое! – зарычал пленник. – Риар обманул нас! Пообещал в добычу все, что мы захотим!

– И ты захотел деву риара? Ты не слишком-то умен.

– Меня обманули! Оболгали! Риар Торнисхема испугался моей силы и решил избавиться! Вот как он наградил меня. Клеймом на щеке и камнем на ногах!

– Все говорят, что невинны, как младенцы в люльках, – засмеялся конухм, остальные подхватили. – Зачем ты Последнему Берегу, Ульф из Торнисхема?

– Затем, что нет воина лучше меня, – гордо выкрикнул пленник. – Разве вы не слышали моего имени? Лютый Волк, так меня прозвали враги!

По таверне пронесся удивленный и одобрительный гул. Похоже, это имя действительно знали.

– С чего нам тебе верить? Лютый Волк – известный воин!

Ульф сверкнул черными глазами.

– Дай мне меч, конухм, и я покажу тебе, кто я. Я сражусь с твоим лучшим воином, и ты сам все увидишь. Я сражусь даже с хёггом! С ним!

Закованными руками Ульф показал на Шторма. Все это время тот выглядел совершенно безучастным, словно и не слышал того, что творится вокруг.

– Воин Ньордхёгга, я вызываю тебя на бой! – рявкнул Ульф.

Шторм поднял голову. В холодной зелени его глаз плескалось море. И царил полный штиль.

– Возьми клинок и выйди на поединок, хёгг! Я докажу, что на земле озер и скал нет воинов, равных Ульфу из Торнисхема! Возьми свой клинок!

– Я не буду с тобой сражаться, – равнодушно ответил Шторм.

Кто-то из ильхов отвел взгляд, кто-то огорченно прокряхтел.

– Ты отказываешься от боя? – изумленно протянул Ульф. Оглянувшись, словно не верил тому, что услышал. – Но... Воин не может отказаться от вызова! Это... позор! У тебя нет чести, хоть ты и носишь на шее кольцо Горлохума!

Шторм усмехнулся и безразлично пожал плечами.

– Или ты... что же... трус? – не унимался Ульф.

Я обернулась. Почему все молчат? Что здесь происходит?

Но в таверне повисла тяжелая, пугающая тишина. Шторм повернул голову, и Ульф тяжело втянул воздух, увидев скрытый до этого знак на щеке хёгга.

– Я не буду с тобой сражаться, – все так же бесцветно повторил Шторм.

– Все, довольно слов, – тяжело поднялся со своего места конухм. – Сколько ты хочешь за этого бойца, Верман?

Шторм снова уставился в свою кружку, словно не замечая того, как рычит ошарашенный и взбешенный Ульф, или как отводят глаза

остальные ильхи. Словно все это не имело значения.

Я же медленно разжала ладони. Сама не заметила, как сжала кулаки до красных полукружий на коже.

– Отдам тебе этого славного воина за десять щепотей, конухм, – прокашлявшись, отозвался Верман.

Что?

Что это значит? Они что же... продают людей?

Нет, не так. Здесь продают преступников. Тех, кто так или иначе нарушил законы фьордов. Последний Берег. Так называется это место. И теперь название приобрело истинный смысл. Уже новым взглядом я осмотрела собравшихся в плавучей таверне ильхов. Их разномастную одежду с чужого плеча и черные знаки – тавра, красующиеся на лицах. Нет, это сделано не для украшения. Совсем нет! Это метки убийц, воров и разбойников. Вот кто проживал на Последнем Берегу, рядом с мертвым городом. Лишь здесь никто не станет искать тех, кто был обречен на смерть.

Я сглотнула, и показалось, что звук получился слишком громким. Значит, и мой спаситель – тоже преступник? Что он совершил? За что его наказали? И что означает знак на его лице?

Я ощутила, как губы растягивает неуместная улыбка, а из горла рвется смешок. Подумать только! Из тюрьмы Конфедерации я угодила прямоком к преступникам-ильхам! Была во всем этом какая-то ирония! Все-таки у Единого занятое чувство юмора.

Ильхи снова загомонили, похоже, Верман хотел довольно много. Сам Ульф по-прежнему не спускал горящих черных глаз со Шторма. Он смотрел так, словно никак не мог поверить в то, что тот ему отказал в поединке.

– За твою жизнь хотят немалую плату, Ульф, – негромко произнес Бирон, и гул голосов стих. Похоже, этот рябой был здесь кем-то вроде короля. – Скажи, стоит ли она такой цены? И будешь ли верен Последнему Берегу?

Ульф тяжело выдохнул и наконец отвел взгляд от безучастного Шторма.

– Буду, – четко произнес пленник. – Я знаю, что такое честь! И за свою жизнь расплачусь сполна. Выкупи меня, конухм, и ты не пожалеешь, клянусь!

Шторм задумчиво смотрел в свою кружку, словно видел на дне ответы на все тайны мироздания. Бирон-Стервятник придирчиво щурился, рассматривая пленника. Остальные беззастенчиво переговаривались, обсуждая достоинства «приобретения».

И тут конухм кивнул. Плечи Ульфа заметно расслабились, и он отошел в сторону. На его место встал старик. Худой, ссутулившийся от прожитых лет, подслеповато моргающий. Рунических знаков на его лице не было. Казалось, вся жизненная сила старика ушла в серую шевелюру и густую косматую бороду, которая свисала почти до пояса и была завязана в несколько узлов. Ключья бороды внезапно шевельнулись, и из них высунулась кошачья мордочка. Мелкое и серое, как борода старика, животное испуганно дернуло острыми ушами с кисточками и судорожно задвигало усами, приняхиваясь к запаху мясной похлебки.

Старик прошептал питомцу что-то успокаивающее, почесал кошку за ушами и прикрыл ее большими дрожащими ладонями. Оберегая.

– А это Вегард-без-крыши, – недовольно махнул рукой Верман. – Украл козу у знатного горожанина. Украл ради молока для своей драной кошки. Ну не дурень ли? Козу нашли через три дня, а старика и кошку отправили в море. Я их вместе и выловил, зверюга сидела на голове старика, представляешь? Хоть щепоть за него дашь? Хоть половинку? Или к рыбам, да и дело с концом?

– Да зачем он Последнему Берегу? – возмутился кто-то из ильхов. – Старый и полуслепой, толку-то никакого! Трясется весь, вы посмотрите! Кормить зазря! Может, лишь кошка и сгодится. На воротник!

Старик молча смотрел на свои босые ноги. Кошка, почуяв неладное, спряталась.

Я с такой силой вцепилась в края лавки, что заболели руки. Хотелось вскочить и заорать, но что толку от моего крика? Я и сама – беспомощная чужачка. Должница без выкупа. Теперь ясно, что за свою жизнь надо заплатить. Возможно, это даже справедливо. Но Единый! Ясно, что этот старик не стоит той платы, которую хочет Верман.

Кстати, что это за плата такая – щепоть? Неужели речь идет о белом порошке – пепле? Что-то подсказывало – так и есть.

– Что ты умеешь, Вегард? – негромко произнес Бирон. – Если ли то, чем ты можешь заплатить за свою жизнь?

– Я... – Старик по-прежнему смотрел на свои босые и грязные ноги. – Когда-то я умел делать лиры, конухм. Прекрасные лиры из прекрасного ясеня. Но потом я стал старым, мои глаза полуслепыми, а руки – слабыми. И больше не мог зарабатывать на хлеб подобной работой. Увы... больше я ничего не умею. Мне нечем заплатить за жизнь.

– В море его! Лишний рот! – снова закричал кто-то со скамьи.

Я обернулась, размышляя, не кинуть ли в крикуна чем-нибудь тяжелым? Вот железная миска с требухой вполне сгодится. Правда, это вряд ли поможет пленнику.

Из бороды старика, словно из норы, снова высунулся любопытный кошачий нос.

– Прочь! В море! Ему здесь не место!

– Почему твой риар о тебе не позаботился? – негромко спросил Шторм.

– Так нет у меня риара, – развел руками старик. – Я был бродячим мастером-скальдом, ходил с одного берега на другой, делал свои лиры. И под руку риара так и не встал... А когда захотел встать – не нашлось того, кто решил бы меня принять. Надо было идти в Нероальдафе или Варисфольд, говорят, там можно найти кров и покровительство. Да только сил у меня уже не было. Сам во всем виноват, знаю. Так я и стал Вегардом-без-крыши.

– Прочь! В море!

– Он остаётся, я заплачу щепоть. Нана, накорми гостя, – негромко произнес Шторм, и я ощутила, как отпускает сжавшееся сердце.

Старик удивлённо встрепенулся, заморгал быстро-быстро. Не веря, оглянулся на притихших разбойников. Словно боялся, что слова Шторма ему просто почудились. И пока шел к лавке, где ему поставили тарелку с горячей едой, все оглядывался на светловолосого ильха. Оглядывался и оглядывался.

Рябой конухм недовольно скривился, но ничего не сказал.

Сам Шторм на старика уже не смотрел, снова сосредоточив свое внимание на горячем взваре.

– А за эту находку ты заплатишь два десятка щепотей, конухм! – хлопнул в ладоши Верман, и его подручный дернул плащ с женской

фигурки.

Ильхи слаженно ахнули. А дева гордо выпрямилась, окинув восторженных мужчин надменным взглядом. Я понимала их чувства, пленница оказалась хороша. Высокая и статная, с красивыми манящими формами, белоснежной кожей и голубыми глазами. Самым удивительным в ее облике были волосы, напоминающие снежную лавину. Соблазнительную фигуру выгодно облегалo тонкое платье. Слишком тонкое, на мой взгляд.

В отличие от грязных и побитых мужчин, деву нарядили в расшитый шелк и тщательно причесали, чтобы подороже продать ее красоту.

– Хороша находка? – Верман прищелкнул языком. – За такую находку не жалко и тридцать щепотей, так, конухм? Но я прошу лишь двадцать! Потому что ценю дружбу с хозяином Последнего Берега! А другой на моем месте потребовал бы за деву не меньше пригоршни пепла! Ты только посмотри на эту красоту! Даже звенящие башни Варисфольда не видели деvy прекраснее!

Конухм поддался вперед, черные уголи глаз загорелись предвкушением. Даже мне было видно, что он готов согласиться, а тянет лишь для того, чтобы сбить цену.

Шторм поднял голову, но я не увидела на его лице ни одной эмоции.

– На ней нет знака. За что ее наказали? – бесцветно спросил он.

И Верман заметно поскутнел.

– Да за глупость... ну что могла натворить такая милая дева... А то, что без знака – к лучшему, Шторм! Чистая она!

– Чистая? А может, просто пожалели красивое личико? Чтобы не входила в незримый мир с выжженной на щеке печатью?

– Да нет же, говорю...

Шторм повернул голову и остро глянул в лицо Вермана. Тот протяжно вздохнул.

– Ладно, твоя взяла. Это снежная Альва из Аурульхолла. Прекрасная дева хрустальных вершин. А наказали ее за то, что убила своего мужа, владельца торговых лавок. Накормила супруга ядовитым пирогом и сбежала. Да только поймали ее. Ну а дальше понятно... Но ты посмотри на ее лицо, Шторм! На тело посмотри! Да она своими формами и мертвого поднимет! Чистый алмаз, а не дева!

– Ты знаешь правила, Верман, – не повышая голоса, ответил Шторм. – Она убила близкого человека. Отравила обманом. Последний Берег не принимает предателей.

– Но всегда случаются исключения, ведь так? – недовольно огрызнулся гость, многозначительно уставившись на лицо Шторма.

Тот даже не моргнул. Только в дощатые стены лодки-таверны вдруг ударила злая волна. И воздух стал тяжелым и соленым, словно море со всей его глубиной и подводными чудовищами подступило слишком близко. Верман отвернулся первым. Раздраженно глотнул из кружки и уже кисло глянул на снежную деву.

Та поняла, что ее жизнь вот-вот оборвётся, и вдруг кинулась Шторму в ноги. Прижалась грудью к его коленям, погладила. Белые волосы плащом рассыпались по изящной спине и полу.

Мне почему-то стало стыдно и захотелось отвернуться. Хотя, может, так и надо просить за свою жизнь? Какой смысл быть гордой, но мертвой? Вот только я так не смогу...

– Возьми меня под руку свою, риар! – горячо заговорила девушка. – Возьми! Обещаю, что не пожалеешь!

– Я не риар, – без малейшего интереса ответил ильх. – И ты это знаешь.

– А по мне, так он самый! – Дева призывно облизнула губы и сильнее прижалась к коленям Шторма, погладила грудью. – Сильный, мудрый риар! Все неправда, я невинна! Меня оболгали! Ты ведь не боишься лжи обо мне? Оставь меня себе, риар, оставь! Я дорого стою, вот увидишь! Я умею то, что не умеют другие девы! Знаю тайны наслаждения! Оставь меня себе, риар!

Кто-то из ильхов хмыкнул, другие скрыли усмешки. Но многие смотрели с явным интересом и разгорающимся желанием. Я их даже понимала. На этом берегу мало женщин, это я тоже заметила. Здесь живут преступники, а среди них всегда преобладают мужчины. К тому же у них больше шансов продержаться в холодной воде, пока их не вытащит контрабандист типа этого Вермана. Вот и выходит, что выбор дев здесь невелик.

И удивительно, что, несмотря на это, Шторм снова покачал головой.

– Пока однажды не сдохну от яда в пироге? Ну уж нет.

Беловолосая красавица снова прижалась к его коленям, и в глубине штормовых глаз ильха что-то вспыхнуло.

А мне вдруг захотелось подхватить железную миску и треснуть по голове девицу. Или Шторма. Или их обоих.

– Зачем мне тебя травить? – рассмеявшись, снежная дева завлекаяще прогнулась в спине, глядя на мужчину снизу вверх.

Кто-то из ильхов присвистнул. Такое зрелище могло растопить даже вековую льдину!

– Ты молодой, сильный, горячий ильх. Не то, что мой старый муж! Ты мне нравишься. Очень нравишься. Оставь меня себе, не пожалеешь! Поплаваем... Я знаю, что тебе нужно. Знаю, как любят дети Ньордхёгга игры в воде. Я сделаю все, что ты хочешь. Оставь!

«Поплаваешь со мной, кьяли?»

Голос почти наяву лизнул мне кожу. А Шторм вдруг дернул головой и безошибочно нашел меня взглядом. Неужели он с самого начала знал, что я здесь? Взгляд длился лишь миг, но показалось – вечность.

Ильх уже снова смотрел на снежную, которая мела волосами пол у его ног. А я все еще ощущала горячий шепот у своих губ.

– Поплаваем? – Шторм усмехнулся. – Снежные девы ненавидят воду.

– Тогда поиграем на суше, риар!

Нана презрительно скривилась и принялась с остервенением тереть свой котел.

– Я уже сказал, – ответил ильх. – Нет.

Рябой конухм шумно и недовольно засопел, но все-таки промолчал.

Дева сверкнула светлыми глазами, которые стали похожи на колотый лед. Сжала кулаки. Но тут вперед вышел Эйтри.

– Я заплачу за нее, – объявил он, пожирая взглядом застывшую девушку.

Та встрепенулась и, быстро сообразив, куда ветер дует, переметнулась к ногам нового спасителя. Улыбнулась призывно – уже ему.

– Не тебе решать, Эйтри. – Море снова ударило в бок лодки.

– Я свободный житель Последнего Берега, – вскинулся беловолосый варвар. – И по правилам могу выбрать себе деву. Я

выбираю эту и заплачу ее долг! Я так решил, Шторм!

– Глупость ты решил, – проворчала Нана. – Скоро Лунная ночь, уйми свои желания...

– Я сделал выбор, – огрызнулся седой ильх.

Его рука сжалась совсем близко от резной рукояти меча. Но вытаскивать его он все-таки не стал. Шторм на этот выпад не ответил и сделал вид, что не заметил движение Эйтри.

– Ты обещал мне любую награду, Шторм, – сквозь зубы произнес беловолосый ильх. – За бой, в котором я вытащил на себе Брика и потерял глаз. Я выбрал. И моя награда – жизнь снежной Альвы.

– Ну что же... В этом я не могу тебе отказать, – медленно сказал Шторм.

Брик стал пунцовым и натужно засопел – мальчишка понимал, что из-за него Шторму пришлось отступить от своего решения.

– Забирай деву, Эйтри. Отныне она твоя – с долгом и всеми ее поступками.

Снежная Альва радостно вскочила. А Эйтри отцепил от пояса кожаный мешочек и кинул контрабандисту. Тот ловко поймал.

– Здесь больше двух десятков щепотей, – сухо уронил Эйтри, накидывая на снежную красавицу плащ и уводя за собой.

Некоторые ильхи проводили пару завистливыми взглядами и ухмылками.

– Эй, Эйтри, хоть бы покормил деву для начала!

– Если помощь понадобится – зови, друзья рядом!

– Я требую шатии! – понеслись вслед уходящим усмешки, но беловолосый ильх лишь отмахнулся.

И уже на пороге обернулся, прищурился.

– Кстати, пока здесь Верман, самое время решить вопрос с твоей добычей, так, Шторм? – громко произнес он. – Ты дал ей время до заката, он уже близко. Чем гостья заплатит за милости Последнего Берега и свою жизнь?

Все головы повернулись в мою сторону. Я попыталась врасти в стену или стать невидимой, но понимая, что это не удастся, выпрямилась и вздернула подбородок, желая казаться смелой. Хотя сердце испуганно забилося.

– Ну так что, дева? – насмешливо продолжил Эйтри. – Чем ты заплатишь? Или тебя сразу отдать Верману, пусть он предложит тебя

Дикому Хэльдору из Железного леса?

Нана глянула испуганно, и этот взгляд настолько не вязался с суровой великаншей, что я даже побоялась представлять, что там за Дикий Хэльдор!

Понимая, что время пришло, я встала и вышла в освещенный круг. Остановилась в центре таверны. Шторм не двигался. Лишь в его глазах бушевала буря, названия которой я не знала. И вглядываться в эту бурю было страшно.

– Я Миранда. Миранда из...Гараскона. – произнесла я, слегка запнувшись. – И я прошу милости Последнего Берега.

Я замолчала. И заметила, как Шторм подался ко мне.

Его взгляд на миг изменился, и снова лизнула кожу теплая волна. «Поплавай со мной, кьяли...» Прикосновение в воде, ощущение влажной кожи. Губ и рук... сильное, нежное, невыносимое...

Я видела отражение своих воспоминаний в глазах Шторма. Он тоже думал о том, что произошло в гроте. И он... ждал.

Может, хотел, чтобы я упала на колени, как снежная дева? Обхватила его ноги, прижалась грудью? Чтобы предложила себя? Согласилась... поплавать.

Хотел ли этого хёгг Последнего Берега?

Он отвел взгляд, и я поняла.

Да. Он хотел.

Я сглотнула пересохшим горлом и чуть отступила. От круга света. От надвигающегося шторма...

Ильх снова устоял в свою кружку.

– Я слышал, ты отказалась платить за свою жизнь, дева, – сурово произнес конухм. – Не захотела плавать с тем, кто спас тебя, рискуя шкурой. Кто сунулся ради тебя в Белый Ёрмун. Оскорбила хёгга и нас всех.

Ильхи беспокойно заворочались. Со всех сторон на меня смотрели с осуждением и неприязнью. Да что это такое? Подумаешь, отказала их приятелю! В конце концов, я не обязана! Ну что за варварство такое? И главное, смотрят так, словно я действительно виновата. Ох, не понять мне этих ильхов. Даже Нана заворчала осуждающе.

– Я благодарна за спасение! – вскричала я растерянно. – Я согласна заплатить!

– Чем? Ты умелая охотница?

Я? Да я в жизни не смогу убить живое существо!

Мотнула головой.

– Умеешь сражаться?

Конечно, я могу за себя постоять и дать сдачи, но можно ли это назвать умением сражаться? Да еще и против вооруженных топорами и мечами людей? Сомневаюсь.

Снова нет.

Конухм недовольно цыкнул.

Мой мозг заработал с удвоенной скоростью. Какие умения жительницы прогрессивной Конфедерации могут пригодиться здесь, среди скал и воды? Что я вообще умею? Тыкать пальцем по кнопкам арфона? Выбирать еду по меню? Водить автомобиль?

Единый! Это все не поможет спасти мою жизнь! Надо назвать что-то другое. Что-то уникальное, что-то ценное. Вот только что?

– Я умею читать и писать! – почти выкрикнула я.

Конухм презрительно выдохнул и повел рукой. Остальные рассмеялись.

– А ты думаешь, что попала в звенящие башни Варисфольда, дева? Видишь здесь свитки и письма? Чем это умение пригодится Последнему Берегу? Что еще ты умеешь? Можешь сладко петь и улаживать наш слух? Или наши взоры – изящными танцами? Может, ты владеешь ценным мастерством?

Я почти с отчаянием помотала головой. Нет, нет и снова нет! Я хорошо двигаюсь, но вряд ли смогу танцевать на потеху публике. А от моего пения и вороны разлетятся, музыкальных талантов Единый мне не отсыпал.

– Может, ты умеешь сочинять истории, словно скальды? – с надеждой подсказала Нана.

Увы, нет.

– Знаешь, где спрятаны несметные сокровища?

Я толком не знаю даже, где спрятана нынче я сама.

– Бесполезная дева! – громко заключил конухм. – Гладкое личико, а толку никакого! После того, как ты оскорбила хёгга, никто не возьмет тебя в свою постель и не предложит за тебя даже щепоть пепла. А это значит...

– В море!

Да что там за гад такой крикливый? Все в море и в море!

Я тяжело втянула воздух, собирая расползающиеся мысли. Я должна что-то придумать! Хоть что-нибудь! Найти в себе что-то ценное! То, что я могу выгодно продать! Ну неужели вся моя жизнь оказалась совершенно бесполезной? Настолько никчемной, что мне нечего предложить варварам за Туманом?

За Туманом...

Мысль пронеслась внутри вспышкой, почти обожгла. А что если...

– В море деву!

– Зачем в море, продадим в Железный лес, там ее...

– Я не боюсь проклятия Саленгварда! – выкрикнула я.

И стало тихо.

Краем глаза заметила, как тревожно переглянулись ильхи. Внутри меня забились паника. Может, зря я сказала про Саленгвард? Почему я вообще это ляпнула? Повиновалась смутной интуиции и логике, которая связала воедино мертвый город и наибольшую ценность этого места – пепел. Именно за ним сюда приплывают контрабандисты и пираты фьордов! Но из чего его делают? Вряд ли из того, что можно легко добыть. Значит, добывать его трудно и опасно. А чего опасаются жители Последнего Берега? Верно. Саленгварда.

В лодке-таверне повисла настолько густая тишина, что шипение котла показалось паровозным гудком. И в этой тишине резко прозвучали слова Шторма:

– Дева ударила головой и говорит ерунду. Не слушайте ее.

– Я в своем уме! – возмутилась я. – И могу войти в Саленгвард!

Кто-то хмыкнул, а кто-то выкрикнул:

– Врешь!

– Я не вру, – резко обернулась, сжимая кулаки и высматривая обидчика. Еще и во вранье меня обвиняют!

– Горячая дева, – хмыкнул худой кареглазый ильх, сидящий сбоку. На его висках и щеке тянулись линии-волны. – Но дурная. Сама себе смертный приговор подписала. Нет, не понять нам, что у этих дев в головах...

Он сокрушенно поцокал языком, остальные подхватили.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, девочка, – проворчала Нана. – Саленгвард убивает детей фьордов. Это смерть для всех, глупая!

– Я там была, – невежливо оборвала я кухарку. – Прогулялась сегодня. Прошла по улицам, потрогала камни домов. Вот, смотрите! Я взяла это в Саленгварде.

Я кинула на стол рыболовный крючок из заброшенного дома, который от испуга сунула в кармашек на платье.

Бирон-Стервятник осторожно потянулся к крючку, но отдернул руку. В черных глазах разбойника мелькнул первобытный страх.

– Тянет дохлятиной, я чую, – глухо сказал он. – Мертвое железо.

Ильхи заволновались. Одни вытянули шеи, чтобы рассмотреть подношение, другие выглядели так, словно сейчас рванут прочь из таверны. Да что с ними со всеми? Словно я не крючок на стол положила, а разрывную гранату! И что значит – мертвое? Разве железо может быть каким-то еще?

Конухм неожиданно захохотал, его смоляная борода подпрыгнула в такт раскатистым звукам.

– Ого, кажется, на этот раз тебе действительно, повезло, а, Штурм? Ты вытащил из воды не деву, а жемчужину! Неужто Перворожденные тебя простили и все-таки услышали. Дали отсрочку?

Брик-уголек весь как-то сжался на лавке, низко-низко опустил голову. На миг почудилось, что мальчик плачет. Но почему? Что случилось?

Штурм со стуком поставил на стол кружку и поднялся.

– Дева не понимает, что говорит, – хрипло произнес он, глядя на конухма. – Головой ударилась, я же сказал. Вот и несет всякий бред. Я думаю...

– А вот и проверим. – Бирон-Стервятник тоже поднялся. Взгляды конухма и Штурма сцепились, едва не высекая искры.

– Она погибнет, – зло бросил Штурм, но конухм лишь улыбнулся, показывая крепкие желтые зубы.

– Это неизбежно. Но свою смерть она сама выбрала.

Штурм тяжело втянул воздух. И отвернулся. На меня он не смотрел.

Повеселевший Бирон снова рассмеялся.

– Назначь цену, конухм, – бросила я.

Волна снова с силой ударила в стену, лодка-таверна закачалась, кружки попадали на пол. Нана что-то пробормотала.

Да что здесь происходит?

– Я дам тебе то, что ты просишь. Цена за твою жизнь – тысяча щепотей пепла! – громко объявил конухм. – Заплатишь – и будешь свободна.

Ильхи слаженно выдохнули, Нана выругалась. Получилось довольно забористо. Что? Проклятый Бирон-Стервятник назначил за мою свободу слишком много! Да какого демона? Но все, что я могла – это стоять, выпрямив спину, и казаться решительной. Я ведь сама спросила цену. Только не подумала, что разбойники Последнего Берега вряд ли отличаются благородством и милосердием!

– Как прикажешь, конухм! – ответила я.

– Тогда тебе стоит хорошо отдохнуть, дева. Утром отправишься в Саленгвард. И, поверь, силы тебе понадобятся.

Ответив злым взглядом, я развернулась и пошла к дыре-двери. Со всех сторон на меня смотрели. Только теперь без улыбок и даже без злости. С жалостью. На меня смотрели с жалостью.

Уже за стенами лодки-таверны меня догнала Нана и всучила узелок, от которого пахло выпечкой.

– Возьми вот, девонька, поешь, – отводя взгляд, пробормотала великанша. И тяжело вздохнула. – Ты тут надолго, так что тебе стоит привыкнуть к моей стряпне...

– Ничего не надолго, – возразила я, и великанша покровительственно погладила меня по голове.

– Очень надолго, милая. Тысяча щепотей... Да чтобы их добыть, тебе придется работать годами... Только никто не выдержит Саленгвард так долго. Так что ты поешь, милая, поешь. У меня хорошие пироги, есть с требухой, есть с рыбой. А вот этот – с дикой ягодой, сладкой, как настоящий мед. Ты ешь!

И Нана утопала обратно. Я же пошла по доскам к «Медузе», решив, что сейчас лучше скрыться от взглядов ильхов.

И подумать, во что я ввязалась.

Когда я проходила мимо хёггкара с названием «Покоритель волн», с его борта послышался протяжный женский стон. Над водой он показался особенно громким. Я замерла. Но пока решала, надо ли бежать и кого-то спасать, к женскому стону присоединился мужской рык, а потом нежный голос что-то произнес, и я узнала интонации снежной девы.

И стало ясно, кому принадлежит этот «Покоритель», и кто кого на нем покоряет!

Невольно покраснев, я ускорила шаг, торопясь быстрее оказаться под защитой «Медузы».

Глава 9

В углу «Медузы» нашлась прибитая к палубе бочка, наполненная дождевой водой. Рядом была дыра и, немного подумав, я поняла ее назначение. Съев пирог и умывшись, отправилась под навес, скинула обувь с плащом и легла на кровать. Похоже, действие загадочного пепла закончилось, потому что тело охватила вполне понятная усталость. Перед мысленным взором промелькнули минувшие события – от моего пробуждения в самолете до этого момента. И ведь за все это время я почти не спала. Странно, как вообще до сих пор держалась на ногах.

И снова возник вопрос – что за отвар я выпила. Впрочем, что-то подсказывает – скоро я все узнаю. Уже утром. Конухм сказал, что утром я иду в Саленгвард. Может, чудодейственный порошок делают из какого-то редкого растения заброшенного города?

Я зевнула, потерла глаза. «Медуза» мягко-мягко покачивалась на воде. Едва уловимо, но очень усыпляюще. Я подумала, что надо бы снять платье, но оказалось, что не могу даже руку поднять – настолько устала!

Обдумать ничего не успела, потому что уснула.

– Вставай! – Кто-то подергал одеяло, в которое я завернулась. Неужели Алекс проснулся раньше меня? Да быть такого не может, Алекс всегда был ужасным соней...

И почему моя кровать качается?

Я открыла глаза и несколько мгновений с недоумением рассматривала тяжелый занавес неопределенного цвета, свисающий над постелью. Потом взгляд переместился на меховую шкуру, которой я была укрыта, и мою одежду.

Туман. Фьорды. Хёгги.

Сон как рукой сняло, я все вспомнила. Потянулась и сползла с кровати. «Медуза» качалась гораздо сильнее, чем накануне, видимо, море штормило.

– Я думал, ты будешь спать до зимы, – хмыкнул Шторм, возникая передо мной.

Ну конечно, кто еще это мог быть! Хёгг этого гостеприимного берега собственной персоной. Выглядит недовольным. Может, злится, что я заняла его кровать? Интересно, а где ночевал сам Шторм? Вчера я об этом совсем не подумала...

– Нет, до зимы не буду, – слегка сконфуженно пробормотала я. Зиму я буду встречать у себя дома, в Конфедерации. Потягивая миндальное какао и глядя в окно на неоновые огни столицы. Но пока вокруг меня фьорды, и с этим надо что-то делать.

Сквозь окно-дыру просачивался мутновато-серый свет. Вероятно, времени сейчас не больше пяти утра. Впрочем, я привыкла к ранним подъёмам.

– Я жду тебя на берегу, – бросил Шторм, – поторопись.

Я пожала плечами. За пределами комнаты гулял прохладный морской ветер, поэтому я не стала затягивать с утренними процедурами. Быстренько умылась из бочки, туго стянула волосы веревкой, поправила платье. И спустилась по доске-лестенке на берег.

Шторм сунул мне в руки лепешку с сыром и протянул кожаный бурдюк, наполненный горячим хвойным чаем.

– О, завтрак! Благодарю, – обрадовалась я. Откусила кусок побольше, запила.

А Шторм вдруг схватил меня за руку и оттащил за огромные валуны. Уперся рукой в каменный бок, заключая меня в ловушку.

– Ты чего? – опешила я.

– Самое время рассказать мне правду, дева, – негромко, но яростно произнес ильх. – Кто ты такая и откуда взялась.

– Так из этого... из Гараскона же! – выдохнула я, пытаюсь отодвинуться. Только было некуда.

– Я не люблю врунов, – сказал ильх, и зрачки в его глазах сузились.

Я тоже прищурилась, потому что терпеть не могу, когда меня запугивают.

– Знаешь, ты тоже был не слишком честным! – ткнула я пальцем в грудь ильха.

Тот изумленно моргнул.

– Я тебе врал? И в чем это?

– Ты ни слова не сказал о том, куда меня тащишь! И что это за место такое!

– И когда я должен был об этом рассказать, дева? – Варвар приподнял светлые брови. – Может, когда тащил тебя через Белый Ёрмун? Или когда меня по твоей милости едва не расплющило о скалы?

Я прикусила язык. Понятно, что нападала я больше от страха, но получилось и правда глупо.

– А вот что это за место, ты уже и сама поняла, ведь так? – Ильх наклонился ко мне, подцепил пальцем выпавшую из хвоста прядку, накрутил на палец. Вроде и невинное движение, но в его исполнении получились слишком... интимно. И это тоже пугало.

Я нахмурилась, всматриваясь в насмешливые зеленые глаза. И черный знак, пересекающий щеку ильха.

– Что значит метка на твоём лице? Что ты сделал? – выдохнула я.

Шторм потянул за прядку, играя. Склонился еще ниже. Так, что его губы оказались у моего виска, а дыхание лизнуло кожу. От Шторма пахло солью, морем, древесиной. Чем-то таким, что хотелось вдохнуть этот запах снова...

Я отодвинулась.

– Этот знак знает каждый житель фьордов, дева. Каждый, кто увидит – поймет в чем мое преступление. И каждый будет рад воткнуть нож в мою спину. Убить во сне или наяву. Кинуть камень, да потяжелее. Похоже, одна лишь ты ничего о нем не знаешь. Вот же странность, да? Дева из удивительного Гараскона.

Последние слова он произнес с явной издевкой. Я промолчала, понимая, что допустила еще одну промашку. Конечно, местные должны разбираться во всех этих знаках! Иначе зачем их наносить, да еще и на лицо.

Но к счастью, продолжать допрос Шторм не стал, отвернулся.

– Идем. Солнце поднимается.

Несмотря на раннее утро, между домов-хёггкаров уже повсюду сновали ильхи. Натягивали сети, латали разбитые лодки, что-то куда-то тащили и мастерили. На гладком валуне сидел старик Вегард-безкрыши. Рядом с ним лежали деревяшки, которые ильх то складывал, то снова разбирал. За его действиями с интересом наблюдала кошка. Сейчас я смогла рассмотреть ее лучше – мелкая, серая, как борода ее хозяина, желтоглазая и ужасающе тощая. Завидев нас, зверек

вздрагнул и, шустро юркнув на плечи Вегарда, скрылся в густой бороде старика.

Сам Вегард поднял голову и несколько раз подслеповато моргнул. А когда понял, кто стоит перед ним, улыбнулся во весь рот, показав почти беззубый рот.

– Пусть берегут тебя Перворожденные, мой риар! – воскликнул старик и, кажется, собрался упасть на колени, но Шторм сурово нахмурился, и Вегард застыл в полупоклоне.

– Ты знаешь, что я не риар, – хмуро оборвал Шторм. – И прекрати так меня называть. Нана нашла для тебя место в тепле?

– Да, мой риар! – словно и не услышав, просиял старик. – Вон там, на «Бесценном сокровище»! Там спят Дюккаль и Бергман, храпят оба, как тот Горлохум! Отличное место, скажу я вам! Мне дали одеяло и сухой тюфяк, а с утра – накормили. Горячая лепешка с сыром и целый кусок вареной рыбы! Я давно не был так счастлив, мой риар! Ты не переживай, нам с Фреей немного надо...

– Я не риар... – снова начал Шторм, но потом лишь махнул рукой, поняв, что спорить со стариком бесполезно.

Из клочковатой бороды высунулась маленькая любопытная мордочка, и я, не выдержав, рассмеялась.

– Твою кошку зовут Фрея?

Старик кивнул и привычно провел ладонью – огладил бороду и заодно питомца.

– Я нашел ее совсем крошечной. Котенком была – тощим, грязным, жалким настолько, что и моя уставшая душа дрогнула. Я тогда подумал, что есть на земле кто-то, кому еще хуже, чем мне. Я думал, что животное помрет через пару дней, но все же раздобыл кусок хлеба да согрел как мог. А она не померла. Так вот со мной и осталась. Фрея... Только вот молчит она. Ни звука еще не издала! Видать, нет у нее голоса. Хотя оно и к лучшему было, в наших скитаниях кошачий мяв лишь помеха. Но теперь и у нее есть дом.

Старик снова улыбнулся во весь свой беззубый рот.

Кошка внимательно осмотрела нас со Штормом из своего укрытия, осторожно выбралась и прыгнула на камень. А потом начала невозмутимо умываться, словно забыв о нашем присутствии.

Вегард указал на деревьяшки.

– Ты не думай, риар, я не бездельник! Вот смастерю подарок, увидишь! Я свой хлеб отработаю, погоди немного...

– Нам пора идти, – грубовато оборвал Шторм и, хромя больше обычного, торопливо двинулся прочь.

Я побежала за ним, глядя на сильную спину варвара. Похоже, ильх не любил похвалу. Или не привык к ней? И совсем не умеет принимать благодарность. Неужели она его смущает? Настроение внезапно улучшилось, и я улыбнулась. Но ненадолго. Потому что встречные ильхи при виде меня прижимали ладони к груди и бормотали:

– Встретимся на другой стороне, дева...

И судя по скорбным лицам, речь шла вовсе не о другом берегу моря! Они явно провожали меня на смерть! Но почему? Шторму вот ничего подобного не прилетало, с ним здоровались и желали удачного дня.

Когда подобное пробубнил и Торферд-Коряга, я не выдержала и обернулась к варвару:

– Не собираюсь я умирать, понял?

– Так никто не собирается, а всем приходится, – философски протянул здоровяк. – Ты это, когда на той стороне будешь да встретишь моего отца – передай от меня поклон. Ты его легко узнаешь, мой отец на две головы выше меня и на пару локтей шире!

– Ого! Вы что, из рода великанов? – не сдержалась я, представив батюшку Торферда.

– Ну да, – удивленно моргнул ильх. – С Колючего Хребта мы, из Бривискьённа. Мой дед был выше меня в два раза, а его дед – в три! А я в семье самый мелкий уродился, совсем никудышный.

Медведеподобный ильх загрустил.

– Так что передай поклон, как на той стороне окажешься! Поняла?

Я лишь молча понадеялась, что никогда не увижу семейку этих громил! Ни на этой стороне, ни на той – где бы она ни была!

Повторять, что умирать я точно не собираюсь, по крайней мере – сегодня, не стала. Шторм уже дошел до скал и двинулся вверх, так что я припустила за ним.

Сквозь влажный от росы и тумана лесок мы вышли к уже знакомому гроту. И зайдя внутрь, ильх, как ни в чем не бывало, стащил

с себя рубаху и обувь. Оставшись лишь в штанах, глянул на меня и вздохнул.

– Тебе надо раздеться. Плыть в твоём наряде – это гневить Перворожденных. Хотя они нас и так проклянут за то, что мы делаем.

Ильх резко выдохнул. Я хотела уточнить, что он имеет в виду, но побоялась опять облажаться со своими вопросами.

– В платье ты не преодолешь даже первый рукав, зацепишься за гранитные обломки.

– Что еще за рукав?

Шторм кивнул на воду.

– В скалах есть водные туннели. Некоторые заканчиваются тупиками, в других полно острых осколков и рыб. Я называю эти туннели каменными рукавами. Нам надо проплыть несколько, чтобы оказаться в нужном месте.

Я стянула верхнее платье и увидела, как Шторм дернул головой и отвернулся.

– Насколько эти рукава длинные? – от мысли, что придется плыть в темном туннеле, наполненном холодной водой, становилось не по себе. Но ведь со мной будет морской змей! Мне совершенно нечего бояться. Наверное.

– Некоторые тянутся вдоль всего фьорда. Словно паутина внутри скалы.

Оставшись в рубашке и штанах, я на миг задумалась, что делать дальше. Снимать рубашку? Она довольно широкая, и плыть в развевающейся ткани неудобно, в этом Шторм совершенно прав. Но и щеголять в одном лишь белье как-то не хочется. Конечно, я не самая стеснительная на земле девушка, на тренировках всякое случалось, но все же... И что мне делать?

Пока я мучилась сомнениями, ильх протянул полосу ткани.

– Намотаешь сверху, – указал он на мою грудь.

Кажется, я слегка покраснела.

Шторм отвернулся и присел у воды, я же торопливо стянула рубашку и обмотала ткань вокруг тела. Подергала – вроде не сползает. Эх, как же не хватает моего гидрокостюма из умного волокна! И браслета, измеряющего все, что только можно измерять. Но сейчас обо всех этих достижениях цивилизации можно было лишь мечтать.

И даже страшно стало – а смогу ли я плавать без привычной поддержки и защиты? Одно дело – полная безопасность тренировок в Конфедерации, и совсем другое – темный и холодный туннель в скале. Когда есть только я, мои умения и мое чувство воды. Разница ценою в жизнь.

Я переступила босыми ногами и сделала глубокий вдох, отбрасывая страх. Я смогу! Я должна.

Повернулась и увидела спину ильха. Вчерашние раны затянулись, синяки пожелтели. Похоже, Шторм тоже воспользовался исцеляющей силой странного порошка. Неужели сегодня я узнаю, из чего его добывают? Уже не терпится!

Словно поняв, о чем я думаю, Шторм резко обернулся, шагнул ко мне.

– Ты должна кое-что понять, лильган, – жестко сказал он. – И до тебя были желающие плавать со мной по рукавам. Да только никого из них не осталось. Ни одного. Так что не думай, что это будет легко. Скалы могут обнять так, что от тебя ничего не останется. Там, внизу, мир меняется. Под водой все иначе. И лишь один глоток воздуха может сохранить жизнь. Или оборвать ее, если глотка не будет. Ты сделала большую глупость, соврав про Саленгвард.

Я посмотрела в бездну его глаз. И кивнула.

– Я не врала. Я не боюсь никаких проклятий.

Шторм коротко и недобро рассмеялся.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Ну значит, самое время узнать, – огрызнулась я. – Поплывем или так и будем стоять тут и ругаться?

Его лицо снова стало таким удивленным, что я даже бояться перестала.

– Дерзкая дева, – с непонятным выражением протянул он.

Осмотрел меня от пяток до макушки. Взгляд скользнул по моим бедрам, обтянутым кожаными штанами, талии и груди, спрятанной под тканью. Коротко кивнул.

– Ну что же... – Шторм обернул вокруг моей талии широкий кожаный пояс, на котором болталось несколько мешочков. У самого ильха был такой же. Потом привязал к моему бедру ножны с кривым ножом, подергал завязки на моих штанах. Движения Шторма были точными и скупыми, дыхание ровным, а взгляд – отстраненным. Он

всего лишь проверял, насколько крепки веревки, и как долго я протяну в воде.

— Если испугаешься — утонешь, — жестко сказал варвар. — Попытаешься вернуться без меня — утонешь. Отстанешь — тоже утонешь. Нарушишь хоть один мой приказ или ослушаешься — умрешь. Поняла?

Я фыркнула. Похоже, ильх вообще не верил, что я способна выжить в этих каменных рукавах. И уверен, что я погибну в любом случае! Поэтому и смотрит волком, видать, тоже уже мысленно проводил глупую чужачку на ту сторону!

По моим венам заструилась живая, обжигающая злость, которая приходила всегда, когда я видела вот такой взгляд, заранее обрекающий меня на провал. Ах, не верит, значит? Думает, я лишь слабая дева? Ни на что не способная чужачка? Ну это мы еще посмотрим!

— Не отставай, — велел ильх и шагнул в воду. Плавное движение — и он уже на глубине.

Я привычно подышала, вентилируя легкие и ощущая легкую дрожь волнения. Но стоило ступить в воду, ощутить стопами, бедрами и грудью мягкие и теплые объятия волны, как напряжение схлынуло. Так было всегда. Я любила воду и верила, что она отвечает мне взаимностью. Несмотря ни на что.

Шторм нырнул без предупреждения и без всплеска. Словно раздвинув воду и скользнув в ее глубины. Я лишь успела снова восхититься тем, как он держится в воде, и последовала за ним. Ильх плыл как рыба, я скользила поблизости, но на расстоянии. И все ждала, когда же человека сменит морской змей? Я хотела увидеть это раньше, чем глубина станет слишком темной. Но Шторм все плыл и плыл, не меняясь, пока не добрался до узкой дыры в скале. И тогда я поняла, что хёгга не будет, лишь человек. Потому что в отверстие широкоплечий Шторм протиснулся едва-едва, а змей не сумел бы и морду засунуть. Внутри снова поднялась легкая паника. Лезть в узкий туннель было страшно. Насколько он длинный? А что, если мне не хватит воздуха? Если я не смогу?

Но ильх уже скрылся в черной дыре, так что мне ничего не оставалось, кроме как всплыть в отверстие.

Внутри было темно. И действительно узко. Проход немного расширился, давая возможность плыть, но не настолько, чтобы ощутить уверенность. Со всех сторон был гранит. Иногда руки задевали скользкие от водорослей камни. Я смотрела лишь вперед – на легко скользящего Шторма, и не позволяла себе паниковать. Волнение сжигает кислород, а его надо беречь.

Мы плыли и плыли, кажется, это длилось невероятно долго. В груди начало гореть и кольнула шальная мысль – не смогу, как тут рукав расширился, а Шторм схватил меня и резко пошел вверх. Мы вынырнули в каком-то тесном каменном мешке. Но здесь был воздух! Я задышала – глубоко и сильно, откинула налипшую на лоб челку.

– Получилось! Получилось! – не сдержав радости, я едва не бросилась ильху на шею.

– Это был лишь первый рукав, надо проплыть еще пять, – остудил он мой пыл. Но все же улыбнулся. – Но этот был самым длинным. Отдохни несколько минут. И помолчи, не трать воздух.

Я понятливо кивнула. И вдруг поняла, что здесь есть слабое, но освещение. На камнях мерцали крошечные золотые точки. А присмотревшись, я увидела, что это какие-то жучки, напоминающие светлячков. Ильх облокотился о камень и прикрыл глаза, а я стала рассматривать его лицо. Мокрые и словно колючие ресницы, впавшие щеки, подбородок. Красивые губы. Которые дрогнули, складываясь в улыбку. Кажется, варвар понял, что я на него смотрю. Ну а куда еще мне смотреть, если тут только он и гранит!

– Пора, – выдохнул ильх, взглянув на меня. И я снова удивилась той бездне, что таилась в его глазах. – Нельзя останавливаться надолго. Вода холодная.

Я кивнула, и мы снова нырнули.

Шторм не соврал, следующие туннели оказались короче. Но отнюдь не легче. Во втором из стен торчали острые, как ножи, осколки. Шторму приходилось плыть боком, и я могла лишь поражаться, как он вообще это проделывает. В третьем и четвертом водились гадкие извивающиеся угри. Хотелось инстинктивно шарахнуться от них в сторону, но приходилось помнить об осколках. В последнем рукаве вода бурлила потоком, норовя вытолкнуть нас прочь. Еще несколько раз мы поднимались в каменные мешки, чтобы подышать, но подводных светлячков в них уже не было. Порой я

видела другие туннели, отходящие всеерными ответвлениями, и один раз едва не запаниковала, упустив Шторма из вида, не заметив, куда именно он нырнул. Ориентироваться в темной воде оказалось слишком сложно! Но стоило мне испугаться, как ильх вернулся и потянул за собой. Как сам Шторм находит в этой каменной паутине нужные повороты и рукава, оставалось загадкой. Потеряться здесь было проще простого.

Еще один каменный рукав, горящие легкие, крепкая рука, сжимающая мою. Рывок наверх. И мы вдруг выплыли в незнакомом мне гроте. Похоже, таких пещер на фьордах полно.

– Мы на месте, – произнес Шторм, все еще держа мою руку.

Его губы оказались совсем рядом с моими. Мы сделали глубокий вдох – одновременно. Разделяя один глоток воздуха. И я ощутила, как напряглось тело ильха. Осторожно вытянула свою ладонь из его руки, и зрачки варвара неестественно сузились. Выглядело это пугающе. Но длилось лишь миг, потому что Шторм тут же отвернулся и пошел к ступеням, вырубленным в камнях.

Я огляделась и ахнула.

Я ошиблась, это был не просто грот. Это... бассейн! Вернее, целый комплекс многоуровневых бассейнов. Маленькие и большие чаши перетекали одна в другую, расширялись и сужались то канавками, то горками, чтобы скрыться водной паутиной где-то в темноте этого удивительного места. С потолка свисали каскады хрустальных кружев. В бледных солнечных лучах, пробивающихся сквозь дыры потолка, они сияли и искрились так, что заболели глаза. От хрусталя во все стороны рассыпались миллионы радужных искр, и это было настолько красиво, что некоторое время я просто стояла, запрокинув голову и не в силах оторвать взгляда.

Вокруг бассейна еще сохранились мраморные лежанки и столы, украшенные вездесущей плесенью и потемневшим от времени орнаментом. Стены прятались под хрустальными светильниками, остатками мозаики и мутными, треснувшими зеркалами. Целого я не нашла ни одного, каждое покрылось паутиной разрушения. На всем здесь лежала печать беспощадного времени, но даже сейчас это место поражало божественной красотой.

Я потрясла головой, вытряхивая из уха воду.

– Где мы? Похоже на купальни какого-то правителя.

– Идем. У нас совсем мало времени.

– Ты что, облезешь, если ответишь на вопрос? – разозлилась я. – Или дева, по-твоему, слишком глупа и не стоит слов?

Шторм замер на краю бассейна, медленно обернулся.

– Я ничего такого не говорил.

– Ты цедишь слова так, словно каждое стоит... тысячу щепотей этого самого пепла! – разъярилась я.

– Так и есть, – рявкнул он в ответ. – Здесь нельзя находиться. Нельзя стоять, дышать, а тем более болтать!

– Нельзя? Ох... Мы в Саленгварде. Ну конечно, где же еще! Мы проплыли сквозь рукава прямиком в Саленгвард!

Одно неувлимо быстрое, длинное, скользкое движение – и Шторм, оказавшись рядом, закрыл мне рот ладонью. Его дыхание – частое и поверхностное – обожгло мне веки.

– Не называй проклятое имя, – с угрозой произнес он. – Или я решу, что ты и правда глупа.

Я тяжело втянула воздух. Демоны, что я творю? Почему теряю выдержку и разум? Я словно меняюсь, и сама не понимаю, почему...

– Ты боишься, – едва слышно произнес Шторм, и я вскинулась, удивленная. – Боишься и злишься. Дело в этом. Здесь... здесь все острее. Будь осторожна с тем, о чем думаешь. Храни слова. Не сходи с воды, она оберегает от зла. И тогда, возможно, выживешь. Ты поняла?

Я кивнула, хотя ничего не поняла. Он все еще зажимал мне ладонью рот. Но почему-то этот жест казался не угрозой, а защитой.

Он тоже кивнул и убрал руку. Внимательно осмотрелся и показал на ручеек-канавку, убегающий в сумрак.

– Пойдем туда. Держись рядом.

Мало что понимая, я снова кивнула. Но варвар уже бесшумно двинулся вперед. Его босые ноги не издавали ни единого всплеска.

За основным бассейном тянулась целая сеть канавок и каналов, то мелких, то глубоких. Издалека доносился шум падающей воды, словно там был водопад. Я вертела во все стороны головой, подмечая удивительные детали. Совершенно непонятно, зачем мы рисковали жизнью в каменных рукавах, если можно прийти сюда по земле? Перелезть стену – и все дела?

Я открыла рот, желая спросить, но в последний момент промолчала. Шторм – каким бы он не был – не выглядит идиотом.

Значит, есть причина, почему мы добирались сюда таким способом. Может, вход в эти древние купальни завален? Ладно, подожду пока с расспросами. Подожду и посмотрю, что будет дальше.

Ничего пугающего я не видела и совершенно не понимала, чего боятся варвары. Напротив, многоуровневые купальни поражали своей красотой и... продвинутостью? Потому что я готова была поклясться, что все эти бассейны и каналы мало того, что сделаны человеком, так еще и снабжены весьма прогрессивной системой водопровода! Сообразив это, я едва удержалась от изумленного возгласа. Здесь были краны и ручки – непонятной формы и странного вида, но когда я задела одну – на меня полилась вода! И она была... теплой? Не поверив ощущениям, я постояла, сунув руки под отверстие, и ощутила, что тонкая струйка едва заметно, но нагревается!

Водопровод, да еще и с горячей водой? Здесь, в проклятом и заброшенном древнем городе? Да как это возможно?

Быстро оглянувшись на Шторма, который уже спустился на нижний уровень и что-то высматривал у себя под ногами, я начала нажимать на все выступы и дергать за рычаги. На мраморной плите плелся изящный узор и, надавив на цветы, выложенные из блестящих камушков, я получила порцию жидкого и склизкого вещества, вылетевшего из отверстия. Я осторожно его понюхала. Запах специфический, прогорклый, но под слоем копоти все еще чувствуется аромат цветов. Мыло! Когда-то это точно было оно! Другие рычаги отзывались лишь шипением из кранов, но их количество впечатляло.

Что в них было? Мыло с другим запахом? Масла и притирки? Волшебные эликсиры и пряный хмель, который можно пить прямо здесь, нежась в воде и пене?

Все это просто... невероятно!

Продолжая удивляться, я все-таки поспешила за Штормом. Он уже спустился почти на нижний ярус купален. Здесь был пролом в стене, за которым виднелся город. Значит, вход не завален. Тогда я тем более не понимаю, почему мы добирались сюда вплавь, рискуя жизнью!

Вдалеке виднелись строения, но их очертания терялись в мареве сизого тумана. Вот он мне совсем не нравился. Что за странное природное явление? Здесь было очень тихо, лишь слева доносился шелест падающей воды.

Туман стелился за проемом, втекал внутрь. Он окутывал ноги, цеплялся за одежду и полз все выше по моему телу. Шторм, стоящий в нескольких шагах от меня, вдруг обернулся резко, нахмурился. На миг прикрыл глаза. И по купальням пролетел свежий морской ветер, принося острый запах соли и разгоняя туман. Мне даже почудилось... что ветер прилетел на зов Шторма. Но это ведь бред! Что-то сродни страшилкам о проклятии Саленгварда!

Ильх снова утащил себя под ноги, в грязную воду. Здесь она мешалась с землей и сухими ветками, падающими сквозь пробоины в стенах.

– Что мы ищем? – Я отвлеклась от созерцания красот купальни и решила, что пора бы и вспомнить, зачем я здесь. – Какую-то траву или водоросль? Что я должна...

И тут запнулась. Взгляд зацепился за что-то продолговатое, лежащее в ямке под камнями. У этого чего-то был знакомый красноватый отблеск. Словно замороженная, я двинулась к этому предмету, присела и вытащила из-под камней. И ойкнула. В моих руках оказался гладкий кусочек. Совсем небольшой, размером с мой палец. Я повертела его в разные стороны, пытаюсь сообразить, что именно держу в руках. Камушек? Корешок?

Не похоже...

И в то же время находка выглядела странно знакомой. И тут я поняла.

– Кость! Это кость... – выдохнула я, забыв о запрете на слова.

Да, это точно была она. Косточка! Белая, с удивительным красноватым отблеском, что и порошок в шкатулке Наны. Порошок, который излечил меня за считанные секунды!

Так вот из чего его делают. Не из водорослей и не из растений. Из костей. Из костей!

От неожиданного осознания я выронила страшную находку. Но упасть она не успела – Шторм подхватил.

– А ты везучая, дева, – произнес он тихо и неожиданно ласково улыбнулся. – И пару шагов не сделала, а уже нашла пепел. И довольно много. Спрячь в мешочек на твоём поясе, из этого выйдет почти щепоть. А у нас есть еще несколько минут.

Ильх протянул мне жутковатую находку. Поколебавшись, я взяла ее и убрала, как было велено. Ладно, выяснять, кому принадлежат эти

останки, я буду потом. Свежий ветер, налетевший с Последнего Берега, ослабел, и землю снова затянуло туманом. Он стал плотнее и гуще, вползая в купальни и протягивая к нам серые щупальца марева. Удивительно, но внутри купален лишайников почти не было, а вот в проемах разрушенных стен они висели грязными занавесями. Я поежилась. Прикосновение тумана казалось скользким и почему-то гадким. Шум водопада тоже почти стих, словно марево пожирало любые звуки. Еще некоторое время мы ходили вдоль канала-речушки, надеясь уловить багряный отблеск. Но увы, больше ничего подобного нам не попадалось. Я испытала разочарование. Столько усилий, столько труда, а удалось найти лишь крошечный кусочек в полщепоти? Да так мне и за жизнь не отработать свой долг!

А что, если посмотреть за пределами каналов? Например, вон там, в углу, где навалены какие-то кучи?

Я быстро обернулась на Шторма, но он стоял спиной и смотрел в воду, а не на меня.

Вот и чудненько.

Стараясь двигаться беззвучно, я перешагнула невысокий бортик и ступила на влажную землю. Прокралась к стене. Туман неприятно сомкнулся у меня за спиной, словно отрезая от воды. У стен тоже высились мраморные столы, правда, в основном разбитые. Из каменных трещин змеями выползали кривые ножки бледных поганок. Куча в углу оказалась нагромождением сундуков и какой-то ветоши. Желанного красноватого отблеска не видно... А здесь что?

Я шагнула к останкам мраморной плиты, помахала рукой. Клочки тумана лениво расползлись, обнажая белый камень и кучу перьев... Мёртвая птица. Кажется, беркут. В груди птицы торчало короткое обломанное древко. Похоже, беднягу подстрелил охотник. И довольно давно, тушка успела наполовину истлеть.

Косясь на беркута, я осмотрелась. Надо найти еще пару косточек! Надо...

Мертвый беркут поднял голову и посмотрел на меня. Я застыла. Больше всего мне хотелось протереть глаза или завизжать, или сделать хоть что-нибудь, но я словно окаменела. Я стояла и смотрела, как трупик беркута с пробитой грудкой поднимается и раскрывает крылья. Сквозь грязные истлевшие перья виднелись хрупкие косточки.

От проема долетел тихий шипящий звук. Словно в немом кино, я очень медленно повернула голову. У входа стоял волк. Огромный, черный, злобный. И несомненно –дохлый. Очень-очень дохлый! Сквозь драную шкуру я видела его ребра. Но это не мешало ужасной зверюге стоять в проходе, смотреть на меня и плотоядно скалиться! Низко склонив морду, он прыгнул.

Резкий порыв морского ветра ворвался в купальни горькой солью и живой влагой, разметал туман, отшвырнул волка. А потом сильная рука Шторма дернула меня, забрасывая сначала на плечо, а потом в воду, и потащила в глубину, в черное отверстие, в подводные рукава.

Я почти не помню, как мы плыли обратно. Перед глазами так и стояла оскаленная и мертвая волчья морда!

Глава 10

Я не помню, как мы плыли обратно. Не помню, как натягивала на мокрое тело платье. Не помню, как, босая, неслась к морю.

Даже как угоняла лодку, почти не помню.

И лишь краешком сознания замечала взгляды ильхов. Но никто не пытался меня остановить. Я прыгнула в лодку, схватила весло и начала гребсти. Я гребла и гребла, потом еще гребла, а потом выдохлась.

И только тут поняла, почему никто меня не задерживал. Рядом все это время был Шторм. Он плыл рядом с лодкой и, к моей ярости, выглядел довольно расслабленным. Заметив мой недобрый взгляд, Шторм пожал плечами.

– Перестань. Ты же понимаешь, что не сможешь сбежать.

– Еще как смогу, – уверила я. – Еще немного – и догребу до скал, а там во фьорд...

– Там течение и острые камни.

– Плевать, – твердо заявила я. – Это лучше, чем... чем...

Я запнулась. Даже говорить об этом было страшно.

– А кто-то хвалился, что не боится мертвого города, – насмешливо протянул Шторм, лежа на волне.

– Кто-то забыл предупредить, что в этом городе расхаживают дохлые звери! – завопила я. Пережитый страх требовал выхода.

– Ну прости, – без доли раскаяния отозвался ильх. – Я забыл, что в твоём удивительном Гарасконе не знают о проклятии Саленгварда. Брось, это был всего лишь волк. Совсем не страшный.

– Он был ростом с тельца и собирался меня сожрать!

– Вряд ли. Укусить разве что...

– Он был дохлый, мать твою! Да я видела его ребра! И тухлое мясо! И... я видела его сердце! Оно болталось там как... как... И вообще! Если все не так страшно, почему ты утащил меня со скоростью ветра?

– Испугался, что ты завизжишь, – спокойно ответил Шторм. – Девы это любят, знаешь ли.

Я положила весло на колени и выдохнула. Оказывается, гребля – это вот совсем не мое.

– Ты боялся, что я начну кричать? И почему же? Погоди... – Я нахмурилась, размышляя. – Звук мог привлечь других... зверей? Поэтому там надо молчать? И сколько их там? Этих... тварей?

– Ну... В окрестностях всегда было довольно много живности. Но эти не могут покинуть стены. На берегу тебе совершенно нечего бояться.

Я зажмурилась. Много живности. Очень много дохлой живности. Волки, лисы, кто там еще? Медведи? Кабаны? О Единый! А я ходила по улицам одна, заглядывала в дома! Посмеивалась над страхами необразованных дикарей, которые боятся Саленгварда!

Дура.

Схватив весло, я начала грести с удвоенной силой.

– Перестань. Ты не сможешь сбежать, Мира.

– Ага, теперь ты вспомнил мое имя? – мстительно спросила я, продолжая что есть сил грести. Руки гудели от напряжения, лицо покрыла испарина. Вербка потерялась еще в рукавах грота, и подсыхающие волосы лезли в глаза. Я сдувала их и смотрела на темнеющие скалы. Увы, приближались они возмутительно медленно.

Шторм улыбнулся.

– Я его не забывал. Мира, перестань, ты едва дышишь. Ты все равно не сможешь преодолеть скалы.

– Плевать! Лучше погибнуть там, чем оказаться в пасти дохлой зверюги!

– Тебе просто надо было остаться в воде! Так твари не чуют живую кровь. Какого пекла ты полезла на сушу?

Я не ответила, решив экономить дыхание. Последний берег отдалялся совсем не так быстро, как мне хотелось. Разбитые корабли все еще маячили поблизости.

– Мира, я все равно тебя не отпущу, – тихо сказал Шторм. В его голосе скользнуло раскаяние. – Я не могу.

– Из-за моего долга? – вскинулась я. Руки и плечи горели огнем.

Ильх положил ладони на край лодки и смотрел на меня. Не отвечая. Лодка встала на воде, словно кто-то якорь кинул. Хотя почему кто-то. Шторм – вот он мой якорь!

– Убери руки! Я все равно сбегу! – пригрозила я.

– Нет.

– Слушай, за меня дадут выкуп! Вот честное слово!

Шторм насмешливо приподнял брови. Заинтересованности в этом жесте не было ни капли.

– Целый сундук золота! Ты же преступник, ты любишь золото!

– Ты плохо меня знаешь.

– И знать не хочу!

– Ничего не получится, – все с тем же раздражающим сожалением ответил ильх.

Словно ему действительно хоть немного жаль! Врун.

– Ты останешься здесь. Тебе не стоило при всех говорить про Саленгвард, Мира. И ты не сможешь сбежать.

Я решила не отвечать и просто грести. Хочет болтаться у меня на хвосте как поплавков – пусть!

– Мира, – голос Шторма как-то изменился. Стал тягучим и густым, словно мед. И в то же время жалящим как перец... Как смертельный яд. – Мира, посмотри на меня.

– Уми.

– Мира, я не могу тебя отпустить. И не хочу сейчас применять Зов. Но ты не оставляешь мне выбора.

Опять он про этот непонятный Зов! Надоело!

– Мира.

Он скользнул вдоль борта, и мне пришлось посмотреть ему в лицо. В глаза. Я застыла. В серо-зелёной бездне плескалось море. Живое, бурное, губительное. Совсем не ласковое. Это море было злым и яростным. Волна расплескивалась внутри радужек, билась о гранит зрачков, опадала белой пеной.

Я резко втянула воздух.

А потом привстала и треснула Шторма веслом. Замахнулась, метя в широкие плечи варвара. Но миг, и волна пошла рябью, а вместо головы человеческой весло ударило чешуйчатую змеиную. Дерево треснуло. Морской змей глянул с бешенством, выпустил из ноздрей влажный пар и с хрустом сожрал оставшуюся часть весла.

Нырнул в глубину, длинной извилистой тенью прошел под лодкой, пуская волну и заставляя меня схватиться за борта, чтобы не оказаться в воде. На миг блеснул с другой стороны, топорща плавники. Гибкий, сильный, невыносимо прекрасный. Невероятный и невозможный. То, чего не существует в моей четкой и понятной системе мира и координат. Как и мертвых зверей!

Выкинув остатки весла, я обняла колени, опустила голову и задумалась.

Что делать дальше, я совершенно не понимала.

Морской змей исчез. Легко подтянувшись, в лодку влез Шторм.

– Ты огрела меня веслом! – словно не веря, заорал он. – Меня. Веслом!

– У тебя было что-то с глазами, – буркнула я. – Может, болезнь какая. От избытка вредности в организме.

– Что-то с глазами? – Он хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Я покосилась с сомнениями. С ильхом явно творилось что-то неладное, и оказаться с ним в одной лодке в таком состоянии точно не то, о чем я мечтала.

– Да. Цвет менялся. Это ненормально. Я уже видела такое в гроте, в самом начале. Я же говорю – что-то с глазами!

Шторм еще раз с силой втянул воздух. Закрыл свои странные изменчивые глаза. Открыл. И так посмотрел на меня, что я едва не сиганула за борт.

– Великий Горлохум, – медленно протянул он. – Ты не слышишь Зов. Да чтоб я сдох!

– Не знаю, о чем ты там толкуешь, но если собрался, то сдохни прямо сейчас, – посоветовала я. – И не мешай мне валить с этого проклятого берега!

– А я думал, что ударил тебя о скалы, когда тащил. Вот ты и... оглохла слегка, – снова непонятно произнес Шторм, уставившись на меня, как на неведомый экспонат. – Так откуда, ты говоришь, прикатила?

– Я уже сто раз отвечала.

Шторм тихо хмыкнул и неожиданно взял мои руки. Я насупилась, но сопротивляться не стала. В одной лодке со слегка ненормальным мужиком вообще лучше особо не сопротивляться.

И удивленно посмотрела на свои ладони. Кожа покрылась кровавыми волдырями. Да уж, гребля точно не мое!

– Ну вот, стерла руки и осталась без весла. Я ведь предупреждал. И кстати, было больно.

– Ври больше, – устало проворчала я. – У тебя башка бронированная. Ну, когда ты этот... хёгг.

– Какие удивительные слова знают в необыкновенном Гарасконе, – с явной насмешкой отозвался Шторм. – Надо приложить мазь с пеплом. К утру заживет. У тебя очень нежные руки, Мира.

Держа мои ладони левой рукой, правой он зачерпнул воду. Только она не осталась в пригоршне, а потянулась за мужскими пальцами, словно ниточка за иглой. Почти не дыша, я смотрела, как струйка обвивает мои руки, мягко смывая кровь и грязь.

– Как... как ты это делаешь? – завороченная, выдохнула я.

Губы ильха дрогнули в улыбке.

– Диковинный город Гараскон, где совсем не водятся водные хёгти. И это при том, что он стоит на самом краю моря...

– Хватит надо мной издеваться, – огрызнулась я. И ежу понятно, что вру я плохо. Но после прогулки в Саленгвард это уже не имело значения.

Шторм негромко рассмеялся, посыпал мои руки пеплом из своего мешочка. Оттуда же вытащил тряпицу и крепко забинтовал. Удивительно, но и порошок, и ткань оказались сухими. А руки ильха – слишком заботливыми. Словно... словно ему не все равно. Хотя мы оба знаем, что единственное, о чем он печется – это пепел. Кости из мертвого города. Ради них он меня лечит. Из-за них не отпускает.

– Я все равно сбегу, – тихо и яростно сказала я.

Шторм поднял голову, и наши взгляды встретились. Нет, ильх не был спокойным. Он просто очень хорошо умел скрывать свои чувства. И в его глазах снова жило море... Скользя ладонью по моей руке, ильх провел по шее, отчего мою кожу покрыли мурашки. Мягко завел руку под мои волосы, на затылок, притянул к себе.

И поцеловал.

Горячий язык прошелся по моим губам, огладил порочной лаской. Разомкнул губы и соприкоснулся с моим языком. Удивительно, но у Шторма был вкус не моря, а пожара. Огня и перца, золы и терпких северных ягод...

Или мне так почудилось, потому что от его поцелуя закружилась голова и стало нечем дышать.

Осталось лишь одно на двоих дыхание, как было там – на глубине.

И мгновение острого, почти болезненного удовольствия от этого короткого, мимолетного поцелуя.

Я ахнула ему в губы, и Шторм разжал руки, выпуская меня.

Несколько томительных мгновений мы смотрели друг на друга, тяжело дыша.

— А вот и ответ. — Ильх втянул воздух и отодвинулся. — Ты совершаешь ошибки, затуманная дева. Это может плохо для тебя кончиться. Жители Последнего Берега — народ жесткий. Долго думать над твоей судьбой не станут. Если узнают, что ты пришла из-за Тумана — отправят в море с камнем на шее. Даже ты с таким не выплывешь.

— Как ты понял? — прошептала я.

— Твой язык сказал правду. — Ильх усмехнулся. — Когда был у меня во рту.

— Ты снова издеваешься? При чем тут... Думаешь, в Гарасконе девы не умеют целоваться? — Я все еще пыталась взять себя в руки. Демон проклятый! Поцелуй длился лишь пару мгновений, да это и не поцелуй почти! Так почему он так на меня подействовал?

— Целоваться? — Шторм удивленно растянул слово, словно никогда его не слышал. — Хм... Ты ничего не знаешь о фьордах, ведь так, дева из-за Тумана? На фьордах девы не целуются, лильган. Впрочем, ильхи — тоже. Здесь слышат Зов. И никто не делает так, как только что сделал я. Или ты. Зато так делают в твоей мертвой Конфедерации, не так ли?

— Что? — опешила я.

Да уж, я снова сплеховала. Хотя чему удивляться. И правда ничего не знаю о фьордах и вру на каждом шагу. От того, что ильх меня рассекретил, я даже испытала облегчение. Хотя и злость тоже. Из-за выбранного им способа!

И как-то незаметно для самой себя я выложила ему все.

О запущенном в небо фантоме, самолете и бегстве от убийцы, который представился моим мужем.

— Вот и все, — тихо закончила я. — Ты прав. Я ничего не знаю о фьордах. Я просто хотела выжить. И с того хёггкара я спрыгнула, чтобы спастись.

Шторм хмурился, но молчал, и я не выдержала:

— Что ты собираешься теперь делать? Теперь, когда знаешь правду? Ты меняпустишь? Ты ведь можешь провести меня через скалы! Или сообщить Андерсу Эриксону о том, что я здесь. Уверена, он за меня заплатит...

Ильх помрачнел. И я вдруг заметила, что вода вокруг нас тоже заволновалась и пошла волнами, угрожающе раскачивая маленькую лодочку.

– Отпустишь? – схватила я ильха за руку.

Он посмотрел на наши ладони. Его – сильные и загорелые, мои хрупкие, белые и перемотанные тряпицами. Поднял темный взгляд.

– Твоя свобода – это тысяча щепотей пепла, лильган, – сказал Шторм.

Что? А ведь мне показалось, что мы почти подружились! Что он все понял, что он поможет! Да я уже попрощалась с Последним Берегом!

Дура вдвойне.

Нет здесь никаких друзей. Есть преступники, которым нужен пепел. Есть пленница.

И этот ильх, который умеет очаровывать, ласкать водяной струей, завлекать лазурью в глазах. И целоваться, чтоб его демоны сожрали!

Я выдернула из его рук ладонь. Шторм смотрел мне в лицо, словно хотел утешить, но не знал, что сказать. Но все его утешения – пустой звук. Саленгвард проклят, лишь боги знают, что еще таится за его стенами. А тысяча щепотей – действительно очень много. Теперь я это понимаю.

Вздернув подбородок, я смирила его презрительным взглядом.

– Кажется, я поняла, что значит знак на твоём лице. Из рук одного убийцы я попала в лапы другого.

Волна ударила в лодку с такой силой, что едва ее не перевернула. Море вокруг нас потемнело, забило злой рябью.

– Рад, что ты все поняла, чужачка, – медленно, почти растягивая слова, сказал Шторм.

– Ненавижу тебя! – Я вскочила, сжимая кулаки. В этот момент мне хотелось его ударить. – Лучше бы ты меня не спасал!

– И правда, лучше! – рявкнул Шторм. – Зря клюнул на слезные мольбы о помощи неблагодарной девы! Таким, как ты, не место на фьордах.

– Я бы с удовольствием их покинула! – огрызнулась я.

– Заплатишь долг Последнему Берегу, и я лично отволоку тебя за Туман! – яростно прошипел ильх.

– Негодяй!

– Ты даже не представляешь, какой!

– Да ты... ты! – Я задохнулась словами. Эмоции – острые, сильные, перченые – бились внутри, не давая дышать и думать. Хотелось кричать и даже топтать ногами, хотелось крови. Но ильх не дал мне возможности продолжить. Он выпрямился во весь рост и, без всплеска скользнув в воду, ушел в глубину.

А я осталась, размышляя обо всем, что не успела сказать мерзавцу, о мертвом городе, поцелуе и проклятом убийце.

А еще о том, как мне добираться до берега без весла.

Глава 11

Фьорды согрелись.

Вода теплее с каждым днем, утренний туман уже не кусает кожу, а ласкает ее, словно рука нежной девы. Скалы посветлели от молодой зелени, а скоро станут пестрыми от цветов.

Время любви и игр для каждого дитя фьордов. А особенно – для тех, кто рожден от Зова Ньордхегга.

Время, которое Шторм ненавидел.

В это время его жизнь менялась и почему-то снова – в худшую сторону.

Он ушел в глубину. Туда, где властвует вечная стужа. Туда, куда не добраться лучам солнца. Туда, где нет жизни, ни одной плоской пучеглазой рыбёшки, ни одной надоедливой каракатицы. Где можно свернуться кольцом и смотреть на мертвые, одинокие скалы. Где нет места воспоминаниям и прошлому. Как и фьорды, они оживают с приходом лета.

Правда, сегодня на стылую глубину Шторма загнало вовсе не паршивое прошлое, а такое же паршивое настоящее! Девчонка, которую он по глупости спас. Словно пустоголовый малек, попался на наживку. На длинные и тонкие ножки, вокруг которых плескался шаловливый ветер, теребя подол юбок. На стройную фигурку, идущую ко дну. На мольбы о помощи. И ведь даже подумать не успел, рванул сквозь толщу воды в одном желании – вытащить, защитить!

Вот же безмозглый... А ведь он всегда считал, что теплые воды на него не влияют. Что отжило то, что поддается силе и власти согревающихся фьордов, что ушло в незримый мир вместе с теми, кто мертв.

И вот же! Кинулся на призыв, вытащил, спас. Только спрашивается – зачем? Он не из тех, кто спасает тонущих дев! Дева в воде годится лишь для игры – погонять в свое удовольствие по мелководью, пощекотать волной, а потом – затащить под скалы, прижать нежной спиной к мшистому камню. Получить сполна то, что может дать юное и красивое женское тело. Дать сполна то, на что способно тело его – разбитое и опустошенное. А после – оставить там,

где нашел, и забыть в тот же миг. Так он всегда и поступал. Тело еще не успевало остыть от ласки, как Шторм призывал хёгга и уходил в глубину, ни разу не обернувшись. Иногда девы кричали что-то ему вослед, просили вернуться, сулили новые наслаждения. Но их крики значили не больше, чем вопли надоедливых чаек, кружащих над скалами.

И бросаясь на помощь чужачке, Шторм намеривался поступить так же. Положить на тёплые камни да развлечься, на радость им обоим.

И зачем потащил деву к Последнему Берегу?

Неблагодарную, капризную чужачку из мертвых земель! Яростную, как ядовитый угорь! Неблагодарную!

Но это он уже говорил...

Шторм со злостью врезал хвостом по скале, выбивая крошево и поднимая со дна ил. Любая дева фьордов знает, что Зов хёгга, звучащий лично для нее – это самое прекрасное, что можно услышать. Что Зов дарует красоту, молодость, долголетие. И что игры в теплой воде и платой-то не назвать, слишком хороши они для обоих! Награда это, а вовсе не плата! И для дев тоже, не зря ведь они каждый раз так просят Шторма вернуться!

А эта что же? Не буду с тобой плавать! Ненавижу.

Да даже обезумевший хёгг не сунется в Белый Ёрмун по своей воле! А он вот полез. И что в награду?

Водный хёгг яростно заколотил хвостом, разбивая камни. Вокруг него закрутилась черная воронка, над толщей воды с криками разлетелись птицы.

Все дело в том, что чужачка не понимает. Она другая, затуманная. И мысли у нее другие, и чувства.

Неожиданно накатила усталость. И хёгг упал на дно, натужно дыша. Плавники обвисли.

Глупец, что спас ее. Судьбой чужачки было остаться на дне моря, в объятиях Белого Ёрмуна. Это решение Перворожденных или тех богов, которым поклоняются люди из мертвых земель. Может, сами фьорды воспротивились госте и решили от нее избавиться? А Шторм пошел наперекор, спас. И значит, теперь не только дева его должница, но и он в ответе за хрупкую жизнь, отнятую у незримого мира. Должен беречь, даже если хочется ткнуть языкатую деву головой в ил!

Вот про язык он вспомнил зря... Очень зря. Потому что усталость смыло теплой волной, хотя откуда бы ей взяться в стылой глубине? Да и по телу разлилась истома. И хёгг заволновался снова, топорща плавники и порываясь рвануть вверх, туда, где видна тень от узкой лодки-скрёбы. Шторм едва его удержал. Или себя? Все же даже здесь, во тьме и холоде, он ощущал вкус ее губ. Порочное, запретное прикосновение из жутких мертвых земель! И зачем он попробовал ее вкус? Раньше такого тоже не случалось. Ни с одной из дев он не хотел испробовать то, что однажды увидел.

В пекло деву!

Фьорды согрелись, и в водах полно тех, кто готов подарить ему ласку. Кто слышит его Зов и благодарит за него как должно. С кем можно играть, а потом оставлять на скалах.

И никогда, никогда не вспоминать.

Посреди моря я болталась недолго. Проклятый ильх все-таки решил не рисковать сомнительным здоровьем своего приобретения, то есть – меня. И когда я уже вознамерилась бросить лодку и добраться до суши вплавь, суденышко вздрогнуло, приподнялось на хребте волны и понеслось вперед. Я вцепилась в борта, пытаюсь не смотреть на извилистое тело морского змея, который тащил меня к берегу, пока лодка не ткнулась носом в камни.

Я выбралась из ненадежной посуды, обернулась. Но увидела лишь хвост уходящего в глубину змея. Снова разговаривать со мной Шторм не пожелал.

– Ну и крабы с тобой, – буркнула я, направлялась к «Медузе».

Моя одежда почти высохла, за теплый воздушный поток надо бы тоже благодарить Шторма, но думать о мерзавце я не хотела. Каждая мысль о нем вызывала внутри слишком много эмоций, я терялась в них, словно в бушующем море. Ну уж нет, только не это.

Походив по берегу и окончательно проголодавшись, я завернула в таверну Наны.

– Вы гляньте! Живая дева! – заорал Торферд-Коряга, стоило мне войти. Рядом с ним сидел вчерашний пленник Ульф и несколько незнакомых мне ильхов. И все они насупились при виде меня.

– Жаль, что живая. Я на ее кончину свои сапоги поставил.

– А я нож! – с досадой отозвался другой.

– Теплое одеяло продул! – возмутился третий.

И все с таким недовольством уставились на меня, что я даже подумала, не извиниться ли за то, что посмела выжить.

– Нет, ну кто мог знать, что девчонка вернется? Проклятый город ее не забрал, Шторм не прибил. Удивительное дело! А может, и не ходили они за стену? В гроте порезвились, да и дело с концом?

Я осмотрела таверну, вытащила из мешочка на поясе кость, показала.

– Советую в следующий раз поставить на мою жизнь, – громко сказала я. – И Саленгвард, и Шторм подавятся, если попробуют меня укусить!

Секунду висела тишина, а потом таверна взорвалась от хохота.

– А дева то ядовитая! – Торферд ударил кулаком по столу, и взлетели наполненные тарелки и кубки. – Такая, может, и выживет!

– Такая еще и вас переживет, – буркнула я, усаживаясь за пустым столом. От кулаков великана точно следует держаться подальше. А то пришибет и не заметит. Нана притащила мне толстую жареную рыбину, обложенную корешками, мочеными ягодами и тонкими стеблями молодой травы. Совершенно непозволительное блюдо. И, конечно, к нему не полагалось никаких приборов. Минуту я смотрела на рыбу, рыба тарасилась на меня. И обе мы выглядели слегка озадаченными этим жизненным поворотом.

Потом я вздохнула, отломил кусок рыбины и сунула в рот вместе с корешками и травой. Зажмурилась. Сочное, сладкое, с брусничной кислинкой мясо, восхитительно хрустящее сверху и обволакивающее-нежное внутри. Настолько вкусное, что я замычала, а из глаз, кажется, потекли слезы. Единый! Неужели еда может быть такой невероятной?

Когда я вернулась из своего гастрономического путешествия, то заметила, что Торферд с приятелями задирают какого-то тощего паренька, а к выходу идет Верман. Тот самый, чей хёггкар все еще покачивается у Последнего Берега.

А что, если...

Забыв про еду, я вскочила и бросилась за ильхом. Не выпуская варвара из вида, я кралась за ним между валунами, составляя в голове смутный план. Верман повернул за «угол» дырявой лодки и... пропал. Я выскочила следом, пытаюсь понять, куда он делся. И тут меня пихнули, дернули и прижали спиной к трухлявым доскам.

– Зачем следишь за мной, дева? – в мое горло уперлось лезвие. Верман навис сверху. – Или... – Его взгляд пробежал по моему лицу и нервно вздымающейся груди. – Или понравился? Одного водного хёгга тебе мало?

Я решила не спорить насчет «одного». Какая разница, что думает обо мне этот варвар? Главное – убраться отсюда.

Я осторожно подняла руку и отвела нож от своего горла.

– У меня к тебе предложение, Верман-хёгг.

– Да ты ненасытна, – ухмыльнулся он, но нож убрал.

– Я не об этом! – торопливо глянула по сторонам, но вокруг были лишь камни и чайки. – Я прошу тебя... прошу забрать с собой! Увезти с Последнего Берега. Ты ведь сегодня уплываешь, так? Простопусти меня на свой хёггкар!

– А, ты об этом, – мигом поскущел варвар. – Забудь. Последний Берег берет все и ничего не отдает.

– Послушай! – в отчаянии я схватила ильха за руку. – Я тебе заплачу! Ну то есть не совсем я... Мой брат! Мой брат живет в Нероальдафе, и он очень богат! Его почитает даже Сверр-хёгг, слышал о нем?

Верман настороженно кивнул.

– Вот! – обрадовалась я. Вранье удавалось легко, в конце концов, на фьорды я попала как Хельга Браун, так пусть это мне и поможет. – Мой брат очень богат! Он заплатит за меня выкуп. Тебе и делать-то ничего не нужно, лишь спрятать меня на своем хёггкаре.

– Шторму это не понравится, – медленно произнес Верман, не мигая рассматривая меня.

– Да он и не заметит! – горячно выдохнула я. – Притащит завтра другую деву, да и дело с концом. Помогите, умоляю! Разве такой сильный хёгг не спасет несчастную пленницу?

Лесть мне всегда плохо удавалась, но я решила, что сегодня она будет не лишней. И, кажется, расчет оказался верным! Потому что Верман ухмыльнулся.

– Фьорды согрелись, – хрипловато произнес он, пожирая меня взглядом. – Воды потеплели. И что же... не буду скрывать. Ты мне нравишься, дева.

Я вспомнила, как беловолосая Альва прижималась к ногам мужчин, чтобы спасти свою жизнь. Смогу ли я так же, если придется?

Ох, вряд ли...

– Вот только не врешь ли ты мне?

– Клянусь Перворожденными! – выпалила я. Легко клясться теми, о ком понятия не имеешь. Но ильха мои слова впечатлили.

– Сверр-хёгг, говоришь... Сильный риар.

– И лучший друг моего брата! Да что там! Он ему почти родственник!

– Друг, говоришь... Тогда пусть заплатит мне за тебя сундук золота. И даст охранную грамоту, чтобы свободно плавать в водах Нероальдафе. – Верман склонился ниже, всматриваясь в мое лицо.

Я торопливо кивнула. Не знаю, есть ли у Андерса Эриксона такой сундук и где он возьмет грамоту, но сейчас главное – попасть на корабль.

– И еще... поплаваешь со мной, когда выйдем из бухты.

«Поплавай со мной, кьяли...» – лизнула тело теплая волна.

Я медленно разжала кулаки, сдерживая злость. Чертовы хёгги. Воды у них согрелись! Да чтоб они закипели и поджарили ваши чешуйчатые хвосты! Но улыбнулась ещё очаровательнее, не разрывая зрительный контакт.

– Я согласна.

Теперь уже Верман быстро оглянулся, проверяя, не подслушивает ли кто. И кивнул.

– К закату Нана поставит у помоста груз, спрячься в тюках. Мои люди перенесут их на хёггкар. И смотри, чтобы тебя никто не заметил.

Я снова кивнула, но Верман уже отвернулся и ушел, беззаботно насвистывая. Я же едва не запрыгала от радости. Уже к закату я покину проклятый город и Последний Берег! Как расплачиваться с Верманом, решу после. Все получится.

Уверена, совсем скоро я вернусь домой.

Глава 12

Остаток дня я провела как на иголках. Не зная куда себя деть и в то же время боясь привлечь лишнее внимание. Не придумав ничего лучше, я мерила шагами полоску суши за «Медузой», стараясь не смотреть в сторону Саленгварда.

Я и сейчас не понимала, что увидела за его стенами. Рационального или хотя бы приемлемого объяснения у меня не было. Хотя какая уж тут рациональность? Ясно, что фьорды действительно иные. И то, что здесь творится, не поддается логике прогрессивных конфедератов. Это вообще не поддается никакой логике.

То, что живет за стеной – пугает. До дрожи. Я не хочу знать, что это. Я просто хочу оказаться от этого как можно дальше. Теперь я понимала запрет Торферда-Коряги. Понимала, почему он велел не смотреть в сторону города. Теперь я боялась туда смотреть. Даже думать. Словно жуть может услышать мои мысли и выглянуть из-за стены. Да уж, куда делась моя самодовольная бравада? Легко быть бесстрашной, никогда не сталкиваясь с чем-то по-настоящему жутким.

На море я тоже старалась не смотреть. Шторм так и не вернулся. Но этому я была только рада. И даже коротко взмолилась неведомым Перворожденным, чтобы морской змей как можно дольше оставался за пределами Последнего Берега. Если он вернется до заката, убежать будет гораздо сложнее.

Но, похоже, удача была на моей стороне, потому что ни Шторма, ни конухма, ни даже Торферда я так и не увидела. Берег опустел, ильхи занимались своими делами и на меня почти не обращали внимания. Только старик Дюккаль ругался, что я повредила его драгоценную лодку-скрёбу, да еще и утопила весло. Я хотела возразить, что весло сожрал хёгг, но решила не обострять ситуацию и просто сбежала.

Спряталась за валунами, среди мха и зарослей. Хотелось есть, но я боялась сунуться в таверну к Нане. Великанша сметливая, вдруг поймет по моему взволнованному лицу, что творится неладное? Или привяжется с разговорами... Уж лучше пересидеть в своей засаде. Благо, никто не интересовался – где там чужачка. Кто охотился, кто

рыбачил, кто дрых на солнышке. Я такой всеобщей занятости только порадовалась.

Солнце ползло к воде невероятно медленно. Я нервничала, жевала веточку и смотрела на бухту. А еще отмечала, что фьорды и правда согрелись. И сегодняшний день оказался гораздо теплее предыдущего. Даже в платье мне было уже почти жарко. Трава и листья лезли практически на глазах. Вдоль тропинок в лесу все пожелтело от мелких цветов. Пока я сидела, мимо пронеслась деловитая белка, потом неторопливо протопал еж. Я проследила его путь изумленным взглядом. Зверь никуда не спешил и, похоже, совсем меня не боялся. Лишь фыркнул недовольно, когда наткнулся на мой ботинок. Величественно подождал, пока я уберу ногу, и пошагал дальше. Невероятно!

В столице Конфедерации такого точно не увидишь. Там нет даже уличных собак. Все, что есть, принадлежат хозяевам и гуляют на строго отведенной территории. В Окламе, где все еще живут родители, конечно, все иначе. Хотя по меркам столицы Оклама – жуткая дыра, поля да фермы. Но я рада, что мое детство прошло именно там. Хотя я и старалась изо всех сил, чтобы стать в столице своей, а не «деревенской глупышкой», как снисходительно отзывались о выходцах с окраин.

Я задумчиво набрала в ладонь горсть земли.

Сверху теплой, а внутри – еще прохладной, сырой. Да, я сделала все, чтобы вытравить из себя ту девчонку, которой была когда-то. Ту, что носилась по земле босиком, спала на сене, играла с мальчишками в полях. После того, что случилось с моим старшим братом, я так хотела все это забыть. Забыть ту девочку, которая обожала Майка. Забыть его и себя. Я изменилась, повзрослела. Я годами не вспоминала прошлое. Меня уже почти не мучили кошмары. И так странно, что сейчас, сидя где-то на краю земли, я вспоминаю все это.

– Это все стресс, Мира, – пробормотала я, разжимая ладонь. Земляные струйки потекли сквозь пальцы.

Да, все от пережитых страхов. Ну не верить же в то, что фьорды будят забытое? Будят душу?

Я так задумалась, что не заметила, как солнце скатилось к горизонту. А поняв, что просидела под деревом несколько часов, вскочила и заметалась, пугая белок.

Верман сказал, что тюки погрузят на корабль к закату. Единый! Только бы не опоздать!

Хёггкар покачивался в стороне от кораблей-домов. Там, где соорудили подобие пристани, и где сейчас высилась гора тюков и сундуков. Прокравшись к ним, я оглянулась. У освещенной таверны Наны ходили ильхи, но на пристани было пусто и тихо. Сгрузив поклажу, ильхи ушли. К счастью.

Но моя радость оказалась недолгой. Сунувшись к грузу, я поняла, что спрятаться в тюках просто невозможно! Их обмотали веревками так плотно, что я даже не понимала, что внутри. Рядом стоял сундук, но закрытый. Отчаянно подергала замок и поняла – бесполезно. Но что же делать? Куда прятаться? Оставались лишь несколько здоровенных бочек, набитых чем-то вонючим.

Пока я металась по пристани, на дорожке за валунами слышались голоса. Сюда идут! И кажется, это одноглазый Эйтри. Вспомнив его лицо в обрамлении белых волос, усмешку, перечеркнутую шрамом, я внутренне поежилась. Вот уж кто не станет мне потакать и живо оттащит обратно к конухму. Что же делать? Я охнула, бесполезно дергая крышку сундука. Голоса звучали все ближе. Совсем рядом!

Не придумав ничего лучше, я вывернула содержимое бочки в воду и, часто моргая от вони, юркнула внутрь и закрыла крышку.

Вовремя! Миг – и по причалу зашелестели шаги.

– ... не раньше середины лета, – неторопливо говорил Верман. – Хочу дойти до южных берегов, набрать лазурного камня, который высоко ценят в Варисфольде.

– А еще на юге полно дикарок, которые обрадуются водному хёггу, да? – насмешливо отозвался Эйтри.

Верман раскатисто рассмеялся.

Я сидела в бочке, зажимая нос пальцами, чтобы меня не стошнило. Но помогало это плохо. Демоны, что было в этой посудине? Похоже на гнилое мясо! Но зачем его грузить на хёггкар?

– Странно, что ты не остаешься на полнолуние, – продолжил Эйтри.

Голоса раздавались совсем близко, буквально над моей головой. Я попыталась вовсе не дышать.

– Первая летняя луна. Ты ведь всегда любил эту ночь. Даже дикарки не стоят того, что ты упустишь!

– А ты? – с насмешкой возразил капитан хёггкара. – У тебя теперь есть прекрасная Альва из Аурольхолла. Проведешь Лунную ночь с ней? Или все же пойдешь на берег?

– Альва подождет. Ни один ильх в здравом уме не пропустит такой дар, как первое полнолуние.

Ильхи снова рассмеялись. Я нахмурилась, пытаюсь сообразить, о чем они говорят. Лунная ночь? И что в ней такого?

– Эй, глянь-ка. Что это с рыбой творится? – раздался сбоку удивленный голос Эйтри. – Посмотри, Верман! Набилась под причал, можно руками черпать.словно ее хорошенько чем-то прикормили!

Я испуганно свернулась в своем убежище. Еще как прикормили! Протухшим мясом!

Верман что-то ответил, но уже дальше. Похоже, он отошел в сторону и увел с собой назойливого Эйтри. Неужели догадался, что я прячусь в бочке? Возможно....

И тут мое ненадежное пристанище вздрогнуло и закачалось.

– Эй, грузите осторожнее! – прикрикнул Верман. – Это особая солонина от Наны, за нее в Канумгарде дадут хороший кошель серебра! Крышку держите!

Бочку перенесли на лодку, шумно ударила волна. Я уже едва дышала, но держалась, повторяя как заклинание: скоро все закончится. Скоро я буду дома!

– Эй, Верман! Постой! – крикнул с причала Эйтри, и я похолодела.

Ну что еще этому одноглазому надо? Неужели что-то заподозрил?

– Будешь в Аурольхолле, захвати каких-нибудь побрякушек. Женских. Колец и браслетов. Шелк на платье.

– Возьму, Эйтри, возьму, – добродушно отозвался капитан хёггкара. – Готовь пепел на оплату! Девы нынче дорого обходятся!

– Эйтри-Янтарь всегда платит по долгам.

– И то верно! – Верман захохотал, и лодка наконец отплыла от берега. Все еще не веря своему счастью, я сидела не шевелясь, пока мы добрались до хёггкара. И лишь там, в трюме, отодвинула крышку. Вывалилась наружу, рухнула на доски пола и задышала ртом, благодаря небо за живительный свежий воздух.

– Ты должна мне целую бочку отличной солонины, – мрачно поведал стоящий рядом Верман. – И благодари Перворожденных, что Эйтри не сунул нос, чтобы проверить товар. У этого ильха нюх, как у горбоволка. Тебе повезло, дева. А теперь полезай-ка обратно. Пока не покинем эти воды, лучше тебе не высовываться.

Он ушел, хлопнув дверью, а я осталась в тесном помещении, среди сундуков, тюков и бочек. Здесь было всего одно крохотное оконце, к которому я и прильнула. По темной синеве неба разлился алый закат. Вверху уже блестели слезы звезд, внизу все еще желтела полоса света. Красиво... Пожалуй, такого красивого заката я не видела уже многие годы. Или я не смотрела?

Хёггкар мягко покачивался на волнах, покидая Последний Берег. Некоторое время я все еще видела проклятый Саленгвард, полосу леса, таверну Наны... Внутри что-то дрогнуло, и я моргнула. А потом все это затянуло сумраком, остались лишь редкие огни да силуэты домов. Зато впереди уже виднелся выход из бухты. Скалы, сужающиеся кольцом. А за ними – фьорд. Море. Свобода!

Я вцепилась в край оконца, жадно вдыхая соленый воздух. Вот оно – спасение! Уже близко!

И тут хёггкар тряхнуло. И еще раз. Словно кто-то толкнул его снизу. На борту забегали встревоженные ильхи, Верман что-то крикнул. Я до рези в глазах всматривалась в сумрак, пытаюсь понять, что случилось. Что происходит? Мы напоролись на подводные камни? Надеюсь, у Вермана крепкое судно!

Корабль снова вздрогнул, на этот раз сильнее. И тут совсем рядом кто-то заорал:

– Крак-е-н!

Что?

Из водной глубины взвились в воздух несколько гигантских щупалец. Одно грохнуло по стене, прямо рядом с моим окошком, и прежде чем заорать, я успела рассмотреть множество розоватых присосок, которыми чудовище цеплялось за корабль. Щупальце сползло вниз, и тут же рядом грохнулось другое, разбивая стену в щепки. Я отлетела в сторону, закрывая руками голову. У комнатушки-убежища теперь не было одной стены. А у хёггкара – одного борта. Вместо него там завис огромный жуткий моллюск! Я видела его

щупальца, хватающие и трясущие корабль, словно игрушку. Со всех сторон орали ильхи, откуда-то сверху слышался голос Вермана:

– Хватит! Прекрати! Оставь меня! Убирайся в бездну!

Он то ли просил, то ли угрожал. И кому? Морскому гаду?

Я выползла на остаток борта, цепляясь за доски и веревки.

– Хватит! – уже практически взвыл Верман. – Шторм, прекрати!

Шторм?

Притиснувшись к краю пробоины, я выглянула наружу. И увидела... В свете угасающего дня плескался в темной воде чудовищный кракен. А за ним... За ним виднелись уже знакомые очертания морского змея.

Водный хёгг поднырнул под кракена и оказался совсем рядом. Миг – и вместо него на щупальце чудовища взобрался человек. И жуткий моллюск замер, словно послушная домашняя псина под рукой строгого хозяина.

– Шторм, что ты творишь? – снова заорал Верман. – Ты совсем утратил разум? Ты пробил дыру в моем хёггкаре! Убери своего питомца!

– Ты нарушил договор, – заставил меня испуганно попятиться холодный голос Шторма.

Я никогда не видела ильха таким злым. Он стоял на голове кракена и выглядел настолько взбешенным, что мне захотелось обратно в бочку с гнилым мясом.

– О чем ты говоришь? Да ты...

– Ты забрал то, что принадлежит мне. – Море пошло злыми волнами, ледяной ветер обвил хёггкар. – Посмел увезти. И думал, что я не узнаю. Так, Верман?

– Ты утратил разум...

– Уже давно! – рявкнул Шторм. Кракен ударил щупальцем, пробивая в хёггкаре еще одну дыру. Кто-то из ильхов благоразумно прыгнул в воду, спасаясь бегством.

– Я ничего не брал!

Еще один удар щупальца сломал мачту.

– Хватит! – яростно заорал Верман. – Ты проклятый безумец, Шторм! Убери кракена от моего хёггкара! Девчонка сама залезла на борт! Сама хотела, понял? Хотела уплыть со мной!

Еще один страшный удар. Чудовище заворочалось, приподнимаясь, и я увидела его рыбы глаза – выпученные водянистые шары.

– Я ничего не брал!

– А я возьму все! – рявкнул Шторм. – Никто не смеет забирать мое!

Ильхи заорали, покидая обреченный корабль. Кракен шумно выдохнул. И нырнул, утаскивая хёггкар за собой. Меня потянуло по доскам, а потом выкинуло наружу. Я даже не заметила, как оказалась в воде. Вокруг сыпались куски дерева и рваного паруса, орали люди, шипел кракен! Я свалилась кулем, ушла на глубину, пытаюсь избежать столкновения. И совсем рядом увидела человеческое лицо. Красивое и злое, перечеркнутое черным знаком. Шторм смотрел на меня сквозь толщу воды. И по этому взгляду я поняла, что все это время он знал, где я прячусь.

Ильх схватил меня за руку и потащил. Прочь от тонущего хёггкара, от орущего Вермана, от жуткого кракена. От моей почти обретенной свободы.

– Ненавижу тебя! – заорала я, колотя его по голой спине и плечам. – Отпусти!

Он не сопротивлялся. Даже не уворачивался, позволяя себя колотить. И придерживая, чтобы я не утонула.

«Не бойся глубины, я удержу. Нас обоих...»

– Зачем? – Я двинула ему снова, но ильх лишь поморщился. – Зачем? Почему ты меня не отпускаешь?

– Я не могу, Мира, – сипло сказал он. Глаза у него были жуткие. Темные, с узкими змеиными зрачками.

– Не можешь? – заорала я. – Или просто не хочешь?

Он тяжело втянул воздух.

– Может, и не хочу.

Я опешила от такой откровенности. В Конфедерации никто не говорит: я не отпущу тебя, потому что не хочу. Для Конфедерации это слишком... нецивилизованно. А вот на фьордах, похоже, никто подобного не стесняется! Варвары, они варвары и есть.

За спиной медленно шли ко дну мои надежды на спасение. Теперь понятно, почему в эту бухту просто так не попасть. На дне спит

приятель морского змея – жуткий кракен! Сюда не только не войти, но и не сбежать пленникам вроде меня.

Ужасно захотелось расплакаться. Но я лишь сжала зубы, толкнула Шторма и, сильно загребая, поплыла к берегу. Я знала, что Шторм где-то рядом. Чувствовала, что он присматривает. Но ни разу не обернулась, чтобы в этом удостовериться. На отмель я практически выползала. От усталости тряслись руки и ноги, рвало легкие. С трудом поднявшись, я выбралась на сушу и упала возле мшистых валунов. Села, обхватив себя руками. Дневное тепло сменилось зябкой ночной прохладой. Я замерзла, устала и совершенно обессилила. От меня за версту несло какой-то гадостью, и самое плохое – я не знала, что делать дальше. Кажется, мой оптимизм утонул вместе с хёггаром Вермана.

Рядом со мной кто-то остановился. Но я не подняла головы, так и смотрела в землю, обняв колени.

– Тебе надо согреться и поесть, – сказал Шторм.

Я не отреагировала. Не буду с ним разговаривать. Пусть это бесполезно и по-детски, плевать. Просто не буду с ним разговаривать!

– Нана испекла ягодный пирог. Сладкий.

Я постаралась удержать голодную слюну. Умру здесь от голода и холода, но не встану!

– Мира, это глупо. Давай поговорим.

– Поговори со своим другом кракеном!

– Он не разговаривает.

– Ты его настолько достал?

– Он морской гад.

– Ты тоже гад. Морской. Но ты же разговариваешь!

– Я – хёгг!

– Хёгг... Кракен... Какая разница! По виду вы близкие родственники!

– Ты сравнила хёгга с кракеном? Хёгга с рыбой?! Хёгга?

Шторма так перекосило, что я отползла подальше. Незнание мира за Туманом снова сыграло со мной злую шутку. Ильх сделал несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. Похоже, получалось у него не очень, потому что на шее нервно пульсировала жилка.

Еще раз втянув воздух, Шторм присел рядом на корточки. Кстати, мерзавец успел высохнуть, выглядел он отлично. Не то что я – жалкая

и продрогшая пленница.

Я разозлилась с новой силой. Вот с места не сдвинусь, что бы он ни сказал!

– Мира, – проникновенно произнес Шторм. – У меня есть мыло. А?

Нет, я этого не слышала. Нет, я не буду реагировать!

Порыв ветра как назло ударил в лицо вонью, пропитавшей мою одежду и волосы. Даже заплыв в бухте не смыл ее.

– С ароматом вереска и мяты, – почти нежно добавил Шторм.

Я подняла голову.

– У меня дома есть легенды о змее-искусителе, – мрачно буркнула я, поднимаясь. – Кажется, я знаю, кто был прообразом.

Улыбка осветила лицо ильха, делая его по-настоящему привлекательным. Я насупилась и отвернулась. До грота мы шли молча. Шторм вытащил из сундука чистую одежду и сухую холстину, чтобы вытереться, достал увесистый пузырек, внутри которого мерцало перламутром божественно ароматное мыло.

Я так же молча забрала эту драгоценность и направилась к теплой воде.

– Так и будешь тут стоять? – огрызнулась я, поняв, что уходить Шторм не собирается.

– Прослежу, чтобы тебя не беспокоили.

Я фыркнула, давая понять, что думаю о такой заботе. Шторм сел спиной к воде, и я, оглянувшись на него, торопливо стащила с себя вонючие вещи.

– Там есть ступеньки, – не поворачиваясь, подсказал ильх. – Сбоку.

Я сердито глянула на его спину и склоненную светлую голову. Может, подобрать камень да треснуть посильнее, пока варвар не смотрит? А потом снова попытаться сбежать? Вон и булыжник лежит подходящий...

Со вздохом я подхватила бутылку мыла и полезла смывать с себя вонь. Вряд ли я смогу треснуть кого-то по голове булыжником. А даже если и смогу... кто сказал, что варвар от моего удара потеряет сознание? Скорее снова озверевает! Да и неизвестно, какие еще сюрпризы поджидают на выходе из бухты. Одного кракена мне хватило, чтобы полжизни видеть эту зверюгу в кошмарах.

Мне нужен новый план. Но пока я его не придумала.

Намылившись от макушки до пяток, я окунулась в теплую воду. Грот наполнился ароматом цветов. И даже моя злость немного уменьшилась. К тому же ильх прав. Молчать – глупо.

– Почему на всех хёггкарах так тщательно выведены названия?

– Что? – Шторм дернул головой, желая повернуться. Но не стал.

Я услышала его тихий вздох.

Конечно, он ожидал другого вопроса. О причинах, почему он меня не отпускает. О Саленгварде и проклятии. О моем будущем. Но... я устала. И пока не готова к новой битве. Мне нужно перемирие, чтобы собраться с силами и придумать новый план побега.

– Названия, – вытянула я руку, с наслаждением ее намыливая. Шелковая пена ласкала кожу. Кто бы мог подумать, что у варваров есть такое чудесное мыло! – Сами лодки старые и дырявые, латанные-перелатанные. У некоторых от первоначальных досок остались лишь воспоминания. Но на всех бортах четко выведены названия. «Медуза», «Покоритель волн», «Бесстрашный» и «Непобедимый», «Сокровище фьорда»... Название обновляется чаще, чем крыша. Разве это не странно?

– Ты приметливая, – услышала я в его голосе улыбку. – Но здесь никому не кажется это странным. Слова, которые мы произносим, остаются в воздухе. Цепляются за ветви деревьев, впитываются в землю. Наполняют воду. Их слышат люди, звери и Перворожденные. То, что звучит – живет. Человек жив, пока кто-то произносит его имя. И с хёггкарами так же. Пока есть название, ладья дышит. А как сотрется – развалится, и никакие починки уже не помогут.

Я посмотрела на спину ильха. Почему от его слов внутри меня что-то дрогнуло и зазвенело, словно натянутая струна? Почему захотелось произнести имя, которое я не говорила много лет? С того самого дня. И стало больно, словно имя жгло изнутри.

Я тряхнула головой, разбрызгивая ароматную пену. Сейчас надо думать о другом. О том, как выбраться отсюда!

– Откуда ты знаешь про Конфедерацию? Ты был за Туманом?

Некоторое время Шторм молчал.

– Давно и случайно. Через три зимы после того, как надел кольцо Горлохума. Я был ненамного старше Брика. – Ильх тронул обруч на своей шее. – Меня закрутило изменяющееся течение возле Большого

Хребта, целый день тащило по дну, а после выбросило на незнакомый берег. Стояла ночь, и я не сразу сообразил, что оказался за Туманом. Тогда я даже не знал, что за ним живут люди. Был уверен, что там находится незримый мир, в котором пируют за вечным столом изобилия Перворожденные и ушедшие ильхи. Я поднялся над водой и вертел головой, пытаюсь понять, что за странный город вижу вдали. А потом навстречу мне двинулся хёггар. Но не ладья, а нечто невообразимое. Это плавающее чудовище было ярко-белым, оно состояло из мертвого железа и такого же мертвого дерева, которое не отзывалось мне. Внутри этой гадости сидели и ходили люди, несколько десятков! Ильхи и разодетые в шелка девы. Некоторые танцевали, другие пели. Играла музыка, и все это светилось разноцветными огнями, словно снежный хёгг зажег на борту небесное сияние.

– Похоже, ты увидел прогулочную яхту, – улыбнулась я, а ильх хмыкнул.

– Это мертворождённое чудовище, полное странных людей, испугало меня до колик в животе. Я решил, что умер и попал в незримый мир. Только там может быть подобное. Но мои бока ныли из-за ободранной кожи, мне хотелось есть. И я сообразил, что все еще жив. И поплыл за мертвым хёггаром. Он испугал меня, но в то же время заинтересовал. Я хотел понять... разобраться в том, что вижу.

Я против воли улыбнулась, представив совсем юного Шторма, крадущегося за яхтой. Каким он тогда был? Веселым и любопытным или серьезным и вдумчивым?

– И что было дальше? – Я неожиданно увлеклась рассказом.

– Хм... Ничего особенного. Некоторое время я плыл за этой ладьей. Смотрел на людей.

Ну да, а потом в местных газетах, наверное, появились заголовки о морском змее, которого видели с борта прогулочной яхты. Правда, им, как всегда, никто не поверил.

– И увидел поцелуй? – Я глянула на напряженную мужскую спину. Кажется, рассказывать об этом Шторм не слишком желал. Но я припомнила кракена и свою утонувшую свободу и повторила вопрос.

– Да, – неохотно процедил ильх. – Двое стояли во тьме и трогали друг друга губами. И языками. Это длилось... долго. И вызывало во мне странные чувства. Я не понимал, что они делают. И зачем.

– А сейчас понимаешь? – не удержалась я.

– Не совсем, – ровно произнес ильх.

Вода вокруг меня пошла рябью. И я решила сменить тему.

– Ты говорил, что звал дерево яхты? Что это значит?

– Потомкам Ньордхёгга отзывается вода и живое дерево, – сказал Шторм. – Реже – соль и морской ветер. И еще реже – течения и подводные обитатели.

– И что это значит – отзываться? – тихо спросила я.

– Такие вопросы хёггам не задают, лильган, – со странной интонацией сказал Шторм. – Но ты любопытная и хочешь все знать... что ж. Я скажу. Сейчас я ощущаю воду вокруг тебя. Чувствую, как она к тебе прикасается. К твоим ногам. Животу. Грудь. Я ощущаю твоё тепло и твою нежность. Чувствую капли, стекающие по твоей шее. Каждая из них – я.

Вода в гроте всколыхнулась, пошла водоворотом.

– Что значит отзываться, кьяли? Я могу взять тебя, не вставая с этого места.

Вода потоком стекла по телу. И это так сильно напоминало прикосновение мужских рук, что я опешила. Происходящее было ненормальным. За гранью моего понимания. И еще слишком... чувственным.

Резко поднявшись, Шторм вышел из грота.

Я посмотрела ему вслед, жалея, что все-таки не приложила булыжником. И злясь на себя за то, что хочу продолжения этой странной, противоестественной ласки.

Глава 13

Когда я, чистая и почти спокойная, спустилась к таверне Наны, то увидела, что на берегу разложили костер, на котором томился котел с едой. Рядом топталась сама великанша, а ильхи расположились кто на поваленных деревьях, а кто и прямо на земле.

От котелка шел умопомрачительно вкусный аромат горячей еды. Но когда я приблизилась, дорогу мне преградил молодой ильх. Темноволосый и темноглазый, с кривым ножом на поясе, он выглядел настоящим головорезом с большой дороги. Под правым глазом у него чернело изображение, похожее на монету.

– Вы посмотрите, а вот и наша беглянка, – звучно сказал он, и все головы повернулись в мою сторону.

Я попятилась. Мрачные взгляды варваров мне не понравились.

– Из-за тебя я потерял товар, который утонул вместе с хёггкарм Вермана! – не отставал ильх. – Целый сундук отборного красного дерева. За ним пришлось лезть на вершину скалы, беглянка. А теперь всё на дне моря. И кто за это ответит, а?

Еще несколько мрачных фигур подошли и встали позади обозлённого головореза.

– Верно говоришь, Ирган! И моя добыча теперь в пасти у кракена, – пробасил другой. – Отличные зубы диких гаркаров. Почти не стесанные! Несколько месяцев собирал!

– Бивень моржа... кожа... пепел!

– А еще вкуснейшая солонина Наны, – с тоской подсказал Торферд. – Эх. Все досталось кракену! А я остался без новых сапог!

Он поднял ногу и показал вылезшие из обуви пальцы.

Ильхи загомонили все разом, требуя ответа за утопленный товар. Я в отчаянии осмотрела берег, но Шторма рядом не было. И тут же сама на себя разозлилась. Выходит, я ищу защиту того, кто меня и травил во всю эту заваруху? В бездну Шторма! Без него справлюсь!

– Я не виновата в том, что хёггкар Вермана утонул, – стараясь, чтобы голос не дрогнул, сказала я. – Не я выпустила кракена!

– Сидела бы на берегу, так не пришлось бы его выпускать! – рявкнул кто-то позади толпы.

Ильх, которого называли Ирганом, демонстративно вытащил кривой нож и сунул мне под нос.

– Кто расплачиваться будет, а, дева? Ты теперь мне должна целый кошель монет! Или пригоршню пепла. Ясно тебе?

– И мне! И мне!

– А если не отдашь, знаешь, что мы с тобой сделаем? – Ильх плотоядно облизнулся. – Вот этим ножом покрошим на мелкие кусочки и на обед сварим! С корешками и сушеными травами! Поняла?

Вооруженная толпа напирала. Хотелось броситься прочь, но куда? Да и любой знает, что нельзя показывать диким зверям свой страх, надо стоять до конца. А эти варвары мало чем отличались от голодных хищников! Они окружили меня со всех сторон – потрясая ножами и топорами, сверкая зубами и глазами. Страх сдавил горло. Но со страхом я давно на короткой ноге и знаю, как с ним совладать.

Это всего лишь люди.

Не стихия.

А значит, я могу сражаться. Могу действовать. Могу даже победить, если мне хоть капельку повезет.

Ну или дорого продам свою жизнь и честь, если судьба снова отвернется.

Ильхи напирали. Я уже ощущала мускусный запах их шкур и одежд. Медленно попятившись, оглянулась, высматривая пути для побега. Но за спиной высоченные валуны, сбоку – дощатая стена «таверны». Единственный выход закрыл злобный варвар, который подошел первым. Я окинула его быстрым взглядом.

Выше меня, но худой. Жилистый, но юный, а значит, менее опытный.

Выдохнула.

И когда ильх протянул ко мне руку, я схватила ее и резко дернула на себя, одновременно сжав кулак и двинув парню в нос. Он взвыл от неожиданности и боли, а я крутанулась, рубанула его по шее. Резкий переворот, выворачивая запястье ильха, и вот я уже стою, сжимая в руке чужой нож.

– А ну прочь! – взвыла я не своим голосом. – Всех порррежу!

Варвары остановились, переглядываясь, а я возликовала. Получили! Думали запугать? Не на ту напали! Скорчила жуткую

морду и завывала пуще прежнего:

– Пошли воооон!

Побитый мною юный головорез выругался сквозь зубы.

– Эй, нож-то отдай, – вполне миролюбиво и даже как-то смущенно попросил он, потирая распухающий нос. – Ты чего?

Я ткнула острием в его сторону. Ильки слаженно отодвинулись и снова переглянулись.

– А ее Шторм головой о скалы приложил, – громким шепотом поведал раздавшийся позади ильхов звонкий мальчишеский голос. – Несколько раз! Вот она и... того! Злая!

Я крепче обхватила рукоять трофейного ножа. Вот только суньтесь!

– Хватит, – из толпы вышел одноглазый Эйтри-Янтарь. Лисица на его плече ехидно скалила мертвую пасть. Ильх глянул на побитого парня, потом на меня. Хмыкнул. – А я говорил: не трогай деву, Ирган.

– Смотрите, а Ирган у нас теперь не Синезубый, а Красноносый! – завопил Торферд.

Ильки дружно захохотали. Сам Ирган обиженно оскалился. Кстати, зубы у него были вполне белые и крепкие, так что осталось неясным, за что он получил такое странное прозвище.

– Повеселились, и хватит, – махнул рукой Эйтри.

И ильки вдруг прекратили изображать бешеных собак и совершенно беззлобно рассмеялись, засовывая ножи обратно за пояса.

– Вечно ты все веселье портишь, – проворчал светлоглазый блондин сбоку. – Подумаешь, малость попугали деву! Кто же знал, что она такая ярая?

Попугали? Я переводила изумленный взгляд с одного ухмыляющегося лица на другое. Это что же, просто местное развлечение было? Меня не собирались порезать на куски и съесть?

– Да не сильно-то она и испугалась. – Нана отпихнула мощным плечом сразу несколько ильхов и улыбнулась мне. – Глянь, даже не побледнела.

Ну да, с жизнью всего лишь попрощалась. Но не побледнела, да.

– Я же вам говорила – эта дева не из робких. У меня нюх!

Я с сомнением глянула на великаншу. Не она ли недавно называла меня малахольной?

– Эй, Ирган, а ты говорил – погоняем деву по берегу, посмеемся! Вот и посмеялись! И кстати, ты продул мне щепоть пепла. Я говорил, что устоит девчонка! А ты – побежит, побежит. Завоет!

Барвары снова загомонили, я незаметно прислонилась к стене таверны. Чтобы никто не заметил моих подрагивающих коленок.

Нана осуждающе цокнула языком, пока ильхи обменивались монетами и ценным порошком. Похоже, ставки и споры – основное развлечение в этой бухте.

Посмеиваясь, ильхи возвращались к своим местам. Я обернулась к Эйтри.

– Это что, шутки такие? Значит, никто на меня не злится?

– Еще как злятся, – хмыкнул одноглазый. – Но мы не торговцы, дева. Мы те, кого уже нет. И живем лишь одним днем. А долги... Ты все отдашь, уж поверь. Должники Шторма расплачиваются полной мерой.

Ветер взметнул его белые волосы, и взгляд стал жестким. Интересно, за какие преступления он попал в это место? Впрочем... лучше мне об этом не знать. Я сдержала желание поежиться. Рядом с этим ильхом всегда было холодно.

Словно почувствовав это, Эйтри нахмурился.

– Иди к огню. Шторм велел за тобой присмотреть.

– Не слишком-то ты торопился выполнить поручение, – проворчала я, и блондин улыбнулся-оскалился.

– Верно. Я надеялся, что сначала ты немного повопишь, побегаешь по берегу, развлечешь парней. И меня.

Я остановилась, глядя ильху в глаза. Вот же мерзавец!

– Ну и как? – спросила, улыбаясь. – Развлекся?

Эйтри рассмеялся и ушел, не ответив. Я хмуро проводила его взглядом, все еще сжимая трофейный нож. Потом молча развернулась и двинулась туда, где пахло дымом и едой.

Взяв тарелку с мясной похлебкой, села на бревно рядом с Вегардом-без-крыши. Его кошка высунулась из бороды, дернула усами. Я достала кусочек мяса, протянула на ладони. Кошка осторожно понюхала, стащила угощение и снова спряталась в свое укрытие. Я улыбнулась, стараясь не думать о съестных запасах в бороде старика.

У костров собралось десятка три ильхов. Сегодня местным было что обсудить. Со всех сторон неслись рассказы о том, как кракен трепал хёггкар, а Верман бросался на кракена, пытаясь спасти остатки своего имущества. Все это сопровождалось диким хохотом и новыми ставками.

– Нет, вы видели, видели, как Верман-то улепетывал? Потрепал его малыш-кракен! Потягал за хвост!

Малыш? Я вспомнила громадное морское чудовище, но тоже улыбнулась. Веселье ильхов оказалось заразительным.

Проклятый город тонул во тьме на скалах, и здесь, возле костров, среди смеющихся варваров, было легко о нем забыть. Я молча ела похлебку, стараясь не реагировать на подначки и насмешки ильхов. Пусть развлекаются.

– Ну хватит уже, – добродушно пробасила Нана, когда очередной шутник спросил, понравилась ли мне встреча с кракеном. – Оставьте деву в покое.

– Нана, а расскажи историю? – попросил Брик, присевший напротив меня.

– Какую, малек?

– Ту самую. Про Ярла-Кровавое-Лезвие и его черный хёггкар, несущий смерть.

Ильхи притихли. Ирган, который час назад тряс передо мной ножом, вдруг укрыл меня потрепанным одеялом.

– Холодает к ночи, – хмыкнул он, блестя темными веселыми глазами.

Улыбка у парня оказалась доброй, а ведь совсем недавно я приняла его за отъявленного головореза. Подумав, протянула ему нож, но парень вдруг качнул головой.

– Оставь себе. Я плохой воин, раз так легко потерял нож. И... может, научишь тому перевороту? Как ты это сделала?

Я кивнула. Может, и научу.

Укуталась в одеяло, уткнулась носом в потертую ткань. Нана опустилась прямо на землю и затянула напевный рассказ. Слова лились потоком, словно великанша уже не раз произносила их и заучила назубок.

– За дальними скалами, за холодными водами шел за добычей черный хёггкар «Ярость Моря». На его носу блестела огромная

стальная пика, а на боках щетинились шипы и колючки. Говорили, что не хёггкар то вовсе, а живой и прожорливый зверь, безумный и вечно голодный. Но страшнее хёггкара был его капитан Ярл-Кровавое-Лезвие. Черный парус хёггкара грозил смертью каждому, кто завидит его. Не было на водах фьордов хёггкара страшнее и капитана безжалостнее. Клинок его разил без промаха, а силе и скорости завидовало само море...

Я заслушалась историей о разбойнике, наводившем ужас на все фьорды. Конечно, это лишь местные легенды, но весьма занимательные. И удивительно, голос у Наны грубый, а рассказ льется напевно, завораживающе. И я легко представляю свирепого и безжалостного пирата, бороздящего воды фьордов. Даже без описаний в моей голове сложился его образ: окладистая черная борода, рост как у Торферда и черные, горящие огнем глаза, вселяющие страх в сердце каждого встречного ильха.

Я улыбнулась своей расшалившейся фантазии.

– Еще! – Брик подался вперед. – Расскажи еще! О том, как Ярл сразился сразу с тремя хёггкарами и всех победил! Или лучше про Ярла и морскую морь! Как он не ответил на ее колдовской призыв, а она взяла и его полюбила!

Ильхи рассмеялись.

– Хватит, Брик, – прозвучал совсем рядом спокойный голос Шторма, и я заставила себя не подпрыгивать. И не оборачиваться. – Тебе давно пора спать.

– Но я...

– Иди, Брик.

Мальчишка на миг взвился, сверкнул глазами-угольками, желая возразить, но тут же понуро опустил голову и послушно поплелся в сторону домов-лодок. Я проводила его сочувствующим взглядом. И все-таки посмотрела на севшего рядом Шторма.

– Ты строг с ним.

– Последний Берег не место для нежностей.

Я подняла брови, но промолчала. Хотя мальчишку стало немного жалко. Интересно, как он вообще тут оказался? Вряд ли успел в своем юном возрасте совершить преступление, да и личико у ребенка чистое, без всяких порочащих знаков. Как он попал в эту бухту проклятых?

Шторма Брик слушался беспрекословно, и я бы подумала, что Брик – его сын, если бы видела хоть малейшее сходство. Но темноглазый и темноволосый мальчик был почти антиподом взрослого ильха.

Ничего общего. Хотя, конечно, Брик мог пойти в мать.

Я качнула головой. Не мое это дело, со своими бы вопросами разобраться.

– Приятный запах. – Шторм наклонился и втянул воздух возле моей шеи.

Кожу покрыло мурашками. Я наградила наглеца суровым взглядом и отодвинулась. Ильх, ничуть не смутившись, уселся рядом.

– Скучала?

– Вот еще, – фыркнула я. – Здесь полно тех, кто готов меня развлечь.

Я сделала широкий жест рукой. Шторм посмотрел на разбитый нос Иргана.

– Уже наслышан о твоих развлечениях, ярая дева.

Я покосилась на ильха. Это что же, комплимент?

– Не каждая дева не испугается обозленных ильхов Последнего Берега.

Да. Это точно комплимент. Я снова покосилась на Шторма, не зная, как реагировать на его слова. И неожиданно сказала правду:

– Если честно, то я испугалась. Но... я знаю, что когда боишься, надо бить первой. И страх проходит. Мне было одиннадцать, когда родители привели меня в бассейн. Ну это такое место, где много воды. А еще много мальчишек. И я им совсем не понравилась. Они окружили меня толпой и велели убираться. Пришлось макнуть в воду зачинщика. Несколько раз. – Я улыбнулась своим воспоминаниям. Мне тогда тоже досталось – и от задиры, и от тренеров, но я ничуть не жалела. И никто больше не смел называть меня «сопливой малявкой».

Шторм подозрительно долго молчал, и я повернула голову. И увидела его взгляд. В нем снова шумело море...

– У тебя снова что-то с глазами, – сообщила я.

Ильх, кажется, застонал. По крайней мере, издал какой-то похожий звук. Резко выдохнув, отвел взгляд и даже отодвинулся от меня подальше.

Повисло неловкое молчание. Пожалуй, не стоит говорить ему о глазах. Каждый раз ильх на это как-то странно реагирует.

– Нана развлекает нас рассказами о морском разбойнике Ярле-Кровавое-Лезвие. Очень занятные истории!

Шторм нервно дернул головой, но не повернулся. Я ощутила, как нарастает между нами напряжение. Воздух сгустился и стал медовым, дрожащим в свете костра. Тело покрыли колкие и острые искры, внутри завибрировало. Что это за чувство? Предвкушение? Но чего?

– В этих рассказях нет ни слова правды, – пробормотал Шторм.

Я пожала плечами, стряхивая непонятную дрожь.

– Зато они нравятся Брику. Да и мне тоже. Ты пришел и испортил все веселье. Я бы послушала еще об ужасном черном хёггкаре и его безжалостном капитане. И о сражении с целой ордой морских чудовищ.

Шторм издал тихий смешок.

– Уверен, Нана все это выдумала.

– Ну и что же. Я, знаешь ли, люблю истории про лихих разбойников. Похоже, этот ваш Ярл-Лезвие был тем еще мерзавцем! Нана рассказывала, как он в одиночку покрошил целую толпу врагов! А потом вырезал сердце их главаря и съел его сырым. Брик был в восторге.

– Нане лучше заняться своим котлом, а не болтать глупости, – мрачно ответил Шторм.

– Конечно, Нана все выдумала. Но мальчику нужен герой, пусть и выдуманный.

Я поднялась, и Шторм вскинул голову.

– Мира?..

Что? Я застыла, глядя на него сверху вниз. В его пугающие глаза, в лицо, перечеркнутое черным знаком. Тем самым, за который ильха может убить каждый прохожий на фьордах. Заколоть даже во сне. И получить за это награду.

– Ничего, – снова отодвинулся он.

Я кивнула и ушла, решив не думать о Шторме. Он самый последний ильх, о котором я хотела бы думать!

Глава 14

И лишь придя на «Медузу», я вспомнила, что мое время «гостии» закончилось. А где мне жить теперь, я так и не спросила. Надо было вернуться к кострам, но внезапно меня покинули силы. Сев на край кровати, я поняла, что просто не могу с нее подняться. Что глаза сами собой закрываются, и я прямо сейчас усну. В одежде. Этот день снова оказался слишком длинным.

Кое-как стащив обувь и ослабив завязки рубашки, я залезла под тяжелое одеяло и...

...и оглянулся. Вокруг шумел мой город. Я знал его и любил. Он был прекрасен. Лучший город на земле скал и озер. Я шел по оживленной улице, кивая встречным ильхам и ловя взгляды дев. Они все смотрели на меня, все. Я видел их чувства. Обожание, уважение, любовь, желание.

Гнев. Боль. Страх... Последнего стало слишком много, и меня это злит. Почему они боятся? Я дал им лучшее. Я построил город, равного которому нет на фьордах. Ради диковинок и чудес нашего дома сюда плывут хёггкары из самых дальних земель. Так почему я постоянно чую запах страха?

– Перворожденным это не нравится... Перворожденные гневаются...

Шепот проносится над площадью и стихает, стоит мне обернуться. Ярость дрожит внутри. Глупцы! Я дал им все. А они боятся и поминают Перворожденных! Какие же глупцы!

– Отныне в этом городе никто не будет поминать Перворожденных! Я запрещаю! – кричу я. И вижу ужас в глазах людей. Вижу, как они отшатываются, а уважение на их лицах сменяется паникой. Но ярость, черная огненная ярость уже застилает глаза. – Отныне все будет иначе!

– Но риар... как же без Перворожденных? Кто мы без них? – бормочет конухм. Он стар. Так стар, что уже не боится спорить даже со мной.

– Нет никаких Перворожденных! – ору я. – Они все в ином мире! А мы здесь. И жить надо здесь. Жить грядущим, а не глупыми

традициями и суевериями. Жить тем, что я даю вам, всем вам! В моих руках свет новой жизни, свет знаний!

Они шарахаются в сторону, и злость застилает глаза. Проклятые глупцы! Разве они не видят, как прекрасен наш дом? Разве не понимают, каким он станет завтра?

Проклятые испуганные дураки.

Отворачиваюсь.

Белые ступени расстилаются передо мной полотном. Дорогой в небо. Тысяча без одной гладких, мраморных ступеней. Я мог бы сесть в поднимающую корзину и взлететь на верхнюю террасу за несколько минут. Но мне нравится идти пешком. Нравится смотреть по сторонам, видеть укрощённый водопад, ровные дуги моста между двумя пиками скалы, стальные кольца, охватившие гору, и пузатые светильники, покачивающиеся вдоль лестницы. Мне нравится то, что я создал. И то, о чем еще только мечтаю.

И я уже не слышу шепот за спиной.

– Мертвое железо... Мертвая гора... Перворожденные злятся... Беда, беда будет.

Солнце слепит глаза. Вершина горы прячется в шапке облаков. Я поднимаюсь все выше и...

...просыпаюсь.

И не понимаю, почему так темно. Где яркое солнце, прекрасный город, сверкающие белые ступени? Почему меня качает, а в крохотном окошке висит огрызок бледной луны?

Я села на кровати и помотала головой, приходя в себя. Мне приснился сон. Яркий и такой реалистичный, что я не сразу поняла, что видела лишь грезу. От сна осталось странное ощущение – радостное и тягостное одновременно. Я поежилась, сбрасывая мутный туман видения. И поморщилась – правую ладонь неприятно дергало и саднило. Хотя после моей выдающейся гребли в этом не было ничего удивительного.

Вздохнув, я поднялась с кровати. Сон испарился, и я по опыту знала, что снова провалиться в дрему уже не получится. Так что, ежась и потягиваясь, я вышла на палубу «Медузы», поплескала в лицо холодной дождевой воды из бочки. Последний Берег кутался в туман рассвета. Над морем медленно разгоралась полоса зари, протягивая по волнам золотые ленты. Полоса суши сейчас была тихой и мирной, от

ночных костров остался лишь тонкий дымок и зола. Ильхов видно не было, даже они еще спали.

И я вдруг поняла, что сейчас, в ласковых лучах рассвета, бухта по-настоящему красива. Я смотрела на мшистые валуны и лес, поднимающийся вдали. На синие скалы, стыдливо прячущиеся в тумане. На шапку низких облаков. На серо-зеленую волну, мягко облизывающую песок.

Прекрасное, удивительное место! Странно, что я не увидела этого раньше. А еще город... Он тоже...

Я хлопнула себя по лбу. Что за чушь лезет в голову? Проклятый город тоже прекрасен? Полно, Мира! Чего только не придумаешь, поддавшись очарованию рассвета! Даже меня вон проняло. А ведь брат всегда говорил, что когда Единый раздавал романтичность, я стояла за упрямством!

Вспомнив Алекса, а заодно и Джета, я загрустила. Но лишь на миг. Еще раз плеснув в лицо водой и отфыркиваясь, я решительно покинула «Медузу» и отправилась исследовать бухту. Чувствовала я себя превосходно, значит, самое время придумать новый план побега!

В конце концов, с чего я взяла, что единственный выход отсюда — по воде? Наверняка есть и другие!

Воодушевлённая, я дошла до костров и остановилась. Привалившись спиной к доскам таверны и укутавшись в одеяло, которое я вчера оставила на берегу, спал Шторм. Сидя. Похоже, он провел так всю ночь. Боги, неужели я заняла его кровать, и ильху больше негде спать?

Я прикусила губу, рассматривая мужчину. Его глаза были плотно закрыты, ресницы не двигались. Белая косица упала на щеку, почти закрыв пугающий знак. Второй щекой ильх уткнулся в ветхое одеяло. Спящий Шторм выглядел таким красивым, удивительно молодым и странно беззащитным. Невероятное зрелище.

Что-то сладкое и маетное всколыхнулось внутри. Легкое, как пузырьки игристого вина, нежное, как перышко... Прекрасное. Коснулось души, погладило.

Что-то знакомое.

И пугающее.

Я осторожно отступила. Шторм не шевелился. Развернувшись, я торопливо пошла прочь.

Он проснулся, когда дева ступила на берег, но глаза не открыл. Даже не пошевелился, когда она замерла рядом, рассматривая его. Морской ветер игриво погладил Шторму щеки, дразня ароматом девы. Ее кожа все еще пахла мятой и вереском. Приятно. Хотя ильх предпочёл бы ее истинный запах. Мягкий, будоражащий...

Ресницы все-таки дрогнули.

А дева чего-то испугалась. Он услышал ее тихий вздох, а потом быстрые удаляющиеся шаги.

Ну и куда лильган собралась?

Шторм открыл глаза и с интересом проводил взглядом почти бегущую по берегу тонкую фигурку. Пометавшись в разные стороны, Мира все-таки выбрала направление и полезла на гору. Шторм нахмурился. Там, за валунам, таилась неприметная тропа, ведущая в сторону перевала, но чужанская дева ее ни за что не найдет...

Нашла! Чтоб ее!

Нашла и полезла на скалы, довольно уверенно двигаясь вперед. А потом и вовсе пропала из вида. Похоже, сегодня дева решила выбрать для побега наземный путь.

Шторм со вздохом поднялся, покрутил головой. Тщательно промял ноющую после неудобного сна ногу. Сделал череду выпадов, возвращая телу подвижность и гибкость. Ту, которая все еще была ему доступна. От привычных рывков и наклонов в голове зашумело. Тело отзывалось неохотно, жалило болью. Но Шторм уже давно не обращал на боль никакого внимания. И движения тянул медленно и неторопливо, словно стоял под водой. Мышцы и кости ныли, требуя оставить их в покое, но Шторм продолжал. Он знал – есть способ прекратить эту боль, вернуть столь желанные силу и быстроту. Простой способ. Достаточно лишь насыпать в рот щепоть черного пепла из мешочка на поясе... И боль исчезнет.

Соблазн был так велик, что Шторм ощутил во рту вкус. Острый, жалящий, горячий. Сладковатый. Вкус тлена и смерти. Вкус исцеления и свободы. От желания его почувствовать заныла челюсть, а мышцы дрогнули, срывая очередной плавный выпад.

Но Шторм лишь со злостью втянул воздух, вернулся в исходную стойку и продолжил.

Закончил разминку и пошел к источнику умываться, фыркая от холодной воды. Потом задумчиво сжевал подсохшую лепешку.

И лишь после этого неторопливо двинулся за беглянкой.

Шаловливый ветер подгонял, дразня ароматом мяты и вереска, но Шторм от него лишь отмахивался. Спешить смысла не было, как раз напротив. Лильган упрямая, это он уже понял. А значит, будет противиться до тех пор, пока не поймет – выхода нет. И спасения нет. Она будет пытаться убежать снова и снова, вредить себе и Последнему Берегу, пока не осознает, что все это бесполезно.

Дева будет искать путь, пока не убедится, что его нет.

Так пусть же поймет это уже сегодня. Море для нее закрыто, это лильган уже осознала. Сегодня же она узнает, что и по суше ей не дойти до перевала.

Нет, на самом деле дорога была. Но на этот счет Шторм совершенно не волновался. Он ведь видел дев из-за Тумана. Видел людей из мёртвых земель. Видел и поражался. Насколько они... неприспособленные! Хрупкие, слабые, ничего не понимающие в мире вокруг. И ничего не знающие о фьордах! И Мира тоже такая. Мертвая Конфедерация внушила ей глупую самоуверенность и браваду, но фьорды быстро сдерут их, словно шелуху. И покажут, чего дева стоит на самом деле.

Шторм улыбнулся, сорвал травинку, сунул в рот. От подъёма снова разнылась нога, но он привычно загнал эту боль в самую глубину своего нутра. Торопиться некуда. Пусть дева побегает вдоволь, устанет и проголодается. Уже к обеду она осознает, что одной на скалах ей не выжить.

Ярая беглянка. Упорная!

Шторм хмыкнул и выплюнул травинку.

И на что только она рассчитывает? Куда бежит? Да она не сможет даже утолить жажду или найти еду! Ягод еще нет, а в кореньях дева не разбирается. Убить дичь не способна, как и сделать оружие. И нет же, все равно убегает!

Даже одеяло с собой не взяла!

Может, уже сейчас сидит где-то и плачет?

Шторм остановился и прислушался. Потом потянул с моря ветер, пустил по следу. Тот вернулся через пару мгновений и послушно доложил: не плачет. Топает по тропинке, страхом и не пахнет.

Ну что же... Это и хорошо. Храбрая дева так быстро не сдастся.

Сдастся позже. И в этом Шторм был уверен так же, как в новом рассвете.

Далеко Мира все равно не сбежит. Куда ей? Да, храбрая, да, упрямая, но ведь этого мало. У лильган нежные руки, не знающие тяжелой работы. Да вся ее кожа – возмутительно нежная. Как шелк. Даже пятки. Где это видано, чтобы пятки были такими шелковыми? Словно никогда не ступали по земле. Словно дева всю жизнь ходила по облакам!

Этими нежными пятками она знатно отбила ему бока.

Но почему-то Шторм все никак не мог выкинуть их из головы. Впрочем, не только пятки... Еще ноготки. Даже на ногах – розовые и совершенно чистые. Даже возмутительно как-то. И пальцы без мозолей. Ни единой ведь нет, он специально искал! И куда ей с такими пальцами и пятками на скалы? Но полезла же...

Шторм улыбнулся. Внутри медленно разгорались предвкушение и азарт. Охота... Ненастоящая, но все равно будоражащая!

Прибрежная полоса закончилась, и морской ветер ослаб. Чем дальше на сушу, тем он тоньше. Все еще гладит щеки и дарит запах соли, но уже с ворчанием. «Скоро вернемся, – пообещал ему Шторм. – Проверь деву».

Ветер снова принес вереск и мяту. Да уж. Мира действительно упорная.

Тропа стала почти незаметной. Она вела в сторону от Саленгварда, а на скале и вовсе терялась. Там начинался уже настоящий лес, он тянулся до самого перевала, с которого можно было попасть на другую сторону горы. Туда местные уходили охотиться или иногда носили товары для обмена, когда в бухту слишком долго не заплывали хёггкары.

Но ходили опытные охотники, а вовсе не дева с шелковыми пятками! И куда вот пошла? Хоть бы лепешек набрала в дорогу! Впрочем, и хорошо, что ничего не взяла. Быстрее вернется.

Колено прострелило болью, и Шторм присел на поваленное дерево, вытянул ногу. Морской ветер обвился вокруг руки, ласкаясь. Дохнул прохладой и солью. И улетел, сливаясь вниз, у моря, в единый сильный поток.

Шторм тряхнул головой. Сила воды здесь еще чувствовалась, но ее глушили камни. Все-таки скалы – вотчина детей Лагерхёгга. Но зато здесь было нечто иное.

Шторм прикрыл глаза, и душа хёгга потянулась к шершавому стволу. Дерево отзывалось труднее воды и ветра. Дерево было тяжелым и сонным. И все же откликнулось, рассказало.

Шторм подставил лицо солнцу, размышляя, идти за Мирой или подождать, пока беглянка выдохнется и сама повернет обратно? Может, остаться тут? Куда она денется, чужанская дева, скоро поймет, что все это бесполезно...

Солнце взобралось на пик небосклона, а потом покатилося вниз – обратно к морю. словно и огненному шару было невтерпёж окунуться в прохладные воды. словно оно, как и Шторм, ненавидело сушь черных камней, обступивших со всех сторон!

Насмешливое добродушие утра к полудню сменилось раздражением, а к вечеру – изрядной злостью. Беглянка упрямо топала по камням. А Шторм мрачно тащился за ней, уже проклиная себя за эту затею. Надо было сразу повернуть деву обратно, а не играть в охотника! Потому что возвращаться дева по-прежнему не собиралась, и Шторму все больше хотелось догнать ее и придушить!

Деревья поредели, теперь вокруг высились лишь черные скалы, покрытые влажным мхом. Но скудная растительность не помогала. Здесь властвовала гора. Тяжелая, темная, недовольная ругающимся между ее камней ильхом. Выталкивающая его обратно. Прочь, прочь с моих камней, дитя Ньерхёгга! Убирайся обратно в свои воды, здесь тебе не место!

Раненая нога снова разболелась и теперь горела огнем. словно кто-то поджаривал тело Шторма на костре. И это тоже не добавляло ему веселья! Хотелось лишь одного – найти деву, закинуть ее на плечо и вернуться. Не слушая ни воплей, ни возражений!

Потому что Шторм все больше зверел, бесшумно ступая по камням и пытаясь отрешиться от боли. И все яснее понимал, что чужачка с шелковыми пятками обратно не пойдет. Погибнет на скалах, но не вернется.

А он дурак, раз дал ей выбор. Надо было разворачивать сразу!

Разозлившись окончательно, Шторм ускорил шаг, насколько мог. Колено пробило насквозь, словно кто-то вогнал в него огненный прут. Но ильх лишь мотнул головой, заставляя тело двигаться быстрее. И довольно скоро услышал деву. Оставаясь в тени недовольных черных скал, Шторм мрачно осмотрел полянку за ними. Ну что там дева? Плачет? Стонет? Сожалеет, что сбежала?

Да ничего подобного!

Шторм изумленно поднял брови.

В маленьком углублении среди камней дева развела огонек и уложила в золу земляные клубни. Несчастной беглянка не выглядела, скорее наоборот! Улыбалась вовсю, да еще и мурлыкала под нос какую-то песенку!

Но как?

Шторм едва удержал ругательства. Как нежная дева нашла клубни? Как добыла огонь? Как прошла так много?

Да какого пекла?!

Шелковые девы не умеют выживать в лесу и на скалах! А затуманные и вовсе ни на что не способны!

Шелковая и затуманная вытащила нож и, походив по полянке, безошибочно нашла источник. Осторожно отодвинула со скалы густой влажный мох, открывая крохотную, почти незаметную ниточку горного стока, подставила ладони, собирая драгоценные капли. Напилась, умылась, а потом вернула мох на место.

И Шторм все-таки выругался. Про себя. А потом неожиданно усмехнулся. Да уж, а дева-то оказалась непростой. И шелк ее обманчив.

Ну ничего. Посмотрим, как она замурлыкает ночью. Когда скалы окутает непроглядная тьма, а на охоту выйдут хищники.

Но когда солнце зашипело на воде, Шторм понял, что даже ночь деву не развернет. Перекусив печеным клубнем, дева начала искать убежище. И нашла ведь! В горе полно узких расщелин, где можно спрятаться и пересидеть до утра. Найдя подходящую, клятая беглянка обошла подлесок, нарезала ножом мягких ветвей и натащила камней, чтобы завалить вход в свое укрытие. Мрачно наблюдая за уверенными приготовлениями девы ко сну, Шторм понял, что его терпение закончилось. Ну все! Хватит с него этой беготни по скалам!

Со злостью наступил на сухую ветку, чтобы она хрустнула под ногой. Мира вскочила и обернулась.

Поначалу все было замечательно.

Вспомнив, что Нана варила суп из медвежатины, я подумала, что зверя надо где-то добыть. А лесок между берегом и Саленгвардом слишком мал для крупной добычи, значит, есть и другие охотничьи уголья. И, немного побродив вдоль моря, я смогла найти тропку, ведущую прочь от воды и проклятого города.

Сжав в кулаке трофейный нож, я, не задумываясь, пошла по ней.

Меня вело лишь одно желание – сбежать. Увидеть родных, снова ощутить себя в безопасности. Единый, я просто хотела вернуться домой! В свой мир!

И потому почти бежала по тропе, не думая о хищниках или опасностях. Да я готова была не есть и не спать несколько суток, лишь бы оказаться как можно дальше от этого места.

Хотя, немного присмотревшись, я с радостью поняла, что голодная смерть мне не грозит. Несколько раз я заметила поросль, которую на ферме у нас называли земляной грушей. Я знала, что у растения питательные и сытные клубни, которые можно есть даже сырыми. Впрочем, развести огонь – тоже не проблема. В детстве родители и старший брат частенько устраивали для нас походы и учили основам выживания. Тогда это была всего лишь игра – добыть искру для костра, найти съедобные корни и ягоды, прочитать на земле звериные следы. А сейчас эта забава могла спасти мне жизнь.

До самого полудня я бодро шагала по тропе, иногда останавливаясь у источников, чтобы попить, и двигалась дальше. Настроение было отличным. Я великолепно себя чувствовала, светило солнце, и кажется... кажется, я действительно сбежала! Что могло быть лучше?

Странности начались после обеда. Перекусив, я снова двинулась в путь, но тут руку обожгло болью. Неужели меня ужалила оса? На кончике пальца выступила капля крови, вокруг нее расползлась тонкая черная паутинка. Что это еще такое? Слово порез! И как раз там, где осталось метка от прикосновения к мечу в Саленгварде. Но та рана давно затянулась, а выглядит, словно я порезалась только что! Да еще и

эти странные черные прожилки вокруг... Едва заметные, но пугающие.

Что со мной?

Почему-то вспомнился утренний сон про город и ступени, ведущие в небо. И дико, невыносимо захотелось их увидеть.

Что еще за ерунда?

Нахмурившись, я сделала несколько шагов, отбрасывая страх и непонятные чувства. Кровь из пореза закапала сильнее, словно рана увеличивалась. Да какого демона? Это всего лишь досадная царапина! Ободрала кожу и даже не заметила.

Я отрезала от своей рубашки кусок ткани, замотала ладонь. Кровь вроде бы остановилась. Я двинулась дальше, но тут же ощутила странную слабость. И это нельзя было объяснить обычной усталостью, ведь я хорошо знаю свой предел. Прогулка по летнему лесу явно не могла настолько меня измучить. Тогда что со мной? Ведь с каждым шагом я ощущала себя все хуже. Кажется, у меня даже поднялась температура, кости и мышцы ломало, как от затяжной болезни.

Может, я отравилась земляной грушей? Вдруг на фьордах она ядовитая?

Не зная, что и думать, я сделала остановку и нашла воду. Умылась, попила, снова прислушиваясь к ощущениям. Странно, но стоило остановиться, как болезненные чувства слегка утихли, а ладонь перестала кровоточить.

Да что со мной происходит?

Упрямства и воли к победе мне не занимать. Поэтому я отбросила прочь непонятные чувства и решила сосредоточиться на поиске ночлега.

И тут явился проклятый ильх.

Вышел из-за деревьев – со своей обычной насмешкой на губах. А ведь я почти поверила, что сбежала!

– Ты! – рявкнула я, выставя перед собой нож. – Не приближайся ко мне!

– Мира, хватит, – поднял ладони ильх, показывая, что безоружен. – Ночью здесь полно хищников, это убежище тебя не спасет. Нам лучше вернуться, пока светит солнце.

– Я никуда с тобой не пойду! – Я сузила глаза, не опуская сталь. В этот момент я почти верила, что смогу ею воспользоваться. –

Убирайся!

– Лильган, ты упряма, но это не поможет тебе добраться до перевала. У тебя нет оружия, нет еды. Ты погибнешь на скалах.

– Это не твое дело!

– Еще как мое, – сделал он шаг, и я махнула ножом. Шторм лишь иронично усмехнулся.

– Я просто. Хочу. Домой! – в отчаянии крикнула я. – В свой мир! К своей семье! И я не позволю меня остановить!

– Ты не дойдешь.

– Но я попытаюсь!

– Твоя попытка закончится смертью.

– Но это будет мой выбор!

– Выбор – стать ужином для дикого зверья?

– Не подходи!

Шторм не двигался, только мрачнел с каждым моим выкриком. Оружия у него, как обычно, не было, и я заметила, что ильх сильно хромает. Подъем в горы явно его вымотал, варвар болезненно морщился при каждом движении. А это значит, что я смогу от него сбежать! Брошусь прочь, спрячусь на скалах, и он меня не найдет!

– Просто оставь меня в покое, Шторм! Просто уходи! Мне здесь не место, мой дом за Туманом. Меня там ждут. Даже такой, как ты, должен понимать, что это значит!

– Такой, как я?

Его лицо застыло, насмешка исчезла. Взгляд заледенел, а губы сложились в улыбку, но никто не назвал бы ее доброй.

Шторм медленно провел пальцем по черному знаку, перечеркнувшему его лицо.

Проклятие! Я хотела сказать совсем другое! То, что мы разные! Он – ильх фьордов, а я девушка из Конфедерации! Но объяснения сделают только хуже.

– Мы те, кто мы есть, – выдохнула я, отступая на шаг. Ладонь, кажется, снова кровоточила. – И это никак не изменить! Твое место здесь, а мое – за Туманом, и я всегда буду пытаться туда вернуться. Просто отпусти меня!

Он молчал. Зеленые глаза потускнели. Внутри затрепетало что-то непознанное. Мне отчаянно захотелось сделать шаг. Но не назад – а к

нему. Захотелось прикоснуться. Сказать что-то... Но что, что я могу сказать? Еще раз поблагодарить? Глупо как-то...

Ильх не двигался, просто смотрел на меня. Не пытался удержаться. И я вдруг поняла, что он меня отпускает. Что больше не будет меня возвращать.

Это понимание вспыхнуло в душе и что-то в ней изменило. Слова застряли в горле. Что я ощущала, когда смотрела на ильха, застывшего среди деревьев? Благодарность? Сожаление? Да, но было и нечто другое. И это другое почему-то пугало... Я часто-часто заморгала, когда в глазах защипало.

А теперь повернись и иди, Мира. Иди, пока варвар не передумал!

Я сделала шаг назад.

И еще.

Ладонь стала мокрой и липкой, порез снова открылся. Но почему-то сейчас это не имело никакого значения. Я смотрела лишь в лицо варвара и видела все, что нас связывало. Белый Ёрмун и морской змей, зависший на глубине. Глоток воздуха, разделенный на двоих. Мимолетное прикосновение губ...

Как столь скоротечное может стать настолько важным? Заслонить прошлое? Это ведь всего лишь... мгновения!

Шторм вдруг потянул носом.

– Лильган...

Надо уходить. Сейчас же!

Дальше все произошло одновременно. Короткое рычание за спиной. И Шторм, только что хромающий, неуловимо быстро оказывается рядом и отпихивает меня в сторону! Я кубарем падаю на мох. Откатываюсь, встаю на четвереньки, еще ничего не понимая. И ахаю от ужаса.

Там, где я стояла мгновение назад, теперь скалился огромный медведь. Подобных хищников я видела только на картинках и уж точно не желала повстречать вживую! Зверь опустил голову, черная шерсть на загривке встала дыбом, и хищник зарычал на ильха. Стоящего совсем близко! Всего в шаге! А самое страшное, что у варвара не было никакого оружия! Ну почему, почему ильх не носит на поясе хотя бы нож!

Зато его ношу я!

– Шторм, нож! – Я швырнула свой трофейный клинок, и лезвие воткнулось в землю рядом с ногой варвара.

Но тот на него даже не посмотрел. Выпрямился и тоже зарычал!

Медведь поднялся на задние лапы. Единый, какой же он был огромный! Почти в два раза больше ильха! Да этот зверь убьет варвара одной лапой и даже не заметит! А потом кинется на меня! Что же делать? Заорать? Кинуть камень? Что?!

Медведь тяжело упал на все четыре лапы, не перестывая угрожающе рычать. Рванул вперед. Но вместо того, чтобы убегать, Шторм сделал один быстрый шаг навстречу. И треснул хищника кулаком в нос!

Опешивший зверь плюхнулся назад и замотал головой, словно большая собака.

– Убирайся! – рявкнул Шторм, все еще сжимая кулаки.

Хищник обиженно твякнул, сдал назад и уже через миг скрылся за мшистыми валунами. И пока я ошарашенно хлопала глазами, Шторм вернулся ко мне, присел на корточки.

– Цела?

– Ты дал ему в нос? – все еще не веря тому, что видела, сказала я. – Просто двинул в нос? Медведю?

– Нос – очень чувствительное место. – Шторм поднял мою окровавленную руку и нахмурился. – Что случилось?

– Не заметила острый камень, – соврала я, во все глаза глядя на варвара. Произошедшее не укладывалось в голове. Так просто не может быть!

– Не надо так смотреть, лильган. – Варвар размотал тряпку на моей руке. – Зверь чувствует хищника сильнее себя.

– Это был медведь!

– И он почуял хёгга. Правда, в горах от него мало толку, но медведь об этом не знает. Я ведь говорил, на скалах полно хищников. – Шторм поднял голову, наши взгляды встретились.

Я сглотнула сухим горлом. Все это время я видела перед собой человека. Хромающего ильха. Почти не опасного. Я дерзила ему, ругала его, злилась. Испытывала его пределы. Боги, да я даже пыталась его побить! Мужчину, способного двинуть в нос агрессивному зверю! Я не знаю никого, кто на это способен.

Единый, и от этого человека я надеялась убежать? Наивно верила, что он меня не догонит?

Похоже, я его сильно недооценивала.

– Мира, – проникновенно повторил Шторм. – Не знаю, что творится в твоей голове, но не надо так на меня смотреть.

– Как? – выдохнула я, не в силах оторвать от него глаз. – Знаешь... Я должна извиниться.

– За что?

– За то, что пыталась тебя побить.

– Не помню такого, – губы Шторма тронула легкая улыбка.

– В воде. Когда ты потопил хёггкар Вермана.

– Его хёггкар потопил кракен. И если бы ты пыталась меня побить, я бы точно запомнил.

– Но я пыталась!

– Хм. А я думал, ты со мной заигрываешь. Мне понравилось.

– Ты издеваешься?

Ильх не выдержал и все-таки рассмеялся. Смех у него был слишком заразительным, чтобы не ответить, и я тоже улыбнулась. Шторм мазнул взглядом по моим губам, нахмурился и снова уставился на руку.

– Это не похоже на камень, лильган.

– Просто царапина, – попыталась я отнять руку, но варвар держал крепко. Внезапно стало страшно. Черной сеточки на руке не было, но возникла уверенность, что порез тот самый, из Саленгварда. Вот только почему он снова открылся? Ведь зажил уже, даже шрама не осталось!

Шторм провел пальцем, пачкаясь в моей крови.

– Такой след оставляет нож. Или меч. Откуда рана, Мира?

– Это просто царапина! – повторила я, дергая рукой.

Пальцы варвара сомкнулись вокруг моего запястья, не отпуская. И выражение его лица мне совсем не понравилось. Возникла уверенность, что говорить о Саленгварде нельзя ни в коем случае.

– Отпусти, ну же! Сама не знаю, где поранилась.

Продолжая держать правой рукой, левой Шторм провел по моей ладони, рисуя кровавый узор. Выглядело это... дико.

– Кажется, ты врешь, лильган, – негромко произнес ильх. – Ток твоей крови частит.

– Я испугалась! До ужаса!

– Не думаю, – задумчиво произнес он, продолжая рисовать пальцем безумный узор. – Ты пугаешься, но ты умеешь убивать свой страх. Редкое качество даже для воина. Хотел бы я знать, чего ты на самом деле боишься.

...Тонкая рука над бездной. Крик. Брызги холодной воды в лицо...

Я выдохнула и заперла на замок некстати вылезшие воспоминания. Улыбнулась.

– Того же, что и все. И медведя я испугалась, очень! А на руке просто ссадина, немного пепла, и все затянется через минуту!

– Никакого пепла, – с внезапной злостью отрезал ильх. – Больше ты никогда не будешь его применять. Поняла меня?

Я ничего не поняла, но кивнула. Перед глазами снова возникла картинка – медведь и человек рядом. Кому расскажу – не поверят. Но это лишь в Конфедерации, а здесь, на фьордах, наверное, лишь плечами пожмут. Эка невидаль!

Непостижимый мир!

– Мира, если ты будешь так на меня смотреть, я за себя не ручаюсь, – негромко произнес Шторм, перебинтовывая мне руку чистой тряпицей. Сказал обыденно, только легкая хрипотца в его голосе заставила меня тяжело втянуть воздух.

И отвести взгляд.

– Жаль, – насмешливо произнес варвар, завязал тряпицу на сложный узел и поднялся. – Солнце садится, лильган, мне пора. Будь осторожна на скалах.

Он встал и, не оглядываясь, двинулся вниз по склону. Я проводила его спину ошарашенным взглядом. Вот так просто? Встал и ушел? Даже не сказав: «Прощай, Мира»? Посмотрела вверх. От камней ползли длинные тени, и казалось, что в каждой притаился опасный хищник. Я кусала губы, ожидая возвращения Шторма. Но он не собирался идти обратно. Он действительно меня отпустил и предоставил самостоятельно делать выбор.

Что ж, мне пора признать, что сама я не перейду эти горы.

Вздохнув, я понеслась за варваром. Он насмешливо поднял светлые брови, когда я его догнала, и получил в ответ мой хмурый взгляд. Вот пусть только хоть слово скажет!

Но ильх промолчал.

Я шла и думала о своем неудавшемся побеге, о медведе и вновь открывшейся ране. Найти объяснение последнему я так и не смогла, но порез вызывал тревогу. В глубине души я знала, что это ненормально. Порез зажил и не должен был кровоточить. Неужели он вновь открылся, потому что я удалялась от проклятого города? Но это ведь... невозможно?

Я устало вздохнула. Фьорды не знают этого слова. Пора уже принять, что здесь все иначе, и прекратить измерять неведомое знакомой мне мерой. Невозможное здесь означает лишь то, чего я не понимаю.

Ильх моим размышлениям не мешал, похоже, он тоже крепко о чем-то задумался. И еще я заметила, что с каждым шагом Шторм хромал все сильнее, он побледнел, а лоб покрылся болезненной испариной. Смотреть на его дерганные движения было невозможно, и я потянулась, желая подставить плечо. Но Шторм так глянул, что я отшатнулась. И решила впредь держать такие порывы при себе, варвар моей помощи не желал.

К тому же я и сама чертовски устала. В голове все крутилось и крутилось воспоминание о том, что произошло на скалах. Боги, да что это такое? Какую власть имеет надо мной этот мертвый город?

Я нервно сжала кулак. Сейчас рана не тревожила и кровоточить перестала. Может, я все придумала? Просто порезалась на скалах и не заметила? И почему я в это совсем не верю?

Последний Берег развернулся перед нами как-то внезапно. Долетел теплым дымом костров, ароматом еды и морской соли. Людскими голосами и лихой разбойничьей песней. Поскрипыванием битых хёггкаров и плеском волн. И удивительно, но я была рада снова во все это окунуться! Так рада, что при виде Наны едва не бросилась ее обнимать!

Шторм проследил за моим взглядом и сказал тихо:

— Если конухм узнает о том, что ты снова пыталась сбежать, не отдав долг, тебе перережут горло, Мира.

Совсем рядом шумела жизнь, простая и безыскусная. И ужасы фьордов казались почти нереальными. Но они были. Теперь я это знала совершенно точно.

Я подняла голову, встречая темный взгляд Шторма.

— Но ты ему не расскажешь, верно? — так же тихо спросила я.

– Не заставляй меня об этом пожалеть, лильган.

Шторм развернулся и, сильно хромая, пошел к воде. Нырнул и исчез в глубине, лишь мелькнул на поверхности гибкий змеиный хвост.

Глава 15

Удивительно, но стоило вернуться, и вся моя усталость испарилась. Я снова чувствовала себя великолепно, словно и не бродила целый день по лесу. Спать не хотелось, напротив, внутри бурлили энергия и сила. А еще голод.

Поэтому, торопливо схватив на «Медузе» плащ, чтобы прикрыть рваное платье, я вернулась и с радостью взяла у Наны большую миску густой похлебки, прихватила лепешку и с аппетитом все это умяла. А потом сходила за добавкой.

На берегу царило вечернее оживление. В это время большинство жителей заканчивали свои дела и собирались у костров, чтобы поговорить и посмеяться. По кругу кочевали огромные кубки и кувшины, наполненные хмельным и остро пахнущим варевом. Когда мне в руки сунули такой кубок, я, стараясь не думать о гигиене, тоже сделала глоток. И закашлялась: пойло оказалось ядрёным. Голова закружилась, захотелось начать подпевать Нане, а то и вовсе пуститься в пляс. А еще почему-то захотелось увидеть Шторма. Я даже несколько раз обернулась на темные воды, но море ответило лишь тихим плеском. Похоже, в холодных водах ильху сейчас было лучше, чем здесь. Или за этот день он настолько от меня устал, что не желал больше видеть.

Помрачнев, я молча передала кружку дальше и подошла к Иргану. Парень глянул удивленно, но подвинулся, освобождая мне место на бревне.

– Не ожидал. – Широкая улыбка осветила не совсем чистое лицо парня.

Я улыбнулась в ответ, отчего Ирган внезапно смутился. Торопливо глотнул из своей кружки, вытер рукавом пену с лица. И вопросительно поднял брови.

– Все хотела узнать, почему тебя прозвали Синезубым, – весело сказала я.

Ирган рассмеялся, показывая, что с цветом челюсти у него все в порядке.

– Так я родом из Дьярвеншила, слыхала о таком? Нет? Неудивительно, Дьярвеншил не любит гостей. Мой город лежит у подножия Злой горы, внутри которой живет вечный ай-ро... А на ее склонах растет синяя ягода ирья. В детстве я так любил ее, что вечно ходил перемазанный синим соком. Вот и прозвали Синезубым. Хорошее было время.

Ирган тепло улыбнулся своим воспоминаниям.

– А здесь ты давно?

– Да три зимы уже. – Парень поскреб макушку. – Как Верман меня притащил, так здесь и живу. Спасибо Шторму, приютил. Брать-то меня не хотели. Ранен я был. Подышал. А Шторм оставил, даже пепел на лечение выделил. Так я – вот...

Он снова хлебнул варево и слегка пошатнулся. Похоже, парень достаточно опьянел. А мне сейчас это и нужно.

– Слушай, раз уж ты тут все знаешь... – Я придвинулась ближе. – Может, расскажешь мне о городе за стеной?

– Так что о нем рассказывать? – Ирган икнул. – Все и так знают. Проклят он.

– Я издалека, и у нас не слышали о проклятии. А Шторм вообще со мной не разговаривает, ругается только.

– Точно. Он такой, – хмыкнул ильх с явным восхищением. Потом увидел мой взгляд и смутился. – Ладно, скажу, что слышал. Только знаю я немного, дева.

Он покачал кружку, раздумывая. Я затаила дыхание, боясь спугнуть удачу.

– Говорят, когда-то город за стеной был лучшим в краю озер и скал. Богаче, чем Нероальдафе, значительнее, чем Дассквил, красивее, чем Варисфольд. Алмаз, сияющий столь ярко, что свет его видели со всех концов фьорда. Этот город веками охраняли потомки Лагерхёгга. И последний риар тоже был из них. Едва разменяв десять зим, он принял кольцо Горлохума и поймал душу черного хёгга.

Ирган замолчал, потянувшись к пойлу. Про пойманную душу я не поняла, но переспрашивать не стала. Похоже, речь о каком-то местном ритуале, делающем мальчика драконом. Эх, вот бы его увидеть! Наверное, это нечто невероятное!

Впрочем, сейчас важнее узнать о другом.

– Только новый риар оказался не таким, как прежние. Да, он был силен. Возможно, даже сильнее, чем все до него. Однако его не интересовало то, что волновало других риаров. Он не желал завоеваний и золота, он не искал прекрасных дев. Не собирал под руку свою именитых воинов. Он желал... познаний.

– Познаний?

– Учения. Говорят, в этом городе было столько свитков и книг, что из них можно сложить лестницу до небес.

Я задумалась. Вот, значит, как! Правитель Саленгварда оказался не воином, а ученым. Удивительное дело!

– И что же он сделал?

– Нечто ужасное, – помрачнел Иргван. – Нет, вначале все шло хорошо. Риар вырослел и учился, а город под его рукой становился все краше. В нем появились невероятные диковины, каких раньше не было на фьордах. Железные кони с нефритовыми глазами, шагающие по белым мостовым, словно живые. Огненные цветы, распускающиеся по ночам на дорогах. Телеги, ползающие вокруг горы сами по себе. Хёггкары, скользящие без паруса и весел, как морские змеи. Невероятные сады, цветущие даже зимой. А еще мосты и здания, похожие на грезу. Диковинок становилось все больше, и слава о чудо-городе и его правителе гремела от Горлохума до самых пустошей. Каждый хотел увидеть его волшебство, прикоснуться к его чудесам. Даже поговаривали, что сюда перенесут из Варисфольда Совет Ста Хёггов. Город процветал, а его риара называли Истинным Посланником Перворожденных, их Небесным Даром. Так продолжалось много лет. Но потом... потом все изменилось.

Ирган потряс опустевшую кружку, и я испугалась, что сейчас он прервет рассказ и отправится за добавкой. Но парень лишь фыркнул, кинул посудину на траву и подпер щеку рукой. Его лицо помрачнело.

– Все изменилось. Жители города стали замечать... странности. И заговорили о проклятии. Сначала шепотом, потом вслух. Хёггкары сюда больше не приплывали, а берег стали обходить стороной. Здесь поселился страх. Шептались, что риара охватило безумие. Поговаривали даже, что он привечает людей из мертвых земель, учится у них и этим губит город.

– Из мертвых земель? – насторожилась я.

– Тех, что лежат за Туманом. Риар увлекся познанием и забыл законы Перворожденных. О городе поползли совсем уж дурные слухи. И еще... в нем стало трудно дышать. Словно там, за стеной, все умирало. Скалы, земля, деревья. Люди уходили из родных домов, бросали город. А где это видано? Чтобы ильхи покидали землю, в которую вросли корнями?

– Постой! Ты сказал, что местный риар привечал людей из-за Тумана. Но как это возможно? Ведь Туман непроходим!

– Не для того, кто поймал душу хёгга. Всегда есть лазейки, – буркнул недовольно парень. – Люди трепались, что Проклятый риар желал все фьорды сделать подобными Саленгварду. Может, все это враки, я не знаю. Но вот в чем я точно уверен, так это в проклятии. Тот, кого звали Небесным Даром Перворожденных, нарушил их законы. И они наказали и его, и весь город. Чтобы спасти фьорды от проклятия, город запечатали кровавым ритуалом, а имя риара стерли из всех летописей и хроник. Тот, кого не называют, более не существует и не может навредить. Теперь его помнят лишь как Проклятого риара или Владыку Скорби.

Последнее Ирган произнес едва слышно. Потянуло холодом. И показалось, что Саленгвард нас слышит. Но тут парень громко икнул, и мрачное ощущение развеялось. Мы все еще сидели рядом с пылающими кострами, ильхи хохотали, а Нана рассказывала очередную невероятную байку о Ярле-Кровавое-Лезвие.

– Еще болтают, что однажды он вернется, – запнувшись, прошептал парень. – В венце черных звезд, в потоках крови. Вернется и принесет с собой оживший ужас.

Я незаметно поморщилась, не оценив мрачного пророчества.

– Но почему город погиб?

– Это наказание той стороны, я же сказал! – огрызнулся ильх. Похоже, болтать ему расхотелось. – Нельзя нарушать законы Перворожденных! Даже скала, на которой стоит город, и та погибла. Проклятый риар убил все вокруг! Потому что желал невозможного. И сделал нечто отвратительное! – с настоящим ужасом закончил Ирган.

– Что сделал? – шепотом спросила я.

Но парень лишь раздраженно дернул плечом. Кажется, от нашего разговора он слишком быстро протрезвел. В его глазах не осталось ни капли хмеля, теперь Ирган выглядел испуганным.

– Слушайся Шторма, дева, доверяй воде и проси милости Перворожденных. И, может быть, проживешь немного дольше, – бросил он и ушел, подхватив свою кружку.

А я обернулась на город. Во тьме его не было видно, но присутствие Саленгварда ощущалось даже здесь, среди костров и веселья. Раненую ладонь неприятно дернуло.

Я потрясла головой. Проклятый риар, желающий познаний. Кем он был? Ученым? Изобретателем? Гением? Чего хотел? И неужели он действительно нашел способ попасть за Туман? А вдруг... вдруг этот способ все еще существует?

Мое сердце сделало кульбит. Неужели я с самого начала была права, и за стеной кроется возможность для моего возвращения?

А еще ожившие твари, ржавые мечи, сизый дым и запах тлена... Целая куча чего-то непонятного, но до чертиков пугающего.

Со вздохом я вытащила из мешочка найденную косточку. Красные прожилки в свете пламени казались ярче, а сама находка... как будто пульсировала. Словно жила.

Я потеряла глаза и убрала кость обратно. Кажется, мне пора отдохнуть, чудится тут всякое. Хотя здравый смысл подсказывал, что надо хорошенько обдумать все, что я услышала от Иргана. Подумать, осмыслить, найти какие-то решения... Но получалось плохо. Потому что мои мысли упрямо сворачивали совсем в другую сторону. А в голову лез один и тот же вопрос.

Почему на скалах мне было так сложно уйти от Шторма? Почему я испытала боль при мысли, что мы больше никогда не увидимся?

Я ведь едва его знаю! И знать не хочу! Вроде бы...

Так почему внутри царят раздраз и неразбериха?

Вздохнув, я встала с нагретого бревна.

Каждый спортсмен знает, что иногда нужно просто отключить разум и чувства. Иначе не победить. А в моем случае – еще и не выжить. Поэтому я сочла за лучшее покинуть костры и просто отправилась спать.

Завтра мне предстоит новая битва.

Проснувшись на заре, я некоторое время лежала, обдумывая сон. Мне снова пригрезился древний Саленгвард. Но на этот раз образы оказались мутными, затянутыми сизым дымом. Я видела рухнувшую

статую черного хёгга и камни, разлетевшиеся у подножия лестницы. Впечатление осталось тягостное и тревожное.

– Наслушалась баек о Проклятом риаре, вот и снится всякое, – пробормотала я, потягиваясь. Позевывая, вылезла из кокона одеял и шкур и отправилась умываться.

На берегу уже сновали ильхи. На мой вопрос о Шторме Нана кивнула на бьющие в песок волны.

– Фьорды потеплели, Шторм-хёгга сейчас особенно вода манит, – ответила она.

Я посмотрела на пену у берега, потом на серо-зеленую даль.

– Да не бойся. Вернется наш Шторм, – подмигнула Нана, заметив мой взгляд. – Он всегда возвращается.

Отвечать я не стала. Прихватила кусок лепешки, обернутый вокруг печеного яйца, и отправилась искать Дюккаля. Пока шла, успела доесть завтрак и напиться холодной родниковой воды.

Ильх нашелся за причалом. Он чинил сети, рядом со своими дощечками пристроился Вегард-Без-Крыши. Кошка невозмутимо щурилась в солнечном пятне на песке. Два старика подслеповато моргнули, завидев меня. Поприветствовав их и пожелав по местному обычаю хорошего дня и милости Перворожденных, я попросила у Дюккаля его лодку-скрёбу.

– Не дам! – отрезал тот. – И не мечтай! Ты мне в прошлый раз весло потопила, новое пришлось у Шторма выпрашивать! Опять сбежать хочешь, а?

– Рыбку решила половить, – изобразила я самую искреннюю улыбку из всех возможных. – Совесть замучила от безделья, зря только ем чужую еду. Решила вот... приобщиться к общему делу.

– Как странно ты говоришь, дева, – поднял кустистые брови-щетки Дюккаль. – Вроде понятно, а вроде чудно. Лодку не дам!

– Не пыхти, старый ворчун. – Вегард-Без-Крыши огладил бороду и подмигнул мне. – Пусть девочка проверит сети у скал, раз сама вызвалась. А мы пока посидим на солнышке, кости погреем.

Дюккаль недовольно хмыкнул, но, похоже, самому грести по волнам ему не хотелось, так что старик согласился. Вручил мне весло и погрозил кривым пальцем.

– Малыш-кракен не дремлет, дева! Сбежать не сможешь!

– А я и не собираюсь, – толкнула я лодку на воду. По крайней мере – прямо сейчас.

А вот проверить вчерашние подозрения нужно немедленно. Либо я сошла с ума, либо догадки подтвердятся. И в данной ситуации я даже не знала, какой вариант предпочтительнее. В прошлый раз я гребла с такой отчаянной силой, что совершенно не обращала внимания на стертую кожу. Но сейчас я никуда не торопилась, двигаясь медленно и осторожно.

Правую ладонь начало саднить, едва я отплыла от причала. Последний Берег медленно отдалялся, но я смотрела лишь на свою руку. На указательном пальце медленно проявлялась сизая сеточка. Наливалась чернотой с каждым гребком, с каждым новым плеском волны о скрёбу. А когда я достигла скал, кожа треснула, словно кто-то полоснул по пальцу ножом.

Нет, не ножом. Невидимым мечом. Вбитым в землю Саленгварда.

Бросив весло в уключине и прикусив губу, я смотрела, как порез набухает каплями крови.

Рана снова открылась. И теперь я точно знала, что нигде не ударялась и не резалась. Все, что делала – это отдалялась от проКлятого города. Волна игриво толкнула лодку, прокатила с водяной горки дальше в море, и моя кровь полилась уже не каплями, а тонкой струйкой.

– Попала ты, Мира, – прошептала я, глядя на руку. Сомнений не осталось. Каким-то непостижимым образом меня пленил Саленгвард. А что было бы, удайся мне побег на корабле Вермана? Хёгткар покинул бы бухту, и я... истекла бы кровью? Выходит, Шторм, сам того не понимая, снова спас меня, когда выпустил кракена.

От страшной картины в голове спину окатило холодом. Я могла погибнуть в вонючем трюме и даже не понять, почему! Ужас какой!

Обратно я возвращалась, крепко задумавшись.

– Ну что там, принесло к завтраку макрешки? – с надеждой спросил Дюккаль.

Я расстроено покачала головой. В своих переживаниях я совершенно забыла об уговоре проверить рыболовные угодья.

Пробормотав извинения, я ушла. Старики проводили меня недовольным ворчанием. Некоторое время я бесцельно бродила по берегу. Дошла до загончика, в котором Нана держала несколько

задумчивых коз, миновала огороженный участок, заросший дягилем, чесноком, хмелем и морковью. Постояла возле грота с горячим источником и спешно ретировалась, когда из него вывалилась толпа голых, распаренных, несущихся к морю ильхов.

Порез на пальце закрылся, едва мои ноги коснулись берега. Даже розовой корочки не осталось. Ничего. И если бы не засохшая на руке кровь, я могла бы усомниться что рана вообще была.

Что делать с открывшимся знанием, я пока не знала. Саленгвард привязал меня невидимой веревкой, и я мучилась, не понимая, как ее разрубить. Хуже всего, что мне не с кем поделиться страшным открытием. Из услышанного и увиденного я поняла, что проклятый город ненавидят и боятся. Что сделают с пленницей, которая порезалась об один из его мечей? Чутье подсказывало, что ничего хорошего мне не светит. Возможно, даже Шторм решит, что проще избавиться от опасной обузы.

Совершенно расстроенная, я присела на сухой, облитый солнцем валун.

– Пшш, – донеслось из зарослей терновника. – Мира!

Подскочив, я увидела среди ветвей как всегда чумазое лицо Брика.

– Иди сюда!

Я полезла в заросли, недоумевая, что понадобилось от меня мальчишке.

– Да тихо ты, шумишь, как дикий кабан!

Я улыбнулась от столь нелестного сравнения.

– Ты должна мне помочь!

Должна я ему, видите ли! Хотела отругать наглеца, но тут заметила, что лицо Брика бледное почти до синевы, а нога застряла в узкой расщелине скалы.

– Не заметил вот и угодил, – виновато прошептал паренек. – Можешь вытащить?

– Почему не позвал на помощь? – Я присела, рассматривая ступню в каменном капкане.

– Шторм ругаться будет, – стыдливо прошептал мальчик. – Что я под ноги не смотрю.

Я вздохнула. Отношения ильха с мальчиком меня, конечно, не касаются, но почему-то захотелось погладить Брика по голове, укротить задорно торчащий с одной стороны вихор. Мальчишка

напоминал мне Алекса в детстве. Был таким же чумазым, немного неряшливым и вечно влипающим в переделки.

Только в отличие от моего безалаберного братца, Брик даже сейчас старался выглядеть взрослым и серьезным. Правда, сильно выбивался из образа, шмыгая носом и вытирая его рукавом грязноватой рубашки.

– Лодыжка распухла, – поняла я.

Я толкнула камень, покачала из стороны в сторону, но ничего не вышло. Пришлось найти поблизости крепкую палку и использовать ее как рычаг.

– Ай! – когда поврежденная нога оказалась на свободе, Брик болезненно скривился, снова шмыгнул носом, но не заплакал.

Стойкий!

– У тебя вывих, – сказала я, осторожно повернув ногу мальчика. – Надо вправить. Придется потерпеть. Сможешь?

Брик часто-часто заморгал, но кивнул. Я знала, что мальчику больно, но он отчаянно пытался этого не показывать. Мой брат в его возрасте уже ревел бы в три ручья.

– Ладно, я скажу, когда буду дергать, – улыбнулась я, осторожно сжимая ногу Брика. – Знаешь, мой брат Алекс однажды залез на крышу, чтобы заглянуть в печную трубу. Мама с папой говорили, что там живет печной дух, который раз в год приносит хорошим детям сладости. И вот Алекс решил этого духа найти и потребовать порцию конфет.

Брик расслабился, завороченно слушая мой рассказ. Я улыбнулась еще ласковее.

– Забрался он, значит, на крышу, дополз до трубы, а там...

– Что там? – заинтересовался мальчик. – Ай!

Я резко дернула лодыжку, вправляя вывих.

– А там только сажка и гнездо летучей мыши, вот что там! – заключила я, прикидывая, чем забинтовать ногу. Кажется, придется снова жертвовать своей рубашкой, хорошо, что я не оставила на скалах нож.

– Ты обещала сказать, когда будешь дергать!

– Прости, забыла, – хмыкнула я, перетянула его ногу и помогла подняться. – Сможешь идти?

Брик ошарашенно захлопал глазами, сообразив, что я его обдурила и отвлекла. И несмело улыбнулся.

– И что, совсем-совсем не было этого печного духа? Может, твой брат плохо его искал?

– Думаю, что печной дух умеет обращаться летучей мышью, – подмигнула я. – И дурить назойливых мальчишек. А теперь давай потихонечку двинемся.

Мы выбрались из зарослей.

– Мира, а это правда, что ты не из Гараскона? – громким шепотом поинтересовался раненый.

Я насторожилась. Неужели кто-то догадался?

– Торферд говорит, что ты из самого Варисфольда! Из богатого дома на холме Сигруда Змееглазого. Поэтому и руки у тебя нежные, и говоришь ты странно. Все знают, что в Варисфольде живет народ ученый, не такой, как мы.

Я хмыкнула. Так вот, значит, что обо мне болтают!

– А Шторм сказал, что ты особенная.

Я споткнулась и разозлилась. Держи себя в руках, Миранда!

– Особенная?

– Да. Что ты похожа на волну. Изменчивая, быстрая и живая.

Я понадеялась, что не стала похожей на вареную свеклу. А если стала, то мальчишка спишет это на припекающее солнышко.

– Думаю, Шторм хочет затащить тебя в свой грот, чтобы как следует с тобой... – не подозревая о моем смущении, выдал малец.

– Брик! – возмутилась я. – Тебе еще рано говорить подобное! И думать тоже!

– Так я уже взрослый! – с непробиваемой детской уверенностью произнес мальчик. – И что такого? Все ведь болтают. Ульф сказал, вы со Штормом вчера весь день где-то шастали, верно, ласкались в гроте! Шторм так устал, что теперь спит на дне, в себя приходит. Эйтри даже нырнул проверить, жив ли наш хёгг. А Эйтри терпеть не может теплую воду.

Я покачала головой. Отлично, теперь я знаю все сплетни о себе и Шторме. Просто замечательно!

– И почему Эйтри не любит теплую воду? – спросила я, чтобы отвлечь слишком любознательного мальчика от слишком взрослых разговоров.

– Так он же из Ауурольхолла, – словно это все объясняло, сказал Брик. – С сияющей вершины снежного города. Говорят, даже из Алмазной Башни...Эй, ты что, не знаешь об Ауурольхолле?

– Конечно, знаю, – буркнула я. Боги, я стала заядлой лгуньей! – Мы со Штурмом вчера решали важные дела. А тебе надо поменьше слушать взрослых, тем более, когда они говорят глупости.

– А Эйтри сказал, что тебя надо кинуть в море, – жизнерадостно оповестил юный сплетник. – Потому что ты крадешь разум Штурм-хёгга, и от этого может случиться беда!

– Да уж, ильх без разума – это точно непорядок, – задумчиво пробормотала я. – И что же на это ответил Штурм-хёгг?

– Мне нельзя такое повторять, – неожиданно смутился мой малолетний визави. – А то схлопочу по шее...

Некоторое время мы шли молча. Вернее, я шла, а Брик ковылял, опираясь на мою руку.

– Я теперь совсем как Штурм, да? – обрадовался вдруг он. – Тоже хромой!

Ну вот, нашел, в чем подражать!

– Где Штурм повредил ногу?

– Так в бою! Славное было сражение, жаль, что я его не увидел. Меня по темечку стукнули, прямо вот сюда! – Мальчик гордо ткнул пальцем в макушку.

– Враги?

– Чего это? Эйтри рукоятью меча и стукнул. Я же испугался, побежал... Вот он и успокоил, чтобы я под ногами не путался. Я тогда мелкий был, не то, что сейчас!

Я сердито сжала кулаки, представив, как беловолосый ильх заносит меч над мальчонкой. Вот же гад одноглазый!

– А расскажешь еще про печного духа? – вдруг совершенно по-детски спросил Брик, и я едва удержалась, чтобы все-таки не погладить его вихор.

– Расскажу. Если не будешь слушать взрослые сплетни.

– Так я и не слушаю, оно же само слышится!

Мы добрались до таверны Наны, и хозяйка, завидев нас, всплеснула ручищами. Ее многочисленные браслеты издали дружный жалобный звон.

– Брик! Ах ты, мелкий грязнуля! Опять куда-то влез? С ногой-то что? И за что мне все это? А ну-ка иди сюда, где тебя носило, негодный мальчишка! Голодный, небось?

Под беззлостное ворчание Наны Брик уселся на лавку, получил лепешку с козьим сыром и захрустел, довольный. Рядом белой тенью возник Эйтри, обжег меня янтарным взглядом. Я невольно поежилась. И раньше знала, что этот ильх меня недолюбливает, а после слов мальчика убедилась. Как бы этот белохвостый не придумал какой-нибудь гадости. И, словно подслушав мои мысли, варвар сделал ко мне несколько быстрых шагов.

– Когда же спасенная дева порадует Последний Берег горой обещанного пепла? – с насмешкой протянул он, обходя меня по кругу и преграждая выход из таверны.

Драгоценный пояс Эйтри мигнул голубой эмалью и молочными опалами поверх бархатной туники. Даже ножны его меча поражали филигранным литьем. Ильх любил яркие одежды и почему-то этим тоже меня раздражал.

– Похоже, от тебя никакого прока, дева.

– О моем проке судить не тебе. Эйтри. Ты ведь здесь не конухм? Да и не хёгг, насколько я вижу, – вернула я ему усмешку, и янтарь в глазнице варвара угрожающе блеснул.

Ильх склонил голову, рассматривая меня, и я едва сдержала желание попятиться. От этого человека тянуло холодом даже в солнечный день.

– У тебя слишком дерзкий язык, – тише и глуше произнес он. – Я такие враз укорачиваю.

– Хочешь попробовать? – Я подняла брови, не позволяя себе бояться. В этой бухте царят дикие нравы, и я пока не разобралась, что здесь правда, а что – лишь очередная проверка.

– Может, и попробую. Может, мне это даже понравится, – почти промурлыкал варвар, и я сжала кулаки, лихорадочно прикидывая, успею ли выхватить нож, если ильх нападет.

– Эй, дева, вот ты где! Везде тебя ищу! Шторм-хёгг велел тебе топтать на «Медузу». – Мощная фигура заслонила проем двери, и, повернувшись, я увидела пленника, которого привез Верман. И который бросил вызов Шторму.

Как же его зовут? Ульф Лютый Волк – вот как.

– Ну, ты идешь, дева? – грубовато бросил Ульф, не глядя на меня. Его взгляд прилип к усмешке на лице Эйтри.

Я отступила на шаг, мужчины не пошевелились.

– Иду.

Еще шаг, поворот, и я понеслась прочь от застывших варваров. Ульф выглядел куда внушительнее тонкого Эйтри и почти заслонял беловолосого.

А добравшись до «Медузы», я поняла, что никто там не ждет. Ульф соврал. Значит, просто решил мне помочь? Такой же, как и он, пленнице Последнего Берега?

Я не знала, почему варвар это сделал, но на душе стало радостнее. Приятно понимать, что в бухте у меня есть поддержка. Тем более столь весомая, как Ульф Лютый Волк.

К счастью, остаток дня Эйтри мне не досаждал. Я изучала бухту и поражалась, насколько удобно она устроена. Первый взгляд видел здесь только разбитые хёггкары, но второй – более внимательный – уже выхватывал причал, удобные мостки между валунами, таверну и гамаки, спрятанные в тени деревьев. У дома-корабля конухма даже белела мощеная дорожка, а наверх вели крепкие ступени. Солнце щедро заливало берег теплом и светом, лес на пригорке шелестел нежной юной листвой и пестрел разнотравьем. Море лежало зеркальной гладью, лишь изредка перекатываясь ленивой волной. Пахло травой и землёй, дымом, солью и карамельной сладостью ползущей по склону медуницы.

Саленгвард в легкой дымке казался акварельным, ненастоящим. Словно не город, а лишь его призрак. Щурясь по-кошачьи от тепла и солнца, было так легко забыть о тайнах и страхах, прячущихся за стеной.

Но когда я смотрела на скалы, скользила взглядом по штрихам зданий и мостов, я ощущала нить, связавшую нас. И все разгорающееся желание снова увидеть Саленгвард.

Глава 16

Шторм проснулся, когда женские ноги коснулись песка. Прислушался. Чужачка стала ходить иначе. Шаги легкие и почти не слышные. Звериные. След в след.

Он сдержал улыбку. Дева быстро учится. Вот и шаги уже переняла у местных охотников. Ее тело гибкое и быстрое, и каждое новое движение дева схватывает на лету. Это он подметил еще в «рукавах». И удивился, как просто Мира перенимает чужое искусство. Ведь плыла она почти наравне с ним, морским змеем.

– До зимы спать будешь? – раздался над головой веселый голос, и Шторм открыл глаза.

– До зимы не буду, – пробормотал он, и дева улыбнулась этому повторению.

Ильх сел на одеяле, потянулся. Тело отозвалось застарелой ноющей болью. Все-таки ночевка на земле не пошла ему на пользу.

Зато вот дева выглядела чудесно. Глаза сияли звездами, лицо светилось свежестью, волна темных волос укрывала плечи. Стройную фигуру подчеркивало медное платье, надетое поверх узких штанов. Плащ дева не взяла, но замерзшей не выглядела.

– Вижу, ты порылась в моих сундуках и нашла одежду. – Шторм поднялся, стараясь не выдать неловкость своих движений.

– Ты против? Прости... – вскинулась Мира.

– Брось. Тебе это платье точно идет больше, чем мне.

Дева рассмеялась, и Шторм застыл. Некстати вспомнилось, как он перевязывал ей ладонь, ощущая под пальцами ток крови. И чувствуя ее взгляд. Вроде ничего такого, да еще и от воды далеко, а внутри полыхнуло. Да так, что стало тяжело дышать. Едва сдержался.

Фьорды потеплели. Воды будят желание. В этом все дело.

Он со злостью отвернулся. Надо выбросить из головы эти мысли. А еще надо проделать привычные наклоны да выпады, но не на глазах же у девы? И зачем он вообще выбрался на берег? Вполне мог поспать на морском дне!

Мира потопталась за спиной, вздохнула.

– Слушай, я должна попросить прощения. И еще... Ты вновь меня спас. Чем я могу тебя отблагодарить?

– Оставь.

– Но я...

– Ты разбудила меня по делу или просто так? – Пальцы все еще ощущали шелковую кожу девы. И это ужасно злило.

– По делу! – Она тоже разозлилась. – Если ты собираешься тут дрыхнуть, то я пойду одна!

– И куда ты собралась сегодня?

– В Саленгвард! – рявкнула чужачка. – Твой конухм назначил мне плату в тысячу щепотей пепла, если ты забыл! И я намереваюсь приступить к поиску. Прямо сейчас!

Волна ударила в берег, и Шторм ощутил ее недовольство. Имена имеют силу. Некоторые лучше не произносить.

– Для начала тебе надо понять, чего хочу я, – буркнул он, пытаясь отвлечься от одолевающих его желаний и дурных мыслей. – Раздобудь мне горячей еды, лильган.

– Я не собираюсь...

– Кто-то только что уверял, что готов отблагодарить. – Он все-таки обернулся. Дева стояла совсем рядом, мяла край своего платья, сверкала глазищами. Будила внутри ненужное.

Взгляды встретились, и по спине прокатилась волна жара. Да так, что даже боль в ноге умолкла.

– Поищу что-нибудь у Наны, – выдохнула дева и унеслась.

Шторм вздохнул с облегчением. У него есть несколько минут, чтобы размять одеревеневшее тело. И утихомирить мысли.

И какая муха укусила этого ильха? Злой, как бешеная собака! Слова цедит так, словно каждое стоит пригоршню пепла. Еще и отворачивается, будто видеть меня не может!

Хотя, похоже, так оно и есть. Видать, Шторм уже сто раз пожалел, что вытащил чужачку из Белого Ёрмуна. Одни беды со мной.

Я влетела в таверну и огорченно вздохнула. Нана не крутилась у котлов, а значит, греть еду мне придется самой. Благо, в углублении лежали горячие булыжники. Вчера я видела, что некоторые ильхи опускают такие прямиком в похлебку и остывшее варево тут же начинает бурлить.

Проверив котелки, я нашла остатки вчерашней трапезы. Утром жирная рыбная похлебка выглядела совсем не так аппетитно, как накануне. Но я налила полную миску и отправилась обратно.

Ильх все еще был за валунами. Сидел на камне и рассматривал море с таким видом, словно никогда его не видел. На мое подношение глянул косо.

– Утром я ем пирог, – оповестил он.

Я посмотрела на миску в своих руках и подумала, а не надеть ли ее на голову наглеца. Даже удивительно, вчера я весь вечер ждала возвращения Шторма, думала о нем, а сегодня уже снова готова его прибить!

– Дай сюда, разольешь. – Ильх отобрал у меня посудину в тот миг, когда я почти решила украсить похлебкой его макушку. – Пирог Нана хранит в печи, она всегда оставляет для меня кусок. Принеси, лильган.

Хотела сказать, что я ему не прислуга, но прикусила язык. Ладно, я действительно многим ему обязана. И принести еду совсем несложно. Но все равно ведь злит!

Сбежав за сдобой, я снова вернулась к валунам, ругая ильха на чем свет стоит. Протянула Шторму, но он покачал головой.

– А теперь ешь, лильган. Мертвый город потребует сил. Ешь.

Я так и застыла с куском пирога в руках. Так это он что же, для меня?

Шторм невозмутимо ел рыбную похлебку и снова на меня не смотрел. А я почему-то не могла выдавить и слова. Злость испарилась без следа. И снова внутри разлилось что-то сладкое и почему-то пугающее.

Я потрясла головой. В бездну эти странные чувства. Мне бы с проклятым городом разобраться!

– Раз конухм назначил мне платой походы в проклятый город, то я должна знать о нем больше, – сказала я, прожевав пирог. Вкусный, однако!

– Все, что нам известно, ночью рассказал Ирган, – бросил Шторм.

Я подняла брови, обернувшись. Он что же, следил за мной? Ильх на мой возмущенный взгляд лишь усмехнулся.

– Ирган многим мне обязан. Так что о твоём интересе поведал, как только я вышел из воды. Но добавить я могу немного. Когда-то

город и правда был лучшим на земле озер и скал. Но его риар совершил преступление против Перворожденных. Против всего сущего. И был за это наказан. Саленгвард стал вечным укором для всех фьордов. Я не знаю точно, что произошло, Мира, ведь это случилось очень давно, остались лишь слухи. Город закрыли и наложили запрет на его посещение. Даже в эти воды входят лишь отверженные, как ты видишь. Те, кому больше некуда деться. Ни один порядочный ильх и ни одна дева не рискнут сунуться в эти земли. Саленгвард убивает.

– Но вы все живы и выглядите довольно бодрыми, – возразила я.

– Все дело в пепле, – на лицо Шторма набежала тень. – И это тоже ужасное... преступление.

– Но почему? Чьи кости становятся пеплом?

Ильх тщательно вымыл пустую тарелку, поставил ее на камень.

– Сама увидишь. Идем.

На этот раз преодолеть скальные «рукава» оказалось легче. Я уже знала, чего ждать, и не шарахалась от каждой встречной рыбешки. Купальни встретили знакомым плеском, но сегодня Шторм не смотрел под ноги и уверенно вел меня по террасам-бассейнам.

– Нам сюда, – негромко сказал ильх, перешагнув через бортик и по-кошачьи отряхнувшись. Капли воды разлетелись веером. Светлые ресницы варвара слиплись иголками, солнечный цвет подчеркнул зелень в его глазах. Я отвернулась. И какое мне дело до его глаз?

Потрясла головой, зябко потеряла плечи.

– Разве мы не должны оставаться в воде?

– Мы быстро. – Шторм неожиданно взял мою руку, и я постаралась не вздрагивать от удовольствия. Ладонь у ильха оказалась неожиданно теплой. – Тебе пора узнать правду.

Он потянул меня в сторону открытой двери. Я пошла следом, ежась от легкого ветерка и мокрой одежды, неприятно липнувшей к телу. Хотя солнце уже старалось вовсю, согревая фьорды.

Мы оказались на небольшом полукруглом выступе-балконе. Пустом, если не считать массивной треноги с длинной трубой. Вся она состояла из нескольких колец и шестеренок, а заканчивалась большой выпуклой линзой.

– Да это же... Это же подзорная труба! – ахнула я, присмотревшись.

– Мы называем это зрительной трубкой, – кивнул Шторм. – Она стоит здесь со времен Проклятого риара. И в нее ты сама все увидишь.

Я снова поежилась. На этот раз не от холода, а от ожидания. Почему-то смотреть оказалось страшно. Переселив себя, сделала шаг и прильнула к окуляру.

– Ничего не видно...

Шторм встал за спиной, его руки легли поверх моих ладоней. Теплое, почти горячее тело прижалось к моему. Дыхание замерло в груди. Я вдруг поняла, что мои узкие штаны и мокрая повязка на груди – это ведь почти не одежда. А на ильхе и вовсе только первое... И что наша кожа соприкасается. Плечи, руки, поясница... Капли воды, стекающие с его волос на мою шею. Легкое дыхание у виска. И лава, опаляющая внутри и снаружи...

Холод, от которого я вздрагивала совсем недавно, исчез. Мне стало жарко.

Каждое мимолетное ощущение вдруг усилилось стократ. Стало почти невыносимым. Я забыла, зачем пришла сюда, в этот проклятый город. Зачем стою, мокрая, на крохотном полуразрушенном балконе. Зачем сжимаю латунные кольца подзорной трубы. Я лишь чувствовала мужское тело за своей спиной – горячее, напряженное, сильное. Ловила дыхание Шторма, которое тоже вдруг прервалось, сбилось с ритма. Стоит лишь немного повернуться, и наши губы встретятся в поцелуе. Стоит лишь отклонить голову – и я почувствую его губы на своей шее...

Шторм тихо вздохнул, его ладонь медленно скользнула по моей руке – от локтя до пальцев. Я постаралась не вздрагивать. Никогда не думала, что руки могут быть настолько чувствительными...

Я осторожно двинула трубу, пытаясь сосредоточиться на том, что вижу. Статуи прекрасных дев, оплетенные сухим плющом и паутиной. Дворец, похожий на малахитовую шкатулку. Разрушенные арки наверху ступеней. Голова ильха на барельефе за ним. Скалы. Просвет и деревянные столбы...

– Надо повернуть, – негромко сказал Шторм. Его голос царапнул легкой хрипотцой. Может, все дело в холоде скальных вод. – Вот сюда. Поток размыл своды пещеры, раньше она была скрыта от глаз. Но вода это изменила. Она течет с вершины горы, попадает туда, а потом по

каналам и трубам – в купальни. Оттуда вода приносит то, что мы ищем. Смотри, лильган.

Я несколько раз моргнула, пытаюсь отрешиться от ощущений. От его голоса, прикосновения, жара. Мутное стекло ничего не показывало. Или это снова туман? Сизая дымка, затянувшая вершину над самыми высокими террасами.

Но что там? Прищурилась, попыталась рассмотреть лучше. Дым двигался, прятал. Здание? Руины? Еще одна статуя?

Что-то белесое... Что-то непонятное. Дуга, дуга, длинное сочленение... Что я вижу? Взгляд цеплялся за маленькие фрагменты, различимые в мутное стеклышко, но разум не мог собрать их воедино. Еще дуга... И...

Череп.

Огромный, невероятный череп! И дальше – огромный позвоночник, дуги ребер, хвост и кости когда-то раскрытых крыльев...

Великие Перворожденные!

– Хёгг, – прошептала я. – Это хёгг!

Теперь я видела. В огромной пещере лежал скелет дракона. Его тело когда-то свернулось кольцом, словно пряча сокровище. Я поморгала, всматриваясь. Что темнеет внутри останков? То ли дыра в бездну, то ли черное стекло... Не рассмотреть. Зато теперь понятно, чьи именно кости приносит вода. Вымывает кусочки и тащит вниз по склону. А люди делают из этих осколков пепел.

Я шарахнулась в сторону от подозрительной трубы. Почему-то стало нечем дышать. Все это как-то ужасающе... неправильно!

– Это Вёльхон, потомок Лагерхёгга. Его душу поймал риар Саленгварда, надев в юном возрасте кольцо Горлохума. И он же его потом и убил. Убил часть себя. Лучшую часть.

Глаза Шторма стали темными от расширившихся зрачков, черты лица заострились. И мне захотелось его обнять. Но я не стала этого делать. Я ведь даже не понимала, почему смерть одного хёгга так задевает варвара. Ведь все это случилось давным-давно.

Перед внутренним взором возник морской змей, который тащил меня через Белый Ёрмун. Блестящая на солнце чешуя, сила и грация. Бесконечная, дикая красота. Что испытывает человек, сливаясь с хёггом? Что испытала бы я? Если бы стала кем-то иным. Кем-то настолько сильным, яростным, несокрушимым. Кем-то, кто способен

жить в водах или летать в облаках. Кем-то невероятным! Тем, кого не сломает стихия. Кто сам – стихия! Сам – сила!

Мое дыхание прервалось от восторга и ужаса. Ощутить эту мощь, эту силу частью себя, а потом своими руками ее уничтожить? Да кем надо быть? Даже я, чужачка, почувствовала ярость и боль, лишь представив это! А каково ильхам, для которых каждый хёгг – почти божество? Неудивительно, что Шторма так задевает убийство Вёльхона. И то, как используются теперь его останки.

– Значит... у всех хёггов есть имена?

– Необязательно. – Шторм помолчал, коснулся рукой обруча на своей шее. – Связь, подаренную кольцом Горлохума, трудно объяснить словами. Когда я призываю хёгга, я меняюсь. Но...остаюсь собой. Это тоже я, но несколько иной. Сознание водных хёггов простое и текучее, с ним легко сливаться. И иногда трудно отделить от себя самого. Но, говорят, у крылатых все иначе. Потомков Лагерхёгга отличает не только сила, но и ярость. Поэтому те, кто заключил подобный союз, всегда ищут водных или снежных а-тэмов, способных успокоить нрав огненного зверя. Но порой пойманная душа настолько дикая и яростная, что а-тэм бессилен. Хёгг сопротивляется и со временем поглощает разум и душу человека. Сильный всегда пожирает слабого.

Шторм невидящими глазами смотрел на скалы. Между бровей залегла хмурая складка, словно сказанное причиняло ильху боль. Потом тряхнул головой, сбрасывая капли воды и тяжелые мысли.

– К счастью, это случается редко. Чаще хёгг и человек существуют в дружеском единении, но их сознания не сливаются до конца.

– А Проклятый риар? Что случилось с его хёггом?

– Вёльхону не повезло. Безумным оказался человек, – сухо произнес ильх.

– Значит, из костей хёгга получается пепел?

– Лишь из костей Вёльхона. Другие подобной силой не обладают. Хёгги живут очень долго, а умирают далеко от людских глаз, Мира. В недрах скал, становясь их частью. В морских глубинах. В ледниках на неприступных вершинах. Иногда люди все же находят их кости. Но я никогда не слышал, чтобы из них делали пепел. И за это нас тоже накажут Перворожденные.

Прищурившись, он посмотрел на скалы, и мне почудилось, что Шторм видит скелет даже без увеличительного стекла. Возможно, так оно и было.

– Но почему? Почему эти кости так действуют?

Шторм сжал зубы, и его лицо стало холодным и отстранённым. Все так же глядя на скалы, он сказал:

– Из-за Владыки Скорби. Из-за того, что он сделал.

На узкий парапет балкона бесшумно опустился уже знакомый беркут с пробитой грудкой. Склонил голову, рассматривая нас. Я сжала кулаки, не разрешая себе пугаться. В конце концов, это всего лишь дохлая птица! Я снова повернулась в сторону скал. И вдруг меня осенило.

– Постой... Но если там лежит огромный скелет, то зачем мы ищем здесь? Сюда вода приносит лишь жалкие крохи! Надо подняться вверх! И взять столько, сколько нужно, чтобы заплатить долг! Мы можем пойти туда прямо сейчас...

– Забудь об этом, – неожиданно громко рявкнул Шторм. Дохлый беркут заполошно ударил дырявыми крыльями и грязным кулем свалился с парапета. А ильх схватил меня за руку и потянул обратно в купальни.

– Да стой ты! – от возбуждения я сама дернула его за руку. – Шторм, ну послушай! Мы должны пойти туда, слышишь?

– И думать не смей! – Он впихнул меня в бассейн. – Я показал тебе правду, чтобы ты поняла. Но ты ничего не поняла!

– Но...

– Там нет воды! – забыв о запрете на громкие звуки, разъярился ильх. – И добраться туда невозможно. Думаешь, никто не пытался? Пытались. Не вернулся ни один.

– Там есть лестница!

– И мертвые твари.

Я обернулась на скалы. Пещера выглядела темным безжизненным пятном, лестница сверкала на солнце и казалась совершенно безопасной.

– Там никого нет! Наверное, во всем городе только и остались, что дохлый беркут и еще более дохлый волк! Слушай, мы легко с ними справимся!

Прищурившись, Шторм осмотрел пустой город. Серая зелень, малахитовое безмолвие. Ни движения, ни звука. Даже ветер затих.

– Видишь, там никого нет!

– И это странно, лильган.

– Может, у них закончился срок годности? Ну то есть... их время вышло, и твари... самоустранились!

– Не думаю.

– Ты прогнал живого дикого медведя, что тебе какая-то дырявая тварь! Мы должны...

– Довольно, – оборвал Шторм. – Мы туда не пойдем. Мы останемся здесь, на воде. Возможно, найдем эту проклятую кость и вернемся на берег. И это единственный способ выжить.

– Трусливый способ!

Ильх замер, потом медленно повернулся ко мне. О его ледяной взгляд можно было порезаться. Недобрая усмешка коснулась губ ильха.

– Значит, я трус, Мира, – протянул он с насмешкой. И коснулся рукой своей щеки, перечеркнутой черным знаком. – Это случается с такими, как я.

Резко развернувшись, ильх похромал прочь, а я прикусила язык. Демоны, ну почему я снова ляпнула гадость! Ведь не хотела!

Совершенно расстроенная, я поплелась за ильхом. Снова мокнуть желания не было, и это испортило и без того гадкое настроение. Некоторое время я вяло месила ногами грязноватую воду бассейна, поглядывая на спину Шторма. Спина выглядела напряженной и недовольной.

Через полчаса бесцельного блуждания я все-таки заметила в нижнем бассейне вожака вожделенную кость. Но никакой радости от находки не испытала. Белесый осколок оказался крохотным, с ноготок. Насмешка вместо клада.

«Собирать жалкие подачки вместо того, чтобы взять все... Совсем рядом...»

Мысль обожгла своей логичностью. И в то же время показалась какой-то... неправильной. Я обернулась на разлом в стене, за которым виднелась белая лестница. Шторм ходил в соседнем бассейне, не глядя на меня. И это злило. Я ведь просто хочу найти этот проклятый пепел!

Сами назначили мне непосильную плату, а теперь не дают отдать этот демонский долг!

Злость тоже казалась неправильной. Я помотала головой, не понимая, что со мной, и почему чувства так странно дwoятся.

«...совсем рядом... вход открыт... рядом... жалкие крохи... взять все...все!»

Так и не обернувшись, Шторм ушел наверх. Я обиженно насупилась. Белая лестница блестела на солнце. Действительно, совсем рядом... Саленгвард безмолвно купался в лучах света, но совершенно меня не пугал. Чего бояться? Этот город бесконечно красив. Даже сейчас, когда его коснулись тлен разрушения и горечь забвения. И все же нет города прекраснее. Саленгвард – лучшее место на всей земле!

– Мира, пора возвращаться.

Шторм стоял совсем рядом, а я и не заметила его шагов, засмотревшись на город. Колкий взгляд отрезвил ушатом холодной воды. Ильх смотрел слишком внимательно. Я отвернулась от проема в стене, кивнула.

– Нашел что-нибудь?

Еще один пытливый взгляд, и Шторм вложил мне в ладонь крупную плоскую косточку.

– Вот, возьми, отдашь конухму. Здесь почти десять щепотей.

«Жалкая подачка...»

– Но ее нашел ты. Не я!

– Мне не нужен пепел. – Ильх мягко закрыл мою ладонь, сжал пальцы. Тепло его руки согревало и прогоняло злые мысли. – Ты злишься на меня, – без улыбки сказал он, всматриваясь в мои глаза. Его – почти утратили зелень, сохранив лишь штормовое ненастье.

Я уже заметила, что так случалось каждый раз в Саленгварде.

– Но я лишь хочу тебя уберечь. Этот город опасен не только мертвыми тварями, – негромко произнес ильх. Его рука сжимала мою, и убирать ладонь не хотелось. – В нем нельзя задерживаться надолго.

«...лучшее место на земле!»

– Здесь все еще звучат мысли Проклятого риара. И его Зов. Но на этот Зов никому не стоит откликаться.

– Зов?

– Яснее всего его слышат те, кто отмечен печатью смерти. Таких людей Зов манит за стены, очаровывает. Но ты ведь не слышишь его, верно?

Малахитовый дворец на вершине горы купается в лучах солнца... Медные статуи с прозеленью времени тянут руки к небесам. И древний Вёльхон стережет сокровище...

– Нет, я ничего не слышу, – вытянула я пальцы из тепла чужой ладони и двинулась вглубь купален. – Надеюсь, у Наны готов обед, дико есть хочется. Но если это снова рыбная похлебка, я кого-нибудь покусую!

– Звучит... возбуждающе.

Я не обернулась, но услышала улыбку в словах Шторма. И понадеялась, что его покинула настороженная внимательность, с которой минуту назад он изучал мое лицо. И мою ладонь. Шторм смотрел мне в глаза, но его пальцы легко прошли по коже. И задержались там, где был порез. Я ощутила мягкое поглаживание, короткое и... опасное.

Ильх не доверял мне. Чувствовал подвох. И его все еще беспокоила увиденная на скалах царапина. Так что я снова порадовалась, что соврала о причинах ее появления. Думать о том, как мог поступить ильх, услышав о мече Саленгварда, мне совершенно не хотелось.

Пока мы шли к выходу, за спиной не раздалось ни единого всплеска. По воде Шторм перемещался совершенно беззвучно. Но я всем своим существом ощущала его присутствие. И его долгий, внимательный взгляд.

Глава 17

Грот встретил сумраком. Посмотрев, как я сражаюсь с платьем, Шторм подошел, бесцеремонно натянул на меня ткань, покрутил, ловко завязывая непослушную тесьму.

– Если не поторопишься, то придется снова переодеваться, – пояснил он на мой возмущенный взгляд. – Гроза идет.

Я охнула и выдала что-то из арсенала Торферда-Коряги. Шторм рассмеялся. Я тоже улыбнулась, радуясь, что острая настороженность ушла из его глаз. Как и стылая серость. Сейчас в них плескалась морская волна, разбивалась веселыми брызгами.

Он сложил в замысловатый узелок витой шнур у горла, склонился ниже.

– Бегом, лильган, – шепнул у самого уха.

– А ты?

Предвкушающая улыбка стала ответом. Похоже, сумасшедшему ильху нравилась вода во всех ее проявлениях!

И уже в таверне Наны, обогнав грозу на пару кратких мгновений и грея ладони о шершавую миску с бульоном, я поняла, что хромой Шторм просто не смог бы, подобно мне, посостязаться с ненастьем. Даже если бы захотел.

Тонкий силуэт девы мелькнул за деревьями и пропал.

«Успеет», – одобрительно подумал Шторм. Пухлая туча нависла над Последним Берегом, озаряя бухту вспышками молний. Дождь обрушился сплошным потоком, размывая песок под ногами и угрожая смыть ильха в бурлящие воды.

Шторм миновал качающиеся на волнах хёггкары и уже почти добрался до таверны, когда из зарослей вывалился Ирган и свалился ему под ноги. Лицо парня заливали потоки дождя и крови, так что и не понять было, куда именно его ранили.

Но об этом Шторм и не спросил.

За шиворот, как щенка, вздернул парня и рывкнул:

– Кто?

– Все...– простонал молодой ильх и рухнул, когда Шторм разжал руки.

Шторм побежал, злясь на свое тело, которое уже не могло быть таким быстрым, как раньше. Хромая, пронесся мимо прибрежных валунов, прыгнул на дрожащий мост над потоком воды, рванул через размокшую полосу сырой земли. И оказался у темного провала в скалах. Внутри что-то грохнуло, зазвенело. Шторм прижался спиной к холодным камням и на миг пожалел, что не способен их услышать. Сейчас это могло пригодиться. Втянув воздух, ильх вошел внутрь. Моргнув, меняя грозовой полумрак на тьму пещеры. Сокрушительный удар выбил каменную крошку там, где мгновение назад была голова ильха. Шторм отпрянул рывком, присел, пропуская новую атаку, ударил напавшего по ногам и услышал глухое, нечеловеческое шипение. Во тьме мелькнули оскаленный рот и русая борода.

«Флир», – понял Шторм. Вернее, уже не он. Тот, кто когда-то был Флиром.

Во тьме снова звякнуло и заворочалось. И на Шторма снова напали – на этот раз сразу со всех сторон! Он увернулся, и чужая рука зацепила лишь краешком, впечатавшись в тело того, кто ударил сзади. С леденящим душу хрустом отбрасывая его к стене, но не выбив ни одного стона или другого человеческого звука. И это полоснуло сознание Шторма сильнее, чем понимание, что бывшие друзья желают его разорвать на части. Чьи-то зубы вцепились в плечо ильха, и Шторм крутанулся, отбрасывая тяжелое тело. Ударил в голову, развернулся, и снова.

«Слишком сильны», – мелькнула в голове спокойная мысль. Эмоции смыло холодной волной его воли. Эмоции остались там, где еще звучали имена. Флир-Ясень. Виртас-Бочка. Олаф-Сизая-Борода. Хэвард-Защитник...

Последнего Шторм узнал, когда тот вцепился ему в руку, когтями разрывая и грубую ткань рубашки, и кожу. Еще один удар в ребра ильх все-таки пропустил, и его откинуло в сторону. Перекатился по стылым камням, вскочил. Вовремя! Виртас огромной медведеподобной тенью навалился сверху, молотя кулаками-кувалдами. Железные цепи болтались на запястьях, придавая ударам убийственную весомость. Еще одна тень – узкая, скользкая – возникла сбоку, добавляя свой вклад в убийство Шторма.

Он все же сумел сбить с ног Виртаса, уклонился от хлесткой атаки Флира-Ясеня. Ушел под руку Олафа, перекатился через его спину, пнул Хэварда. Нырнул под его локоть, когда над головой со свистом прошла железная цепь. Не глядя поймал самый кончик, дернул на себя, кулаком встречая переносицу Флира. В блике молнии сверкнула серьга в ухе бывшего друга, и Шторм дернул ее, вырывая из мочки. Флир не издал ни звука. Все еще сжимая узкую серебряную рыбку, Шторм пробежал по стене, перевернулся через голову и, падая, полоснул Флира-Ясеня по горлу. В ответ раздалось бульканье. Но Шторм уже развернулся к Олафу, чиркнул скользким украшением, вспарывая плоть.

Тьму озаряли лишь вспышки молний, короткие блики света выхватывали то окровавленные лица, то руки, занесенные для смертельного удара.

Шторм кружил во тьме, уклонялся и бил, с холодной бесстрастностью отмечая, что силы тех, кого когда-то он звал друзьями, возросли. Живой Флир был ловким, как ящерица, но сейчас он напоминал неуловимый речной поток. Виртас отличался силой, а нынче крушил камни одним лишь ударом.

Сожаление и боль пробили лед отчуждения и отвлекли Шторма. Чей-то кулак швырнул его на землю. Хэвард – ильх узнал этот удар. Тот Хэвард, что когда-то приносил клятву сражаться и умирать за человека, которого сейчас пытался убить...

Новая волна смыла воспоминание. И дальше Шторм лишь бил и уворачивался, уже не думая о прошлом.

Когда в пещере вспыхнули факелы, на стылом камне лежало четыре тела. Шторм тыльной стороной ладони стер с губы кровь и посмотрел на подошедшего Эйтри. За его спиной маячил Торферд, бледный Ирган и конухм Бирон, но все они смотрели на четверых напавших. И на оборванные железные цепи, которые те просто вырвали из скалы.

На лице Янтаря застыла ледяная бесстрастность, но Шторм слишком хорошо знал беловолосого ильха.

– Все? – тихо произнес Эйтри.

Шторм отвернулся, не отвечая.

Хэвард заворочался, открыл глаза. Когда-то голубые и радостные, как весеннее небо, сейчас они пугали безжизненной и беспощадной

тьмой. Олаф моргнул и тоже поднял голову. Его взгляд был зеркальным отражением глаз Хэварда.

– Виртас, брат! – с горечью воскликнул Торферд, когда Бочка тоже начал подниматься. – Борись! Ты сможешь! Вспомни Нану! Вспомни меня!

– Это бесполезно, ты разве не видишь? – сухо сказал Эйтри. – Твоего брата здесь уже нет.

– Он сможет вернуться! Он сильный! – почти взвыл Торферд. – Виртас, посмотри на...

Виртас мотнул головой, обернулся. И напал! Коряга сбил братца на пол, придавил коленом и беспомощно взглянул на Шторма.

– Как же так? Я думал, он сможет! – чуть ли не всхлипывая, простонал здоровяк.

– Он мертв, Торферд. Они все.

Виртас заворочался, словно опровергая слова Эйтри.

– Их раны затягиваются. – Бирон-Стервятник присел возле Флира. Длинный кровавый порез на его шее зарастал на глазах. – Пепел лечит их тела.

– Но не души, – хмуро бросил Эйтри. – Зря мы поверили, что хоть кто-то сумеет уцелеть. Сможет сопротивляться. Это все бесполезно.

Виртас-Бочка изловчился и сбросил удерживающего его Торферда. Медленно осмотрел застывших напротив ильхов. Олаф и Хэворд бесшумно встали рядом. Флир подполз ближе и тоже поднялся.

– Я не смогу, – беспомощно выдохнул Торферд. – Это же мой брат...

– Это драуг, дубина! – сердито выкрикнул конухм.

– Я сам, – сухо оборвал перебранку Шторм. – Возвращайся к Нане, Торферд.

Бородач еще раз взглянул на Виртаса, хлюпнул носом и ушел, бормоча под нос что-то жалобное.

– Позволь мне. – Эйтри, прищулив единственный глаз, следил за медленно подкрадывающимся Флиром.

Шторм покачал головой и протянул руку, в которую дрожащий, жмующийся к стене Ирган вложил клинок. Бирон-Стервятник окинул парнишку недовольным взглядом и поджал губы.

Сталь отозвалась руке Шторма тихим звоном.

– Казнить – не твоя обязанность, Эйтри.

Друзи напали одновременно с оглушительным раскатом грома и воплем Иргана. Короткая песня клинка утонула в этих звуках. Четыре росчерка, и все закончилось. Быстрее, чем вспыхнула и погасла молния уходящей грозы.

Гроза ушла в море, оставив размокший берег и озоновую прохладу. В таверне Наны пеклись на прутьях рыбыны и клубни, пахло дымом, горькими травами и медом. Только вот хозяйка не крутилась у котлов, и я удивилась, что Нана покинула свою вотчину.

Перекусив, я прошла к горячим источникам, решив поговорить с Вегардом. Мне нравился этот человек, напоминающий безмятежное облако среди хмурых туч. Вегард встретил меня беззубой улыбкой. Он снова что-то мастерил в компании Дюккаля и кошки. Высоко на скалах вспыхнуло зарево далекого костра, и старики прищурились, глядя в ту сторону.

– Горит что-то?

– Горит, – буркнул Дюккаль. Переглянулся с Вегардом, поморгал, прикрыл лицо сухой ладонью.

Вегард-Без-Крыши отложил свои дощечки и протянул руку кошке. Фрея послушно ткнулась мордой, принимая скупую ласку.

Я ощутила беспокойство. Что происходит? Старики вели себя так, словно случилась беда, но вот какая?

Обернулась на берег. Там все было по-прежнему: кто-то латал хёггкар, кто-то спорил или спал в гамаке. Ничего тревожного. Так почему сердце тоскливо сжалось?

– Шторма не видели?

Ильх так и не пришел в таверну, после возвращения из Саленгварда я его не видела.

Старики снова обменялись понимающими взглядами, и мне захотелось подергать их седые бороды, чтобы вытряхнуть правду. Что это еще за игра в гляделки? Кажется, даже полосатая кошка знает больше, чем я!

– Он вернется, – отвернувшись от костра на скале, сказал Дюккаль. – Он всегда возвращается.

Глянул на меня и поджал тонкие губы.

– Вместо расспросов лучше присмотри за котлом, дева. Сгорит же наш ужин, нюхом чую!

– Разве это не обязанность Наны?

– У нее нынче другие дела, – сухо оборвал старик. – Все, иди уже. Стоит тут, солнце заслоняет. Тень от тебя!

Вегард-Без-Крыши спрятал улыбку в косматую бороду, кошка принялась невозмутимо вылизывать лапу.

Я проглотила сердитый ответ, потопталась и все-таки вернулась в таверну. Удивительно, но она оказалась пустой, лишь на лавке болтал ногами Брик. Улыбающийся мальчишка сгладил мою тревожность, и я почти забыла о странном костре и недомолвках стариков.

Вдвоем с мальчиком мы стянули с огня решетки, спасая подгоревшие клубни. Рот Брика не закрывался ни на минуту, так что, когда появилась Нана, я знала все о гнезде перепелки, найденном в зарослях, о муравейнике, на который Брик свалился с дерева, и о настоящем мече, что обещал подарить Шторм.

Вошедшая великанша наградила нас суровым взглядом. Веки женщины покраснели, и без того крупный нос казался распухшим. Украшения колыхались на внушительной груди, словно золотые якорные цепи на могучем фрегате. Многочисленные браслеты жалобно звенели от резких движений. Нана казалась расстроенной, но спрашивать о причинах я не решилась.

Брик, заведя хозяйку таверны, тут же вспомнил об очень-важных-делах и умчался, предательски забыв обо мне. Нана молча повернулась к булькающему котлу, принялась. И трубно завопила:

– Что это ты насыпала в мой чудесный суп, поглоти тебя Великий Горлохум?

– Я лишь добавила немного трав, – отодвинулась я, косясь на выход. Кажется, пора подобно Брику дать деру! Этот мальчишка знает толк в бегстве!

– Душицу и сладкий хмель? Да ты в своем уме, дева? И кто только тебя учил готовке, что за дурная была кухарка? Это суп или хмельное пойло, по-твоему?

Я задом сдала к двери.

– Никто меня не учил... Я подумала, что бульон слишком пресный и насыпала немного...

Нана яростно помешала варево и, зачерпнув ложку, сунула в рот.

– Чесн-о-ок? Да я тебя...

Замахнулась деревянной ложкой, но я уже бежала прочь из таверны. На берегу ильхи разложили вечерние костры, вот только ни Шторма, ни Иргана, ни даже Эйтри я не заметила. Зато с видом королевы по берегу прохаживалась снежная Альва. За несколько дней эта дева успела собрать вокруг себя целую свиту верноподданных ильхов, готовых ловить каждый взгляд и вздох беловолосой красавицы. В стороне подбрасывал секиру Ульф Лютый волк. Кидал, не глядя, а потом ловил за длинное древко. Двойное лезвие в виде полумесяцев искрило в свете разгорающихся костров. Рядом с ильхом застыли восхищенные зрители. Я торопливо прошла мимо, но, заметив меня, он остановился и кивнул, приветствуя. Я ответила несколько смущенной улыбкой. Воин проводил меня долгим взглядом. Эти взгляды уже начали меня беспокоить, как бы ильх не надумал утешить одинокую деву! Я не хотела бы объяснять мужчине, развлекающемуся метанием огромных топоров, что не нуждаюсь в его утешении!

Поэтому отошла подальше от костров и осмотрелась.

Сумерки мягко обнимали скалы.

Но где же Шторм? Неужели снова ушел на глубину? Или и вовсе – во фьорд?

Потоптавшись на берегу, я снова глянула вверх. Огонь там уже не горел, даже дым не вился. Но почему-то тот костер по-прежнему меня беспокоил. Что там жгли? И зачем?

– Не люблю загадки, – пробормотала я, решительно устремляясь к тропинке наверх. Узкая дорожка, присыпанная мокрой хвоей, нитью вилась меж деревьев. Я шла по ней, пока рядом не возникла тень, заставившая меня подпрыгнуть.

– Шторм! Ты меня напугал!

Он поднял брови, глядя, как я прижимаю ладонь к истошно колотящемуся сердцу.

– Что ты здесь делаешь?

Я вскинула голову, всматриваясь в разбитое лицо ильха. Из рассеченной брови все еще сочилась кровь, на скуле темнел внушительный синяк.

– Что с тобой случилось?

Шторм легко пожал плечами, сел на поваленное дерево и привалился спиной к мшистому боку скалы. Я осмотрела небольшой

скальный выступ, на котором он устроился. Отсюда Последний Берег расстился пестрым ковром, внизу полыхали костры.

– Ты что... подрался с кем-то?

Странная невеселая улыбка скользнула по его губам.

– Можно сказать и так.

– А я тебя искала.

– Зачем?

Вопрос прозвучал без интереса, и я нахмурилась, ощущая себя в высшей степени неловко. И правда – зачем?

– Я... я о тебе волновалась.

Он снова поднял рассечённую бровь. Улыбка словно приклеилась к бледным губам.

– Не стоило, лильган, – мягко и насмешливо произнес Шторм. – Со мной все хорошо. Как всегда.

Я сдула упавшую на глаза челку, не понимая, что делать дальше. Ильх явно не желал беседы или моего присутствия. И даже моего беспокойства. Да и с чего мне переживать? Похоже, с ним и правда все в порядке. Подумаешь, синяк. Ильхи каждый день устраивают потасовки, надо же им как-то развлекаться. Пара ссадин или разбитые носы для них ничего не значат. Да и Шторм выглядит совершенно спокойным. Сидит, развалившись, словно устроился не на бревне, а на парчовом диване. На губах – все та же пугающая улыбка, в руке бурдюк с пойлом.

– Не замечала твоей любви к хмелю, – мрачно произнесла я.

Шторм рассмеялся. Мне захотелось поежиться.

– Ты ничего обо мне не знаешь, сладкая чужанская дева, – почти нараспев произнес он. Сделал несколько глотков, снова улыбнулся. Кивнул на костры внизу. – Нана уже готова поведать очередную байку. Сегодня она будет страшной, но это ведь всего лишь рассказы, чтобы скоротать вечер. Иди, Мира.

– Прогоняешь?

Я склонила голову, рассматривая его. Почему я не могу просто развернуться и уйти? Шторм жив и здоров, улыбается даже...

Оставь его, Мира. Он ведь ясно сказал.

– Этой ночью я плохая компания для сладкой девы, – с тягучей насмешкой протянул ильх.

Уходи.

Я прикусила щеку, не понимая, почему все еще стою здесь. В сумерках глаза Шторма казались бесцветными. Спокойными, как гранитная плита. В них не было чувств. В них лишь тлело отражение костров, разложенных на берегу. Но почему-то казалось, что в этом огне Шторм видит нечто иное. Что в багровом зареве полыхает его душа, и именно это прилепило к земле мои ноги, не позволяя просто повернуться и уйти.

– Я уже наслушалась баек Наны. А здесь неплохой вид.

Шторм прищурился, рассматривая меня. Медленно прошелся взглядом по моему лицу, шее, узелку на горле, который сам завязал. Опустился в вырез на груди, скользнул ниже. И протянул с откровенным намеком.

– Да. Вид весьма неплохой.

Я застыла. Проклятие! Да он же меня намеренно прогоняет! Специально пугает, чтобы я ушла. Чтобы... не видела его таким?

Я села на бревно напротив, расправила мятую юбку. Шторм следил за моими действиями так внимательно, словно каждое могло спровоцировать цунами и утащить в море всех обитателей этой бухты. Закончив с юбкой, я протянула руку к бурдюку.

– Поделишься?

Он отдал мне пойло. Я сделала глоток и закашлялась, смаргивая набежавшие слезы. Боги, как можно это пить?

– Через несколько дней в бухту придет хёггкар, – неожиданно сказал Шторм. – Хёггкар моего давнего друга Бёрна. Он хороший человек. Он заберет тебя и отвезет к берегам Нероальдафе. Высадит недалеко от города. Доберешься до башни риара, там тебе помогут.

– Что? – Я снова подавилась и закашлялась.

Шторм смотрел, не двигаясь и даже не моргая. Пожары в его глазах остывали золой.

– Хёггкар придет на новую луну. Скоро.

– Но... – Я неожиданно растерялась. – Ты ведь говорил, что не можешь меня отпустить?

– Врал, лильган. – Он снова улыбался, но мне эта безумная улыбка совершенно не нравилась.

Хотелось встряхнуть Шторма, чтобы вернуть того, каким он был еще утром. Чтобы не видеть стальные пустые глаза.

– И... почему? – тихо спросила я.

– Тебе здесь не место. – Ответ прозвучал резко.

– Ты говорил другое.

– Можно сказать, что я получил весомые... доводы. Я хочу, чтобы ты уехала.

И почему от этих слов я чувствую себя так паршиво? Это ведь как раз то, чего я и хотела! Совсем недавно я мечтала об этих словах!

– А как же мой долг?

– Забудь.

– Вот так просто? – Мне не нравился разговор и не нравился такой Шторм. Сейчас он казался совершенно чужим, непонятным. Пугающим. Хотя он ведь и был таким. Что я знала об этом ильхе? Слишком мало, чтобы желать остаться, когда он прогоняет.

Но я все еще здесь.

– Может, расскажешь, что случилось? – попросила я, глядя на него в упор. – Расскажи мне, Шторм.

Он моргнул. Повел рукой по глазам. Но когда убрал ладонь, ничего не изменилось. Та же усмешка, та же пустота.

– Я могу помочь, – прошептала я. – Могу выслушать.

– Мне не нужна помощь, лильган.

– Тогда что тебе нужно?! – Я вскочила. Все-таки зря пришла. Чего хотела добиться? Я ничего не понимаю в этих демонских фьордах! И ничего не понимаю в этом проклятом ильхе!

– Поцелуй меня.

Что?

Обернулась на пожары в серой зелени глаз. Насмешливые колдовские огни, заманивающие в губительную топь.

– У тебя лицо разбито. – Мягкая водная гладь оборачивается пропастью. Под ногами уже нет земли, лишь бездна.

А я все еще надеюсь спастись...

Он рассмеялся.

Два злых шага, взметнувших мою юбку. И мои губы, прижавшиеся к мужским. Бледным, сжатым. Словно он не желал этого поцелуя. Словно не верил, что он все-таки случится...

Короткий судорожный вздох. Я не поняла – чей. Мой ли? Его... Медленное поглаживание языка. Вкус хмеля и меда. Его губы сухие, светлая щетина на щеках колкая. А волосы на затылке шелковые, словно морская трава, льнувшая к пальцам... Он даже не пошевелился,

когда я его поцеловала. Так и сидел, привалившись спиной к скале, откинув голову. Коротко и хрипло втягивая воздух, пока я пробовала его на вкус. Пока щекотала языком, пока дразнила, упиваясь ощущениями. Мне нравилось. Проклятие! Мне слишком сильно нравилось его целовать. Нравился вкус его губ, прерывистое дыхание, напряженное тело, застывшее под моими ладонями.

Застывшее? Ах...

Шторм протяжно вздохнул. И словно очнувшись, потянул меня, усаживая к себе на колени. Не размыкая губ, сдернул тесьму с моих волос, запутался в них пальцами. Обхватил затылок, словно боялся, что этот поцелуй закончится, и я уйду... Но разве я могла? Не тогда, когда ильх вдруг осознал, как надо целовать деву, чтобы она потеряла голову... Или он знал это с самого начала?

Губы сухие и жесткие, а язык нежный. Аромат хмеля сменяется штормовым озоном, мед обжигает... Я и не подозревала, что простое касание губ может быть настолько чувственным. Что может подарить взрыв ощущений. Ильх ведет рукой с моего затылка на шею, скользит пальцами по кромке выреза. Едва-едва заходя дальше. Почти невинно, но голова плывет, а тело наливается сладкой тяжестью.

Он целует так, что я теряю себя. И уже не могу отрицать притяжение, которое чувствовала к нему с самого начала. Или того, насколько сильно он мне нравится. Его выгоревшие ресницы, его колкая щетина, его чуткие пальцы. Чувственные губы и насмешливая улыбка. Шрамы и черная полоса, перечеркнувшая лицо. Рельеф его тела, который я украдкой изучаю каждый раз, когда он снимает рубаху. Я хочу изучать его не только взглядом, но и пальцами. И я делаю это. Снова трогаю его затылок, дергаю белые косицы, связанные в пучок на макушке. Глажу самыми кончиками разбитую бровь, затянувшиеся рубцовые штрихи на виске, щетину и губы. Он перехватывает мои пальцы, втягивает их в рот, целует, глядя мне в глаза... И это слишком приятно. Это тоже нравится мне слишком сильно.

Я рисую влажные узоры на его коже, поверх тонкого матового обруча. И ниже – на плечах, обтянутых грубой серой тканью, на напряженной груди. Мне так нравится все, что я вижу и чувствую. Мне так мало того, что я вижу и чувствую...

Мой голод отражается в его глазах, вырывается хриплым прерывистым вздохом. Мы оба слишком возбуждены, чтобы

разомкнуть руки и губы. Я не могу сдерживать тихий, мучительный стон, когда Шторм целует ямочку у горла. Когда тянет зубами, и завязанный им узел легко распадается, повинувшись порочному прикосновению. Когда спускает с плеч мое платье, чтобы оголить чуть больше кожи. Или когда возвращается к губам, заменив язык на руки. Прикосновение к груди оказалось столь острым, что я шумно выдохнула. Неосознанно подалась ближе, забыв, что сижу на мужских коленях, сжала ногами его бедра. И теперь уже выдохнул Шторм.

Поцелуй становится столь чувственным, что я почти теряю себя. На нас все еще слишком много одежды, и это раздражает. Комок ткани собрался у меня на груди, и Шторм дергает его, почти разрывает, желая добраться до кожи. А когда это получается, и его пальцы пробегают по моим позвонкам, я выгибаю спину. Притяжение столь сильное, что я едва не рычу от необходимости ощутить больше. Наши поцелуи утратили нежность, сейчас мы больше похожи на оголодавших хищников, желающих сожрать друг друга.

Мне нравится эта бездна. Я хочу в нее упасть.

И знаю, что должна остановиться.

Наклонилась, лизнула его губы, поймала выдох. И то, как он всем телом дернулся навстречу.

– Ты просил лишь один поцелуй, – прошептала я, выпрямляясь.

Шторм откинул голову, глядя на меня и не разжимая рук.

– Думаешь, это была просьба?

Знакомая мягкая насмешка едва не опрокинула меня в пропасть. Мы смотрели друг на друга. Все еще слишком близко, все еще слишком голодные. Жаждающие новых поцелуев и прикосновений, дикости и безумства, разделенного на двоих. Я все еще ощущала на губах его прерывистое дыхание. Чувствовала его желание – слишком сильное, чтобы он мог его скрыть.

– Еще немного... и я никуда тебя не отпущу.

«Ни сейчас, ни потом», – безмолвно произнес он.

«Не отпускай», – едва не ответила я.

И застыла, поразившись едва не сорвавшимся с губ словам.

Слетела с колен Шторма, не уверенная, что смогу противиться, если он снова ко мне прикоснется.

Стылое безразличие ушло из глаз ильха, пугающая меня улыбка тоже исчезла. Вот только тайны – остались. Его и мои.

И кое-что еще – весьма отрезвляющее.

Дурман наслаждения не смог скрыть, что мои прикосновения вызывают у ильха не только удовольствие, но и боль. Что когда я потянула его рубашку, он не дал развязать шнуровку и едва заметно вздрогнул, стоило коснуться через ткань ребер. А еще он не скрыл запах крови, который я знаю слишком хорошо.

– У тебя разбито не только лицо, Шторм.

Он хмыкнул. Ильх все еще дышал короткими рваными глотками. Корка на лице Шторма треснула, капля крови стекла по щеке. Я указала на нее пальцем.

– Может, расскажешь, откуда это украшение?

– А что взамен, лильган? – Он слизнул упавшую на губы багровую каплю. – Поделишься своими секретами?

Отступив на шаг, медленно поправила платье, приходя в себя. Тайны... как же я их не люблю!

– Пожалуй, я все-таки послушаю байки Наны. Пойдешь...со мной?

Шторм не двигался, лишь смотрел. Цвет глаз в почти наступившей тьме не разобрать, но мне и смотреть не надо. Серые камни на дне холодного моря. Сочные травы, укрытые колдовскими туманами. Болотные огни, манящие в пропасть...

Я пошла вниз, не оглядываясь.

Глава 18

Шторм угадал, сегодня история Наны оказалась страшной. Сегодня притихший берег слушал древнюю легенду о друзьях – мертвых мертвецах. Жуткие и безумно сильные, друзья лишались своих душ, но их тела продолжали существовать, ведомые яростью и голодом, нападая на тех, кто когда-то был другом или даже братом.

Я слушала невнимательно и этим страшилкам предпочла бы новый рассказ о дерзком Ярле-Кровавое-Лезвие. Даже Брик выглядел испуганным, а ведь этот мальчишка слышал и не такое.

Шторм все-таки пришел, прервав рассказ Наны. Он сменил одежду и умылся, от него больше не пахло кровью и пеплом. Великанша запнулась при виде ильха, глянула исподлобья. Шторм ответил спокойным взглядом. И Нана отвернулась. Сделала несколько шумных глотков ядрёного пойла, покряхтела, вытерла рот. И продолжила рассказ о жутких друзьях, приходящих в ночи. Ильхи при виде Шторма подвинулись, освобождая место у костра. Он посмотрел в мою сторону и устроился напротив. Словно боялся, что без разделяющего нас пламени мы продолжим то, на чем недавно остановились.

Я наклонила голову, смутившись порочных мыслей. И понадеялась, что румянец на щеках можно объяснить близостью огня. Но даже рассматривая травинки и камушки у своих ног, я чувствовала взгляд Шторма. И от него становилось жарко так, словно я танцевала на углях – голая и дикая. Все-таки проклятые фьорды что-то во мне изменили, сделали слишком чувствительной. Слишком восприимчивой к суровому очарованию Последнего Берега, к вечерам у костров, запаху трав и дыма. К мерцанию звезд, уханью ночных сов, к плеску волны о бока разбитых хёггкаров. К смеху и напевам, слова которых порой совершенно непонятны, но почему-то ранят в самое сердце. Тянут душу сладкой тоской по непознанному, но такому настоящему. Необходимому. И дыхание перехватывает от мысли, что вот это тайное, неизвестное, истинное – совсем рядом. Стоит лишь окунуть пальцы во влажный мох или опустить в прохладную вечернюю волну. Стоит лишь открыть душу, и фьорды заполнят ее целиком. Заполнят

дикой северной красотой, окутают волшебством, пленят... Не отпустят.

Подняв голову, я все-таки смотрю на Шторма. И сразу, словно почувствовав, он оборачивается. Наши взгляды встречаются, и я не могу отвернуться. Мы оба не можем, словно нас связали канатом, крепче корабельного. Это длится несколько мгновений, пока звучит песня ильхов и пока Брик не начинает требовать новую историю.

Да, фьорды что-то беспощадно во мне изменили. И это понимание сильно пугает.

Ночь принесла мне беспокойный сон, наполненный кошмарами. То виделась мертвые драуги с лицами моих родных, то туманный и малахитовый Саленгвард, то чувственные поцелуи Шторма. И я не знала, какая часть этих кошмаров пугала больше остальных. Потом приснилась тень, присевшая на край кровати и тихий шепот: «Не бойся, кьяли. Спи. Я здесь». Но когда я открыла глаза – рядом никого не было. А может, меня успокаивало само море – серо-зеленое, бесконечное... Однако тревога ушла и до утра я уже не просыпалась.

К моему удивлению, когда утром я спустилась с «Медузы», берег уже заполнили ильхи, и все они куда-то торопились и что-то тащили.

– Эй, а что происходит? – окликнула я тощего белобрысого парня в одних штанах. Он тянул свежеструганные доски, которые оставляли на мокром песке извилистые следы.

– Так полнолуние ведь! – Парень смахнул со лба испарину, широко улыбнулся и двинулся дальше. – Первое летнее полнолуние! Лунная ночь!

– И что это значит?

Но белобрысый мне уже не ответил. Я двинулась по волнистым следам и нашла почти всех жителей Последнего Берега у пристани, где еще недавно пряталась в бочку с воняющей солониной. Ильхи расширяли дощатые мостки и делали длинный спуск, плавно уходящий в воду.

– Что это? Для чего этот спуск?

Мне не ответили. Некоторые хмыкнули, другие рассмеялись. Большинство мужчин сняли рубашки и теперь подставляли солнцу крепкие торсы. Работали слаженно и дружно, перемешивая ругательства и веселый хохот.

– Неверный вопрос, – прозвучал за спиной нежный девичий голос, и я обернулась.

У зарослей дикой ежевики стояла красавица Альва, пристально наблюдая за мужчинами. Я обернулась на ильхов и нашла взглядом снежно-белую спину Эйтри. Удивительно, но сегодня он тоже снял свои расшитые наряды, чтобы повозиться в воде.

– А какой вопрос верный? – пробормотала я. Бледная красавица с белоснежными косами и глазами чистой озерной воды вызывала у меня неприязнь. Я прекрасно помнила, за что она попала в холодные воды фьорда.

Альва оторвала взор от рельефной спины Эйтри и посмотрела на меня. Улыбнулась. Но улыбка вышла такой холодной, словно меня головой макнули в сугроб.

– Надо было спросить – для кого.

– Ну и? – Неприязнь дополнилась раздражением.

Альва рассмеялась так мелодично, что несколько мужчин обернулись и наградили деву жадными взглядами. Красавица картинно изогнула спину, показывая себя во всей красе. И тут же нахмурилась. Эйтри на ее смех не отреагировал.

– А это развлечение не для нас, так что и смотреть не стоит! – резко произнесла красавица, наконец вспомнив обо мне. Но тут же на бледных губах вновь возникла улыбка. – Ищешь Шторм-хёгга?

Я промолчала. Нет, я его не искала, и все же... Все же.

– Эйтри сказал, что его до ночи не будет, не ищи, дева. Шторм-хёггу сейчас нужна лишь глубина, она вылечит его раны.

– Раны?

Альва глянула косо.

– Ах. Ты не знаешь, откуда они?

Дева ответила смехом, вызывая желание ее стукнуть. Я сдула челку, чтобы успокоиться, прищурилась. И неожиданно ответила:

– Ты тоже не знаешь, хватит врать!

Альва подавалась смехом, поморщилась. И протянула недовольно:

– Мужчины порой такие скрытные, правда? Ладно, ты права, я не знаю. Эйтри так и не сказал, как я его не...упрашивала.

Я промолчала, размышляя, не пора ли поискать другого собеседника.

– Я слышала, ты из Гараскона? Я бывала там со своим мужем. Красивый город, хотя и не сравнится с великолепием Ауrolьхолла. Впрочем... Ничто не сравнится с великолепием Ауrolьхолла.

В голосе девушки скользнула невыносимая тоска, и на миг мне стало ее жаль. Хотя она ведь сама виновата в своей судьбе.

– Ты видела Ауrolьхолл?

Я мотнула головой, но девушка на меня и не смотрела. Она снова уставилась на работающих мужчин.

– Конечно, не видела. Его снежные вершины и алмазные башни невозможно забыть. Вот и он не смог. – Короткий злой кивок на смеющегося у воды Эйтри. – Думаешь, он выбрал меня? О нет. Всего лишь Ауrolьхолл, из которого его изгнали. И который все еще зовет его.

– Зачем ты мне это говоришь? – мне стало неудобно. словно передо мной вывернули короб с чужим бельем.

– Мы можем подружиться. Помочь друг другу. – Альва вдруг качнулась ко мне и встала близко-близко, заглядывая в глаза.

– И за что же такое доверие? – дружить с Альвой мне совершенно не хотелось.

– За то, что утопила хёггкар Вермана, – усмехнулась дева.

Я подняла брови.

– Кажется, он тебя спас.

– Лишь затем, чтобы продать подороже! Не сомневайся, за свою жизнь я расплатилась сполна! Но и я не так проста. И сумела многое выведать у мерзавца Вермана. Мужчины так падки на лесть и девичью ласку!

Она тихо рассмеялась, облизывая губы, и на миг стала похожа на хищного зверька.

– Прежде чем Верман продал меня, я успела разузнать об этом месте. И его обитателях.

– И что же ты узнала? – насторожилась я.

– Многое, – растягивая слова, протянула дева. – Точно больше, чем ты. Ты ведь совсем не умеешь улыбаться и узнавать мужские секреты, ведь так? Только и можешь, что рычать, да еще болтаться в холодной воде и рисковать своей жизнью за щепоть пепла. Вот же глупая дева.

Я развернулась к Альве, размышляя, а не двинуть ли красавице кулаком в нос. Но увы, это будет отличным подтверждением сказанного.

— Не злись. — Все-таки беловолосая дева умела быть очаровательной, особенно когда улыбалась. — Я лишь сказала правду. Ты ведешь себя как воин, но с мужчинами так нельзя. Иначе надо. Мы можем помочь друг другу. Обе пленницы, обе изгнанницы. Я знаю, чего ты хочешь. Сбежать! На этом берегу у меня много глаз!

Альва подмигнула, положила руку на мою ладонь, и я удивилась, ощутив тепло ее кожи. Глядя на Альву, казалось, что вся она соткана из снега.

— Ты pomoжешь мне, а я — тебе.

— Чем?

Острый бледный язык снова мелькнул между губ девы.

— Мы обе хотим оставить этот Проклятый Берег позади. И... отсюда есть другой путь. Путь и хёггкар, способный выдержать даже бурю. Хёггкар, которому не страшен кракен.

— Что?

Я окинула взглядом Последний Берег. О чем говорит эта бестия?

— И где же этот чудесный хёггкар? — Я сделала широкий жест рукой. — Что-то я вижу поблизости лишь дырявые посудины.

Дева придвинулась еще ближе, ее губы почти коснулись моего уха.

— Верман сказал, что он надежно спрятан. Но он близко! Скорее всего там, где его не увидят любопытные глаза. Ты должна узнать больше! Расспросить Шторм-хёгга!

— Я?

— Кто же еще? Я видела, как он на тебя смотрит! — прошептала девушка.

— Тебе показалось, — буркнула я, уже жалея, что ввязалась в этот разговор.

Альва презрительно рассмеялась.

— Греешь ему постель, так разузнай что-нибудь полезное!

Я развернулась и молча пошла прочь. Альва повисла на моей руке, не отпуская.

— Постой! Да стой же ты! Прости. Прости меня! Я не желала тебя обидеть. — Она прикусила губу и стала похожа на обиженного

ребенка. – Мне одиноко здесь. Тяжко. И совсем не с кем поговорить. Кто поймет несчастную пленницу? Кто не осудит такую, как я?

Прекрасные голубые глаза наполнились слезами.

– Ты тоже меня осуждаешь, я вижу. Но я всего лишь пытаюсь выжить! Мир так жесток ко мне! Я лишь хочу жить, понимаешь? Мы могли бы стать подругами... Поговори со Шторм-хёггом, что тебе стоит? Узнай, где спрятан хёггкар!

– Да ничего он мне не скажет!

– Если будешь вести себя, как дурень Ирган, то точно ничего! – Альва испуганно оглянулась на пристань, где грянул новый гром мужского хохота. – Очаруй его. Обольсти. Ты дева, и он не отводит от тебя глаз! Воды потеплели, а это значит, даже такой, как Шторм, подвластен их чарам! Он выбрал тебя, так действуй! Узнай, где спрятан хёггкар. А остальное предоставь мне!

– Что – остальное?

– Ты же не думаешь, что мы справимся с хёггкаром вдвоем? – усмехнулась красавица. – Но это уже мои заботы, я знаю, что делать. Мужчинами легко управлять, если знаешь – как. На этом берегу полно тех, кто сделает все, что я пожелаю, за одну только ласку!

Эйтри повернулся в нашу сторону, приложил ладонь к глазам. И Альва обольстительно улыбнулась, помахала рукой. Кто-то из ильхов издал завистливый вздох.

Я перевела взгляд с девушки на пристань. А эта дева времени зря не теряет!

– Узнай, где спрятан хёггкар, Мира.

Я удивилась, что Альва знает мое имя.

– Сегодня полнолуние – лучшее время! Фьорды согрелись, воды теплые. Вокруг много хмеля и лунного серебра. В такие ночи мужчины становятся мягкими, словно теплый воск. И Шторм не устоит. Приласкай его и узнаешь все тайны.

– Хватит. Я не собираюсь его...с ним... – Вчерашний поцелуй обжег губы воспоминанием.

– Нет? Жаль, что он выбрал не меня...

Я отвернулась, но успела заметить усмешку Альвы.

– Ну что ж, тебе и не придется. Полнолуние все сделает за тебя. Эту ночь все ильхи проведут на берегу. Уж поверь, никто не уйдет на хёггкары, разве что совсем немощные старики! Но предвкушение

наслаждения размягчает не меньше самих ласк. Вечером Шторм-хёгг будет здесь и будет пьян, как и все. Укрась свое лицо и тело, надень шелка. Стань водой. И узнай, где спрятан хёггкар, Мира!

– Эй, Брик, а ну, не вертись под ногами, – закричал Торферд, привлекая внимание к берегу.

Настил почти установили, широкое полотно уходило в воду и терялось на глубине. Они что, собираются катить в море бочки? Для чего все это?

– Шторм обещал, что в этом году я смогу остаться на Лунную ночь! – зазвенел от волнения голос Брика, и в ответ грянул мужской хохот.

– Мал еще! Подрасти!

– Мне почти двенадцать!

В ответ снова засмеялись. Я хотела услышать больше, но солнце заслонила фигура подошедшего Эйтри. Он все еще был в одних лишь штанах, и я отвела взгляд от худощавого, но великолепно сложенного тела. Желтый янтарь в его глазнице казался расплавленным солнцем.

Альва безмятежно поправила белоснежный завиток на щеке и призывно улыбнулась варвару.

– О чем вы тут болтаете? – резко произнес тот.

– О тебе, милый, – полился медом голос девы. – Я говорила, как мне повезло, что встретила здесь тебя! О том, как я счастлива принадлежать столь сильному и щедрому воину!

Эйтри нахмурился, рассматривая деву, но та выглядела невинной и нежной. В прекрасных голубых глазах плескалась такая искренность, что даже я засомневалась, а не причудился ли мне разговор о побеге?

Ильх кивнул, притянул Альву к себе. О моем присутствии он, кажется, забыл.

– У меня есть для тебя подарок на Лунную Ночь, – пробормотал он, щуря свой единственный глаз. – Серьги из небесных лазуритов...

– Снова подарок? – на смех Альвы обернулись почти все мужчины. Многие смотрели на красавицу с откровенным восхищением. – Ты меня балуешь, милый...

Я торопливо пошла прочь, не дослушав чужое воркование. А еще так и не поняв, что происходит на берегу. В голове застряла мысль о спрятанном корабле. Неужели Альва права? Или это тоже байки, сродни тем, что рассказывает вечерами Нана?

Размышляя и хмурясь, я добралась до узких мостков над водным потоком, обогнула горячие источники и таверну. Слова Альвы бились в голове и заставляли меня хмуриться. Я думала о людях, живущих на этом берегу, об их тайнах. О секретах, что они хранят. О костре, чадающем на склоне, и о разбитом лице Шторма. О том, что я веду себя как воин, а надо – течь, как вода... О байках Наны и о мальчике Брике, свалившемся на муравейник.

И удивительно, но я ни разу не подумала о моем брате Алексе и тем более – о Джете. С каждым прошедшим днем они становились все более далекими и почти нереальными.

Глава 19

Очнулась я возле стены, окружающей Саленгвард. Поморгала, не понимая, как добралась до нее. Обернулась на берег, но его не было видно за стеной зазеленевшего леса. Совсем недавно сквозь голые ветви просматривались разбитые хёггкары, а сейчас ароматные клейкие листочки занавесили бухту летним покрывалом – ничего не рассмотреть.

А вот вьюнок на камнях стены остался таким же сухим и безжизненным. Я подергала его – крепкий. Схватила и полезла вверх. Сегодняшний день Шторм проведет на глубине, это ли не лучшее время, чтобы наконец разобраться с тайнами проклятого города?

Забравшись на стену, я сползла вниз, держась за плети растений. Получилось на удивление легко, словно я всю свою жизнь только и делала, что лазила по оградкам. Спрыгнув на брусчатку, осмотрелась и медленно пошла вперед. Страха не было. Напротив, внутри поселилось радостное оживление, словно я вернулась домой. И удивление. Чего я так боялась? Этот город бесконечно красив... И он ждал меня.

Я шла по улице и вертела головой, с удовольствием подмечая ранее скрытые от глаз детали. Украшенные резьбой двери домов и железных драконов на месте ручек, деревянных сов на крышах и цветочные рельефы на стенах, невесомые ажурные ограды и мозаичные окошки. Чем ближе к площади – тем сильнее и радостнее билось сердце. Тем красивее становились дома, и я ловила себя на том, что хочу потрогать каменные стены, затянутые мхом и засохшими розами, заглянуть в пустые комнаты, вдохнуть их воздух. Но я шла дальше. И наконец остановилась возле трех мечей. Первый – выдвинутый вперед – о который я когда-то порезалась, и два других за ним, что образовывали правильный треугольник. На ржавом металле по-прежнему блестели выбитые знаки. Но удивительно – сегодня их смысл был вполне понятен.

Разум.

Душа.

Плоть.

Три меча, разделившие сущее, вбившие его в землю Саленгварда, не дающие освободиться...

Рука сама собой потянулась, желая испробовать остроту второго меча. Едва не коснувшись его, я вздрогнула, моргнула. Палец болезненно дернуло. На ржавых мечах снова были лишь непонятные руны, затянутые грязью и почти нечитаемые. Я потеряла виски, пытаюсь сбросить дымку перед глазами.

– Вот же проклятье, – пробормотала я. – Может, прийти сюда было не самой хорошей мыслью...

Но мне надо разобраться с загадками города, иначе как я смогу уехать домой? Повертела головой. Улицы по-прежнему пусты и безлюдны. Всего лишь заброшенные здания, даже по-своему очаровательные. Ничего пугающего или непонятного. Вздохнув, я ступила на лестницу. Она блестела белой рекой, вершина терялась в низком облаке, накрывшем скалу. За его дымкой зеленел малахитовый дворец, и сердце сжалось от желания поскорее его увидеть.

– Ладно. Я просто посмотрю, что внутри, – решила я, делая шаг на ступеньку.

Белый камень стелился под ногами. Один пролет, второй, третий... Вот и сады-террасы, где засохшие горечавка и вереск шелестят на ветру. Вот симметричные колонны, обнимающие скалу – на каждой вырезана в камне история.... А вот и дом. Стены высотой в десять ростов, дубовые двери в золотом орнаменте. Переплетение завитков складывается в песнь о великих риарах, правящих древним и прекрасным городом. Взгляд ползет дальше – в сторону от кованых колец-ручек. Под сухими плетями растений виден разноцветный мрамор, черный сланец и лазурит. Но больше всего здесь малахита. Этот камень да сменившие от времени цвет медные скульптуры вокруг красят все серым и зеленым, штормовым и пасмурным, но столь прекрасным, что сердце стучит барабанной дробью... Цвета вторят морю вдали и напоминают холодные камни под бурной волной...

Я застыла на краешке гладкой ступеньки – последней. Как я прошла всю лестницу и даже не заметила?

Пока я мучилась сомнениями, сверху свалился грязный куль, и я едва не заорала, увидев беркута с пробитой грудкой. Птица открыла и закрыла клюв, но не издала ни звука. И сейчас, при свете дня, она

вовсе не выглядела страшной. Скорее... жалкой. Грязные, местами сломанные перья, сухие лапки, ободранный клюв и торчащая стрела. Чего я так испугалась при первой встрече? Это не чудовище, а одна насмешка.

– Отвали от меня, – прошипела я. – Что тебе от меня надо?

Дохлая птица склонила голову и снова беззвучно открыла клюв.

Я махнула рукой, прогоняя ее. Беркут потерял равновесие и шлепнулся на брусчатку. Неловко поднялся, заваливаясь на бок. И неуверенно попрыгал следом за мной.

Я решила не обращать внимания на такое сопровождение. Наверное, я действительно привыкла к странностям этого города.

Не оборачиваясь, дошла до дверей и толкнула створки.

За ними тенями и малахитовой зеленью раскрывался огромный сумрачный зал. Свет резал воздух бледными полосами, с трудом пробиваясь сквозь узкие пыльные окна. Я закинула голову, рассматривая тяжелый потолок с поперечными балками и несколькими массивными кругами со светильниками, потом опустила взгляд на мозаику пола. Сначала показалось, что под ногами сплетаются две реки – черная и белая, но дойдя до середины, я поняла, что разноцветные камни изображают хёггов. Их хвосты лежали у дверей зала, а вытянутые змеиные головы склонялись друг к другу у единственного предмета мебели – выточенного из камня и железа кресла-трона. Вокруг черного мозаичного дракона высились неприступные скалы, плясали языки пламени и клубились гроззовые тучи, увешанные гроздьями молний. Вокруг белого – низвергались водопады и бились штормовые волны, яростно кидающие на скалы крошечные хёггкары.

Углы зала белели от густо разросшихся грибниц и темнели от плесени. Лишайники свисали с балок словно ведьминское покрывало.

Эхо моих шагов кралось следом тихим шелестом. В этом заброшенном и древнем зале даже эхо казалось маленьким и незначительным.

Добравшись до каменного трона с ржавой железной спинкой, я постояла рядом, а потом осторожно опустилась на вытертый малахит...

...тысячи огней вспыхивают на латунных кольцах. Красно-желтые блики освещают начищенный до блеска пол, оконные стекла,

созданные умельцами Аурольхолла, роскошные гобелены на стенах. И, конечно же, людей. Праздник в самом разгаре, так что все они здесь. Втекают разноцветной пестрой рекой сквозь распахнутые двери. Внизу на площади уже накрыты столы и стоят бочки с хмелем и медом, а здесь, наверху, лучшие потешники и скальды заводят веселый мотив. Музыка взлетает к потолку, а потом снова опадает, вьется среди гостей, съехавшихся со всех земель фьордов. Они все здесь – самые сильные риары и их побратимы а-тэмы. Самые прекрасные девы, затмевающие красотой блеск многочисленных драгоценностей и шелков. Самые прославленные воины и ученые мужи любуются красотами малахитового дворца. Моего дворца!

Поворачиваю голову, встречая взгляд веселых голубых глаз.

– Прекрасный вечер. – Слова звучат негромко, но я, конечно, их слышу. Даже если а-тэм лишь прошепчет, я различу этот шепот.

Хёгг внутри одобрительно рычит. Но сегодня его не нужно успокаивать, и брат с улыбкой смотрит в зал. И особенно на светлооковую Лавинью, прибывшую из Варисфольда.

– Глаза отведи, – смеюсь я. Поднимаю кубок с хмельным медом, скрывая улыбку. – А то не успеешь оглянуться, как ее отец вручит тебе венец нареченной и заставит украсить им лоб своей дочери.

А-тэм хохочет. Блики огней задорно пляшут в золотых волосах и на бляхах его одежды, тают на кольце Горлохума.

– Так, может, я и не против, брат... Надеть венец-то? Где еще такую найдешь? Молва твердит, что нет девы прекраснее...

Я охнула и свалилась с трона, больно ударившись коленками о каменный пол. Мертвая птица, о которой я успела забыть, подпрыгнула, пытаясь сесть на подлокотник, не удержалась и шлепнулась вниз.

– Да чтоб тебя... Чучело летающее! – разозлилась я. Одним махом сгребла отчаянно разевающего рот беркута, обломала торчащую в грудке стрелу, вытащила ее и отшвырнула. Птица осталась на полу, недоуменно вертя головой и поднимая грязные крылья.

Я же села, привалившись спиной к высокому постаменту. И что это было? На несколько мгновений я словно воочию увидела чужой праздник! Наряженных веселых людей, накрытые столы, голубоглазого блондина на скамье рядом. А-тэм великого риара Саленгварда, вот кто это был. В этом городе риары веками ловили

души черных хёггов, а э-тэма выбирали из водных. Так было заведено, так длилось много лет... Так случилось и при последнем риаре, прозванном потом Проклятым.

Вот только... откуда я все это могу знать?

Паника на миг окатила холодной волной, и я вскочила. Мира, да что с тобой вообще происходит?

Я вижу события чужой жизни. Воспоминания, которые мне не принадлежат. Это... память риара. И началось все с крови, оставленной на мече. Надо это прекратить! Вот только как? Чего хочет от меня этот город?

Я постояла, тяжело дыша. Малахитовый зал был все так же тих и пуст, только в углу замер беркут. Но к его обществу я уже даже привыкла. В лучах света медленно танцевали пылинки. Я прищурилась со злостью. Ну уж нет! Меня не запугать какими-то древними проклятиями!

– Даже не мечтай! – пробормотала я, обращаясь неизвестно к кому. – Чего ты от меня ждешь? Чего хочешь?

Каменный зал, конечно же, не ответил.

И что мне делать теперь?

– Ладно, надо осмотреться, – негромко произнесла я.

Обошла трон, не решаясь снова к нему прикасаться. Снаружи дворец выглядел огромным, но я не видела коридоров, ведущих из единственного зала. Как попасть в другие помещения? Может, стоит поискать за истлевшими гобеленами, которые все еще висят на стенах?

Не придумав ничего лучше, я провела ладонью по холодным камням. И шарахнулась в сторону, когда они раздвинулись, образуя проход!

– Да чтоб вас! – с чувством прошептала я, глядя в темный провал. Камни просто открылись под моей рукой. Но это ведь невозможно! – Там был тайный механизм? Вот точно был! Камни ведь не могут двигаться лишь от одного моего желания, верно?

Коридор, открывшийся по этому самому желанию, опровергал доводы логики. Камни просто расступились, когда я об этом подумала! Так легко, словно были смазаны топленным маслом! Без скрипа даже!

Я снова выругалась. Но шепотом.

Оглянулась на дохлую птицу, но она лишь беспомощно вертела головой да поднимала крылья.

– Все в порядке, Мира. Здесь тоже пусто. Хватит паниковать. Надо понять, что происходит. А ты ничего не поймешь, если так и будешь тарашиться на эти камни! Вперед!

Убедив саму себя, я осторожно вошла в коридор и двинулась по проходу. Беркут ковылял сзади, похоже, это чучело забыло, что у него есть крылья. Но сейчас я была рада даже такой сомнительной компании. Извилистый туннель оказался коротким и вывел меня в другой зал. Но совершенно иной! Если в малахитовом великолепии все дышало древней роскошью, то здесь было проще и как-то... уютнее. Хотя и эти комнаты коснулась рука беспощадного запустения. Окна без витражей освещали небольшое помещение с холодным очагом, лавками и столом в центре. В углу завивалась широкая деревянная лестница на второй этаж. Здесь разместились личные покои. Я обошла несколько спален с остатками мебели, а потом ноги сами собой привели к выходу на железный мост. Ажурные перекладины висели в воздухе между скал.

Я прошла по ним, стараясь не смотреть вниз, и уткнулась в каменную стену.

– Так. Не знаю, как это работает, но... откройся!

Приложила руку к кладке и... Ничего не произошло.

Я посмотрела на птицу, которая остановилась в шаге от меня. Снова на камни. Осторожно постучала.

– Э-э... откройся, пожалуйста?

Снова мимо.

– Откройся, приказываю? Именем Первородженных? Открывайся, чтоб тебя разорвало, упрямая каменюка?

Беркут неуверенно вспорхнул на ограду моста, покачался, балансируя. И заинтересованно склонил голову.

– Я знаю, звучит глупо, – с досадой сказала я. – И не надо так на меня смотреть! Может, в малахитовом зале мне все почудилось? Ну не могут камни раздвигаться лишь потому, что я это представила... Ааах, чтоб вас!

Камни раздвинулись. И на этот раз здесь точно без всяких механизмов! Новый проход привел меня в круглую башню. Окон здесь не было, но стоило войти, как на стенах тускло заалели причудливые светильники. Огонь в них разгорался неохотно, словно просыпался после долгой спячки. Каменные стены опоясывали полки,

наполненные бронзовыми табличками, книгами в железных переплетах и деревянных окладах, свитками и кожаными рулонами с устрашающими печатями. А еще – пустыми ржавыми клетками. Внизу громоздились широкие столы, почти целиком скрытые под горами истлевших записей, латунных механизмов, новых клеток и чертежных инструментов.

Сердце забилося с удвоенной силой. Словно я вернулась домой.

Осторожно коснулась широкой колбы на столе. Палец прочертил на пыльном стекле дорожку. Я посмотрела на свою руку и...

...раздраженно отдергиваю сползающий рукав. Темное стекло отражает недовольное лицо: драгоценный обруч риара, сдерживающий темные волосы с проседью, узкое лицо, крупный нос, гневно поджатые губы и паутину морщин у них. Когда они появились? Кажется, еще вчера я был юнцом?...

Поднимаю руку, и огонь светильников послушно тянется к пальцам. На столе исходит паром голова железного коня, бронзовые шестеренки со скрежетом бьются друг о друга. Железный зверь, еще вчера споро цокавший копытами по площади, сегодня свалился наземь, беспомощно дергая длинными ногами и распугивая жителей Саленгварда! И это уже не впервой! Не прошло и трех дней, как рухнули со скалы механические тяжеловозы, ранее исправно таскавшие телегу с малахитовой рудой! Но что с ними случилось? Что не так?

Задумчиво сгребаю со стола позолоченного зяблика. Искусно сделанная птичка еще недавно радовала трелью, а сейчас это лишь бесполезный кусок железа! Который больше не отзывается мне. Мне, риару Саленгварда! Самому сильному риару земли озер и скал! Да я двигаю горы, лишь пожелав того! Я способен стереть скалы с лица земли, наслав на них убийственную грозу! Я...

С размаха швыряю птичку о стену, и зяблик со звоном разваливается на куски. Бесполезная подделка! Моя сила больше не заставляет железных птиц петь, а коней – ходить. Моя сила...

Смел со стола все. Колбы, железо, свитки – все покатилося, звеня и ломаясь. Подделки, подделки, подделки! Ни на что не годные подделки! Но я близко! Я близко! Я уже ощущаю хмельной вкус победы! Я изучил почти все! Тайные ритуалы вельд и чары морских морей, кровавые обряды черных клинков и боевые напевы Воинов-в-

Медвежьей-Шкуре, дурманящие травы великанов из-за леса и колдовство сновидцев из пустоши... Моих знаний хватит и на сотню риаров, но главное... главное – я познал учение о живых механизмах и железных тварях, созданных затуманными людьми.

Я знаю так много! Я почти сумел...

– Ты должен остановиться. – Голос позади не заставил меня оглянуться.

Зачем? Я знаю, кто стоит за спиной, с осуждением глядя на дело рук моих. Он всегда там стоял, сколько я себя помню... Даже кольца Горлохума мы надели в один день. И как было положено, я вернулся с душой черного хёгга, а он – окольцевал водного. Он тот, кто клялся меня защищать и беречь – больше, чем себя. Мой проклятый а-тэм.

– Я тебя не звал, – пытаюсь успокоиться, но ярость зверя уже окрашивает мир чернотой. – Я запретил тебе приходить.

– Мне не нужно разрешение, – холодно цедит он.

Я сдерживаю зубовой скрежет – с трудом. Мне достался сильный защитник. Под стать мне.

Раньше я этим гордился.

Нынче... нынче все иначе.

– Ты должен остановиться. Варисфольд обеспокоен тем, что происходит в Саленгварде. Все фьорды... обеспокоены.

Я все-таки поворачиваюсь. Все-таки смотрю в его глаза. Все еще яркие, как летнее небо. Раньше в них были веселье и одобрение. Теперь – злость и усталость.

Это ранит...

– Когда твой старший сын поймал вражескую стрелу, ты просил меня помочь. – Слова падают тяжелой рудой. – Когда твой младший сын не сумел одолеть душу хёгга, ты снова пришел ко мне за помощью. Когда светлоокая Лавинья упала в ущелье и даже Зов не смог исцелить ее, ты снова был здесь. Снова просил.

– Я лишь хотел защитить их! Спасти! Сохранить их жизни!

– И я делал то, чего ты хотел, ведь так?

– Я не знал какой ценой! Я ошибался, – глухо произнес а-тэм. – У каждого из нас свой путь и свой срок. И решать не нам. Не тебе, мой риар.

В его голосе столько страдания, что я чувствую боль в груди. Он все еще дорог мне... У моего а-тэма была семья и любящая дева, а у

меня всегда был только он...

– Почему же не мне? Я знаю больше, чем другие...

– Твои знания погубят нас всех!

– Они нас всех спасут!

– Никто не желает такого спасения! Ты споришь с Перворождёнными и с самой судьбой! Они накажут нас. Уже наказывают... Пусть все закончится! Прекрати это...

– Убирайся, – уже прорывается рычанием ярость хёгга. Нельзя призывать его в башне, надо потерпеть...

– Ты создаешь железных зверей, но они ломаются. Ты создаешь новых и новых, но все это... все это безумие! Чего ты хочешь добиться? Люди правы, скалы умирают. Земля умирает! Третью весну не расцветают деревья. Даже не отзываются... Ты разве не видишь? Все гибнет! И твои поделки не желают жить! Потому что они никогда не были живыми! Оставь свое учение, оно лишь убивает тебя! Послушай...

– Ты обещал умереть за своего риара!

– Я обещал защищать его! Защищать тебя! – А-тэм уже кричит. – И я делал это много лет! Но сейчас... Я слышу воды. И даже они злятся! Люди бегут из города, а ты заперся в этой башне! Очнись! Остановись!

– Ты просто глупец! Вы все! Я создаю грядущее для нас обоих! Для всех фьордов! И я уже близко! Новый способ решит все проблемы, это нечто невероятное! Вечность больше не властна над нами! Не мешай мне...

Он замирает в шаге от меня. Прошедшие годы почти не оставили следов на лице моего а-тэма. Его тело по-прежнему налито силой и гибкостью. Но он больше не верит в меня.

– Я не мешал, когда ты приказал свергнуть с горы статую первого хёгга и изваять на его месте лик человека. Твой лик! – со злостью кидает он. – Не мешал, когда ты решил, что человек важнее Перворожденных. Важнее всех на землях озер и скал. Я не мешал, когда ты создавал мертворождённых железных тварей и заполнял ими Саленгвард. Я не мешал многому, но теперь жалею об этом. Ты безумен. А я...

Он на миг ссутулится, словно невыносимый груз давит к земле широкие плечи. Но тут же выпрямляется. Вскидывает голову.

– Я выполню свой долг, мой риар. Спасу тебя. Спасу Саленгвард.
– Что ты задумал, глупец?
– Совет Ста Хёггов решит твою участь, – в его голосе тлеет усталость.

– Ты не посмеешь!
– Я уже посмел. Скоро Совет будет здесь. И я впущу их.
– Думаешь, я на это соглашусь?
– Люди больше не хотят за тебя сражаться, мой риар. Скоро Совет прибудет в Саленгвард. И да пощадят нас всех Перворожденные...

Он отворачивается и идет к двери. Совет Ста Хёггов... я не могу пустить их в мою башню! Нельзя, чтобы они увидели... узнали! Предатель! А-тэм предал меня! И жители города тоже предали!

Они не хотят сражаться за своего риара? Что ж...

Они сделали свой выбор.

Я тяну руку к мечу, который все еще мне верен. Но опускаю ее. И когда а-тэм уходит, сбрасываю тяжелую ткань с клетки, достаю мелкую пичугу. Живое сердце испуганно колотится под пальцами. Живое для мертвого. Мертвое для живого... Оборачиваюсь к разбитому железному зяблику. Скоро он снова будет петь...

...Я отшатнулась от стола. Поморгала, глядя на ладонь. Порез не открылся, но под кожей растянулась черная сеть. Я зашипела, сжала кулак, оглянулась, почти ожидая увидеть широкую спину уходящего а-тэма. Но конечно, там никого не было. Вокруг меня лишь зарастала черной плесенью старая башня, заполненная пыльным хламом. Проклятие снова наградило меня чужим воспоминанием. Но зачем? Чего от меня хотят?

– Я ничего не понимаю, – мрачно сообщила я беркуту, который скакал по столу. Заваливаясь на бок он перестал и, похоже, это открытие радовало птицу. Если мертвое и непонятно как двигающееся существо вообще может радоваться!

Обвела взглядом башню. Старый хлам, непонятные воспоминания. И головная боль, зарождающаяся в висках. Что мне со всем этим делать? А главное, как избавиться от привязки к Саленгварду? Память давно умершего риара не дала никакого ответа. Да это не память вовсе, а лишь крохи. Несколько мгновений чужой жизни.

И все же... что он сделал, этот Проклятый риар? В его воспоминаниях не было ничего пугающего, но меня колотила нервная дрожь. И один взгляд на радостно скачущего беркута, у которого сквозь перья виднелись ребра, подтверждал мои догадки.

– Он придумал нечто противоестественное, – пробормотала я, переводя взгляд с пустых клеток на ржавые механизмы. – В моем мире люди научились делать железные машины, и риар изучал это искусство. Но этого ему было мало. Он желал большего. Желал управлять самой жизнью.

Потерла пульсирующие виски. Ноющая боль разрасталась, заполняя голову. Пора возвращаться. Но сначала надо найти еще кое-что.

Я вернулась на ажурный мост, и каменная кладка закрылась за спиной, едва не прищемив хвост ковыляющему следом беркуту.

– А быстрее надо лапами шевелить, – ответила я на его возмущенно открытый клюв. И хмыкнула. Боги, я разговариваю с летающим чучелом! Вот уж дожилась! Повертела головой, пытаюсь сообразить, где именно находится пещера. Где-то наверху, в центре скального барельефа. Как раз там, где у изображенного в камне риара должно быть сердце.

Двинулась осторожно.

Камни расходились передо мной медленно, сонно, образуя то короткие коридоры, то длинные и узкие туннели. Иногда камни даже складывались в подобие лестницы, словно скала подставляла себя, помогая пройти. Это было странно, волнующе и совершенно невероятно. Где-то в глубине души я даже не совсем верила, что это действительно происходит.

Местами двигаться пришлось на ощупь, ламп внутри скалы, к сожалению, не развесили. Так что, увидев впереди тусклый свет, я почти побежала, а потом... оказалась в той самой пещере. Обвалившиеся камни образовали неровное окно, в котором виднелись крыши Саленгварда.

Легкий ветер едва слышно шелестел на камнях и оглаживал белесые кости.

Очень медленно я подняла голову. И поняла, что стою внутри свернувшегося кольцом драконьего скелета. Я прошла сквозь его ребра и оказалась в сердцевине. Огромный череп лежал на когда-то

сложенных передних лапах, тонкие и вытянутые кости крыльев шатром прикрывали то, что издалика я приняла за черную дыру.

Опустившись на колени прямо в мелкую каменную крошку, я нагнулась, всматриваясь в черноту внутри дракона. То, что он охранял даже после смерти. Тьма лежала дегтярным озером – застывшим и безжизненным, не отражая свет и не давая бликов.

Я подалась вперед и вытянула шею. Казалось, что чернота покажет мое отражение, словно сумрачное зеркало, но тьма осталась лишь тьмой.

Я снова подняла голову, всматриваясь в пустые глазницы мертвого хёгга. Возникло жуткое ощущение, что он тоже на меня смотрит. Не просто смотрит – разглядывает. Внимательно и остро. Но это ведь тоже было невозможно. Так же невозможно, как нахохлившееся в углу чучело беркута. Как живая гора, прокладывающая для меня коридоры. Как все по эту сторону от Тумана.

– Зачем я здесь? Чего вы от меня хотите? Я не понимаю.

Тишина не ответила. Даже эхо моего возмущения слизало царившее здесь безмолвие.

Я еще постояла, ожидая новых видений или каких-то подсказок, но их так и не последовало. Как и понимания, что делать дальше с проклятием Саленгварда. Вздохнув, я поднялась. И понадеялась, что гора так же послушно меня выпустит, как и впустила.

Вот только неужели я уйду с пустыми руками. Вот ведь он – клад! Тот самый, который я так хотела заполучить! Я с сомнением осмотрела скелет. Вытянутый литой череп, огромные дуги ребер и массивные кости позвоночника. Стекающая вода стачивала кусочки левого крыла, прижатого к стене пещеры. Но чтобы оторвать крупный кусок, мне понадобится как минимум топор.

На миг я увидела в голове эту картину – я, заносщая огромное лезвие над тем, что некогда было лапой дракона. И меня затошнило. Милостивые Перворожденные! Я никогда не смогу этого сделать. Я не решусь отпилить даже крохотный кусочек хвоста! Теперь я понимала омерзение на лице Шторма. Для него создание пепла это почти... каннибализм!

Это просто отвратительно.

– Отлично, – пробормотала я, глядя в пустые глазницы Вёльхона. – теперь я в полнейшем тупике. Я не могу отдать долг

конухму и не могу покинуть этот берег. Я запуталась и совершенно ничего не понимаю. Что мне теперь делать?

Останки хёгга, конечно, мне не ответили. Так что я еще раз с сожалением осмотрела скелет, вздохнула и пошла искать выход.

Глава 20

Шторм скрутил рубаху, стоя по колено в воде. Подошедший Эйтри застыл на кромке воды, негодуяюще скривился при виде ильха, стирающего свою одежду. Потомок снежных риаров, изгнанный из Аурольхолла, считал, что это работа для дев и пленников. Но Шторм на его негодование лишь хмыкнул.

– Говори уже, – глянул он через плечо, прищурился от слепящего, уже совсем летнего солнца.

– Твоя лильган ходила в проклятый город, – в голосе Эйтри звенели снежные вершины.

Шторм ослабил хватку, чтобы не порвать рубашку. У него было не так много одежды, чтобы портить ее от каждой плохой вести. Бросил постиранное в деревянную лохань, медленно повернулся к Эйтри.

– По земле?

Тот кивнул. Нахмурился, размышляя. И Шторм понял, что это еще не все.

– Она поднялась наверх, Шторм. И смогла войти в ворота риара. Ты знаешь, что это значит. Саленгвард зовет ее, и она откликается. Ты обязан ее остановить, пока дева не сделала то, за что придется расплачиваться нам всем!

От злости Эйтри ступил ближе, и волна, только и поджидающая, чтобы достать ильха, окатила его ноги морской водой. Эйтри зашипел ошпаренным котом, дернулся в сторону. Выругался сквозь зубы. И поднял взгляд единственного глаза на молчащего Шторма. Тот по-прежнему смотрел вдаль, и было невозможно понять, о чем он думает. И все же Эйтри знал этот прищур и заострившиеся скулы. И потому сделал осторожный шаг назад. Уже не от шаловливой воды, а от застывшего Шторма.

– Я могу... разобраться с девой, – подумав, неуверенно уронил он.

– Не приближайся к ней, Эйтри.

Шторм не повысил голос, но его друг поежился. Лед в голосе Шторма он тоже знал и понимал, что сейчас лучше уйти. Но все же остался.

– Тогда сделай все сам, Шторм, и сделай сегодня же. В этом деле нельзя медлить. Да ты и сам знаешь. И нельзя поддаваться... чувствам. – Волна – уже не игривая, а злая, темная, лизнула сапоги Эйтри, пытаясь намочить и штаны с рубахой. Но на этот раз ильх не обратил внимания. Слишком беспокоило застывшее лицо друга.

– Да, я знаю.

– Один раз ты уже поддался голосу сердца, а не разума. И это плохо закончилось. Слишком плохо для тебя. И для...

Шторм мотнул головой, глянул в упор, и Эйтри осекся. Но упрямо продолжил:

– Ты не можешь позволить себе уязвимость. И чувства.

– Зачем ты это говоришь?

– Я вижу твой взгляд, когда ты смотришь на эту девчонку! И вижу в нем отражение той жизни, о которой ты гредишь. Но это не для таких, как мы, Шторм. Не будет никакой тихой гавани, будет лишь вот этот пустой берег и разбитые хёггкары в тени проклятого города. И это не место для любви и жалости. Не место для милосердия. Не место для будущего. Длинный день для выживания, короткая ночь для утехи. И ничего более. Последний Берег берет все и ничего не отдает, помнишь? Ты сам это сказал.

– Я ничего не забыл.

– Но ты стал желать большего!

Потемневшая вода уже окатила Эйтри с головой, но он не сводил взгляда со Шторма. Лохань выкинуло на берег, ткань рубахи трепыхалась, зацепившись за корягу. Но ильхи не обращали на это внимания. Они застыли друг напротив друга. Злой, еще более бледный чем обычно, сжимающий кулаки Эйтри и безучастный с виду Шторм. Лишь вода вокруг него заворачивалась водоворотом.

– Дев много, – глухо уронил беловолосый ильх. – На берегах фьордов, на слишком медленных хёггкарах. Бери любую. А потом забывай там, где взял. Как ты делал всегда.

– Эта дева иная.

– И что же? Ее судьба решена. И твоя тоже. Иной уже не будет! Вот она – наша жизнь!

– Ты называешь это жизнью? – усмехнулся Шторм.

– Лучше, чем разрубленная грудина и вывернутые наизнанку ребра! – Эйтри со злостью ткнул пальцем в рисунок на щеке

Шторма. – Один шаг на сушу городов, и тебя убьют, сам знаешь. Варисфольд назначил за тебя награду. А дева...

Эйтри осекся, постоял, сверля друга льдом и янтарем в глазах. Нахмурился.

– Ты сам сказал, что казнить – не моя обязанность. Она услышала Зов Саленгварда и откликнулась на него. Она чужая, а мы – нет. Не рискуй нами, Шторм.

– Иди, Эйтри, – негромко отозвался Шторм. Вода вокруг него успокоилась, легла тихой гладью. И беловолосый ильх – мокрый с головы до ног – выглядел в этом спокойствии, как обгаженный кот. Зло фыркнув, Эйтри-Янтарь развернулся и ушел. Он не жалел о сказанном. И знал, что их жизнь уже нельзя изменить. А значит – и пытаться не стоит.

Не успела я выйти к разбитым хёгткарам, оставив позади Саленгвард и отчаянно разевающего рот беркута, как ко мне подлетел растрепанный Брик и всучил увесистый сверток.

– Альва велела передать. Сказала потом вернуть в целости. И еще сделать то, что обещала, – запыхавшись, отчитался мальчишка.

Да ничего я не обещала! Но, похоже, у беловолосой девы свое мнение на этот счет.

Я хотела расспросить Брика о предстоящей ночи и том ажиотаже, который она вызывала, но мальчишка вывернулся скользким угрем и куда-то унесся.

Я же осталась возле «Медузы» со свертком в руках. Что это такое? Похоже... Похоже, что-то из шелка и бархата. Наряд?

Да, это был он. И развернув ткань, я не сдержала восхищенного вздоха. Синее и золотое, словно прекрасная летняя ночь. Словно небо, усыпанное звездами.

Я погладила ткань, наслаждаясь ощущением шелковистой мягкости. И внезапно ощутила обиду. Мне вот такой наряд никто не подарил! Хотя разве кто-то обязан обеспечить меня расшитым шелком? Мне дали одежду – теплую и удобную, меня кормят и даже оберегают. А шелка и украшения дарят тем, кого любят. Ну или тем, с кем проводят ночи.

А я здесь... почти что Ирган!

Но ведь этого я и хотела? Быть сильной, смелой, яростной! Не быть слабой... Или по крайней мере, никому свою слабость не показывать. А вот Альва совсем другая, и свою женскую слабость применяет как оружие. И кажется, вполне этим довольна. Так, может, мне стоит хотя бы попробовать быть такой же?

– Возможно, Шторм вообще сегодня не явится, и ничего пробовать мне не придется, – пробормотала я, поднимаясь на «Медузу». Моя пыльная одежда упала на пол. Умывшись, я облачилась в шелк. Скользящая ткань обняла тело соблазнительными волнами, заплескалась у ног. Декольте оказалось глубоким, а никакого белья такое платье не предполагало. Я вздохнула, посмотрев на свою грудь. На прикосновение шелка тело отреагировало, как на ласку. Может, стоит взять плащ? На дне свертка нашелся осколок странного льдистого зеркала и две склянки с густыми жидкостями – темно-синей, почти черной, и карминово-красной. Краска для глаз и губ – сообразила я. Альва подошла к вопросу моего преображения со всей серьезностью.

Хмыкнув, я накрасилась, потом тщательно расчесала волосы. Большого зеркала на «Медузе» не было, а мне так хотелось рассмотреть свой новый образ! Увы, туфли мне не достались, но волны синего шелка надежно скрыли ботинки.

Пока я возилась с нарядом, Последний Берег окутали сумерки. Луна еще не взошла, но у таверны Наны загорелись вечерние костры, приглашая на ужин.

Я погладила нежный шелк платья, ощущая внезапную робость. На миг захотелось стянуть этот королевский наряд и надеть свой привычный. Смыть краску с лица, завязать волосы в хвост. Снова стать ядовитой Мирой, Мирой – воином.

Морской ветер принес смех и голоса ильхов, которые уже собрались у огня. И я подняла голову. Ну уж нет! Сегодня не будет воина.

Сегодня будет дева.

Мира-дева. Мира-волна.

Накидку брать не стала. Я повыше подняла голову, спустилась на землю и пошла к уже собравшейся толпе. Плотный тяжелый шелк облегал мою грудь, обрисовывал при движении ноги и плескался у ступней, словно и правда был морской волной. Теплый вечер радовал

полным штилем, словно даже море не хотело мешать празднику. Возле таверны горели костры, и ильхи пока не видели меня, скрывающуюся во мраке. Я успела рассмотреть, что все они сегодня принарядились, похоже, Лунная Ночь действительно большое событие. На Торферде-Коряге красовался алый бархатный жилет, его борода была заплетена в аккуратные косицы и украшена бусинами, камушками и ракушками. Ирган повесил на шею несколько серебряных цепей, а конухм едва не сгибался от обилия золотых. Эйтри, который и раньше предпочитал мех и бархат, сегодня выглядел принцем в изгнании – весь в тяжёлой расшитой парче. Каждый ильх Последнего Берега блестел и сверкал, словно готовился ко встрече со стаей сорок. И удивительно, но сегодня обитатели бухты пришли на берег без оружия. Многочисленные ножи, топоры, мечи и секиры остались на хёггках. Так что я немного смутилась, пряча в складках шелка свой нож, с которым уже не расставалась. Местные девы тоже нарядились, но выглядели куда спокойнее взбудораженных мужчин. Пожалуй, лишь один Ульф остался в привычной серой одежде. Впрочем, у недавнего пленника, вероятно, и не было другой.

Где-то уже тренькала струна и звенел выгнутый медный круг, который здесь использовали как музыкальный инструмент.

Все еще оставаясь во тьме, я обвела взглядом толпу, но Шторма не увидела. Может, он так и не вернулся со дна моря? С чего Альва взяла, что сегодня хёгг непременно будет на берегу?

– Хвирн, отойди, – словно в ответ на мои мысли прозвучал вдруг спокойный и такой знакомый голос. – Ты мешаешь пройти.

– Кому? – не понял ильх, стоящий ко мне спиной. Но послушно двинулся в сторону, открывая передо мной широкий проход в кругу света.

И я вступила в него. Я шла, и голоса замолкали. Стихал смех. Головы поворачивались в мою сторону. Кто-то присвистнул. Кто-то ахнул. Кто-то издал восхищенный возглас. А кто-то – завистливый.

Но я не обращала на все это внимания. С другой стороны костра стоял Шторм. Он все-таки покинул глубины, хотя его волосы все еще были влажными. Ссадина на лице затянулась, оставив лишь белесый шрам. На ильхе не было украшений, а из одежды он выбрал темные штаны и черную рубаху с белой строчкой у горла.

И он смотрел на меня. Все время, пока я шла сквозь чужие взгляды и искры разделяющего нас огня. Сквозь шепот и помыслы, сквозь сумрак и музыку. Двадцать шагов, растянувшиеся на века.

Последний Берег исчез. Ильхи и девы, таверна Наны, дома-хёггкары и малахитовый Саленгвард. Все исчезло. Осталось пламя костра и влажный песок. Теплая летняя ночь и скользкий шелк моего платья. Гладь моря и аромат травы.

И мужчина, к которому я шла.

А больше не осталось ничего.

Пламя костра снова плясало в глазах Шторма, и его взгляд менялся. С каждым моим шагом. С каждым его вздохом. А потом он оказался рядом.

– В Лунную Ночь принято дарить подарки, – негромко сказал он. – Спасибо за твой, Мира.

Я не успела ответить, потому что ильх поднял руки – и в вырез платья легло украшение. Тонкая серебряная нить и одна золотистая каплевидная жемчужина.

– Но я...

– Это просто дар, Мира, – тихо сказал ильх. – Частица со дна моря, у берегов которого я вырос. Это красивый край, лильган, жаль, что я не смогу тебе его показать. Но я хочу, чтобы крупица моего дома была у тебя.

Я растерянно кивнула, коснулась подвески рукой. Удивительно теплая...

– Эй, разве Лунная Ночь уже началась? Это что за дивная дева? Неужели наша ядовитая беглянка? – крикнул кто-то рядом.

Кажется, Ирган... И все вернулось – голоса, смех, люди. Конечно, они всегда были здесь, просто я на какое-то время о них совсем забыла.

– Хмель, хмель!

Кто-то всучил Шторму огромный кубок с напитком. Ильх усмехнулся и выпил залпом. Вокруг захохотали, загомонили, до небес взвилась музыка. Мне тоже сунули в руки угощение, но я выпила лишь немного. Но и этого хватило, чтобы обжечь горло и затуманить разум. Полетел разноцветный хоровод лиц, ярких тканей, белозубых улыбок, наполненных кубков и лепешек с мясом и сыром. Все ели, пили и

хохотали, и это веселье туманило голову. Последний Берег бурлил, словно разноцветное, хмельное море.

Дева, имени которой я даже не знала, потянула меня танцевать. Я не знала местных плясок, но пошла. Даже Нана топталась рядом, пыхтя, словно пробуждающийся вулкан. Шаг вперёд, шаг назад, шаг в сторону... По-во-рот! Взрыв хохота. И снова... Я кружилась, зная, что шелк плещется вокруг ног, и что это красиво. Зная, что на меня смотрят и любуются. Танец оказался совсем несложным, я повторяла с легкостью. К тому же я всегда любила танцевать. И я двигалась в яркой толпе, заставляла платье развеиваться и плескаться волной. В моей душе пробуждалось что-то невероятное. Что-то неизведанное. Пугающее и настолько прекрасное, что я боялась об этом думать. По рядам ильхов кочевали кубки и тарелки с жареным мясом, но мне совсем не хотелось есть. Лишь плыть по волнам веселья и радости, разливающейся вокруг.

Иногда я замечала Альву и ее внимательный взгляд. Рядом с девой стоял Эйтри, и поговорить нам не удалось бы, но сейчас я этому лишь порадовалась. Мне совсем не хотелось портить праздник.

Я посмотрела на смеющихся варваров и вдруг подумала, что могу быть счастлива. Здесь, на этом берегу. Вдали от дома, среди людей, о которых ничего не знаю. Возле воров и убийц, среди отверженных и проклятых.

Рядом... с ним?

Какие страшные, страшные мысли... Это все хмель!

Снова взвилась музыка, на этот раз неторопливая и золотая, словно сладкая медовая капля. И кто-то мягко притянул меня к себе. Легкий, почти незаметный запах моря и древесины пощекотал ноздри.

— Ты такая красивая, кьяли, — шепнул он. — Красивее, чем море.

Наши взгляды встретились.

Шторм смотрел на меня, и показалось, сейчас он скажет что-то важное. Прекрасное и неотвратимое, как надвигающаяся буря... И это утянет меня на дно, от которого я уже никогда не смогу оттолкнуться...

— Потанцуешь со мной?

Музыка пленила. Шторм сжал обе мои ладони и сделал шаг в сторону, ведя за собой. Я послушно потекла следом. Незатейливые движения едва ли можно было назвать танцем, мы просто держались

за руки и качались из стороны в сторону. Но похоже, обитателям бухты все это нравилось.

– Красивое платье. Не видел его в своих сундуках, – с улыбкой произнес ильх. Его пальцы чуть крепче сжали мои.

И мне бы сказать, что наряд одолжила Альва, но в меня словно бес вселился! Склонила голову, улыбнулась лукаво.

– Может, ты плохо смотрел?

– Или его подарил кто-то другой?

– Или так, – рассмеялась я, наслаждаясь игрой.

– Ты меня дразнишь, Мира?

– Разве я могу? – весело ответила я и кивнула на его шрам. – Похоже, море тебя излечило?

– Оно прибавило мне сил. – Шторм тоже улыбался.

– Чтобы танцевать всю ночь до упада и пить хмель? – подмигнула я, а ильх рассмеялся.

– Вот плясун из меня так себе... – Он вдруг остановился посреди смеющейся толпы и потянул меня в сторону. – Идем. Хочу кое-что тебе показать.

– Что?

– Это подарок.

– Еще один?

Мы выбрались из круга костров и дошли до одиноко растущего деревца. Шторм привалился плечом к стволу, сложил руки на груди и задумчиво посмотрел наверх. Я замерла рядом.

– И что я должна тут увидеть?

– Подожди немного. – Ильх с рассеянным видом осматривал ветки. Звезды насмешливо перемигивались, словно смеялись. Свет костров золотил сумрак ночи. – Знаешь, раньше я такого не делал. Надо подумать...

– Какого такого? – не сдержалась я.

– Ты самая нетерпеливая дева на земле, – вздохнул Шторм и снова посмотрел наверх. – Хм. Мне казалось, что это гораздо проще...

Я переступила с ноги на ногу.

– Может, вернемся к огню?

– Думаю, ты должна мне помочь.

– Я?

– Да. Мне нужно больше... мм... заинтересованности. Может, поцелуешь меня? Уверен, это поможет.

– Вот еще.

– Злая дева. Ладно, тогда дай руку.

Я засомневалась, уж очень коварной была улыбка Шторма. Зачем все это?

– Ты мне не доверяешь? – Он поднял бровь со шрамом в деланом удивлении. – Ну же, Мира. Просто дай свою руку.

Ну хорошо.

Я протянула сразу обе ладони, и он сжал их теплыми пальцами. Все еще глядя мне в глаза.

– Так я и думал. Конечно, лучше бы ты снова засунула язык в мой рот, но это тоже неплохо.

– И что теперь? Чего мы ждем? – почему-то шепотом спросила я.

Шторм негромко рассмеялся и снова посмотрел вверх. Я повторила за ним. Моргнула. И ахнула.

– Боги... Но так не бывает!

Ветви дерева на моих глазах покрывались цветами. Почки набухали и лопались, выстреливая тонкие, почти прозрачные лепестки, раскрывались бутонами, наливались белоснежностью и ароматом, пока все-все дерево не стало похоже на душистое облако. И теперь мы стояли в самой его сердцевине, окутанные коконом из лепестков.

Я моргнула. Потом еще раз. И еще.

– Мира, ты ведь не собираешься заплакать? – с мягкой насмешкой спросил Шторм, и я помотала головой.

Вообще-то как раз это я и собиралась. Но все-таки сдержалась.

– Я думал, тебе понравится.

– Мне нравится! – Слова получились сиплыми из-за застрявшего в горле комка. – Просто мне никогда не дарили целое дерево, расцветающее на моих глазах. Если честно, я не думала, что такое... возможно.

– Водным хёггам откликается не только волна, – погладил он большим пальцем мою ладонь. Белые лепестки мягко опадали на наши плечи. словно ароматный летний снег. Моя нежная неснежная метель...

Я снова моргнула.

Шторм мягко потянул меня к себе.

– Я хочу, чтобы у тебя остались воспоминания, кьяли, – шепнул он у моего виска. – Не только плохие.

Я замерла в его руках. Лепестки кружились, дурманя голову.

– О Последнем Береге. Обо мне.

Воспоминания... Их уже накопилось больше, чем за всю мою жизнь. И они удивительные. Порой пугающие. Порой сводящие с ума или даже безумные. Но точно не плохие. Вот только сердце сжимается, когда он говорит это. Говорит о том, что будет потом. Без... него?

Я прижалась щекой к грубому полотну черной рубахи с белой строчкой у горла. Совсем рядом, в нескольких шагах от нас, веселился Последний Берег, взлетали к небесам смех и музыка. А здесь, за цветочной занавесью, остались лишь мы.

– Мира?

Он слегка отстранился и поднял пальцем мою голову, чтобы заглянуть в глаза. В штормовой зелени таяли белые лепестки...

– Это лучший подарок в моей жизни, – сказала я.

– Да. – отозвался Шторм. – Это лучший подарок в моей жизни. Ведь я...

Он не договорил, совсем рядом заорал Торферд:

– Луна восходит! Гасите костры! Скорее! Шторм, где ты? Што-о-орм! Где ты-ы?

Я обернулась на берег, виднеющийся сквозь ветви и цветы. Ильх со вздохом отодвинулся.

– Иногда мне хочется прибить этого громилу. Что ж... надо возвращаться.

Он постоял еще миг, грея мои пальцы. И вышел из ароматного кокона.

Цветущее чудо осталось в сумраке ночи, мы вернулись в круг света. Правда, ильхи уже торопливо затапывали пламя, позволяя ночи воцариться в бухте.

И все смолкло. Музыка, голоса, смех. Шторм куда-то пропал, скрытый мужскими спинами.

Женщины споро собрали разбросанные кубки и блюда, а потом двинулись в таверну, откуда пахло ароматными пирогами. Нана ухватила мой локоть, блестя веселыми глазами.

– Идем с нами, милая, испробуешь мою наливочку, для особых дней храню!

– Но...

Нану дернули с другой стороны, захмелевшие девы, смеясь, потекли к открытым дверям, отвлекая от меня великаншу. И я мягко увернулась, отступила в тень. Осмотрелась.

Еще недавно бурлящий берег опустел.

Ничего не понимая, я обернулась в сторону моря и обомлела. Такой луны я не видела никогда. Она была нереальная. Огромная, серебряная. Она могла поспорить с самим солнцем! Рваные облака медленно расползались, обнажая сияющий диск полнолуния. И на гладком зеркале моря медленно рождалась тропа. Из глубины к берегу, словно раскатывающаяся лента. Словно чешуя морского змея.

Я замерла, но толпа ильхов уже рванула к воде, туда, где днем устанавливали спуск. Растерянно оглянувшись на уходящих в таверну женщин, я все-таки двинулась вслед за мужчинами, стараясь держаться в тени. Что происходит? Праздник закончился?

Ильхи в молчании дошли до пристани и остановились. Я спряталась за мшистым валуном, чутьём понимая, что девам здесь быть не следует. Но мне ведь надо понять, что происходит!

Поначалу было тихо и пусто. Лунная тропа стелилась по воде, удлиняясь с каждым вздохом. Море лежало неподвижно, словно темное стекло.

Рядом зашевелилась тень, и я едва не двинула кулаком, а потом увидела белые косы и палец, прижатый к бледным губам. Альва. Тоже отбилась от стаи дев и решила посмотреть на луну?

– Тихо, – едва слышно шепнула она.

Я кивнула на водную гладь и неподвижных ильхов. Мужчины застыли на причале, напоминая безмолвные статуи.

– Чего они ждут?

– Снова неверный вопрос, – одними губами ответила дева. – Смотри.

Я повернулась к пристани. И вдруг заметила движение, возникшее на серебряной дорожке. Это что же... лодка? Точно, лодка. Узкая и маленькая, рассчитанная лишь на одного. Деревянный нос поднимался вверх и завивался крендельком.

– Откуда она взялась? – тихо удивилась я.

– Говорят, их силы подобны колдовству вельд, – ответила Альва. – И что они способны плавать по лунному свету. И менять облик. И что

живут на дне моря, лишь иногда выходя на поверхность. О них разное говорят. Ты разве не слышала?

О них?

На серебре моря возникла еще одна лодка. И еще. Они появлялись ниоткуда, словно сами собой возникая на глади воды. И в каждой был...кто-то.

Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть расплывчатый силуэт внутри. Кажется, что-то мохнатое и пятнистое... Это что же, тюлень? Или нерпа?

Зверь?

Узенькие лодочки беззвучно двигались к берегу. Ни всплеска, ни весел. Сами по себе. И когда первая достигла пристани, то, что сидело внутри, перевалилось через борт и упало в воду.

А через минуту пятнистое создание взобралось на дощатый помост. Ильки напряглись. Серебряный диск в небе очистился полностью, свет залил берег. Станный тюлень на досках приподнялся, словно купаясь в этом сиянии. А потом выпрямился, и пятнистая шкура сползла, обнажая тонкое, невероятно красивое девичье тело. Вынырнули из-под лоснящейся шерсти тонкие руки, длинные ноги, хлынул поток серебряных волос. И выпрямилась дева, словно сотканная из воды и лунного света. Красивая настолько, что даже Альва рядом с ней показалась бы замарашкой. Одежды на деве не было, лишь шею обвивало ожерелье из белых камней.

– Морская морь, – прошептала Альва.

Прозрачные глаза гостьи осмотрели застывшую толпу ильхов, бледные губы тронула улыбка. За ее спиной подплывали лодочки и на помост выходили новые девы. Обнаженные, серебряные и лунные. Слишком красивые, чтобы быть реальными. И они улыбались, рассматривая мужчин. Они ждали их.

Так вот, что означает для Последнего Берега эта ночь.

Первая морская морь – самая красивая, самая статная – сделала плавный шаг. Белые камни на ее шее казались осколками луны. Она шла по доскам, совершенно не стесняясь собственной наготы, укрытой лишь серебром волос. Хотя чего ей стесняться? Морь, кем бы она ни являлась, была самым совершенством.

Ильки расступились, и я увидела спину того, к кому шла морь.

Шторм.

Она улыбалась ему. Она смотрела лишь на него. Она тянула к нему тонкие бледные руки.

Я ощутила комок, подкативший к горлу.

«Этой ночью ни один илх не вернется на хёггкары», – прозвучал в голове насмешливый голос Альвы. Она знала, чего ждать от полнолуния. Они все знали. Все, кроме глупой чужачки, возомнившей невесть что.

– Аслунг, – негромко произнес Шторм, и я услышала в его голосе улыбку.

Кто-то потянул меня в сторону в тот момент, когда руки Шторма и морской девы соприкоснулись. И я позволила себя увести, потому что не хотела на это смотреть.

Альва тащила меня сквозь заросли, подальше от воды и лунного света.

– Ну, ты узнала? – шепотом спросила она. – Узнала, где хёггкар?

Я обернулась на море, но его уже скрыла полоса прибрежных валунов и деревьев.

– Ты меня слышишь? – сердито зашептала беловолосая. – Эй! Что тарачишься, Шторм-хёгг до утра будет занят! Эйтри сказал, что к нему в Лунную Ночь приходит сама Серебряная Аслунг, рожденная из воды и света. Они давние... знакомые! Так ты знаешь, где хёггкар?

Я отвернулась от берега, которого даже не видела. Несколько раз моргнула, чтобы убрать пелену перед глазами.

– Да, знаю.

– И где он? – жадно спросила Альва.

– В Саленгварде. Пусти.

Страхнула чужую ладонь, желая уйти, но остановилась. С берега донесся мужской смех. Чей – я не разобрала.

– Альва, – негромко позвала я. – Что означает знак на лице Шторма?

– Знак? – удивилась девушка. – Но это ведь все знают...

– Я не знаю, – оборвала я. Может, стоило быть осмотрительнее, но осторожность и непонимание этого мира уже не раз меня подводили. Лучше знать правду. – Так что?

– Это значит, что Шторм-хёгг был а-тэмом. – Альва стояла спиной к луне, и я не видела выражения ее лица. Лишь заметила пристальный взгляд на жемчужину, лежащую на моей груди. – А-тэмом при риаре,

потомке Лагерхёгга. Был его лучшим другом, верным защитником, братом. Эта связь сильнее, чем у кровных родственников. Прочнее, чем у любящих друг друга людей.

Альва на миг замолчала. Мне захотелось, чтобы она замолкла вовсе, чтобы не продолжала. Я уже знала ответ.

— Шторм-хёгг носит знак страшного преступления. Знак а-тэма, убившего своего риара.

Глава 21

Я даже не задумывалась, куда иду, ноги сами несли. Вечерний сумрак окутал прохладой, но я не стала заходить на «Медузу» за теплым плащом.

Я шла, размышляя лишь о том, что узнала. Знак страшного преступления... Связь, что прочнее родственной.

А ведь я подозревала, что значит линия на лице Шторма. Да и он не возразил, когда я назвала его убийцей. Но убить своего риара? У вечерних костров ильхи много болтают, и за прошедшие дни я все же успела составить представление о фьордах. Риар – тот, кто защищает, хранит, воюет за свой народ и свой город. Риар носит на шее кольцо Горлохума и пользуется беспрекословным авторитетом. О риарах говорят с уважением и любовью. Они гаранты мира и процветания. Обычно риарами становятся те, кто умеют сливаться с потомками Лагерхёгга или Улехёгга.

Альва сказала правду. А-тэм – правая рука, верный соратник, брат.

Как мог Шторм убить того, кто столько значил? Почему он это сделал?

Ответов у меня, конечно, не было.

Но я продолжала об этом думать просто потому, что эти мысли при всей их чудовищности не доставляли мне столько боли, сколько воспоминание о протянутой к Шторму тонкой серебристой руке. И о том, как с ней соприкоснулась его ладонь – загорелая и сильная.

Я давно не маленькая и поняла, зачем пришли на Последний Берег прекрасные морские девы. Ответ подсказали все многозначительные взгляды и недомолвки, двусмысленный смех и мужское предвкушение. Ильхи ждали этих дев и эту ночь! Даже Эйтри оставил красавицу Альву, чтобы провести время с серебряной морской девой!

Сейчас меня не волновала природа этих странных созданий. Меня волновало совсем другое!

Какого демона они сюда притащились? Пусть убираются обратно к кракенам!

«К нему приходит сама Аслунг... они давние знакомые!»

И почему я вообще об этом думаю? Почему мне не все равно?

Яростно зашипев, я дернула с шеи подвеску. Тонкая цепочка обожгла руку, но порвалась, и я отшвырнула ее в сторону. Жемчужная слеза упала там, где закончился берег и начался Саленгвард.

Город, который так испугал меня в первые дни, сейчас казался единственным убежищем. Приютом, способным укрыть от всех невзгод. И от ильхов, которых я не желала видеть! Но на этот раз я обошла и воткнутые в камень мечи, и лестницу, ведущую к малахитовому дворцу. Мой путь лежал в другую сторону.

Перед глазами возникло воспоминание: купальни и балкончик, капли воды, падающие со светлых волос мужчины, ржавая тренога у парапета. Вот я смотрю в мутное стекло подзорной трубы и вижу просвет между скалами, а за ним – то ли столбы, то ли засохшие деревья. Шторм мягко ведет ладонью по моей руке, поворачивает латунную трубу в другую сторону... и я забываю о том, что увидела, потому что тело отзывается на мимолетное прикосновение...

Сделал ли он это специально, поняв, что я случайно увижу тайное? Или это вышло ненамеренно?

Я помотала головой, отчаянно пытаюсь вытряхнуть оттуда мысли о зеленоглазом ильхе.

– Просто найди этот корабль, Мира! – негромко произнесла я, всматриваясь в переплетение улиц.

Конечно, где еще можно спрятать хёггкар, чтобы его не увидели любопытные глаза? Конечно, в Саленгварде! В мёртвом и проклятом городе, который все обходят по широкой дуге и боятся как огня! А вот Шторм здесь бывал неоднократно и наверняка успел его хоть немного изучить.

И найти бухту, в которую можно завести и надежно спрятать корабль!

То, что я увидела в подзорную трубу, вовсе не было столбами. Это были мачты! Сейчас я это понимала со всей ясностью.

Невероятная луна освещала Саленгвард, словно огромный фонарь. Длинные тени делили улицы на полосы. Рядом грязным кулем упал знакомый беркут, поковылял следом, но я на него шикнула, прогоняя. Странная птица осталась сидеть, разевая клюв, на мостовой.

Я шла, всматриваясь в слюдяные окна домов, в древние стены и покрытые мхом крыши. Остановилась. На скале в переплетении сухого вьюнка и терновника темнел провал. Он-то мне и нужен!

Прижала ладони к мшистому боку скалы. Выдохнула, представляя проход. И скала послушно разошлась. Каменный коридор оказался совсем узким, я едва в нем помещалась, но все же упрямо двигалась вперед. Где-то – кажется, в недрах скалы – гудело и шумело, словно под ногами рычал разъярённый зверь. И чем дальше я шла, тем раскатистее становился звук. А когда, ободрав локти, я все же вывалилась с другой стороны, то поняла, что слышала не обозленного хищника, а водный поток.

Он зарождался здесь, под Саленгвардом. Злой и вечно голодный, яростный и сильный.

Белый Ёрмун.

Вытекая из-под скал проклятого города, поток воды метелью кружил здесь – в маленькой бухте, внутри молчаливой горы. У выхода Ёрмун ревел бешеным зверем, вырываясь во фьорд. Зайти с той стороны, преодолев силу течения, казалось невозможным. И тем удивительнее было, что одному ильху это все-таки удалось.

Привязанный восьмью канатами, словно распятый в паутине мотылек, над водой застыл хёггкар. Хотя нет. Этот корабль вернее сравнить не с безобидной бабочкой, а с хищником, попавшим в силки. Черный, словно облитый дегтем от вершины мачт до угрожающей огромной стальной пики на носу. Ощетинившийся лезвиями и копьями, привставший на дыбы, как едва сдерживаемый в стойле дикий конь.

Он был прекрасен и ужасен одновременно. Он вызывал желание броситься от него прочь, забыв как жуткий кошмар, сбежать, пока чудовище, лишь притворяющееся кораблем, не сожрало со всеми потрохами. Или... остаться. И провести ладонью по смоляному боку.

Как раз там, где белела надпись: «Ярость Моря».

«За дальними скалами, за холодными водами шел за добычей черный хёггкар “Ярость Моря”. На его носу блестела огромная стальная пика, а на боках щетинились шипы и колючки. Говорили, что не хёггкар то вовсе, а живой и прожорливый зверь, безумный и вечно голодный. Но страшнее хёггкара был его капитан...» – возникли в моей голове слова.

И как я могла подумать, что сказки, рассказанные в мире за Туманом, это всего лишь сказки? Здесь все было иным, и все имело свой смысл. Истории у костра, напетые грубым голосом Наны, яркие как угли глазенки Брика, добродушные мирные ильхи, передающие по кругу баклажку с хмелем.

Это все было не тем, чем казалось.

Жаль, что понимание всегда приходит слишком поздно.

На борт «Ярости» вела узкая доска, и я ступила на нее, проиграв сражение между «уйти и остаться».

Я добралась почти до середины, когда тихий голос меня остановил.

– Мира.

Я медленно повернулась, балансируя на ненадежном пристанище. Узкая доска покачнулась под ногами, полетела вниз древесная крошка. Но туда я не смотрела, сосредоточившись на мужчине, стоящем напротив.

Сумрак и лунный свет словно стерли черты того, кого я знала, и слепили кого-то другого. Скрыли лазурную зелень глаз и легкую улыбку, которой так просто обмануться. Я и обманывалась. Неоднократно. Человек, способный так улыбаться, не может быть опасным, верно? Сколько людей попались на эту уловку? И скольких она погубила.

Сейчас на доске стоял тот, кем варвар являлся на самом деле. Полнолуние высветлило острые скулы и линию губ, посеребрило волосы. Словно меняя Шторма. Хотя нет. Шторм – это лишь личина. Всего лишь маска, способная обмануть. Шторм – спаситель, Шторм – хромающий ильх. Безоружный Шторм. Заботливый Шторм.

А под маской всегда был он. Варвар с черным знаком убийцы. С глазами жесткими и спокойными.

– Ты так и не ответила, откуда это платье, Мира.

Я облизала пересохшие губы.

– А тебя это беспокоит? Почему ты здесь? Разве твое место сейчас не возле морской бесстыдницы с глазами-плошками?

– А тебя это беспокоит, лильган? – вернул он вопрос.

– Мне плевать, с кем ты проводишь ночи.

– Настолько плевать, что ты выкинула мой подарок и решила угнать мой хёггкар?

Точно. Именно так.

Но я этого не скажу.

– Значит, хёггкар и правда твой.

– Можно подумать, ты в этом хоть немного сомневалась, – улыбнулся он.

– Ни одной минуты. Хёггкар, наводящий ужас на все фьорды. Знаменитая «Ярость Моря». И ее капитан.

Он склонил голову с издевательской насмешкой.

– Лестное мнение, лильган.

Мы играли, перебрасываясь словами, словно позади меня не было тайны, меняющей абсолютно все. Словно мы не стояли на доске над бушующим потоком.

Делали вид, что мы все еще те, кем были в пламени праздничных костров на Последнем Берегу.

– Платье, – напомнил Шторм, делая шаг.

– Тебя волнует только это?

– Не только. Еще то, как ты сюда попала, кьяли. Но этот вопрос мы обсудим позже. Вернемся к платью.

Я отступила.

– Кто тебе его дал?

– Это всего лишь платье.

– Всего лишь платье – это одежда из моих сундуков. А на тебе сейчас наряд для соблазнения. И меня ужасно злит, что ты взяла чужой подарок. И чем заплатила. Так чей он?

– У костров ты вел себя иначе. Интересно, какой ты настоящий.

– Хочешь это узнать?

Еще шаг.

– Платье, Мира.

– Платье дала Альва. И она дала мне его просто так! – выдохнула я. Врать сейчас – не лучшая затея. Это я нутром чуяла.

Ильх остановился, размышляя. Нахмурился.

– Альва? Хм... Ясно.

Что ему было ясно, я не знала. Как и того, почему он здесь. Почему не остался на берегу, а пошел за мной?

– Разве ты не должен сейчас вместе со всеми наслаждаться ласками водяных распутниц?

Шторм улыбнулся.

– Тебя это все-таки волнует, лильган? Аслунг стоило позвать хотя бы ради этого.

– У меня есть имя! – огрызнулась я. Значит, водяную развратницу он зовет по имени, а меня какой-то дурацкой кличкой?

Шторм рассмеялся, и я подумала, не швырнуть ли в него что-нибудь тяжелое. Жаль, нечего!

Вытащила нож, и Шторм удивленно поднял брови.

– Что ты собираешься делать, лильган?

– Сражаться.

Он сделал еще шаг.

Я тоже.

Играть дальше в игру «я ничего не поняла» не имело смысла.

– Ты говорил, что все рассказы Наны всего лишь выдумка. – Я удивилась, насколько сипло звучит мой голос. – И сколько в них... неправды?

Он сделал вид, что задумался.

– Я не ел сердце своего врага, – сказал ильх и почти незаметно переместился на доске.

Демоны, он двигается словно тень!

– Нет?

– Нет. Я протащил его людей под днищем своего хёггкара, одного за другим. Медленно. А ему вспорол брюхо. И съел его печень. Но в свое оправдание могу сказать, что очень проголодался.

Шторм кровожадно улыбнулся. Я сглотнула сухим горлом. Еще одна связка шагов. Ко мне. От него.

Пугающий танец на узкой доске.

– И как часто ты совершал такие... поступки?

– Достаточно, чтобы ильхи молились, прося Перворожденных не повстречать в море мой хёггкар.

– И как же мне теперь тебя называть? Шторм или все-таки Ярл-Кровавое-Лезвие?

– Как тебе нравится, любопытная лильган. – Он насмешливо склонил голову. – Ты ведь знаешь, что бывает со слишком любопытными девами?

– Им делают замечание, а потом отпускают?

Шторм улыбнулся. И я подумала, не сигануть ли вниз добровольно.

– Не в этот раз.

Еще один шаг. Демоны, почему эта доска такая узкая? И почему Шторма это совсем не заботит? Он даже под ноги не смотрит. Может, и его хромота – обман? Но нет... я видела, как плохо ему было на скалах. Тогда ильх не притворялся. Или я снова заблуждаюсь? Я ведь поверила, что вижу перед собой почти обычного человека! На скалах Шторм на миг снял свою маску, и я ощутила, насколько он опасен. Но потом позволила себе снова расслабиться, снова обманулась легкой улыбкой и заботой.

А сейчас мой инстинкт самосохранения просто вопил о том, что надо бежать от того, кто стоит со мной на одной доске. Что этот ильх опаснее, чем кажется. И гораздо, гораздо смертоноснее. Что свой знак на лице он получил заслуженно. И что истинные истории о Ярле-Кровавое-Лезвие страшнее, чем рассказанные у костра сказки.

Вот только бежать было некуда.

– Зря ты сюда полезла, Мира, – задумчиво протянул он. – И все же я рад, что ты узнала.

– Почему? – прошептала я.

– Я хочу, чтобы ты понимала, кто я, когда мы будем в воде. Я всегда этого хотел.

– С чего ты взял, что мы будем в воде?

– Нет?

Шаг-шаг.

– Нет.

Он склонил голову, словно соглашаясь.

– Жаль.

– Жаль, что не остался на берегу?

Он улыбнулся, и это была совсем другая улыбка. Понимающая. Проклятье, вот сдались мне эти морские мори! И почему их появление настолько меня задело?

Отвечать на этот вопрос я не хотела даже мысленно.

Я втянула воздух и сделала еще один шаг назад.

Но проклятая доска закончилась.

Похоже, черный хёггкар подыгрывал своему проклятому капитану.

Я рухнула на борт «Ярости Моря», роняя нож. Тело привычно сгруппировалось, и, мягко перекатившись, я потянулась к оружию. И

вскрикнула, потому что на лезвие наступила нога в грубом сапоге. Я дернула рукоять – бесполезно. Шторм даже не шелохнулся.

Поняв, что клинок я бездарно потеряла, откатилась в сторону и вскочила. Илх смотрел на меня, даже не пытаясь поднять трофей.

– Когда напал медведь, я кинула тебе нож, – вспомнила я. – Почему ты его не взял?

Почему-то это казалось важным. Очень важным. Как много таких важных мелочей я упустила с ним?

– Я не беру в руки оружие, лильган, – обманчиво мягко произнес Ярл. И добавил: – Если не собираюсь убивать.

Пнул ногой, и нож улетел за борт. Я торопливо оглянулась, пытаюсь найти хоть какое-нибудь оружие. Но палуба «Ярости» была совершенно чистой. Выскоблена до блеска! А на то, чтобы оторвать кусок борта, у меня явно не хватит сил.

Шторм – по привычке я все еще звала его так – снова сделал ко мне шаг. Скользкий, совершенно беззвучный.

– Не подходи!

– Разве ты меня боишься?

Вряд ли я могла внятно объяснить, какое именно чувство испытываю.

– Я знаю, на что ты способен.

– Не думаю.

– Вот именно! – выкрикнула я. Разум метался, ища пути спасения. Внизу бился Белый Ёрмун, иногда встряхивая корабль.

Скользкий шаг.

– Я сказала – не приближайся!

– Ты не можешь стоять на этой палубе вечность, лильган.

– Я не лильган! – обозлилась я. И снова быстро осмотрелась. Надо заговорить ему зубы, отвлечь... – Хватит так меня называть! У меня есть имя.

– Как скажешь, лильган, – отозвался он. В свете луны глаза илха казались серебряными, никакой зелени. И никаких эмоций.

В умении владеть собой он мог бы потягаться с лучшими бойцами Конфедерации. И задери меня демоны, проклятый илх мог бы победить!

Но каким-то чутьем я знала, что варвар далеко не так спокоен, как показывает. Может, об этом рычала волна, все яростнее бьющая в борт

хёггкара.

– Довольно, Мира.

Слишком быстрое движение. Но я уже научилась их замечать и видеть тот миг, когда ильх срывается с места. Я не обладала его скоростью, но я начала движение на один вздох раньше. Рванула в сторону, уцепилась за натянутые тросы, провернулась в воздухе и двинула Шторма ногами в грудь. Вложила в удар вес своего тела и силу инерции – его собственной. А потом отцепилась от веревок, ударила его под колено раненой ноги, отпихнула. Шторм пролетел пару шагов и кувыркнулся напрямик за борт! Только вот в самый последний момент уцепил и меня! Его ладонь обхватила мое запястье, когда ильх тяжело повис за бортом.

С тяжелым хрипом я глянула вниз. Белый Ёрмун бился о хёггкар, ожидая подношение.

– Мира, отпусти! – крикнул Шторм. – Отпусти меня!

Что? Я непонимающе уставилась на наши руки. Это не он держался за меня. Это я держала его.

Настоящее и прошлое сплелись воедино. Я дышала раненым зверем, я ничего не понимала! Внизу была пропасть. Вокруг билась стихия. Я видела свою руку – тонкую, детскую. Такую слабую... «Не отпускай меня, Мира!» – закричал Майк.

– Мира, отпусти меня! Все хорошо. Просто отпусти!

Ни за что! Я захрипела, не чувствуя, как из глаз катятся слезы. Я не отпущу ни за что. Даже если останусь без руки. Даже если ее оторвет к демонам! Я не разожму пальцы. Я не позволю этому снова случиться...

– Мира!

Когда-то один ильх с невозможными глазами спросил, чего я больше всего боюсь. И я ему соврала. Ведь боялась я только этого. Разжать ладонь и отпустить того, кто дорог. Кто так дорог, что жизнь без него становится невыносимой.

– Посмотри на меня! – Его голос приказывал, и я сморгнула с ресниц влагу. – Дай мне вторую руку.

Я протянула, не думая. Подчиняясь новой незнакомой власти в голосе варвара. Он умел подчинять.

Рывок.

И мы оба полетели в белую бездну, раскрывшую жадную пасть у
борта хёггкара.

Глава 22

Прошлое и настоящее. Снова в одной связке, в одном узле. Сложном, как на тряпице, которым Шторм бинтовал мою руку. Потом я смотрела на этот узел и думала о том, что таким вяжут корабельные снасти. Я могла бы догадаться раньше. Все-таки ушлый Брик слишком часто просил рассказывать о Ярле.

Я упала на самое дно. Белая пелена Ёрмуна обнимала со всех сторон. Но рядом был тот, кто оттолкнулся ногами и потянул меня наверх. На этот раз не морской змей, а человек с черным знаком опасности на лице. И он не отпускал мою руку, когда тащил. Когда прижимал к скользкому боку хёггкара. И когда целовал. Его язык скользнул внутрь – по распахнутым губам, по самому краю. А потом сразу жадно и порочно! Наружу и снова внутрь... С глухим стоном, с первобытным желанием, со вкусом соли. С хриплым дыханием. С горячим, возбуждающим шепотом.

Вокруг бушевал поток, но в глазах Шторма не было ни капли страха. Да и сами глаза уже мало напоминали человеческие.

– Шторм...

– Знаешь, как трудно сдерживаться, когда ты в воде, лильган? Как трудно не прикасаться к тебе? Каждый раз... Когда ты заходила в грот, мне приходилось вспоминать самые отвратительные моменты моей жизни, чтобы удержаться от прикосновения. Но это плохо помогает, когда ты рядом. И когда вокруг – вода. Каждая капля шепчет мне о тебе. Я чувствую их, стекающие по твоей коже. Ощущаю. Они ласкают тебя так, как не позволено мне. Я почти сходил с ума, лильган. Ты даже не представляешь, что я хотел с тобой сделать. Что до сих пор хочу...

Он медленно – нарочито медленно – слизал соленые капли с моей шеи. И меня затрясло от желания.

– И эти ваши проклятые колдовские поцелуи. Я думал о них. Снова и снова. О губах. О том, какой у тебя вкус.

Меня трясло от его рук и слов. От его несдержанности и возбуждения. От прикосновений.

– Я спрошу еще раз, Мира. Ты поплаваешь со мной?

Словно я могла сказать нет, когда тело пылает от желания. Когда каждая ласка обжигает и клеймит.

– Скажи. Я хочу слышать.

– Я поплаваю... с тобой.

– Еще.

– Я поплаваю с тобой, Шторм! Поплаваю, и только попробуй нас утопить!

Он усмехнулся, вжал меня в свое возбужденное тело.

Соппротивление больше не имеет смысла, как и ложь. Мы хотели друг друга с самого начала, с самого первого взгляда. Каждое наше прикосновение высекало искры, с каждым днем разжигая все более яростное пламя невыносимого притяжения. И все же ильх прав. Я тоже рада, что теперь знаю правду. Что я целую не только того, кто умеет спасать, но и того, кто отмечен знаком убийцы.

Пугает ли меня это?

Не знаю.

Сейчас я боюсь лишь одного – остановиться...

Но этого не произойдет. Не тогда, когда мы оба возбуждены до предела. Когда наплевать на все, лишь бы соединиться.

Вместо ответа я закинула руки на его шею, обвила ногами. И с наслаждением услышала то ли стон, то ли рычание. Пальцы коснулись затылка, запутались в мокрых волосах. Нас окатило водой, течение норовило утянуть на дно, но ильх держал уверенно.

«Не бойся глубины... Я удержу. Нас обоих».

Его руки на спине – сдирающие остатки платья. Я не отставала, пытаюсь освободить Шторма от одежды. Оказывается – раздевать кого-то в воде ужасно сложно... Но мы справились. Разум покоился на дне моря, оставив мне лишь оголенные инстинкты, дикое желание, потребность прикасаться и чувствовать. Одежда уплыла в неизвестном направлении. Ёрмун бушевал, пытаюсь расцепить сплетенные тела, и мы торопились. Целовались как одержимые. Гладили, не размыкая рук. Касались, едва не уходя на дно. Мое тело оказалось слишком чувствительным. Не тело, а оголенный провод, замыкающий от каждого прикосновения. Каждого нового удара. Даже от каждой капли, стекающей с волос ильха, когда он целовал мою шею и грудь. Моя кожа под его губами горела, и прохлада воды становилась еще одной изощренной лаской. Я вцепилась в светлые волосы, дернула, желая

поторопить его. Сейчас! Дай мне все сейчас! Дай мне себя! Иначе я за себя не ручаюсь... Шторм ответил хриплым смехом и еще одним голодным, почти невыносимым поцелуем. Я оплела ногами его бедра, потерлась, и смеяться Шторм перестал. Вцепился одной рукой в узкую верёвочную лестницу на боку хёггкара, второй прижал меня к себе. Короткий вдох – один на двоих. Волна, накрывающая с головой. И соединение тел – такое чувственное, такое невыносимое. Такое нужное.

Я застонала, вторя бушующей стихии. Я закричала в голос, пока мои губы снова не атаковал Шторм. Я хваталась за него, обнимала руками и ногами. Словно собиралась остаться сплетенной с ним навечно. Тяжелое мужское дыхание, рывки и стоны. Даже наступивший конец света не смог бы разъединить нас в этот момент. Возможно, мы бы его даже не заметили. Мы вбивались друг в друга снова и снова – жестко, сильно, быстро... Пальцы Шторма сжались на моих бедрах, почти оставляя синяки. Какое-то время мы могли лишь стонать и хватать губами воздух. Течение смирилось. И теперь двигалось с нами в унисон, толкая навстречу друг другу. Вода стала колыбелью, удерживающей на мягком покрывале, ласкающей каплями и потоками. Укрощенное течение, смирившаяся волна. Вода, поработанная рычащим от наслаждения ильхом. Я тоже билась в его плену, теряя себя. Я кричала его имя и получала в ответ свое – соленое, хриплое, наполненное первобытной дикой страстью. Я тонула в этом потоке и в нем же рождалась заново. В буре, в страсти, в оргазме, сносящем всю мою цивилизованную оболочку и оставляющем лишь первозданные инстинкты. В желании и страсти. В нежности, пробивающейся сквозь эту дикость.

В нечеловеческих глазах ильха застыло ошеломление. Он больше не целовал, он смотрел мне в лицо – жадно, неотрывно. И когда я закричала, выгибаясь в его руках, выдохнул едва слышно: «Кьяли... моя. Моя!»

Я в ответ промолчала – слишком измученная этим сражением, этим Штормом и наслаждением, разделенным на двоих.

Я смутно помню, как мы забрались обратно на хёггкар. Это было не так-то и просто, потому что я ползла по веревочной лестнице, а проклятому ильху слишком нравился открывающийся снизу вид на

мой зад. Он не мог удержаться и не лизнуть его, а я не могла удержаться и не свалиться в воду.

Я предлагала Шторму подниматься первым, но он почему-то отказался.

С третьей попытки мы все-таки справились и оказались на борту. Некоторое время просто лежали, глядя на луну и звезды. Мое тело ныло, кожу, наверняка, покрывали синяки. Но еще никогда я не ощущала себя такой свободной. И такой живой.

Доски «Ярости» оказались неожиданно теплыми и гладкими. А потом я перекинула ногу через бедра Шторма, оседлав его.

– Когда мне было десять, погиб мой брат Майк. – Слова прозвучали так просто. Удивительно просто. Словно многолетний комок в горле, не дающий говорить и даже дышать, остался где-то на глубине. – Он утонул. Мы жили в Окламе и никогда не видели моря. В тот год мы решили навестить тетю Джейн в Лаверстоне. Путешествовать предстояло на корабле, и я заранее предвкушала небывалое удовольствие.

Шторм не двигался, лишь сжимал зубы, слушая меня.

– Я помню восторг, когда я увидела тот корабль. Хёгткар, как говорят на фьордах... Он был огромный и белый, похожий на сладкий торт, украшенный взбитыми сливками. Такой праздничный, яркий, весёлый. Со множеством разноцветных флажков и людьми в красивых нарядах. Я думала, что это самый счастливый день в моей жизни.

Я помолчала, вспоминая.

– А ночью корабль попал в ураган. Очень сильный. Напоролся на скалу и получил пробоину.

Я откинула голову, глядя на луну. Подсыхающие волосы рассыпались волной по плечам и спине.

– Мы не успели спрятаться, мы вообще ничего не понимали. Я плохо помню, как мы оказались на палубе. Вокруг творилось что-то ужасное, люди кричали, море ревело... Майка выкинуло за борт. Словно щепку. Так просто... Лишь один миг – и он уже летит в море. Но брат успел схватиться за меня, а я – за борт корабля... Потом мне говорили, что я не могла его удержать. Мне было десять, ему – шестнадцать. Худенькая девочка и довольно крупный парень. Я не могла его удержать. Но он просил его не отпускать. Все время... просил.

Шторм молчал. Лишь его глаза светились как у зверя. Мне это понравилось.

Я повела плечами, откидывая голову, ощущая ветер, ласкающий кожу. И лунный свет, целующий ее. Ощущая себя живой, цельной, настоящей.

Может быть, впервые за все эти годы.

Сколько лет я носила в себе эти несказанные слова, сколько лет запрещала даже не произносить их – думать. Вспоминать. И вот сейчас сказала ему. Почему-то я знала, что он меня поймет.

– Это ведь не все, так? – Голос Шторма звучал спокойно, но я чувствовала его тепло, его силу, его бесконечную уверенность. Именно то, что мне нужно.

– В моем мире, в Конфедерации, есть традиция, – неторопливо продолжила я. – Давать имена самым сильным ураганам и бурям. Женские имена. Знаешь, как называли ураган, погубивший моего брата?

Я отвела взгляд от луны и посмотрела на ильха. Сжала ногами его бедра, наклонилась, прогнув спину. Да, он знал ответ. Я видела это в его глазах, ощущала в напряженном теле.

– Эту бурю называли Мирандой, – шепнула я в его губы. – Моим именем. Именем слабачки, не удержавшей руку своего брата. Миранда погубила Майка. И еще сто тринадцать пассажиров корабля. Тот день стал настоящей трагедией, потом говорили, что кто-то ошибся, выпустив корабль из порта... Но это уже было неважно. Не для меня. И не для Майка.

Имя слетело с губ невесомой бабочкой. И улетело к звездным небесам.

– Когда меня нашли в каком-то углу, я была такой бледной, неподвижной и холодной, что меня причислили к погибшим. Я очнулась среди тех, кого успели достать из воды и сложить на палубе. Повернула голову и увидела лицо женщины, что еще утром угощала меня конфетами. Она не дышала. Они все не дышали. Все те люди, что лежали рядом со мной. Их было очень много... Я встала и начала искать брата, обходя одного утопленника за другим. Но Майка я так и не нашла. Он остался на дне.

Я снова замолчала. Родители сделали все, чтобы я смогла пережить тот день. Со мной работало множество специалистов, говорящих, что я не виновата, и что жизнь продолжается.

И все же они не смогли вернуть мне меня.

Удивительно, но мне помогла вода. Лишь падая в бассейн, лишь уходя на глубину, я ощущала, что живу. Что могу сражаться и однажды победить то, что меня сломало. Тренера не понимали, почему я не хочу выступать на соревнованиях, ведь им казалось – я рождена плавать. А я не могла объяснить им, что мне плевать на соревнования. Что мне плевать на сражение с другими людьми. Погружаясь в прохладную воду, я всегда билась только с ней – со стихией. И могла жить дальше, зная, что сумела одержать еще одну крошечную, но победу.

Потом умные тети и дяди говорили мне: надо забыть и жить дальше. Даже родители однажды решили, что так будет лучше. Убрать портреты Майка, не произносить его имя. Они оберегали меня, но получалось только хуже. словно часть меня тоже осталась на дне моря.

Я посмотрела в яркие, нечеловеческие глаза Шорма. Илх лежал подо мной – мокрый, невозможно красивый, все еще возбужденный. Демоны, кто вообще может чувствовать возбуждение после всего, что я сказала?

Только тот, для кого сражение и смерть – естественная часть жизни. Тот, кто сражается каждый день – и побеждает.

– Стихия Миранда, вот, значит, как. Затуманные люди польстили той буре. – Илх кровожадно улыбнулся, и я подумала, что хочу его лизнуть.

Хочу провести языком по его метке, по шее, и ниже. Шорм увидел мой взгляд, и его дыхание сбилось. Он протянул руку, сжал в кулаке прядь моих волос, словно взял в плен. Потянул к себе.

– Лильган, это несправедливо, но счастье не делает людей сильными. Напротив. Оно расслабляет, сдирает панцирь, обнажая мягкое и нежное нутро. А вот беда... О, эта дрянь умеет закалять душу! Знаешь, на своем веку я видел много хёггкаров. Прекрасных и гордых, сбитых крепко и ладно. Но пока они стоят в тихой гавани, никто не знает, насколько хёггкар хорош. Есть лишь один путь, чтобы это проверить. Узнать, станет ли хёггкар грозой моря или пойдет ко дну, словно дырявый котел.

Он потянул мою прядку, заставляя склониться, прикоснуться к его губам. Я сделала это медленно – дразня. И снова отклонилась. Меня завораживал его голос и его слова.

– Я знаю, о чем ты говоришь. Знаю этот путь. Это... ураган. Буря. Шторм.

– Да, кьяли, – блеснули в свете луны его глаза с узкими зрачками. – Только шторм покажет, чего стоит хёггкар. И человек. Устоит ли в бурю, выдержит ли. Или сломается и сдастся. У каждого хёггкара и у каждого человека свой шторм. Свое испытание. Шторм это то, что ломает и перемалывает. То, что тянет ко дну с невероятной силой. Колотит тебя о камни, пока ты не задохнёшься. Это то, что меняет нас навсегда, убивает либо делает иными. То, что показывает нашу душу. Никогда не забывай о том, что тебя изменило. Храни в памяти и доставай, когда тебе надо стать сильнее. Злее. Яростнее. Когда тебе надо победить.

Ильх провел большим пальцем по моим губам, надавил, заставляя приоткрыть их.

– Помни свой шторм, Мира. И помни, что ты в нем выжила.

Мужская ладонь прошла по моей спине, играя на позвонках, оглаживая и сжимая бедра. Притягивая и сдвигая так, чтобы мы могли снова соединиться. Чтобы снова взять меня. Пленить... Показать, что нельзя дразнить его безнаказанно. Он снова целует – сильно и яростно, почти дико. Терзает мои распухшие губы, скользит языком, повторяя порочные движения бедер. Бесстыдно и прекрасно. Хриплые стоны рвут горло. Я кричу и требую, я прошу пощадить и никогда не останавливаться, я захлебываюсь от наслаждения. Мы двигаемся все быстрее, на полном ходу влетая в пропасть. Яркое, почти болезненное наслаждение растекается внутри волнами, угасает медленно, оставляя сладкую негу.

А потом я лежу на его груди. Лежу, наслаждаясь близостью и ленивыми прикосновениями, светом луны и ветром, ласкающим мое голое тело. Летней ночью, обнимающей со всех сторон. Скрипом досок и рокотом белого потока. А главное – мужчиной, который брал меня так, как хотел, заставляя кричать снова и снова, а теперь обнимает как самое ценное свое сокровище.

Мужчина со знаком убийцы на лице, варвар холодных земель, капитан черного хёггкара... И мне так хорошо, как не было ни разу за всю жизнь.

Когда я все-таки подняла голову, луна подернулась легкой дымкой приближающегося утра. Я потянулась кошкой, с наслаждением

поймала жадный взгляд ильха. И рассмеялась.

– Знаешь, доски хёггкара – не лучшее место для... того, чем мы только что занимались. Кажется, у меня теперь занозы. Везде!

– Нет у тебя никаких заноз, – лениво парировал Шторм. – Эти доски полировали тысячу раз! Но вообще-то здесь есть кровать.

– Да ладно! И ты молчал? – Я приподнялась на локте, с возмущением глядя на улыбающегося ильха.

– Я был очень занят. И я не мог дойти до кровати.

– Не мог?

– Я о ней даже не вспомнил. Ты лишила меня разума.

– Ну вот, я еще и виновата!

Шторм рассмеялся, погладил мою спину и все-таки поднялся.

– Идем, покажу тебя хёггкар.

Он двинулся вглубь корабля. Я осмотрела его вид сзади и восхищённо хмыкнула. Ильх удивленно поднял бровь.

– Все-таки хорошо, что на борт ты первым не полез. Пожалуй, такой тыл я бы даже укусила! Пару раз.

– Да? – заинтересовался он.

Я, смеясь, двинулась за ним.

– Ты обещал показать корабль! Не отвлекайся.

– Я не могу. Ты рядом и ты без одежды. Я теряю разум, лильган. Я теряю его каждый раз, когда смотрю на тебя.

– Смотри в другую сторону, – пытаюсь не хохотать, я указала на крепкую дверь. – Так что внутри?

«Ярость Моря» оказалась впечатляющей. И смертоносной. Я старалась не представлять, что могут сделать с людьми все те пики и лезвия, которые оснащали корабль. Внутри располагались небольшие комнаты, предназначенные для капитана и команды. В сундуках мы даже нашли одежду – штаны с рубахой для Шторма и синее платье без рукавов – для меня. Подол оказался слишком длинным, так что приходилось придерживать его руками. Испробовав на прочность кровать, мы все-таки вернулись на палубу.

– Сколько лет этот хёггкар не покидал бухту? – тихо спросила я, увидев, как ильх проводит рукой по доскам корабля. И сколько в этом жесте тихой тоски.

– Слишком много, кьяли.... Но я обещал Перворожденным, что с этим покончено. Что я больше не возьму в руки меч.

Он застыл у борта, рельефный силуэт, очерченный тающей луной. Я могла бы спросить «почему». Но вернее было «ради кого». Хотя об этом я уже догадалась.

– Все дело в Брике, верно? Он твой сын?

– Он сын моего побратима. Моего риара.

И того, кого он убил. Слова не прозвучали, но повисли в воздухе. И Шторм помрачнел, нахмурился. Но глянув на меня, насмешливо улыбнулся.

– Я не слишком люблю такие разговоры, кьяли. И вместо них предпочел бы снова почувствовать твой вкус у себя во рту. Похоже, я понял, для чего люди мертвых земель трогают друг друга языками. Так они снова чувствуют себя живыми и... горячими. Я уже хочу это повторить. Много раз. Но, кажется, я задолжал тебе ответы.

Ильх провел рукой по гладкому краешку борта. С такой нежностью, словно прикасался к женщине. На миг я даже ощутила укол ревности.

– Брик родился к югу от Варисфольда, в Дассквиле. Как и я. Это прекрасный город, кьяли. Воды там теплые, земли – плодородные. Дома обмазаны красной глиной, крыши покрыты мхом и вереском. Его берег устилает песок, а в глубине моря растет золотой жемчуг. В долине за башней риара разводят белых коз со смешными короткими рожками и такой пушистой шерстью, что пастбища напоминают спустившиеся с небес облака. В Дассквиле варят сладкий хмель, и там всегда пахнет диким медом, даже зимой. Жаль, что я никогда не смогу тебе его показать. Я покинул Дассквил почти десять зим назад и думал, что никогда туда не вернусь.

Он помолчал, вспоминая. И мне снова стало больно от нежности и грусти, что промелькнули в глазах Шторма.

– Ты скучаешь по этому городу.

– Даже водные хёгги хотят найти место, которое могут называть домом. Но для меня Дассквил в прошлом, Мира.

Шторм мягко улыбнулся.

– Прошло десять лет с того дня, как умер мой риар, а мне поставили на щеку знак убийцы и запретили ступать на сушу. Все эти годы я провел на глубине или на борту «Ярости Моря». Говорили, что я безумен. Возможно, так и оно и есть. Дассквил стал лишь воспоминанием. Иногда мне и вовсе кажется, что я его придумал, что в

моей жизни никогда не было этого берега. Я привык к кочевой жизни. Даже полюбил ее.

Но однажды Дассквил напомнил о себе вестью от единственного человека, к которому я не мог не прийти. Тея – венлирия моего убитого риара – требовала выполнить свой долг и забрать ее сына. Спасти его. После... смерти ее мужа в Дассквил прислали временного наместника. Тея и Брик жили на краю города, довольно уединенно. Но Дассквил помнил, кто они. Брик подрастал и становился угрозой для нынешнего правителя. Единственный наследник своего отца, он мог потребовать кольцо Горлохума, поймать душу хёгга и однажды заявить право на город. Конечно, когда будет к этому готов. Вот только нынешний наместник решил не ждать этого и покончить с Бриком заранее. Подлый поступок, недостойный истинного риара. Увы, я прибыл слишком поздно. Мне удалось увезти только мальчика, но не спасти Тею... Так Брик оказался на борту «Ярости Моря». Поверь, я этого не хотел. В то время я вообще не понимал, что делать с мальчишкой. Я не мог оставить его на хёггаре и не мог сойти на сушу. К тому же увозить наследника Дассквила пришлось с боем, мои люди были ранены, многие – убиты. Единственным пристанищем тогда оказался Последний Берег, о котором мне поведали морские мори. Местный конухм Бирон-Стервятник потребовал плату за наше исцеление и спокойную жизнь – добычу пепла. И... Брика, который однажды станет водным змеем, надев кольцо Горлохума. Тогда я посчитал эту плату ничтожной. Мальчик обретал безопасность и даже душу хёгга, разве не прекрасное решение?

Шторм невесело усмехнулся.

– Тогда я не понимал, чем нам всем придется расплатиться. Но Бирон сдержал обещание, наши раны – даже смертельные – действительно затянулись. И моя искалеченная нога осталась при мне. Брик обрел новый дом. Почти дом. А потом...

– Ты к нему привязался, – негромко сказала я, и Шторм кивнул. – Он стал твоей семьей.

– Которую я не желал. Я столько лет избегал привязанностей, что даже не понял, как это случилось. Водные хёгги ценят свободу, кьяли. И редко меняют ее на семейные узы. И я тоже хотел тогда лишь яростного ветра и быстрых волн. Однажды я попытался оставить

мальчика на берегу, у хороших людей. – Шторм невесело усмехнулся. – До сих пор помню, как Брик закричал, поняв, что я ухожу. Повторять я не решился.

Я подошла и обняла его. Запрокинула голову, глядя в лицо.

– Поэтому ты не хотел меня отпускать? Из-за Брика? Ты понял, что я могу заменить его в добыче пепла, ведь так? И мальчик не станет заложником Саленгварда.

– Ты во всем права, – спокойно произнес Шторм. – Я был готов пожертвовать всем и всеми ради жизни Брика. Собой в первую очередь. И тобой – тоже. Я сказал бы, чтобы не жалею и не стану просить прощения, кьяли. Ведь тогда я не знал, кого выловил в белом течении.

Он провел кончиками пальцев по моей щеке, и меня снова окатило жаром.

– Не надо, – прошептала я.

Шторм не стал уточнять, что именно. Не надо извиняться или говорить о чувствах, к которым я не готова...

Я погладила его плечо. Теперь я понимала отношение Шторма к этому мальчику. Он по-настоящему любил его. Как своего собственного сына, а может, и сильнее. Но боялся приближаться слишком близко, зная, что однажды Брик узнает правду.

Вот только это все равно не помогло. Мальчишка обожает хозяина «Ярости».

– Ты стал его героем, Шторм-хёгг.

И отцом, которого мальчик потерял, едва родившись.

Шторм смотрел на горизонт. За скалами медленно светлело небо. Мы не заметили, как прошла эта ночь.

– Однажды чувства Брика изменятся, – тихо ответил ильх. – И мне придется это пережить. Снова потерять того, кого люблю.

Я не знала, что на это ответить. И поэтому просто обняла его крепче. Так мы и стояли, глядя, как отступает ночь. Мягкий золотой рассвет озарял бухту. Уставшая волна лениво гладила борт.

– Я ведь говорил, что лучше заниматься более приятными вещами, кьяли. Мне тебя мало. Хочу еще. – Ильх сжал в кулаке мои волосы, и я почувствовала его прерывистый вздох и вновь просыпающееся возбуждение. – Но прежде ты должна кое-что

рассказать, Мира. Начнем с того, как ты попала в эту бухту. Ведь здесь нет прохода со стороны города.

Я застыла в его руках. Попыталась отстраниться, но ильх держал крепко. Взгляд снова стал острым, как ночью, когда мы стояли на доске.

Ёрмун толкнул борт хёггкара, окатил брызгами. И Шторм медленно, с явным удовольствием, слизал их с моих губ. И вдруг резко повернул голову.

– Кракен кричит. Хёггкар входит в пролив Последнего Берега.

– Может, это друг, которого ты ждал? – предположила я, но ильх нахмурился.

– Слишком рано. Надо проверить. Оставайся здесь, кьяли, договорим позже. На «Ярости» ты в безопасности.

Коротко провел рукой по моей щеке, тронул губы. И прыгнул за борт, без всплеска уйдя под воду. Через миг к выходу из бухты скользнуло извилистое тело морского змея.

Глава 23

Ждать я, конечно, не стала. Во-первых, не в моих правилах отсиживаться в кустах, не зная, что происходит, а во-вторых, я банально проголодалась и хотела пить. А еще – смыть с кожи и волос соль и следы близости, надеть платье без этого ужасного тянущегося подола и наконец обуться. Ноги, несмотря на теплую ночь, все-таки замерзли, и я поджимала пальцы, выбираясь с «Ярости Моря» на сушу. Обернулась на черный хёггкар. Всего несколько часов назад он казался мне чудовищем. А сейчас... сейчас хотелось погладить полированные бока так же ласково, как это делал Шторм.

От мыслей об ильхе в груди что-то заныло. Я понимала ильха, когда он говорил, что всю жизнь избегал привязанностей. Ведь я тоже делала это. Мы оба знаем, как тяжело терять тех, кого любишь. Как трудно пережить свой личный шторм. То, что меняет нас навсегда. И сейчас, покидая бухту Белого Ёрмуна, я боялась думать о будущем.

Саленгвард по-старушечьи кутался в пелену тумана и провожал меня призрачными взглядами слюдяных окон. Я бежала по безмолвным улицам, размышляя, приготовила ли Нана горячий завтрак, или придется довольствоваться вчерашними лепешками. А еще о том, убрались ли восвояси морские мори и забрали ли они с собой свои пятнистые шкурки. Все же надо будет расспросить Шторма о природе этих серебряных дев. Сейчас великолепная Аслунг не вызывала во мне ревности. Ведь ей пришлось коротать Лунную Ночь в одиночестве. Все то, ради чего красавица преодолела путь по лунному свету, досталось мне.

Я улыбнулась и слегка смутилась, вспоминая бесстыдные, жадные ласки и жаркий шепот, сводящий с ума. Теперь я понимала, почему ради одной лишь ночи морская морь приходила на этот берег снова и снова. И сердце снова сжалось от мысли, что спустя год фьорды опять потеплеют, и Аслунг, простив ветреного Шторма, придет к нему. А вот меня здесь уже не будет...

Я споткнулась, сглотнула разлившуюся во рту горечь. Не надо думать об этом, Мира. Не надо. Я уже пережила одну бурю. Вторая мне не нужна. Вторую я могу и не выдержать.

Тяжело перелезла через стену – все-таки ночь меня вымотала. Миновав лес, я первым делом прикинула к источнику и вдоволь напилась. А после осмотрелась и с улыбкой прислушалась к тишине. Похоже, полнолуние измотало не только меня! Вокруг ни души, даже над таверной Наны не вьется столь желанный дымок. Похоже, обитатели берега все еще спят.

– И горячих пирогов с утра мне тоже не видать, – пробормотала я, ступая по упругому мху между валунов. – Эй!

За камнем спал ильх. Лица я не увидела, но по приметной синей безрукавке узнала светловолосого Хвирна. Он лежал, неудобно свернувшись, да еще и там, где поток воды образовывал лужу. Так странно. Почти так же, как тогда...

Воспоминание ударило молотом. Мне снова десять, и я смотрю в лицо женщины, которая уже никогда не поднимется.

– Хвирн, – позвала я, делая осторожный шаг.

Ильх не откликнулся и не пошевелился. Но я уже и так знала, что он мертв. Слишком неподвижной была его поза. Слишком изломанной. И слишком темным стал мох под его боком.

Но что случилось? Почему он здесь? Несчастный случай? Или потасовка за внимание морской мори? Хорошее настроение исчезло в омуте страха. Что здесь произошло? Надо найти остальных! Скорее!

Не решившись трогать Хвирна, я кинулась в сторону хёггкаров. Вот и первый, с полустертой надписью «Гордость фьордов», здесь спят Вегард-Без-Крыши и старик Дюккаль. За ним большой и скрипучий «Волнорез» – пристанище Торферда и Наны, дальше плавающий дом конухма, череда мелких лодочек, а потом «Медуза» и «Покоритель волн»...

Между ними лежало то, что я поначалу приняла за еще одну грудку валунов. И даже успела удивиться, откуда они взялись, ведь накануне здесь был лишь песок. А потом «валун» двинулся, шевельнул ослабшим щупальцем.

– Малыш! – Я бросилась к кракену, безжалостно выброшенному на берег. Тело морского гада перечеркивала длинная рваная полоса, из которой сочилась чернильная кровь. Глаза моллюска – круглые и желтые, прикрытые полупрозрачными веками, – больше не пугали. Кракен казался бесформенной кучей, серой кляксой, застывшей на

кромке воды. И лишь судорожные, шипящие попытки сделать вдох говорили о том, что морское чудовище все еще живо.

– Нет-нет, только не это! Да что же это такое! Не вздумай умереть! Единый, да как же... Боги, ты же задыхаешься!

Бормоча мольбы пополам с ругательствами, я попыталась столкнуть кракена в прибой. Но он был слишком огромный, моих сил попросту не хватало. Страж бухты умирал. Его щупальца все еще тянулись к морской пучине, но попытки сделать вдох становились все слабее.

– Кто-нибудь! – Я хотела закричать, но получился какой-то задушенный хрип. Словно мне, как и кракену, было нечем дышать. – Кто-нибудь, помогите!

Где же ильхи? Где Шторм? Что здесь случилось?

Прыгнула в море, зачерпнула воды, плеснула на кракена. Это все бесполезно! Жалкие попытки. Нужно дать ему пепел и оттащить на глубину! Морской гад не может жить на суше!

Пепел! Мне нужен пепел!

– Потерпи... потерпи немного...

Уговаривая то ли кракена, то ли себя, я взлетела на борт «Медузы». Вытащила из-под тюфяка на кровати тряпицу с плоской костью, которую не успела отдать конухму. Обжигая пальцы, вытрясла из стеклянной склянки тлеющий уголек. Нана говорила, что он не гаснет, потому что рожден в пекле Горлохума. Вернувшись на берег, я с трудом развела крошечный костер, сунула в него кость хёгга. Никто не рассказывал мне, как именно делают пепел, я лишь надеялась, что его название имеет смысл. Несколько томительных минут ничего не происходило, кость просто лежала в огне. А потом пламя рассыпалось искрами и погасло, словно впитавшись в драконьи останки. На земле остался белесый порошок с красными прожилками. На миг я замерла, решая, не стоит ли накормить им Хвирна. Но ильх был мертв, в этом я не сомневалась. А кракен еще дышал.

Больше не думая, я зачерпнула воды, смешала с порошком и влила в полукруглую пасть морского гада.

– Прости. Я больше ничего не могу для тебя сделать...– прошептала я, стоя возле неподвижного чудовища. Мутная желтизна его глаз отразила мою крошечную фигурку.

Вернувшись на «Медузу», я схватила потёртые сапоги, натянула. В мой первый день на этом берегу Шторм велел Брику снять их и отдать деде, чтобы она не исколола нежные пятки... Сейчас казалось, что с того времени минула целая жизнь.

Когда я снова пробегала мимо кракена, он лежал в той же позе. Пепел не помог. Я опоздала. Или порошка оказалось слишком мало для столь большого создания...

Судорожно втянув воздух, я бросилась к таверне Наны. Пустота пугала. Теперь она виделась противоестественной. Где же люди? А что, если все они мертвы, как Хвирн? Что, если мой кошмар повторится, и я снова окажусь среди мертвецов?

Голова закружилась от накатившего ужаса. И когда из-за зарослей дикой ежевики вышел Ульф – вполне живой и здоровый, я чуть не завопила. Сначала от испуга, а потом от радости!

– Великие Перворожденные! Ульф, это ты! – Я кинулась к ильху и, не сдержавшись, его обняла. – Ульф, как же я рада тебя видеть! На берегу творится что-то ужасное! Где все люди? И... я видела Хвирна! И кракена! Они мертвы... Что происходит?

– Идем со мной, дева. – Ульф повел плечом, освобождаясь от моих рук.

– Но там Хвирн... И кракен...

– Идем.

Он молча двинулся обратно в заросли, и я растерянно осмотрела берег. И замерла. У входа в бухту, там, где раньше обитал морской страж, покачивались три хёггкара. Когда-то на том же месте стоял корабль Вермана, его борта украшали белые щиты. На боку новых гостей блестели щиты алые, словно кровь. Да и сами хёггкары отличались от небольшого юркого судна водного хёгга. Эти были огромными и устрашающими. На их носках скалились драконы со сложенными за спиной крыльями.

Я обернулась на Ульфа, но тот уже скрылся за полосой колючей растительности. Может, обитатели Последнего Берега спрятались в тайном убежище?

Я продралась сквозь ежевику, поражаясь тому, как легко прошел здесь огромный варвар. За колючей оградой шумел поток, вытекающий из грота, дальше был ряд скальных обломков. Я

перепрыгнула с камня на камень, обогнула затянутый мхом валун и оказалась на широкой площадке, прямо за могучей спиной Ульфа.

— Я нашел девчонку, — громко сказал тот. — Топталась возле кракена, пыталась ему помочь. Глупышка.

Что? Какого демона?

Я дернулась в сторону, но огромный кулак сграбастал меня за шиворот и вытащил вперед. Я заморгала. Над головами сплелись ветви деревьев, образуя лиственный свод. Солнечный свет проникал сквозь него тонкими спицами, рисуя внизу пятнистый узор.

Напротив меня, спиной к отвесной скале, выстроились все жители Последнего Берега. И при виде их я прижала ладонь к губам, сдерживая крик. У мужчин были связаны руки, на хмурых лицах наливались синяки и ушибы. Торферд привалился спиной к камню, держа на весу окровавленную руку. Рядом, бессильно сжимая кулаки, застыли Нана и избитый Ирган. Старики Вегард и Дюккаль сидели прямо на земле, кошка пряталась в бороде хозяина. Оба подслеповато моргали и казались удивленными детьми, не понимающими, что происходит. На некоторых ильхах почти не было одежды, кто-то оказался облачен лишь в штаны. И тела многих украшали порезы и кровоподтеки. Эйтри и конухм едва ли не единственные оказались одеты полностью. Они стояли сбоку, бледные и злые, тоже со связанными руками.

В стороне ото всех застыл Шторм. Я лихорадочно прошлась взглядом по его телу и выдохнула, не увидев ран. Вот только и его руки сковали, причем не веревкой, а железными кандалами.

Напротив Шторма расположились незваные гости. Захватчики, пришедшие в эту бухту в ту единственную ночь, когда ильхи оказались безоружными. В ночь, которую посвящали любви, а не войне. Мне не пришлось гадать, кто знал об этом и кто мог привести врагов. Ведь на поваленном дереве, развалившись, сидел усмехающийся Верман. А рядом, нежно поглаживая мужское плечо, расположилась красавица Альва. Та, которая еще недавно клялась в ненависти водному хёггу!

Но гораздо больше Вермана пугал другой человек. Высокий брюнэт, закованный в кожаный доспех с нашитыми сверху металлическими кольцами. Его глаза под тяжелыми нависшими бровями напоминали угли. С обеих сторон чужака мрачными тенями застыли вооруженные до зубов черноволосые смуглые ильхи. Их было

много. Слишком много! И самое страшное, что в руках одного воина шмыгал носом перепуганный Брик.

На меня пришедший брюнет глянул как на пустое место и снова уставился на Шторма.

– Где доказательства, Верман? – резко спросил он, и водный хёгг дернулся. – Где «Ярость Моря»? Вы так и не нашли хёггкар!

– Я нашла кое-что другое, посмотри, Агмунд-хёгг! – Альва, покачивая бедрами, вышла вперед, раскрыла ладонь. На ней блеснула каплевидная золотая жемчужина.

Подарок, который я отшвырнула, поддавшись глупой ревности!

Альва покачала украшение на серебряной цепочке.

– Знаешь, что это? Знаменитая золотая жемчужина, которую на мочке уха носил Ярл-Кровавое-Лезвие! Ее запомнили многие из тех, кому не посчастливилось повстречать в водах его черный хёггкар! Запомнили и описали! Второй такой нет во всех фьордах, Агмунд-хёгг.

Я оттолкнула Ульфа, который все еще стоял рядом, тенью скользнула к Альве и все-таки двинула красавице в нос. Альва взвыла, жемчужина взлетела в воздух, и я поймала ее в кулак.

– Это мое! Не смей брать мое, мерзавка!

Отряд чужаков всполошился, многие наставили на меня оружие. Но их предводитель, тот, кого звали Агмунд-хёгг, остановил мое убийство, небрежно махнув рукой. Криво улыбнулся.

– Интересно. Смелая дева. Но раз эта жемчужина твоя, то скажи, откуда она у тебя.

Я мельком глянула на побледневшего Шторма. Скользнула взглядом по его сжатым губам, по заострившимся скулам. В его глазах явственно читался вопрос: какого пекла ты тут делаешь, лильган?

Я отвела взгляд и вернула Агмунду его ухмылку.

– Эта жемчужина часть моего наследства! – заявила я.

– Она врет! – выкрикнула Альва, прижимая ладонь к распухающему носу. – Не слушай ее, риар! Жемчужину подарил Шторм-хёгг. Этой ночью! Все это видели! Эй, вы! Скажите же! Вы все видели, кто подарил украшение!

Жители Последнего Берега хмуро молчали.

– Вот и ответ! – торжествующе улыбнулась я.

Агмунд-хёгг, улыбаясь, подошел ближе. Остановился рядом со мной. Я смело посмотрела в пугающие черные глаза. Потом взгляд

скользнул ниже – на матовый обруч, почти скрытый железными кольцами доспеха. Мужчина был привлекательным, но у меня он вызывал лишь желание отодвинуться подальше.

Ильх кивнул на мой кулак с украшением.

– Говоришь, жемчужина – твоё наследство, дева? Удивительно. Ведь такой жемчуг растёт лишь в одном месте – у берегов моего Дассквила. А именно эта жемчужина – золотая, каплевидная, много лет украшала венец его риаров. Драгоценность пропала, когда одного из них – риара Двэйна – подло убил его а-тэм Ригон.

Чужак вдруг схватил мой кулак с жемчужной слезой, сжал. Да так, что я едва не заорала от боли.

Приблизив лицо к моему, давая заглянуть в черноту глаз, ильх улыбнулся шире.

– Так откуда у тебя безделушка, дева?

– Отпусти ее, – рявкнул за спиной Шторм. – Довольно, Агмунд.

Брюнет разжал руку все с той же улыбкой. И махнул своим людям.

– Убейте деву.

– Нет! – Шторм дернулся вперед, и я увидела, что ноги у него тоже скованы цепью с железными штырями, впивающимися в кожу.

Агмунд довольно рассмеялся, лезвие его меча остановилось рядом с моим горлом.

– Нет? Готов рассказать мне всю правду, Ярл? Или Ригон, а-тэм-предатель? Я думал, придется перерезать всех этих людей, прежде чем услышу ответы. Хотя молва утверждала, что даже смерть всей команды не развяжет язык капитана «Ярости Моря». А оказалось, достаточно лишь пустить кровь одной дерзкой деве! Я почти разочарован. А сейчас...

Я застыла, ощущая холод стали у шеи. В черных глазах Агмунда плескалось злое веселье, и я вдруг поняла, что он просто развлекается. Что он убьет всех на этом берегу, не пощадив даже стариков. В конце концов, здесь обитают преступники. Возможно, фьорды даже скажут Агмунду спасибо.

Шторм говорил, что Дассквил остался в прошлом. Но сегодня это прошлое явилось на Последний Берег в лице наместника Агмунда и его воинов.

Что же делать?! Я пыталась найти хоть какой-нибудь выход, но ничего не получалось. Разум буксовал от страха и непонимания, все мои чувства сосредоточились на лезвии, холодящем шею.

Шторм выдохнул сквозь стиснутые зубы. И вдруг перевел взгляд на Ульфа.

– Кажется, я должен тебе поединок, Лютый Волк? Я принимаю твой вызов. Сейчас.

– Что? Какой еще поединок? Что тут...

– Позволь мне сказать, риар! – выступил вперед Ульф. – Я не согласен с Альвой и не верю, что этот человек – Ярл-Кровавое-Лезвие! Да ты посмотри на него! Я ни разу не видел, чтобы он взял в руки меч! Может, он его и держать-то не умеет! Какой из него капитан «Ярости»? Это всего лишь хромой бродяга, доживающий свой век среди отбросов! Да его здесь никто не слушает, управляет-то всеми конухм!

Рябой Бирон-Стервятник хмыкнул и отвернулся. Остальные рассматривали истоптанную землю и свои грязные ноги.

– А безделицу он наверняка украл! Да ты погляди на них, риар! – продолжал Ульф. – Отбросы, а не воины! И все же я требую справедливости!

– Какой же? – без особого интереса спросил Агмунд.

– Поединок! Поединок чести! – зарычал Лютый Волк. – Я бросил Шторм-хёггу вызов, но он трусил, не желая биться со мной. Даже кольцо Горлохума не добавило храбрости этому ничтожному ильху! Он навлек позор на мою голову! И я утратил покой, зная, что мой вызов не принят. Что в зримом и незримом мирах теперь смеются, глядя на Лютого Волка. Так позволь доказать, что я по-прежнему самый сильный воин земли озер и скал!

Он гулко ударил себя в грудь.

Нана подняла взгляд, качнула головой.

– Воин ты хороший, Ульф. Силой тебя Перворожденные не обидели, – пробормотала она, и тот расцвел. А потом великанша добавила: – А вот умишком явно обделили...

– Не смей оскорблять меня, кухарка! Твое дело – драить горшки, а не открывать рот! – взревел Ульф. И снова указал мечом на Шторма. – Я требую поединок с этим хёггом! Сейчас! Именем Перворожденных!

– Таковую просьбу трудно не уважить, – скривился Агмунд и сел на валун, сложил на груди руки. – Что ж, возможно, это будет интересно.

Снимите с пленника цепи и дайте меч.

– Может, не стоит, мой риар? – осторожно начал хмурый ильх с сединой в черных косах. – Если это он, и молва о Ярле не врет, то он родился с клинками в руках...

– Не стоит верить всему, что болтают, Одлис, – отмахнулся Агмунд. – Да будет бой! Дайте оружие.

Пользуясь тем, что обо мне временно забыли, я отступила назад. Разжала ладонь – на коже остался кровавый след от цепи и жемчужины. Но это меня сейчас не волновало. Я смотрела, как со Шторма снимают ужасающие кандалы и кидают к его ногам меч. Ульф уже сорвал свою рубаху, обнажая могучий, покрытый шрамами торс, и поигрывал огромным топором-секирой. Я вспомнила, как он подбрасывал его в воздух, а потом ловил за древко, и мне стало еще страшнее. Застывший напротив огромного Ульфа Шторм казался слишком худым и слабым. На противника он не смотрел. Медленно размял кисть, переступил с ноги на ногу. Меч все еще лежал в траве.

Я бросила тревожный взгляд на Эйтри, но тот сосредоточенно рассматривал сосну напротив. Торферд пялился на свою руку и причмокивал, Нана и вовсе закрыла глаза. Великие Перворождённые! Да что с ними со всеми! Неужели они настолько не верят в Шторма, что отводят глаза! Мне хотелось заорать, возмутиться, сделать хоть что-то, но Ульф уже издал боевой клич и пошел в атаку. Слишком быстро! Шторм не успел подготовиться! Не успел поднять меч! Не успел...

Я не успела ничего понять. Замах Ульфа, блеснувший солнечным бликом топор. Ужасающий удар... мимо. В пустоту, еще миг назад заполненную Штормом. Снова замах – еще яростнее, сильнее, смертоноснее! И... Ульф Лютый Волк упал на колени в траву. Заморгал, когда топор отвалился вместе с рукой. Вдоль живота ильха набухла длинная рана.

– То есть... как это? – пробормотал он, все еще не веря. Весь поединок – тот, о котором он грезил, тот которого так ждал, тот который должен был стать еще одной его победой, занял лишь несколько кратких мгновений. Свалившись на бок, Ульф затих навсегда.

– Я же говорю – дурак, – вздохнула Нана. И наконец посмотрела на своего капитана.

И тут я все поняла. Ильхи отводили глаза не потому, что не верили в Шторма. А потому, что точно знали, чем закончится это сражение. Они всегда это знали. И опускали взгляды, чтобы Ульф не увидел в них свой приговор.

«Я не беру в руки оружие, если не собираюсь убивать».

Шторм выхватил с пояса убитого Ульфа нож, не глядя швырнул в сторону Эйтри, и тот дернулся, ловя сталь связанными руками. Чиркнул, обдирая кожу, и веревки упали.

– Взять их! – заорал, вскакивая Агмунд. – К бою!

Его люди уже издали клич, нападая. Но их ряды ворвавшимся снарядом смял Торферд. Я не увидела, как здоровяк успел подхватить упавшую секиру Ульфа, но теперь он орудовал ею, кося врагов. Рядом, не уступая брату, сражалась и раздавала тумаки Нана. Эйтри вился белой жалящей тенью. Ильхи Последнего Берега, еще миг назад казавшиеся сломленными, сейчас неслись в бой, и земля кипела под их ногами.

Кто-то отпихнул меня плечом, и я упала в траву. Шторм шел сквозь ряды чужаков в железной броне. Теперь у него были два меча, в обеих руках. И он орудовал ими так, что воздух звенел от криков боли и ярости, а путь водного хёгга окрашивался кровавой полосой чужих смертей. Босой, в одних штанах, гибкий как змей и такой же смертоносный. Сталь в его руках была молчалива и губительна, она подчинялась ему так, словно создана лишь для того, чтобы однажды служить ему. И я поняла, что Шторма здесь нет. Как нет и Ригона, атэма из Дассквила. Есть Ярл, прозванный Кровавым Лезвием. И теперь я знала – почему. Потому что клинки в его руках были багровыми от чужой крови, потому что каждый взмах, поворот и удар забирал чью-то жизнь. И в какой-то момент чужаки, закованные в кожаную броню с железными кольцами, дрогнули перед этой стихией в человеческом обличье. Дрогнули и начали отступать.

Я даже подумала, что мы победили.

А потом там, где был Агмунд, сгустилась тьма. И на месте ильха развернул черные крылья дракон. Его антрацитовая чешуя почти не отражала свет. Черный хёгг открыл змеиную пасть, и на людей пролилось пламя. Все – и свои и чужие, – покатались по земле, прячась за валунами. Обожжённый Иргван швырнул в чудовище меч, но тот лишь отскочил от брони.

Дракон зашипел, а потом сгреб огромной лапой Брика и взмыл в воздух, ломая ветвистый купол. Сверху посыпались щепки и листва, я прикрыла голову руками.

– Оставь мальчика! – закричал Шторм, бросая мечи. – Не трогай его!

Черный хёгг описал в небе круг, играя, перекинул Брика с лапы на лапу. Спикировал вниз, приземлился, взрывая когтями дерн. Мальчишка покатился по земле и замер. Я кинулась к нему, но путь преградил седой Одлис.

Черный дракон сложил крылья, и на его месте снова оказался человек. И указал мечом в землю.

– На колени, Ригон.

Шторм медленно, не спуская взгляда с Агмунда, опустился на землю.

– Оставь Брика, – глухо произнес он. – Мальчик не угроза твоему правлению. Он никогда не вернется в Дассквил, я обещаю.

– Что стоит обещание морского разбойника? – усмехнулся Агмунд. – Или а-тэма, убившего своего риара! Я вижу, мальчик удивлен. Ты не сказал ему, кто именно убил его отца?

– Что? – Брик, пошатываясь, поднялся. Он смотрел то на застывшего на земле Шторма, то на чужаков, снова собирающихся вокруг своего риара. – Ты врешь! Шторм-хёгг спас меня! Мама говорила, что отца убил враг!

– Этот враг перед тобой. – Агмунд указал мечом.

– Вранье!

– Это правда, Брик, – произнес Шторм. – Я был а-тэмом твоего отца. И я убил его. Двэйн терял разум с того дня, как надел кольцо Горлохума. Душа пойманного им хёгга оказалась слишком дикой. Двэйн боролся годами, но так и не смог победить. Сильный всегда пожирает слабого. Поняв, что проиграл, мой побратим сам попросил снять с его шеи обруч. Единственным возможным способом.

– Только эту просьбу никто, кроме тебя, не слышал, – скривился Агмунд.

– Двэйн не должен был остаться в памяти людей слабым безумцем, который не справился со своим хёггом. – У Шторма заострились скулы, взгляд стал пустым, как стекло. – И в памяти своей семьи – тоже. Ведь у него была любимая венлирия и новорожденный

сын-наследник. В Дасквиле моего побратима почитают как героя, пирующего за столом Перворожденных. Он был хорошим риаром, справедливым и смелым. А долг а-тэма – защищать честь своего правителя при его жизни и даже после. Я все сделал правильно.

Я до боли стиснула ладони. Было безумно жаль еще совсем молодого а-тэма, пожертвовавшего собой ради чести своего риара. Вот то, что стало его личным штормом, то, что изменило навсегда. Протащило по камням, почти убило. Перемололо и выплюнуло другим – жестоким, кровавым Ярлом.

Все молчали. Шторм смотрел лишь на Брика.

– За такое преступление карают смертью. Но твоя мать, Тея, вступилась за меня. Она знала правду... Мне запретили ступать на сушу. У таких, как я, это всегда приводит к тому, что человек исчезает и остается лишь водный хёгг. Но я нашел иной выход.

Шторм невесело усмехнулся.

«Ярость Моря» – вот его способ жить дальше в человеческом обличье.

– Оставь мальчика, Агмунд. – Слова прозвучали сипло. – Я... прошу тебя.

Кажется, я пропорола ногтями кожу. Мое сердце разрывалось при виде Шторма. И Брика с глазами, полными боли. И еще от понимания, что все это бесполезно. Проклятый Агмунд пришел сюда не для того, чтобы щадить.

– Ты просишь? – рывкнул риар Дасквила. Его лицо исказилось от злости. – Ты убил моего а-тэма, мерзавец! Протатил его под днищем своего проклятого хёггкара и вспорол брюхо!

– Это была честная битва. Твой а-тэм был водным хёггом, как и я. И он проиграл. Твой а-тэм убил Тею и занес меч над ее сыном. По твоему приказу, Агмунд-хёгг. Ты послал своих воинов против беззащитной женщины и ребенка. Я жалею, что не успел в тот день добраться и до тебя.

Черная волна чужаков всколыхнулась, и снова блеснули обнаженные мечи. В воздухе ощутимо запахло кровью. Только седой Одлис стоял, недовольно нахмурившись. Я едва удержалась от желания зажмуриться. Происходящее напоминало дурной сон, от которого невозможно проснуться. Хотелось тряхнуть головой, открыть

глаза и оказаться на борту черного хёггкара в надежных мужских руках...

Но я знала, что от этого кошмара нет пробуждения. А в сражении нет победы, потому что силы неравны. Нам не одолеть огненного крылатого дракона. Он уже показал, на что способен.

Разве что...

Я сделала шаг вперед, не думая. И выпалила, глядя на риара Дассквила:

– Я покажу тебе, где спрятана «Ярость Моря», если ты нас отпустишь!

– Мира, – прошипел Шторм, но я на него не смотрела. Лишь на чужака.

– Мне не нужен этот хёггкар, дева. Я пришел не ради него.

– Зато хёггкар нужен мне! – заявил Верман, о котором все успели забыть. – И ты мне его обещал, Агмунд-хёгг. Я привел тебя на Последний Берег, сдержав свое слово, так и ты сдержи свое!

– Проклятый предатель, – плюнул в сторону Вермана Бирон-Стервятник. Половину его лица опалило чернотой драконье пламя. – Зря я столько лет поил тебя своей ежевичной настойкой! Чтоб сожрал тебя Горлохум, гаденыш!

Верман сделал вид, что не слышит. Риар Дассквила скривился.

– И еще я отдам вам пепел! – в отчаянии крикнула я. И, увидев удивление на лице пришлого, продолжила: – Пепел, много пепла! Ты не знаешь, что это? Волшебное средство, способное исцелить любые раны! Излечить тех, кто стоит на пороге незримого мира! Я отдам его тебе!

– Забери тебя Хеллехёгг, дева-предательница! – зарычал вконец расстроенный Бирон.

– Не надо, Мира, – тихо сказал Шторм.

Но я смотрела лишь на Агмунда.

Тот недоверчиво обернулся на своих людей, и седой Одлис кивнул.

– Я слышал об этом, мой риар. Волшебный пепел из прОклятого города. Никто не знает секрет его добычи.

– Я знаю! И я отдам его тебе, Агмунд-хёгг.

– Ну что же... – поколебавшись, ответил Агмунд. – Хорошо, дева. Веди нас к хёггкару и этому... пеплу. – Он за шиворот вздернул

Брика. – Мальчишка пойдет с нами. И еще эти, – кивнул он в сторону Иргана, Эйтри и двух испуганных дев. А если обманешь...

– Не обману.

Я все-таки посмотрела на Шторма. Его взгляд – туманы у кромки леса, зеленая и серая безграничность жестоких фьордов... Я хотела бы смотреть в эти глаза целую вечность.

Что было в них сейчас?

Непонимание? Недоверие?

Или Шторм догадался, что я пытаюсь увести убийц от него и других людей? Пытаюсь выиграть время?

Краткого обмена взглядами было слишком мало, чтобы понять.

Я решительно шагнула вперед, лихорадочно выстраивая в голове зыбкий план. Только бы все получилось!

Риар Дасквила усмехнулся. А потом посмотрел на Одлиса, стоящего за спиной Шторма. Кивнул ему. И тот воткнул нож в Шторма – по самую рукоятку.

Там, где сердце.

– Хёггкар и волшебный пепел в обмен на мальчишку и оставшийся сброд, – равнодушно сказал Агмунд-хёгг. И повернулся к своим людям: – Пожалуй, окажу фьордам услугу, избавлю от скверны. Сожгите этот проклятый берег. Сожгите его дотла. А теперь веди, дева.

Мне казалось, что я кричу. Что ору, срывая голос. Что плачу, захлебываясь слезами. Но на самом деле я шла молча. Просто переставляла ноги, снова и снова.

Когда мы добрались до леса, за которым возвышался Саленгвард, на берегу пылали разбитые хёггкары. «Покоритель волн», «Гордость фьордов», «Рассвет»... И «Медуза», столько ночей укачивающая меня на волнах, чтобы лучше спалось. Они все превратились в погребальные костры, на которых сгорало мое разбитое сердце.

Глава 24

Я не плакала. Только часто-часто моргала. Глаза щипало так, словно я двигалась сквозь песчаную бурю. Тело налилось отупляющей слабостью, и все, чего мне хотелось – это сесть под дерево и не двигаться. Обнять холодными руками плечи, опустить голову, сжаться в комок. Стать крошечной и незаметной в надежде, что это способно уменьшить раздражающую, дикую, невыносимую боль внутри.

Она не должна быть такой. Не должна разрывать мою душу в клочья, не должна сводить с ума. Ведь я едва знала того, кто остался под лиственным сводом. Мы провели вместе так мало времени. Слишком мало, чтобы...

И все же...

Боль была всеобъемлющей.

А времени оказалось вполне достаточно, чтобы светловолосый ильх с колдовскими глазами занял в моем сердце главное место. Вошел без спроса, улыбнулся легко. Насмешливо поднял брови, глядя на мутные образы тех, кто был там до него. Глупая влюблённость в Джета, парень из команды... Их всех смыло штормовой волной, как и не было. Слизало серо-зеленым прибоем, не оставив даже следов на песке.

А вот ильх в моей в душе навсегда, это я знала совершенно точно. Счастьем и болью.

Мгновениями. Такими драгоценными, что каждое сияет в душе звездой.

«Я хочу, чтобы у тебя остались воспоминания, кьяли».

Они и остались. Хотя сейчас кажется, что лучше бы их не было вовсе. Не было цветущего под серебряной луной дерева, не было капель воды, стекающих с волос, не было разделенного на двоих дыхания в узких рукавах внутри скалы. Не было чувств, в которых я так упрямо не хотела себе признаваться.

Почему истинную ценность некоторых событий и людей мы осознаем, лишь потеряв их?

Ведь для самого главного вовсе не нужны годы. Или даже недели. Самое главное может случиться в один лишь миг. Краткое мгновение

удивительной и непостижимой случайности, способной изменить жизнь.

Одна песчинка времени, падающая на весы вечности.

Один стук двух сердец. Один взгляд.

Прикосновение.

Соединившиеся на песке тени.

Или девушка, зависшая в белой воде напротив водного змея...

И вот оно – изменение. Рождение чего-то совершенно нового, того, чего не существовало краткое мгновение назад. Чего-то невыразимо прекрасного, безумного и настоящего. Хрупкого, как первый росток, пробивающийся из-под снега весной. И такого же сильного. Способного пробить наледь моего скептицизма и отчуждения, окрепнуть и распуститься восхитительным цветком чувств.

И сейчас я шла, не замечая прелести разгорающегося дня, не видя солнечных бликов, что танцевали на листьях. Не ощущая аромат цветов. Я чувствовала лишь горький запах гари, забивающий ноздри, видела зарево пожара. И ильха, лежащего на земле.

Мне хотелось кричать и выть от понимания того, как мало времени выделили нам со Штормом жестокие боги. Как мало отмерили мгновений, чтобы быть вместе.

Хотя нет. Мой затуманенный взгляд остановился на спине, укрытой железными кольцами кольчуги. Нет, не боги решили нашу судьбу и оборвали жизнь Шторма. Это сделал человек, беззаботно шагающий впереди. И даже насвистывающий, словно прогулка доставляла ему удовольствие!

Я сжала кулаки, прикидывая, смогу ли задушить мерзавца, если прямо сейчас кинусь на него. В отличие от остальных, меня не связали, даже руки оставили свободными. Правда, рядом шагает хмурый воин-верзила, вооруженный до зубов, но на моей стороне внезапность. Если брошусь прямо сейчас, преодолею десяток шагов, разделяющих меня и ненавистного чужака, накинусь из-за спины? Может, мне удастся вцепиться зубами в его шею? Или выхватить кинжал, сверкающий камнями на его поясе?

Хотя нет, шея защищена матовым кольцом Горлохума, а грудь прикрывает кольчуга. Агмунд и так сильнее любого из воинов вокруг,

да еще и спрятался за дубленой кожей и железом! Мерзавец летающий!

Вот ведь удивительно – совсем недавно я мечтала увидеть крылатого хёгга фьордов, а теперь мечтаю убить того, кто по сути выполнил мое желание!

Вот только как? Как его убить?

Никогда в жизни я не подозревала в себе такой кровожадности.

Но на моих глазах и не убивали любимого человека.

Любимого...

Вот я и назвала его этим словом. Жаль, что никогда не смогу сказать этого самому Шторму.

Когда мне было лет восемь, ко мне повадился ходить мальчишка с соседской фермы. Таскал в подарок земляничное печенье своей бабушки и обрывал ее же клумбу, чтобы порадовать меня цветами. Маленький Алекс, смешно шепелявя, каждый раз кричал, что пришел мой «шених». А я даже решила, что это любовь. Майк тогда ласково улыбнулся и сказал, что до любви мне надо еще подрасти, и не стоит применять это слово к каждому мальчишке, притащившему увядшие лютики.

«Но как тогда понять, что это то самое?» – удивилась я. Восьмилетней девочке казалось, что лютики – очень весомый аргумент.

«Ты поймешь, букашка. Любовь, это когда другой человек становится важнее тебя самой. Это когда за того, кого любишь, готов пожертвовать всем. Готов убить. Или даже умереть...»

Тогда я обозвала Майка занудой и умником, да что он вообще понимает в любви! У него самого ничего подобного еще не случилось.

Но сейчас, ощущая гарь сгорающих хёгткаргов и глядя на спину ненавистного риара из Дассквила, я осознала, что мой брат был прав в своем определении.

Мне хотелось убить Агмунда. Загрызть его. Уничтожить. Разорвать на части! О, если бы только это было в моих силах!

Я споткнулась, не заметив выступающие из земли корни, и меня удержала чья-то крепкая рука. Обернулась и шарахнулась в сторону, поняв, что эта же заботливая рука всадила нож в сердце Шторма.

– Осторожнее, дева, – негромко произнес седовласый воин.

Одлис. Так его зовут. Одлис-убийца. Они все такие. Проклятые чужаки, явившиеся на Последний Берег!

На миг я застыла, глядя в светло-карие, совсем не злые глаза воина. Удивительно, но он не выглядел чудовищем. Статный, даже красивый мужчина в возрасте, все еще крепкий и сильный.

– Осторожнее, – снова повторил он, глядя мне в глаза.

И показалось, что речь идет вовсе не о моей неловкости. Неужели Одлис заметил мой взгляд на риара и понял, о чем я думаю?

Кровавая пелена спала с глаз, и я осмотрелась. Увидела застывший взгляд Брика, испуганных девушек, которые раньше помогали Нане, бледного Эйтри и избитого Иргана. Боги, а ведь я совсем забыла о них! О людях, которые еще живы, о мальчишке, которому я обязана помочь! К тому же и дураку ясно, что мой демарш обречен на бесславный провал. Агмунд не только сильнее меня, вокруг него десятки закаленных в боях воинов!

О чем я только думаю?

Дернулась, чтобы подойти к мальчику, но Одлис сжал мою ладонь. Не сильно, но предупреждающе.

– Что там у вас? Почему остановились? – недовольно обернулся Агмунд-хёгг.

– Здесь корни, мой риар. Обходили. – Одлис кинул на меня еще один быстрый взгляд и отступил.

– Прибавьте шаг! Плететесь, как улитки на солнцепеке! Я хочу скорее покинуть это мерзкое место и вернуться в Дасквил.

– Да, мой риар.

Одлис оставил меня и приблизился к своему правителю. Я услышала его тихий голос.

– Агмунд-хёгг, ты говорил, что твой а-тэм погиб от рук напавших врагов. Врагов с моря. Что Ярл-Кровавое-Лезвие тайно высадился у берегов Дасквила и напал на спящих людей, убил их подло, исподтишка. Скормил рыбам и воинов, и мирных людей. Что Тея и ее сын стали жертвами этого морского мерзавца.

– Так и было! Ты сомневаешься в моих словах, Одлис? К чему твои вопросы? – рявкнул Агмунд.

Я заметила, что остальные воины тоже прислушиваются к разговору.

– Кому ты веришь, Одлис? Мне или отступнику? А-тэму, убившему своего риара?

– Если он говорит правду, то он – лучший а-тэм из возможных...

– Он врет, Одлис! Разве это не ясно? Любой отступник пытается себя обелить. Они все так делают!

– Но этот ильх не пытался оправдаться, мой риар. Он принял наказание, ни сказав ни слова. Не пытался бежать или сопротивляться. Его нашли у тела его риара, ведь он сдался сам. И о нем до сих пор говорят в Дассквиле. Люди помнят их – риара и его а-тэма. И шепчут, что молодой Ригон был всей душой предан Двэйну. Палач, поставивший знак убийцы на лицо Ригона, до сих пор клянется, что совершил ошибку, за которую его покарают Перворожденные.

– Тот палач – глупец, слишком любящий сладкий хмель и пустые воспоминания! – обозлился Агмунд. – Еще немного, и я решу, что ты сомневаешься в честности своего риара, Одлис. Вставая под мою руку, ты дал клятву служить мне, забыл? Служить, а не собирать сплетни болтливых дураков! Кому ты веришь, Одлис? Мне или морскому мерзавцу Ярлу-Кровавое-Лезвие? Этому воину без чести?

– Честь риара – честь его воинов, а наша сила – твоя сила, – медленно произнес Одлис. – Я помню свою клятву, мой риар. И следую ей.

Помолчал, явно желая спросить еще что-то, но не стал.

– Впереди стена, мой риар.

Агмунд обернулся на меня.

– Где вход, дева?

– Его нет. – Мне пришлось потрудиться, чтобы говорить, а не рычать. – Придется лезть через стену.

– Какие глупости. Ну-ка прочь! Отойдите!

Агмунд приблизился к стене и положил ладони на каменную кладку. Его лицо лучилось самодовольной уверенностью, риар не сомневался, что камень откликнется. Тем приятнее было увидеть удивление в глазах ильха, когда ничего не произошло. Камни не разошлись, повинаясь его приказу и воле.

– Мертвые! Ни капли жизни! Ломайте стену! – отдернув ладони, Агмунд потряс ими, словно коснулся чего-то мерзкого. Воины переглянулись.

– Может, не стоит нам идти туда, мой риар. Не к добру это, – осторожно сказал один из них – загорелый до черноты здоровяк со шрамом на лице. – Все слышали о проклятии Саленгварда... И о Владыке Скорби, что ждет в мертвом городе.

Остальные зашептались, кивая. Я едва не взвыла от разочарования. Что, если Агмунд просто повернет обратно? Тогда никто не спасет жителей Берега.

Но тут внезапно помог Верман.

– Все это ерунда, – бросил водный хёгг. – Шторм... – Верман запнулся на этом имени, но потряс головой, словно отряхнулся от капель воды. – Шторм приходил сюда едва ли не каждый день! Даже спрятал в Саленгварде хёггкар. И как видите, жив-здоров... был. Славным воинам не стоит верить в байки. За стеной всего лишь развалины. И пепел, который охраняет не Владыка Скорби, а человеческий страх. И я намерен получить то, что мне причитается!

– За предательство тебе причитается вырванная глотка, – прошипел Эйтри, и один из воинов ткнул его кулаком. Не сильно, так, чтобы беловолосый всего лишь замолчал.

– Шторм утопил мой хёггкар! – огрызнулся Верман, отводя взгляд.

– Только вот предательство ты задумал гораздо раньше. – Эйтри тяжело, в упор уставился на Альву, и красавица заметно побледнела. Заметив это, Эйтри усмехнулся и склонил голову, рассматривая девушку. А потом поднял связанные руки и медленно провел пальцем по шее.

Альва шумно выдохнула и прижалась к боку Вермана. Тот смотрел дерзко, но было понятно, что и ему не по себе.

– Не бойся, крошка, он тебя не достанет. Заберем нашу долю пепла, погрузим на «Ярость Моря» и покинем этот проклятый берег. Совсем скоро! – зашептал он. Но Альва как замороженная смотрела лишь на Эйтри, словно и не слышала Вермана. Сам Эйтри уже отвернулся и со скучающим видом изучал воинов, которые готовились ломать стену.

Откуда-то принесли кувалды, и несколько здоровяков, размахнувшись, ударили по камням. Острое крошево брызнуло во все стороны. Пользуясь всеобщей занятостью, я все же сделала несколько

шагов и, оказавшись возле Брика, прикрыла мальчика от летящих осколков.

Брик выглядел оглушенным, замороженным. Он стоял, широко распахнув глаза, почти не моргая. И словно не видел ни чужаков вокруг, ни падающих камней. Я осторожно погладила худенькое мальчишеское плечо, но, кажется, даже этого парнишка не заметил.

Древняя стена, охраняющая Саленгвард, дрогнула и обвалилась, образуя проход. Агмунд помахал рукой, разгоняя пыль, и переступил остатки каменной кладки. Остальные двинулись за ним. Меня чужаки вытолкнули вперед и окружили, чтобы не сбежала.

Мы двинулись, и решимость воинов сменялась мрачной настороженностью. Ступая на мостовую Саленгварда, каждый поневоле старался делать это как можно незаметнее.

– Всего лишь развалины, я ведь говорил, – пробормотал в зловещей тишине Верман, когда мы прошли первую улицу. Воины ответили ему хмурыми взглядами. Многие достали оружие, хотя вокруг не было ни души.

Город расстилался вереницей пустых домов и сухих деревьев, тянущих к небу корявые ветви.

– Почему здесь так холодно? Все заросло лишайниками и плесенью...– испуганно озираясь, прошептала Альва. Под сапогами воинов с противным чавканье лопались разросшиеся грибницы.– Да еще и этот туман...Откуда он?

Теперь все воины Агмунда выхватили оружие. Туман и правда был – плотный, с прозеленью. Он появлялся словно из ниоткуда, медленно тек из-под порогов домов, стелился у ног. Еще у стены воздух был прозрачным и сухим, а стоило пройти пару улиц, и вокруг повисло густое влажное марево, которое пологом затягивало диск солнца и превращало летний день в вечерний сумрак. От этого каждому становилось не по себе. К тому же Альва была права – тянуло холодом. Зыбким, колким. Но понять, откуда он берется, тоже оказалось невозможно.

– Что за проделки, дева? – Агмунд обернулся ко мне и блеснул из-под сведённых бровей злым взглядом. – Что за вельдовские чары? Откуда зимняя стылость в летний день?

– Я ничего не делала! Я здесь ни при чем!

– Смотри, дева, – кончиком кинжала риар Дассквила указал на Брика. – Учую подвох – мальчишке не жить. И остальным тоже.

– Это не я! Это...Саленгвард.

– Гиблое место, – проворчал воин со шрамом. – Зря мы сюда сунулись. Не к добру.

– Помолчи, Кирас! Тем, кто боится старых развалин – не место в моем отряде!

– Никто и никогда не обвинял Киарса в трусости, мой риар, – прогудел воин. – Но одно дело – честный бой с врагом, а другое – проклятия и колдовские чары. Против них меч и храбрость не помогут. Я чувствую, как гладит затылок холод незримого мира, мой риар.

Киарс поежился. Остальные тоже остановились, озираясь. Туман висел клочьями, напоминая завесу дыма. И глядя сквозь него, казалось, что в разрушенных домах кто-то движется, смотрит на незваных гостей из мутных стекол. Чудились тени, но стоило приглядеться – и каждый видел лишь увитые сухим плющом стены домов да разбитые камни мостовых.

И все же воины зашептались. Оружие многие держали уже нервно и смотрели недовольно. Вот-вот повернут назад, плюнув на приказ риара.

– Я слышал, твой отец, Киарс, уже так стар, что стоит на пороге незримого мира! – быстро произнес Верман.

К счастью, его жажда наживы сейчас играла на моей стороне.

– Пепел способен подарить ему еще много лет жизни! Вернет ему здоровье и молодость! Он станет таким сильным, что возьмет себе молодую жену и сделает тебе брата! Неужели ты не хочешь этого для своего родителя? Вы все? Испугаетесь тумана и развалин? Пепел совсем рядом!

– Братцев у меня и без того не пересчитать... на кой мне еще один? – пробормотал Киарс, но было видно, что воины воодушевились. Завладеть волшебным средством хотелось многим. К тому же, кроме тумана, вокруг действительно не было ничего страшного. Даже мой спутник –дохлый беркут, и тот спрятался! Мне почти хотелось заорать на этот проклятый Саленгвард – ну же, покажи больше! Накажи врагов, что топчут твои улицы и попирают твою память! Неужели серые клочья у ног – это все, на что ты способен? Пугать впечатлительных дев – вот и вся твоя сила, Владыка Скорби?

Но, похоже, так оно и было. Город лежал пустыми, безжизненными и беспомощными развалинами. Вероятно, я была права, говоря Шторму, что проклятие Саленгварда разрушило само время. И все, что осталось от него – это несчастное чучело птицы и издохший под ближайшим кустом волк.

Воспоминание отозвалось внутри нестерпимой болью.

На несколько минут мне удалось забыть. Удалось поверить, что все по-прежнему. Что он просто где-то среди волн и вернется вечером, легко ступая по песку у разбитых хёггкаров...

«Не бойся глубины... я удержу...»

Я снова часто-часто заморгала. Нельзя об этом думать. Никак нельзя. Надо спасти Брика. И остальных...

Воин со шрамом покосился на меня.

– Говоришь, много там этого пепла, дева?

– На всех хватит, – бесцветно отозвалась я.

– Далеко еще? – недовольно процедил Агмунд.

– Почти пришли.

Мы и правда успели дойти до площади, за которой белела лестница. Отряд замер, со смесью страха и восторга рассматривая то малахитовый дворец, виднеющийся в прорехах тумана, то мечи, вбитые в камни мостовой.

Я облизала сухие как песок губы. Мой смутный план был прост – увести врагов в Саленгвард, открыть камни и запереть их внутри. Но я не учла жестокость и коварство Агмунда, и того, что он возьмёт заложников. О себе я в тот момент почему-то даже не подумала... Но теперь получалось, что внутри скалы окажутся все. Может, я могла бы рискнуть Ирганом и Эйтри. Может, не посмотрела бы на перепуганных девушек, имен которых даже не знала.

Но Брик? Я не могла пожертвовать им. Шторм защищал мальчика ценой своей жизни. И я не могу его подвести. Я обязана тоже... защищать.

Как моего младшего брата Алекса, которого всегда опекала. Как моего старшего брата Майка, которого не смогла спасти. Как память о мужчине, который навсегда в моем сердце. Брик должен вернуться живым.

А значит, я не могу просто запереть чужаков в камне.

Но что же мне теперь делать?

Язык казался сухим и распухшим, губы потрескались, глаза нещадно жгло от невыплаканной соли. Слезы всегда напоминают мне о море. Всегда...

Не колеблясь, я сделала несколько быстрых шагов и сжала ладонь на втором мече, там, где ржавая вязь символов сложилась в слово «Душа». Кожа треснула, словно только этого и ждала. Струйка крови стекла по железу, заполняя руны.

И все исчезло.

– ...еще один...

Обрывок фразы утонул в тумане, который мешал не только видеть, но и слышать. Голос оказался незнакомым. Шелестящим. Старушечьим. Странно. В отряде чужаков из Дассквила точно не было никаких старух. Так откуда она взялась?

– Еще один добавлю... Сквозь пространство, сквозь время... Совиным пером, птичьей костью... Кровью и пеплом, кровью и пеплом... Зовом моим...

Старуха бормотала совсем рядом, буквально у меня под боком. Смысл тарабарщины я не понимала, но почему-то от нее делалось страшно и неудобно.

Что происходит?

– На моей шкуре уже не осталось живого места, – ворчливо сказал кто-то.

И я вдруг поняла, что голос принадлежит... мне? Что за ерунда? Это точно не мой голос! Начать с того, что он явно мужской! Но слова вылетели одновременно с воздухом, когда открылись мои губы!

Или не мои?

Что со мной происходит?

– Потерпишь, а-тэм, – без доли почтения оборвала ворчание женщина. – Пробить толщу мироздания не так-то просто. И опасно. Из-за тебя я делаю то, что может не понравиться Плетущим-Нить-Норнам.

– Не хочу ничего знать о твоих совиных богинях, – буркнул мужчина. Или буркнула... я? – Делай свое дело, вельда. Найди воина. Того, кто сможет спасти город.

– Не так-то это просто, а-тэм... Может, всей твоей крови не хватит, чтобы отыскать такого. Может, и нет его вовсе.

– Есть, я точно знаю. Должен быть, – хрипло отозвался тот, кто был мною. Или я была – им? – Ищи. Саленгвард поможет. Ищи, вёльда!

Имя города вдруг отозвалось внутри звоном, и туман перед глазами начал рассеиваться. Но что это? Где я?

В глаза бросились стены, увитые терновником и вьюнком, каменный пол, отсутствие мебели. И гора костей, насыпанная в центре этого странного помещения! Потом взгляд выхватил чадающую плоску, внутри которой тлела трава, распространяя горький дурманящий дым. Глиняную посудину держала сухая старческая рука.

Я моргнула, подняла голову, пытаюсь рассмотреть больше. Значит, не померещилось. Старуха и правда была. Горбоносая и темноглазая, босоногая и не слишком чистая незнакомка, одетая в серое платье без рукавов. Самым примечательным в ее облике был плащ. Черную ткань украшали птичьи перья, от ворота до длинного, тянущегося по камням подола. Они лежали так плотно, что казались единым целым, словно и не плащ то вовсе, а одеяние живой хищной птицы.

В одной руке старуха держала чадающую плоску. А во второй – окровавленный нож.

В нос ударил знакомый железистый запах.

Я опустила взгляд и подпрыгнула. Мои руки сплошь укрывали вырезанные на коже символы-руны. От крепких загорелых запястий до самых плеч, где блестели массивные золотые обручи. Единый! Эта ужасная старуха изрезала мне руки!

Но постойте...

Это ведь не мои руки! Хотя бы потому, что они мужские!

Да какого демона?

– Что... что происходит? – прохрипела я и осеклась.

Старуха в плаще замерла с занесенным ножом, дым от ее плоски резал глаза.

– Постой, вёльда! – Эти слова снова вылетели из моего рта, который, как я уже поняла, вовсе не был моим. – Я что-то чувствую! Неужто получилось?

– Ты чувствуешь в себе дух призванного воина? – Черные глаза вёльды блестели молодой яркой силой совсем не по-старушечьи.

– Кажется... да, – снова произнес мой рот. – Я чую его! Не бойся, воин. Твой дух призван лишь на время, а тело в покое там, где ты его

оставил. Тебе не нужно переживать!

Я мрачно молчала. Не нужно переживать? Да конечно! Мое несчастное тело, судя по всему, сейчас валяется на мостовой Саленгварда в окружении толпы агрессивно настроенных чужаков. Да уж, никаких поводов для волнения!

– Что случилось? Где я?

Слова снова произнес мужчина с изрезанными руками. Похоже, каким-то невероятным образом он и старуха-вёльда призвали мой разум. Или душу? Ох, лучше об этом не задумываться! Не сейчас. Пока надо разобраться, зачем я здесь и как мне вернуться в облик Миранды.

– Я чувствую чужой страх! – с радостью выкрикнул мой рот. Рука, покрытая кровавыми рунами, властно протянулась к старухе. – Дай мне льдистое стекло, вёльда! Воин должен знать, с кем говорит!

Ворча, женщина достала из-под складок птичьего плаща небольшое зеркальце, протянула. И заглянув в него, я рассмотрела знакомое мужское лицо. Тяжелый, чуть раздвоенный подбородок, орлиный нос, золотые волосы, заплетенные в косицы. Матовый обруч на шее. И яркие голубые глаза, которые я тоже уже видела.

А-тэм из чужих воспоминаний! А-тэм проклятого риара.

– Это какой-то ритуал? – Я увидела в зеркале, как шевельнулись мужские губы.

– Ты понял верно, воин, – со вздохом мужчина уронил зеркало на сухую траву у ног. – Ритуал вёльды, что своим чаровством выдернула тебя из тела и принесла сюда, в Саленгвард. Ты, верно, знаешь о нем. Все знают. Скажи, что ты слышал про город диковинок и Даров Перворожденных? Не бойся произносить слова. Ты говоришь моим языком, но это ненадолго. Времени мало – пока тлеет вёльдова трава и пока не затянутся порезы на моих руках.

Он-я поднял ладонь, и я удивленно ахнула. Вырезанные на коже символы заживали буквально на глазах.

– Да, я исцеляюсь... – со странной интонацией произнес а-тэм. – Быстрее, чем любой человек. Или даже хёгг. И в этом тоже причина того, что ты здесь, воин. Причина, по которой я согласился на кровавый ритуал вёльды. Так что ты знаешь о Саленгварде, воин?

Мужчина провел рукой по глазам, и на миг я ощутила его безмерную усталость. И боль. Она была сродни той, что испытывала я.

Боль потери того, кто дорог...

– Не хочу тебя огорчать, но я не воин. – Говорить с собой, да еще и чужим голосом, оказалось жутковато. – Меня зовут Миранда.

– Дева? – Мужчина обернулся на старуху, но та лишь пожала плечами. – Ты обещала мне воина, ведьма!

– Решаю не я, – огрызнулась женщина. – Я могу лишь открыть путь.

– Но чем мне поможет слабая дева? Чем она поможет Саленгварду? – почти в отчаянии крикнул а-тэм. – Мне нужен тот, кто способен сражаться! Кто может победить! Ты обманула меня!

– Я открыла путь, как ты и просил! Ценой птичьих жизней, что порой важнее жизни глупых людей! – сурово оборвала вёльда, и мужчина осекся. – Если дева прошла по грани незримого мира, может, не так уж она и слаба! Говори, пока течет дым, а-тэм. Время уходит.

Отвернувшись от старухи, мужчина несколько раз с силой втянул воздух, потом выпрямился и, подойдя к круглому окну, выбитому в камне, глянул вниз. И я с удивлением увидела знакомый город. Те же фонари-цветы, те же дома с расписными стенами. Тот же малахит и мрамор. Несомненно, я видела Саленгвард. Но иной. Таким он был в моих снах: бурлил людским потоком, звенел голосами, двигался. В реальности я видела эти здания разрушенными, с дырявыми стенами, а сейчас наблюдала, как их возводят.

Это был Саленгвард из прошлого. Сколько лет минуло с этого дня? А вернее – сколько веков?

– Дева... – не скрывая разочарования, протянул ильх. – Значит, все напрасно. И зря я прогневал Перворожденных, обратившись к чаровству вёльд. Теперь ничто не спасет Саленгвард. И остается лишь один путь – писать прошение в Совет Ста Хёггов. И уповать на их милость...

– Не спасет от твоего риара? – уточнила я, и мужчина вздрогнул. Кажется, поняв, что призвал деву, он сразу списал меня со счетов и успел обо мне забыть.

– О, ты знаешь о нем, – со смесью горечи и гордости произнес ильх. – Все знают. Великий риар прекрасного города чудес. Тот, кто создал железных коней и птиц, кто заставил двигаться в толще воды морского змея со стеклянной чешуей! Это ты слышала, дева? Небесный Дар Перворожденных – вот как называют моего риара!

Называют его теперь иначе, но спорить я не буду. На это нет ни времени, ни желания.

– Что он задумал? Твой безумный риар, что он задумал?

Ильх, кажется, опешил от такого напора. Удивленно поскреб макушку, дернул косицу с вплетенными в нее драгоценными камнями.

– Откуда ты знаешь о безумии, дева? Неужто дурные слухи успели наполнить фьорды?

– Так что он сделал? – поторопила я.

– Мой риар по праву назван величайшим из ильхов, – тяжело вздохнув, произнес мужчина. – Ни в ком я не встречал столь острого разума и такой тяги к познанию. Равного ему нет даже в башнях Варисфольда. Но живой разум таит в себе и величайшую опасность. Он не терпит оков. В нем нет страха и нет границ. Нет преклонения. Мой риар счел себя равным Перворожденным. И даже выше их. Он попрали их законы и установил свои. Традиции предков им забыты, теперь мы почитаем мертворожденных чудовищ, созданных из стекла и железа. Эти жуткие твари плюются кипятком и ядом, их крылья режут осколками и колют шипами. Они убивают без раздумий и малейшего милосердия. Живое мой риар поменял на мертвое, ведь мертвое будет служить гораздо дольше! Оно не чувствует боли, в нем нет изъянов. Это новый мир, мой глупый а-тэм, так он сказал. Но и этого моему побратиму оказалось мало. Когда я пригрозил, что Перворожденные накажут его за дерзость, он рассмеялся. И ответил, что незримый мир никогда его не получит. Не для того он познал так много, чтобы сдаться на волю времени.

– То есть как это? – не поняла я, и ильх недобро рассмеялся.

– Он хочет получить власть не только над жизнью, но и над самой смертью! Говорит, что отпущенных ему лет слишком мало, чтобы познать все... В нем нет жестокости, дева. Он верит в то, что делает. Верит, что несет людям благо. И это страшнее всего! Мой побратим сказал, что желает победить само время. И он нашел способ! Но настолько ужасный, что мой язык не повернется назвать его! Ты видишь, как быстро затянулись мои раны, дева? Это тоже сделал он... мой риар. Быстрое исцеление, вечная жизнь... Но какой ценой?

Мой взгляд опустился на руки, покрытые уже не кровоточащими полосками, а зажившими рубцами. Да и те светлели на глазах.

– Сначала я думал, что мой брат и правда дарован фьордам для их процветания, но то, что он делает сейчас... это проклятие! Проклятый риар, вот кто он! И все напрасно... Я упустил время. Не остановил его. Не смог выполнить свой долг. Я был обязан защитить город и его, моего побратима. Защитить даже от него самого! Должен был убить. Но я не смог. Струсил. А сейчас уже слишком поздно. Я чувствую – собирается гроза. А воды шепчут, что Саленгвард обречен.

Ильх заметался по комнате. Вёльда следила за ним из-под насупленных седых бровей, дым в ее плошке был удивительно похож на тот, что окутывал улицы Саленгварда. И он почти растаял.

– Но как его остановить? Как?

– Убить, – хрипло прошептал а-тэм. – Но это уже почти невозможно... он почти бессмертен... Ценой чужой души, дева. Мой риар говорит, что сильный всегда пожирает слабого – таков порядок вещей. Теперь осталась лишь одна надежда – на Совет Ста Хёггов. Властью самих фьордов они разделят тело с душой и разумом и навечно прикуют к землям Саленгварда...

Комнату затянуло дымом-туманом, мелькнул перед глазами ржавый меч с вязью рун, малахитовая зелень вдали... Глаза вёльды блестели спелыми вишнями... На миг почудилось, что нет никакой старухи, а в птичьем плаще стоит юная девушка.

Ильх поднял голову, словно прислушиваясь.

– Я все еще слышу, как плачет Вёльхон. Не дай тебе Перворожденные узнать, как плачет хёгг, дева... Нет ничего ужаснее. А теперь – возвращайся. Ты ничем мне не поможешь.

– Стой! Как зовут твоего риара? И тебя...– Почему мне показалось это важным?

Мои-его губы растянулись в удивленной улыбке.

– Ты не знаешь? Все знают эти имена. Великий риар Саленгварда Харгор и а-тэм его – Ёрмун.

Глава 25

– Торферд, помоги мне! – закричала Нана. – Скорее! Он еще дышит. Шторм дышит! Дайте воды!

– Старый Одлис промазал! – просипел ее брат, осторожно придерживая здоровой рукой голову своего капитана. – Не попал в сердце!

– Вряд ли такой опытный лис мог промазать, – возразил Бирон-Стервятник, с тревогой глядя на бледное до синевы лицо Шторма. Не верилось, что ильх все еще дышит. Казалось, в его теле не осталось крови, вся она была в луже под ним. – Сдается, Одлис сделал это намеренно. Пощадил Шторма вопреки приказу своего риара.

– Но зачем?

– Может, ему не понравилась правда об ильхе, которому он служит. Агмунд послал своего а-тэма убить Брика и его мать, но сделал это тайно. Знал, что за такой поступок от него могут отвернуться свои же воины. Вот Одлис и задумался, стоит ли выполнять приказы такого риара.

– Вот только его удар вряд ли можно назвать пощадой, – тихо произнесла Нана, осматривая окровавленное тело Шторма. Да, ильх все еще дышал, лезвие не задело сердце, и все же...

– Рана все равно смертельна. И морская глубина здесь уже не поможет, – поняв мысли сестры, с отчаянием прогудел Торферд. – Шторм умирает. Если...

– Если... – эхом отозвалась Нана.

Ильхи – измученные, избитые, грязные – сбились кучей вокруг лежащего на земле капитана. Его дыхание становилось все тише. Рану прижали тряпками, но это не могло спасти Шторма. Каждый понимал, что выход лишь один.

– Если мы не дадим ему пепел, – закончил Бирон.

– Шторм запретил. Он принимал его слишком часто. Он и так слишком близок к тому, чтобы стать другом. Даже щепоть может отобрать его душу.

– Без пепла он не протянет и получаса. Старый Одлис знал про порошок, может, он подарил Шторму время на исцеление.

– Но он не знал, что каждый, кто принимает много пепла, становится другом, – хмуро сказала Нана. – Каждый, кто не сумеет вовремя остановиться. Шторм запретил давать ему порошок. Так и сказал: даже если я буду подыхать, не вздумай влить в мою плотку эту проклятую дрянь, Нана!

– И что же ты собираешься делать?

– Именно это, – вздохнула великанша. – Влить пепел в горло Шторма и молить Перворожденных, чтобы он не стал другом. Иначе у Последнего Берега не будет ни малейшего шанса! Став бездушным чудовищем, Шторм сам нас всех перебьёт, а мы не сможем его остановить!

– Он и так нас всех перебьёт, когда очнется и узнает, что мы нарушили его приказ, – уныло предрек Торферд, глядя, как сестра достает резную коробочку, смешивает порошок с водой и открывает бледные губы Шторма.

Мутная струйка стекла на его язык, грудь ильха резко приподнялась, шумный вдох вырвался из губ. Выдох задерживался. И все затаили дыхание, молясь про себя Перворожденным.

А потом Шторм закашлял и открыл глаза. Окружившая его толпа резко отпрянула, с испугом всматриваясь в глаза Ярла. Но они все еще были серо-зелеными, хотя и очень злыми.

– Не друг вроде, – прошептал Торферд, и остальные подпрыгнули.

– Так другом-то не сразу становятся, – таким же громким шепотом откликнулся старик Дюккаль. Кошка высунулась из бороды Вегарда и рывками втягивала запах пепла и крови. – Может и пара дней пройти, прежде чем человек устанет сопротивляться проклятию! Вот тогда-то глаза и потемнеют, а душа погибнет! Застрянет между зримым и незримым, не здесь и не там! Эй, Шторм, это все еще ты?

Шторм приподнялся на локте, обвел взглядом испуганные лица друзей, глянул на свою грудь, где рана уже стягивалась неровной коркой.

– Где Мира? И Брик? Сколько погибших?

Попытался встать, но Нана его удержала.

– Да постой ты! Нельзя же вот так сразу... Дай шкуре срастись...

– Она виновато пошамкала губами. – И прости меня. Выхода не было.

– Не вини себя, Нана. – Шторм мягко коснулся ее руки. – Я понимаю. Сколько ты мне дала?

– Самую малость! – Взволнованная Нана даже не стала возражать, когда Шторм все-таки поднялся. – Всего несколько щепотей, чтобы рана заросла, а кровь остановилась! Этого мало для полного исцеления, и ты все еще слаб. Но теперь тебе поможет глубина и...

– Нет времени, – отмахнулся Шторм. Острый взгляд скользнул по людям, подмечая их потрепанный вид. Посмотрел на солнце, прищурился. – Сколько я тут валялся?

– Недолго.

– Значит, Мира все-таки повела Агмунда в Саленгвард. Кто ушел с ними?

– Эйтри с Ирганом, безмолвные сестры Эйса и Адела. И еще Брик.

Шторм мрачно кивнул.

– Мне нужен мой меч. Принесите.

Молодой светловолосый ильх с рыбкой на лице протянул клинок.

– Вот он. Я принес, повелитель.

Шторм не стал поправлять, лишь кивнул.

– Но ты не можешь идти за ними, – встревожилась Нана. – Ты еще слаб, Ярл! Рана едва затянулась, повернешься неловко – и снова откроется! А ты хочешь размахивать мечом против толпы воинов?

Шторм ответил коротким взглядом, и женщина осеклась. Помрачнела.

– Нана, Бирон, пройдите по берегу, найдите всех, кому еще можно помочь. перевяжите их раны. Пепел... только в случае неизбежности. Сколько хёггкаров подожгли?

– Все, – сказал Бирон.

Ответил сухо, но в глазах конухма-отступника застыла боль. Этот берег был его домом почти всю жизнь.

Шторм молча сжал оплетку своего меча.

– Торферд, собери тех, кто еще может сражаться. А после води их в Саленгвард.

Великан тихо охнул.

– А как же проклятие, Ярл?

– Даже оно меркнет перед человеческой злобой и жестокостью, Торферд. Если Агмунд вернется, он никого не пощадит.

– Но...

– Пришлая девчонка не побоялась, повела врагов за собой, от нас повела! А ты что же – трусишь, братец? – прищурилась Нана, уперев руки в бока.

И Торферд сник, отчаянно мотнул головой.

– Я все сделаю... Все сделаю!

Шторм кивнул, обвел еще одним взглядом притихших ильхов. У каждого из них была своя история, приведшая сначала в море – с камнем у ног, а потом на борт его хёггара. Каждый стал преданным соратником и верным другом. Они сражались вместе под черным знаменем «Ярости Моря», вместе делили штиль и бури. А после – жизнь на Последнем Берегу.

– Пусть хранят тебя глубокие воды, буйные ветра и духи предков, мой повелитель, – сказала Нана.

– Последний Берег берет все и ничего не отдает, – сказал Бирон-Стервятник.

– Милости Перворожденных всем вам, – ответил Шторм.

И пошел к Саленгварду. Первые шаги – пошатываясь. Но с каждым все увереннее.

Холодная вода промочила меня насквозь. И привела в чувство.

Я разлепила ресницы и некоторое время отчаянно моргала, пытаюсь понять, почему меня облили, где я, и что происходит.

– Очнулась, красавица? Ну наконец-то. Я ведь говорил, от недомоганий дев всегда водичка помогает. Особливо – студёная!

Ко мне склонилось несколько лиц. Смеющиеся – чужаков, отстраненное – Одлиса, и встревоженные – Иргана и Эйтри.

– Что случилось?

Я села, мотая головой. С волос полетели капли.

– Ты рухнула на дорогу как подкошенная. – Возле меня присел Одлис, протянул руку, помогая подняться. – Еще и за ржавый меч схватилась, порезалась. Встать можешь?

Агмунд скривился при этих словах, и я поторопилась кивнуть.

– Могу. Со мной все в порядке.

Проигнорировав руку Одлиса, я осмотрелась. Воин так и остался стоять с протянутой ладонью. А потом молча кивнул и отошел.

Я беспомощно оглянулась на последний меч. Полустертая вязь рун выплетала слово «Плоть».

Но почему ничего не случилось? Сама не знаю, чего я ждала, но... хоть чего-то! Древнее проклятие должно было свершиться, ведь так? И сейчас почивший риар Саленгварда представлялся мне куда безопаснее живого и злого Агмунда! Ну хоть бы какой-нибудь завалявшийся призрак явился! Что-нибудь, способное отвлечь врагов и дать нам шанс на спасение!

Но чтобы грянул гром, наверняка надо окропить кровью все мечи.

Я потянулась к последнему клинку. Но чья-то сильная рука дернула меня за шиворот, поднимая.

– Довольно этого притворства, дева! – рявкнул Агмунд. – Либо веди нас к волшебному порошку, либо я начну отрезать куски от твоих друзей. Пожалуй, начну с беловолосого, слишком много говорит! Эй, Бергтор, ну-ка избавь его и от второго глаза!

– Стойте! Пепел наверху! – живо подскочила я. – В малахитовом дворце. Уже близко, надо лишь подняться по лестнице.

Все еще порой мотая головой, чтобы выкинуть оттуда дым и образы, а заодно согреться, я двинулась к мраморным ступеням. Шла, слегка шатаясь и не замечая обеспокоенных взглядов Иргана. Даже Эйтри смотрел с тревогой. Но я могла лишь бледно улыбнуться, показывая, что все хорошо.

Хорошо, конечно, не было. Трудно найти что-то хорошее в конвое из вооруженных чужаков, пугающих видениях и темной паутине, расползающейся на руке. Из-за крови она была не видна, но стоило присмотреться, и жутковатая сеть проступала сквозь кожу. Я спрятала ладонь в складках платья. На языке горчил дым из плошки вельды. Мысли путались, и думать толком не получалось. Еще недавно я сочла бы свои видения галлюцинациями, бредом, вызванным усталостью или стрессом. Сейчас, шагая по лестнице Саленгварда, я ни минуты не сомневалась в реальности произошедшего. Я действительно побывала в теле а-тэма из прошлого. Меня призвали с помощью колдовства, у которого нет никакого рационального объяснения.

Да и не надо. В конце концов, чем мне это объяснение поможет? Надо выпутаться из сетей чужаков, надо спасти людей, но я так и не придумала дельного плана! И, похоже, очередной порез грозит мне лишь заражением крови, да и только!

Что же делать?

А самое ужасное... что предпринять, если малахитовый зал не откроет свои стены и не покажет дорогу к останкам Вэльхона? Что я буду делать тогда?

Сжав зубы почти до хруста, я заставила себя просто шагать по лестнице. Позади тихо переговаривались воины.

– ...и мечи странные... зачем их воткнули посреди дороги? – бормотал воин со шрамом – Кирас. – На ритуал больно похоже... Не к добру...

– Этот сброд годами таскал отсюда волшебный порошок, и ничего им не сделалось, – это уже Бергтор, который облил меня водой. – Заберем пепел и уйдем.

– Туман сгущается. Словно в облаках топаем!

– Не нуди. Дошли уже...

Пелена расступалась, показывая малахитовую зелень дворца. Огромные ворота стояли нараспашку, и я нахмурилась. Разве, когда я уходила отсюда в последний раз, двери были открыты? Вроде нет... Хотя их мог распахнуть сквозняк.

– Шевелитесь, что застряли?

Воины притихли, входя в огромный зал. Несколько минут все стояли молча, рассматривая остатки бывшего великолепия и узор на полу: черный и белый хёгг, сплетенные в вечных объятиях.

– Не к добру, – мрачно произнес за спиной Кирас и заслужил яростный взгляд своего риара.

– Вернемся в Дассквил – получишь плетей! Надоело тебя слушать! – рявкнул он. – А сейчас – забираем этот хеллев пепел. Где он, дева?

Едва дыша, я повернулась к стене. И сдержала удивленный возглас. Вместо каменной кладки виднелся широкий коридор. И его точно не было раньше!

Не отвечая, я первой пошла по проходу. На стенах тускло тлели светильники, но чья рука их зажгла? Странно все это... Малахитовые стены хранили холод, внутри дворца оказалось зябко.

– Верман, посмотри, даже тут туман, – прошептала за спиной Альва. – Разве так бывает?

– Помолчи...

Эхо шагов ударялось о стены и таяло, поглощенное тишиной. За первым коридором открылся второй, а потом еще. И когда Агмунд уже начал злобно рычать, камни расступились, и мы оказались в огромном зале-пещере.

Вошедшие воины шарахнулись в сторону, Верман и Альва испуганно прижались к стене. Эйтри усмехнулся. Один Брик по-прежнему выглядел сонным и безучастным, словно не совсем понимал, где мы и что происходит.

– Это что? Ловушка? Куда ты привела нас, подлая дева! – сказал Агмунд, тараща глаза на скелет, занимающий добрую часть зала.

– Я привела вас, куда обещала, – пользуясь всеобщим замешательством, я переместилась поближе к Брику. Поведение мальчика меня беспокоило.

– Ты обещала отдать пепел! Средство, исцеляющее любые болезни!

– Так вот он, – сделала я широкий жест рукой. – Сожжете кости – и получите свой волшебный порошок.

– Но это хёгг!

– Да. Вёльхон. Потомок Лагерхёгга. Хёгг Проклятого риара, последнего правителя Саленгварда. Насколько я поняла, риар сумел сделать невозможное, и благодаря кровавому ритуалу Вёльхон в каком-то смысле все еще жив. Потому его кости и исцеляют.

На меня уставилось несколько десятков шокированных, ошеломленных глаз.

– Что ты говоришь, дева?

– Но это... невозможно! Ужас ...

– Проклятый риар... Владыка Скорби!

– Не к добру.

– Заткнулись все!

Последнее, конечно, вырвалось изо рта Агмунда. Альва выглядела такой бледной, что казалась тающей тенью. Она цеплялась за руку Вермана, но тот ладонь убрал и шагнул к скелету.

– То есть порошок надо делать? И сколько выйдет из одной кости?

– Мешок, – процедила я.

– Целый мешок? – загорелись глаза контрабандиста. Верман привык нарушать закон и жить за гранью, видимо, поэтому его меньше других испугало увиденное.

Или его просто вела жадность. Та самая, что заставляла вылавливать из моря преступников и продавать их в качестве рабов.

– Дайте топор! – потребовал он.

– Да ты в своем уме? – уставился на него Кирас. Воин тоже побледнел, только шрам на его лице стал пунцовым как рана. – Это останки хёгга, не видишь, что ли? Ты собираешься отрубить его лапы и крылья, чтобы продать на рынке? Это низость!

– Не тебе меня судить, – огрызнулся Верман.

– Прости, мой риар, но на такое я не соглашался, – пробормотал один из воинов. Кто-то мрачно кивнул, другие стояли молча, отводя глаза.

Пустые глазницы на огромном черепе, казалось, рассматривали мелких людей.

– А там что? – Агмунд, нахмурившись, взгляделся в кольцо драконьего скелета. Внутри крыльев темнело черное, ничего не отражающее зеркало.

Я пожала плечами. Верман все-таки забрал топор у одного из воинов и вскинул, примеряясь к хвосту хёгга. Кирас тоже шагнул вперед.

– Остановись! Перворождённые нас проклянут!

– Такие, как я, прокляты уже давно! Отойди!

– Мой риар, останови это надругательство! Перворожденные всех нас покарают! Мы воины, мы не разоряем могилы хёггов!

– Не мешайте мне! Я возьму то, что мне причитается! – взмахнул топором Верман. Лицо его исказилось, как у безумца, и Кирас поневоле отшатнулся. Воины топтались и переглядывались, не зная, как поступить.

Одлис медленно поклонился останкам дракона, прижал кулак к груди, повернулся и направился к выходу.

Агмунд обжег его спину злым взглядом, поджал губы.

– Что ж... Нарушать вечный покой хёгга – недостойно воина, тут ты прав, Кирас. Ты обманула нас, дева.

– Я привела к пеплу.

– Умолчав о его природе. Чего ты хотела? Увести нас с берега? Мы возвращаемся. И на этот раз пощады не будет.

– Не раньше, чем я заберу свой пепел! – выкрикнул Верман. Взмахнул топором, ударил, и лезвие глухо звякнуло о кость. В месте

удара разбежались красноватые искры-змейки.

Все замерли, с ужасом уставившись на застрявший топор. Огненные молнии катились по скелету волной, окрашивая белизну в багрянец. Туман стелился по полу, уплотняясь и сгущаясь.

– Уходим! – крикнул Агмунд, обнажая меч. – В пекло этот Проклятый Берег! Убейте пленников! Возвращаемся в Дассквил!

Эйтри каким-то непостижимым образом взмахнул руками, проведя связанными запястьями по мечу одного из замешкавшихся воинов, крутанулся и с размаха ударил его же кулаком. Ильх, хрипя, покатился по полу, а Эйтри уже схватил его оружие, развернулся к следующему. Иргван метался в тумане, но кажется, уже и ему удалось избавиться от пут.

На миг я даже успела ими восхититься, но тут Бергтор с ревом бросился на застывшего Брика, и я рванула к мальчишке. Успела оттолкнуть и нырнула вниз. Меч со свистом прошел над головой, едва не снеся мне макушку. Я на ощупь схватила руку Брика и потащила его в сторону. Ключья тумана слепили глаза, марево казалось густым и жирным, как наваристый бульон. Откуда оно взялось? Правда, сейчас я могла лишь сказать за это спасибо.

– Найдите их! Убейте!

Я втокнула Брика в какую-то нишу с полками. На голову посыпались сухие палки...

– Сиди тут. Понял?

Мальчик не ответил. Я выпрямилась, заслонив его и пытаюсь хоть что-то понять. Кажется, Иргана все-таки свалили, я услышала его яростный вопль. Эйтри кружил, отбиваясь сразу от троих. Но силы были явно не равны! И выход перекрыт, чтобы к нему пробиться, придется уложить отряд вооруженных воинов!

– На что вы рассчитываете, отребье? – Агмунд поморщился из-за досадной задержки. И прикрикнул на своих: – Ну что вы возитесь? Перережьте им глотки. Их всего двое!

– Трое, – произнес кто-то у входа.

Мое несчастное, уничтоженное, разбитое сердце вдруг замерло. А потом ударило с такой силой, что стало больно. Не веря, боясь поверить, я прижала руку к груди. Всмотрелась в туман до рези в глазах.

Мне почудилось? Или Саленгвард играет со мной? Или я снова провалилась в обморок и вижу прекрасную грезу? Это ведь не может быть...он?

Морской ветер ворвался в пролом стены, шальным озорником взметнул полы одежд, волосы и клочья тумана. Ласковым прикосновением погладил мои щеки, нежно лизнул мокрые ресницы. И улетел обратно – к своему хозяину.

– Не может быть. Ты мертв! – выдохнул Агмунд.

Шторм улыбнулся и поднял меч.

Немного ранее...

Саленгвард встретил Шторма тишиной и туманом. Дойдя до мечей, ильх остановился. На металле краснели бусинами капли крови. Он выругался сквозь зубы. Кто поранился о проклятый клинок? Кто?

Чутье подсказало ответ, и Шторм выругался снова. Надо спешить. Белая лестница растянулась перед ним издевательским оскалом, ильх ответил рычанием. Если бы кто-нибудь спросил, что он ненавидит больше всего на свете, он сказал бы – Агмунда из Дасквила. А еще – ступени. Все в мире, и особенно – эти. Гладкие, белые, скользкие, словно облитые маслом. Обточенные временем и множеством кожаных подошв. Беспощадные ступени.

Если бы кто-то спросил Шторма, чего он боится, он забыл бы про Агмунда, но, увы, тоже вспомнил бы эти проклятые ступени! Потому что давно позабывший страх ильх ощущал панику, стоя на краю лестницы и глядя в ее невообразимую, невыносимую, недостижимую высоту. Он мог победить опытного, закаленного в боях воина или свалить дикого зверя, мог укротить бурю, мог повернуть течение. Он давно не боялся ни ярости моря, ни гнева грозы, ни живых, ни мертвых. Он умел многое. Но будь все проклято, он не мог преодолеть эту Хеллеву лестницу! Пытался несколько раз, но так и не сумел!

И это понимание сводило Шторма с ума.

Клочья тумана разошлись, показав верхний ярус и людей, входящих в малахитовый дворец. Он опоздал совсем немного! Он должен их догнать. Должен.

Ругательства уже не помогали, и Шторм, сжав зубы, поставил ногу на следующую ступень. Колено прострелило болью сразу же.

Никакой подготовки, никакой отсрочки. Первые же ступени могли отправить его в бесславное поражение.

Сжав зубы, боком, чтобы уменьшить вес тела, Шторм полез наверх. Ухищрения не помогали. Боль сжала на ноге стальные челюсти и начала медленно пережевывать. Кожа, мышцы, кости, все ускоряющийся ток крови. Он знал, что это иллюзия, но все явственнее ощущал клыки, рвущие на части его тело.

Выше. Выше. Выше.

Проклятые, ненавистные ступени. Их так много, что невозможно сосчитать. И каждая дарит новую боль.

Когда Шторм добрался до срединного пролета, его тело тряслось, словно в лихорадке, лицо покрыла испарина. Рана на груди нещадно болела и, кажется, снова кровоточила. Уставшая нога мелко скользнула по мраморной глади, и Шторм клацнул зубами. Если он поскользнется... Если только поскользнётся... Лестница внизу казалась ледяной горкой. И, скатившись вниз, Шторм вряд ли сможет снова преодолеть этот путь. О том, что спускаться все-таки придётся, он сейчас не думал. Главное – остановить Агмунда. Прикончить проклятую лестницу, а потом чужаков. Найти Миру и остальных. Спасти.

Кожаный мешочек на поясе налился тяжестью, словно внутри лежал булыжник, а не легкий, почти невесомый порошок. Нана пристегнула его, прощаясь со Штормом. Повесила ему на пояс искушение, от которого так трудно отказаться. Внутри шелестел голос пепла. Достаточно нескольких щепотей... всего нескольких!

Выдохнув почти со стоном, Шторм отдернул руку от проклятого порошка и пополз дальше. Никакого пепла. Он и так слишком близок к бездне. И новая щепоть может стать последним ударом в спину, от которого он кубарем полетит в пропасть. Туда, откуда уже нет возврата.

Всем, кто впервые пробовал пепел, он казался даром Перворожденных, волшебным эликсиром. Пепел исцелял, забирал боль, давал силы. И Шторм тоже попал в ловушку пепла. Раненая в Дасквиле нога заживала слишком медленно, кость срослась неправильно. Даже глубина не могла полностью излечить ильха. Ему мог бы помочь Зов сильного риара, ведь не зря люди всегда стремились жить рядом с таким правителем. Изначальный Зов

Перворожденных был дарован для избавления от ран. А любовь прекрасных дев, что слышат его, оказалась приятным подарком. Там, где живет сильный риар, люди здоровы и крепки, их раны заживают легко и быстро.

Но на Последнем Берегу нет такого риара. Здесь нет никакого, здесь только отверженные и проклятые, полоса леса, море и мёртвый город на склоне.

И пепел.

В те первые дни после Дассквила Шторм принял его слишком много. Бирон не сказал, откуда берется исцеляющий порошок. А когда Шторм узнал сам – было поздно. Лишь сила водного хёгга все еще удерживала ильха от перерождения. Так что теперь каждая новая щепоть – это лезвие, застывшее у горла. Может, промажет. А может, и нет. Когда искушение принять еще хоть крошку становилось невыносимым, Шторм вспоминал лица и имена тех, кто не удержался.

Не меньше десятка лиц и имен. Он вспоминал их смеющимися и живыми, не такими, какими их сделал пепел. И тем более не такими, какими они горели в очищающем пламени. Други сильнее любого воина, они крошат камни голыми руками и способны убивать за считанные минуты.

И никто не вернулся с той стороны, став проклятым другом.

Никто.

Шторм коротко выдохнул, отдернул руку от мешочка на поясе и упрямо пополз дальше.

Невидимые железные клыки перемололи в труху его ногу и теперь грызли все остальное тело. Спину, плечи, шею. Даже лицо, и то дергало от каждого шага. Но Шторм лишь шипел и упрямо двигался вверх.

Перед глазами стояло одно лицо. Он хотел бы сейчас думать о Брике, ведь раньше именно забота об этом мальчике заставляла его дышать даже в самые паршивые моменты. Но сейчас он думал лишь о ней. Затуманная дева, дерзкая чужака, строптивая лильган. Драгоценность, которую он выловил в холодных водах фьордов. Единственная в мире дева, которая навсегда похитила его разум.

И Шторм вдруг понял, что терзающая боль отступает, блекнет перед огнем, что зажигает внутри чужанская дева. Мира была там, наверху, в руках его врагов.

Шторм прищурился и ускорил шаг, уже почти не чувствуя яростную, терзающую боль. Перед глазами стояло лицо чужанской девы. Мира нежная, Мира смеющаяся, Мира яростная. Такая разная, такая живая.

Хотя какая она чужанская – эта дева?

Она – его. И пусть найдется смельчак, готовый ее у него отобрать...

Глава 26

Клинок со звоном сошелся с клинком. Рыча по-звериному, на Шторма бросился Бергтор, с другой стороны напал Кирас. Остальные чужаки тоже развернулись, нацелившись на нового противника. Агмунд отступил под кости Вёльхона.

– Твоя смерть лишь вопрос нескольких минут, отребье, – крикнул он. – Думаешь, один справишься с моим отрядом? Ты ранен, и даже отсюда я вижу кровь на твоей рубахе. Лучшее, что ты можешь сделать – погибнуть с честью.

Я дернулась вперед, пытаюсь рассмотреть Шторма за широкими спинами в черных одеждах, но видела лишь мельтешение рук и замахи мечей. Великие Перворожденные! Что с ним? Агмунд говорит о ране, да я и сама видела тот удар. Значит, Шторм принял пепел. Но смог ли тот исцелить его полностью?

– Лучшее, что я могу сделать, это остаться в живых, – вдруг прозвучал спокойный голос, и воины Агмунда покатались по полу, отброшенные сильнейшим ударом.

На миг я увидела его. Бледное лицо с заострившимися скулами, выпачканный кровью лоб, покрасневшие от боли веки. И глаза – яркие, зеленые, злые. Миг мы смотрели друг на друга, а потом ильха снова атаковали. Зал наполнили крики, стоны, ругань. Звон стали, глухие звуки ударов и запах крови. Шторм буквально прорезал себе путь в живой стене воинов. Он двигался молча, больше не отвлекаясь на презрительные подначки Агмунда. Ирган и Эйтри оказались за его спиной, прикрывая тыл и отбиваясь от тех, кто напал сзади.

Я заставила себя оторваться от сражения и присела возле Брика. Мальчик все еще выглядел опустошенным. Ключья тумана завесой скрывали нишу, где он прятался, но Агмунду достаточно сделать лишь несколько шагов, чтобы нас найти. И меньше всего я хотела, чтобы враг снова использовал мальчишку как аргумент в этой битве. Поэтому, нервно оглянувшись, подтянула к укрытию навалившиеся в пробоину стены сухие ветки, прикрыла ими Брика.

– Сиди тут и не высовывайся, понял меня? – приказала я.

Оглянулась в отчаянии. Или надо приказать Брику спастись? Бежать? Но что, если он попадет в руки воинов, которые заполнили могильник? Нет уж, пусть лучше прячется! Может, о нем и вовсе забудут?

– Веди себя тихо, Брик. И... не бойся, слышишь?

Мальчик не ответил.

Я выпрямилась, не зная, как еще его ободрить. Я даже не знала, понимал ли Брик, что вокруг него происходит. Выглядел он неважно. Но сделать больше я уже не могла.

Повернулась, с тревогой всматриваясь в сражение, которое обернулось бойней. Понять, кто побеждает, оказалось невозможно. Я видела лишь окровавленных людей, мечущихся в серой пелене тумана. Иногда клочья марева распадались, и в прорехах возникал Шторм. Весь в крови – не понять, своей или чужой. С застывшим, ничего не выражающим лицом. Со смертоносным мечом, которым раз за разом находил живую плоть. В одной руке Шторм держал клинок, во второй – кривой короткий нож, и бил обеими руками. Замах, удар, разворот, уклон... Нож вспорол чью-то плотку, меч отрубил кисть... нож подцепил кончик чужого рта, нарисовал багряную улыбку, меч, словно вдогонку, словно боясь отстать от верного стального друга, проделал дыру там, где у врага было сердце. Меч и нож, казалось, жили своими жизнями, соревнуясь в кровожадности за главный приз, которым должна была стать голова Агмунда. Крики боли и ярости заполнили могильник древнего хёгга.

Это было так чудовищно и так прекрасно, что на миг я ощутила дрожь восхищения.

Агмунд уже не выкрикивал приказы, лишь хмуро наблюдал за тем, как падают его воины. Один за другим, один за другим. Как неумолимо Шторм пробивается через живой щит. Я отошла от укрытия Брика, боясь своим присутствием показать его тайник. Шарахнулась в сторону, когда рядом тяжело плюхнулось чье-то тело. На лицо брызнула чужая кровь. От сладковатого, удушающего запаха кружилась голова. Дыша урывками, я подобрала зазвеневший на камнях меч, обхватила, поразившись тому, насколько он тяжелый. И скользкий. Меня замутило. Но я сжала рукоять крепче, не позволяя себе погрузиться в пучину паники. За спиной Брик. Впереди – Шторм. Я обязана быть сильной!

Тело Агмунда на миг затянулось тьмой, и я вскрикнула. Я уже видела подобную черноту – перед тем, как Агмунд обратился крылатым огнедышащим чудовищем. Но сейчас тьма лишь обняла пленой и развеялась, словно слизанная серым туманом.

– Хеллево пекло! – зарычал Агмунд.

Шторм в ответ хрипло рассмеялся. От врага его отделяло всего несколько шагов.

– Не получается призвать хёгга, да, Агмунд? – крикнул ильх. Наклонился, пропуская над головой лезвие, выпрямился, крутанул нож и ударил врага кулаком в лицо, вбивая нос в череп.

Воин захрипел, захлебываясь, отшатнулся и пропустил легкий росчерк меча на своем животе.

Перешагнув через поверженного врага, Шторм снова посмотрел на Агмунда. Тот тянул тьму, снова и снова укрываясь ее крыльями, но не обращался.

– Дерьмо! Что ты со мной сделал, ублюдок? – взревел он.

Двое воинов заслонили Агмунда от Шторма. Теперь они нападали осторожно, с опаской. Каждый в этом могильнике уже понял, на что способен раненый хромой ильх. И, к сожалению, несмотря на убийственный дуэт меча и ножа Шторма, у него все еще было много врагов. Я поискала взглядом Одлиса, но не увидела его. В клочьях тумана мелькнуло белое лицо Вермана и дикие глаза Альвы. Предатели прятались среди костей Вёльхона, словно две затаившиеся змеи.

– Не я. – Удар, укол, кровавый росчерк... – Это Саленгвард. Город мертв. В его камнях очень трудно призвать хёгга. Неприятный сюрприз, верно? Ты ведь привык полагаться на силу когтей и пламени?

Я сделала два шага и споткнулась о того, кого скрывал туман. От моего движения марево разошлось, обнажая тело.

Меня снова затошнило. И я провалилась в прошлое, туда, где маленькая девочка, оскальзываясь на мокром полу, ищет среди погибших своего брата. Его нигде нет, но я боюсь звать, словно звук может навредить мне...

Тихо застонав, я с силой дернула себя за волосы, пытаюсь болью вернуть ясность мыслей. Сознание двоилось. Снова и снова показывая то, что я так пыталась забыть. Вокруг было слишком много моего личного кошмара. Слишком много смертей. Я отвела взгляд от лица

упавшего воина. Я не знала его имени, он был врагом. Одним из тех, кто ухмылялся, обливая меня водой. Кто, не задумываясь, убил бы меня по приказу своего риара. Но я не могла отвести от него взгляда. Застывшие глаза, казалось, провожали каждый мой шаг.

Я пошатнулась.

И словно в зеркале увидела, как пошатнулся Шторм.

Перворожденные! Он ведь ранен. Проклятье, конечно, ранен! Пепел не сумел исцелить его полностью. Даже с моего места было видно разрастающееся на ткани рубахи пятно крови.

И, к сожалению, слабость ильха заметила не только я.

Бергтор – с кровавыми росчерками на руках и груди, но все еще живой и злобный, – взревел медведем, бросаясь в новую атаку. Кирас стоял на коленях, трясая головой, словно собака, упавшая в воду. А потом тоже зарычал и, поднявшись, кинулся на Шторма.

А самое плохое, сбоку возник Одлис. В отличие от других, на нем не было ран и крови. Шторм глянул на врага, и Одлис тонко улыбнулся. Развел руками с оружием, словно извиняясь. На его лице даже возникло сожаление. А может, мне это показалось, ведь спустя миг Шторм коротко кивнул, а Одлис напал. И с первого взгляда было ясно, что он сильный противник. Что он не зря стал правой рукой Агмунда. Что каждый удар старого лиса отточен до звона искрящегося мастерства.

И что он чувствует себя куда лучше уставшего, израненного Шторма. И впервые с минуты, как Шторм вошел в этот зал, он сделал шаг назад. А потом еще один.

Ирган со стоном упал и остался лежать у костяного хвоста Вёльхона. Эйтри скрывал туман, но я слышала звон там, где он бился.

Я обеими руками сжала скользкую рукоять чужого меча. Если Шторм проиграет, у нас не останется надежды на спасение. Но я буду сражаться до последнего, даже несмотря на то, что в жизни не держала в руках клинок!

Мягкие шаги, тяжелые удары... Мне хотелось закрыть от страха глаза, но я смотрела. Не позволяла себе отвернуться.

Кирас отшатнулся, Бергтор упал.

Одлис хмурился, снова и снова поднимая свой меч, чтобы скрестить его с клинком Шторма.

И тут в тумане мелькнула тонкая маленькая тень. Юркий силуэт, прокрававшийся между живыми и мертвыми, с зажатым в руках ножом. Никем не замеченный, почти невесомый, он проскользнул мимо и оказался возле Агмунда. И ударил.

Агмунд успел уклониться в последний момент, и все равно нож разрезал плоть.

– Щенок! – Изумленный Агмунд отпихнул Брика и зажал ладонью кровоточащий бок. Посмотрел, словно не веря, что это вообще возможно. И что его ранил не опытный воин, а мальчишка, который воспользовался тем, что все смотрят на Одлиса и Шторма. – Мелкий... поганец! – выдохнул Агмунд.

– Это тебе за маму! – крикнул Брик.

– Трусливый змееныш! Подкрался тайно! Подлый мелкий гаденыш!

– Не подлее тебя, Агмунд-хёгг! Ты тоже приказал убить нас подло, под покровом ночи! Ты недостойный мерзавец, а не риар!

– Паршивец!

Ярость и боль придали Агмунду сил. Он заревел зверем, и тьма облепила его тело. А через миг каменная кладка стены разбилась от удара могучей лапы. Риар Дассквила все-таки сумел призвать хёгга. В пространстве могильника ему было не развернуться и не распахнуть крылья, и Агмунд бил лапой, пытаясь достать метнувшегося в сторону Брика. Мальчишка кубарем прокатился между ребер Вёльхона, проехался по скользкому полу и спрятался в тумане. Черный хёгг зарычал так, что заложило уши. Узкая змеиная пасть со злобными антрацитовыми глазами распахнулась, показав глотку, но смертоносное пламя так и не вырвалось. Возможно, Саленгвард не давал использовать силу хёгга полностью, или Агмунд все-таки ослаб от торчащего в боку ножа. Он снова ударил, желая достать людей. И кажется, уже не понимая, где свои, а где чужие.

Чья-то фигура сбила меня с ног и утянула в сторону, я хотела закричать, но увидела бледное лицо с янтарем в глазнице.

– Эйтри!

– Надо убираться отсюда! – Одноглазый ильх осторожно приподнялся. В могильнике бесновалось черное чудовище, кроша камни стен, царапая пол, но пытаясь не касаться останков Вёльхона.

Словно сам хёгг не желал приближаться к мертвому собрату, невзирая на приказы человека.

– Надо найти Брика! И Шторма!

– Вход открыт, беги, дева!

Я оттолкнула грязную руку и поползла туда, где скрылся Брик.

– Другой возможности уже не будет! – крикнул Эйтри.

Я не оглянулась, продолжая карабкаться вперед. Одноглазый за спиной выругался, помянув всех моих предков, родивших такую невыносимо упрямую деву. А потом пополз рядом, прижимаясь к земле, когда воздух со свистом рассекал драконий хвост.

– Агмунд не может удержать призыв хёгга, – выдохнул он, оглянувшись на чудовище. – Но знает, что стоит ему стать человеком – и конец. Шторм до него доберется.

Я осторожно выглянула из нагромождения упавших с потолка камней. Эйтри прав. Вокруг беснующегося хёгга вилась тьма, а сам дракон метался из стороны в сторону, словно пытаясь сбежать. От его ударов тряслись стены. Сверху посыпался каменный дождь. Я вцепилась в свой трофейный меч, высматривая в пыли и тумане столь нужное лицо. И радостно вскрикнула, обнаружив его. Одлис стоял на коленях, зажимая рану в плече. Над ним возвышался Шторм. Он все-таки победил. И, опустив меч, ильх перевел взгляд на черного хёгга. Тот, почуяв его взгляд, зашипел, но пламя так и не появилось. И тьмы вокруг чудовища стало еще больше.

– Руби кости! Быстрее! Я не уйду без пепла! – выкрикнули сбоку, и я обернулась.

Верман, пользуясь общей неразберихой, снова замахнулся топором, вогнал лезвие в останки Вёльхона. Грязная, перепуганная Альва жалась рядом, прикрывая голову от падающих камней.

Красные искры-змейки снова разбежались по останкам древнего хёгга.

Я вскинула голову. Почему мне кажется, что пустые глазницы черепа смотрят прямо на меня?

Руку обожгло болью. Медленно подняв ладонь, я увидела черную паутину, заплетающую под кожей кружева. От раненого ржавым мечом пальца до запястья. Дернула рукав и пошатнулась. Чернота поползла по руке уже до самого плеча.

– Ах...

Вздых прокатился по залу-могильнику. Но кому он принадлежал? Словно кто-то в тумане сделал этот первый вдох. Я закружила вокруг себя, пытаюсь найти источник звука. Эйтри схватил меня за рукав.

– Дева, ты сошла с ума? Что ты творишь? Не вставай, тебя увидит Агмунд! Да что с тобой?

– Ахаааа....

За вдохом выдох...

Почему этот звук так пугает меня? И почему никто, кроме меня, не обращает на него внимания?

Хотя это можно понять. Зал буквально содрогался от рева Агмунд-хёгга, который пытался раздавить лапой Шторма, от грохота падающих камней и разбивающихся стен.

Но тогда почему в этой ужасающей какофонии я так явно слышу чужое дыхание? И почему эти звуки едва не останавливают ужасом мое сердце?

– Дева... Мира! Очнись! Да что с тобой?

Эйтри дернул меня на пол, прижал, не давая подняться. Перед глазами возникло его обеспокоенное лицо. В другое время меня бы это развеселило. Неужели высокомерный ильх тревожится обо мне? Да быть такого не может! Раньше я непременно съязвила бы на этот счет. Но сейчас меня не волновал Эйтри. Меня пугал звук, который казался громким в этом заполненном ударами зале.

– Мира!

– Ты слышишь дыхание? – шепотом спросила я.

– Чье? – Ильх выглядел озадаченным.

– Вот именно. Чье...

Черный хёгг Агмунда вдруг как-то по-собачьи взвыл, его тело облепила тьма, а когда рассеялась – на камни упал риар Дассквила. И выглядел он ошеломленным.

– Мой хёгг, – пробормотал Агмунд, дико озираясь. – Мой хёгг просто... сбежал! Оставил меня! Разорвал призыв! Хеллево пекло! Чего он так испугался?

Шторм повернулся к нему, и Агмунд шарахнулся в сторону.

– Бергтор! Кирас! – заорал он. – Одлис! Вставай, сволочь! Защищай своего риара!

Старый воин посмотрел на Агмунда, потом на свой меч, лежащий у ног. Его рана в плечо казалась легкой, но Одлис лишь покачал

головой.

– Прости, риар.

И не добавил слово «мой». Кирас и Бергтор ошеломленно переглянулись, обернулись на Шторма. И тоже опустили мечи. Мы все посмотрели на ильха, который неторопливо приближался к Агмунду. Время словно остановилось. В ключьях тумана, в крови, с улыбкой на губах и ледяным холодом в глазах, к риару Дассквила шел Ярл-Кровавое-Лезвие. Шел за возмездием, и воины Аргмунда – все, кто пострадал от меча этого ильха, и те, кто еще мог сражаться, – отступали с его пути. Опускали оружие и освобождали дорогу, испытывая почти суеверный ужас перед человеком, идущим мимо.

Шторм на них не смотрел.

Его взгляд был прикован лишь к Агмунду.

Тот, поняв, что защищать его больше никто не будет, выругался сквозь зубы, сделал шаг назад – под укрытие из костей мертвого хёгга.

– Сражайся, – сказал Шторм.

Агмунд оскалился, показав окровавленные зубы. И снова попятился.

– Бери меч и сражайся. – Шторм подцепил ногой валяющийся клинок, пнул в сторону врага, и тот со звоном прокатился по камням.

Агмунд снова отступил, но за его спиной теперь было черное озеро – дальше отступать некуда. Воины провожали своего риара хмурыми взглядами. Кирас скривился и плюнул на пол.

Агмунд ощерился по-звериному, схватил меч и напал. Он успел сделать один удар, прежде чем короткий кровавый росчерк украсил его шею. Как раз над тонким матовым кольцом.

Все замерли, глядя, как падает на камни тело риара Дассквила. Брызги крови оросили останки Вёльхона и темноту внутри его костей. Шторм отвернулся. Словно смерть давнего врага больше ничего для него не значила.

Шелест-вздых снова прокатился по залу. Но на этот раз его слышали все.

– Это еще что такое? – вскинулся Эйтри.

Черное озеро внутри свёрнутого кольцом Вёльхона пошло рябью. От центра к краям потекли тягучие, ленивые кольца. А там, в сердцевине, медленно закрутилась воронка.

Все стихло. Все застыли. Даже ветер, кажется, боялся нарушить хрупкое затишье и растворился в тенях и тумане. Раненые воины вытянули шеи, уставившись на круги, расходящиеся по черной воде.

Хотя какая же это вода? Нет... То, что я первый раз приняла за зеркало или даже за дыру из-за совершенно гладкой, непроницаемой тьмы, сейчас билось волнами. Они нарастали и нарастали, уже выплескиваясь из малахитовых бортов и оставляя на камнях тягучие, маслянистые капли с красноватым отливом.

– Это же... кровь. – В пугающей тишине голос Эйтри прозвучал глухо. – Кровь... хёгга!

– Сейчас важнее, что эта кровь скрывает, – ответил Одлис. – Все, кто еще может держать оружие – поднять мечи!

Воины, крихтя и ругаясь, сгрудились спина к спине. Эйтри, стонущий Ирган, я и Шторм – встали рядом. Брика видно не было, мальчик где-то спрятался. Или сбежал. Я хотела в это верить.

Черное кровавое озеро забурило, воронка в центре разошлась. Изнутри снова донеслись звуки дыхания, и это было так жутко, что когда Кирас снова произнес: не к добру – все молча согласились.

Из тьмы поднималось...нечто. Масляная кровь Вёльхона медленно стекала с мужской фигуры, выходящей из нее. Сначала показалась голова: длинные, смоляные с проседью волосы и венец из темных бриллиантов. Плечи, облаченные в роскошный бархатный наряд. Черные потоки струились по узкому лицу и худому телу, пока тот, кого веками стерег хёгг, не перешагнул бортик и не поднял голову.

Кто-то из воинов Агмунда выругался, не сдержавшись.

Остальные просто втянули воздух и наставили мечи на ужас из тьмы.

Тот, кто стоял перед нами, когда-то был человеком. Мужчиной. Но теперь из-под спутанных волос смотрело нечто... потустороннее. Правая половина лица этого существа осталась почти нормальной, если не считать мертвенной бледности. И, глядя на нее, можно было увидеть привлекательного ильха, у которого был высокий чистый лоб, яркие темные глаза, крупный нос и тонкие, но выразительные губы.

Но если посмотреть слева... То взгляд наткнулся на кости черепа, виднеющиеся под истлевшей кожей. И становилось ясно, что тот, кто стоит у черного озера – уже давно не человек.

– Нечисть! – выдохнул Кирас.

Чудовище рассмеялось, показывая кости челюсти. Это выглядело настолько ужасно, что люди отшатнулись.

– Неужели прошло столько времени, что мое имя успели забыть? – Слова хриплым шепотом вылетали из его рта.

– Твое имя не забыли. – Шторм выдвинулся вперед, заслоняя меня от чудовища. – Его намеренно стерли из всех летописей. У тебя больше нет имени.

– Проклятый риар, – прошептал кто-то. – Владыка Скорби!

– Стерли? – Риар пошатнулся.

Прикрыл свои жуткие глаза, постоял, покачиваясь. Потом медленно поднял руки и стал рассматривать ладони. Красивую и человеческую – правую, и голые кости на левой.

– Люди жестоки к тем, кто от них отличается, – медленно произнес хозяин Саленгварда. – К тем, кто мыслит иначе. И особенно к тем, кто желает изменить мир к лучшему.

– Ты хотел погубить этот мир. Даже твой город мертв и предан забвению. И тебе лучше убраться туда же.

Владыка Скорби словно не услышал. Он еще постоял, размышляя, потом оторвал взгляд от своих рук, заложил ладони за спину и посмотрел на столпившихся людей.

– Что ж, я это предвидел. Даже мой собственный а-тэм предал меня, открыв Саленгвард для тех, кто пришел от меня избавиться. И эта боль навсегда в моем сердце.

– И что ты с ним сделал? С а-тэмом? – выкрикнул Ирган.

Я удивленно покосилась на парня. А потом заметила быстрый взгляд Шторма. Люди не понимали, как себя вести, и бойкий ильх просто отвлекал внимание Проклятого риара.

– Мой подлый побратим будет вечно охранять подступы к Саленгварду, как того и требует клятва верного а-тэма. Его тело приковано в недрах под скалами, в пещере, наполовину заполненной водой. Мой а-тэм останется там навечно. А его душа никогда не уйдет в незримый мир на перерождение и никогда не найдет покоя. Ни его, ни его хёгга.

Воины Агмунда отшатнулись, некоторые заметно побледнели.

– Но подлость Ёрмуна меня больше не заботит, – задумчиво произнес риар. – Я знал о ней до того, как побратим ее совершил. Я принял меры. Вот только почему ритуал сработал не полностью?

Он снова задумчиво осмотрел свое тело. Тронул истлевшую половину лица, хмыкнул. Так, словно гнилая плоть была лишь досадной помехой.

Вскинул голову, всматриваясь в лица людей. Жуткие губы растянулись в улыбке.

– Три меча разъединили мою суть. Останки не-мертвого Вёльхона, душу которого я поглотил, а кости напитал исцеляющей силой, должны были сохранять мой разум и беречь душу. А вот защитить тело, как подобает, я уже не успел. Совет Ста Хёггов пришел в город слишком быстро... Но и тут я нашел выход. Тот, кто окропил мечи кровью, вернул меня. Но почему я вернулся в том же теле? Ритуал совершен, а значит, я должен был проснуться живым! А чужое молодое тело должно стать моим новым пристанищем. Домом для души и разума. Так отчего этого не случилось?

Проклятый риар задумчиво прошелся перед нами, словно вообще забыл о мечах, наставленных на него. Все, что его волновало – это решение новой загадки.

Я ощутила осторожное прикосновение к руке. Не оборачиваясь и не сводя взгляда с ожившего Владыки, Шторм провел по моей ладони. И я в ответ коснулась его. Кончики пальцев соединились. Шершавая кожа подушечек, легкое, почти незаметное прикосновение. И дыхание, сбившееся от этой невесомой заботы.

– Беги, – едва слышно прошептал Шторм. – Мы... отвлечем.

Он убрал руку, и мне захотелось обнять себя за плечи, потому что стало слишком холодно.

– Похоже, ритуал не завершен. – Владыка Скорби все-таки нашел разгадку и улыбнулся. Удивительно, но его улыбку даже можно было назвать обаятельной. Конечно, если смотреть лишь с правой стороны! – Тот, кто вернул меня, окропил кровью лишь два меча. И возможно, я не смог бы вернуться, но в этом зале стало слишком много незримого мира. Вы призвали меня смертями и кровью, которой залили могилу не-мертвого Вёльхона. Что ж, я благодарен. И потому отпущу вас. Всех, кроме того, кто совершил ритуал. Так кто же этот смелый и благородный ильх?

Проклятый риар качнулся над полом, и все отшатнулись, когда он приподнялся над камнями. Притяжение земли, похоже, не имело над ним власти.

Краем глаза я увидела, как на обломок стены опустилась взъерошенная птица. Беркут открыл клюв, но как обычно не издал ни звука.

– Так кто же из вас? Я чувствую ток его крови. Молодой, горячей крови... Чувствую юную силу. И тело, закаленное в движении. Мой Зов нашел достойного ильха! Его тело станет моей наградой. Так кто же это?

– Убирайся, нечисть! Ты никого не получишь! – не сдержался здоровый, весь украшенный шрамами ильх.

Проклятый риар вздохнул с сожалением. Повернул голову. И камни в могильнике завибрировали. От разрушенной стены откололся кусок, пролетел под потолком и свалил воина с ног.

– Но камни в этом городе мертвы! – выкрикнул Одлис. – Никто не может управлять ими!

– Никто, кроме меня. Живое мне больше не подчиняется, но ты прав – в этом городе полно мертвого. Кто еще смеет столь непочтительно открывать рот перед риаром Саленгварда? – негромко произнес Владыка.

Беркут пролетел под потолком и сел на череп Вёльхона. Снова открыл клюв. Почему мне постоянно кажется, что он хочет мне что-то сказать?

– Так кто вернул меня? – прошелестел Владыка. – Не бойся. Твое тело займет достойнейший разум!

Чужаки из Дасквила молчали. Хотя, конечно, каждый из них знал, кто именно порезался о ржавый меч. Но ильхи даже не смотрели в мою сторону. В диком кодексе чести земли озёр и скал было позволено сражаться и убивать, но не позволено выдавать нечисти живых людей. И те, кто еще недавно был готов покромсать меня на куски, сейчас заслоняли плечами.

Странные, необъяснимые законы фьердов, с их удивительной красотой и беспощадной жестокостью...

– Я, – вперед выступил Шторм. – Тебя призвал я.

Проклятый риар смазанной тенью скользнул над полом, завис, всматриваясь в прищуренные глаза ильха.

– Сильный дух... Израненное тело. Сложный разум. И лживый язык! На мой Зов пришла не твоя кровь. Прочь!

Владыка махнул рукой, и над полом взлетела туча каменных обломков. Острых, как ножи, или тяжелых, как могильная плита! Да стоит Владыке лишь махнуть рукой, и все мы окажемся под смертельным камнепадом!

– Хватит!

Я отпихнула прикрывающего меня Эйтри.

– Это я. Это была я! Оставь их, слышишь! Отпусти людей.

Владыка вмиг оказался передо мной. Я затаила дыхание, ощутив смрад гниющего тела.

– Это была я, – повторила, глядя в глаза Проклятого риара. – На твой Зов пришла я, Харгор.

– Дева? – с изумлением выдохнул Владыка. Смоляные с проседью брови сошлись на переносице.

Он покачался, раздумывая, потом сунулся ближе, втянул воздух.

– Я ждал сильного ильха. Я и подумать не мог, что придет дева... Но, думаю, выбора у меня нет. Ах... Я чую здесь следы вельды. Мой нос сквозь века ощущает запах ее тлеющих трав. Ну что же. Пусть так.

Холодные пальцы обхватили мое запястье.

Я услышала, как кричит Шторм. Как зовет меня по имени.

Черный поток подхватил меня и потащил над полом. Один миг, и мы оба – я и Владыка Скорби – окунулись в черную кровь не-мертвого Вельхона. Нас затянула воронка, и густая темнота накрыла с головой.

Глава 27

– Мира-а!

Эйтри сбил Шторма, не позволяя кинуться следом за девой в затянувшуюся коркой черноту. Ирган навалился следом, а еще почему-то Одлис. Шторм рычал, отшвыривая их руки и тела, которые пытались его удержать.

– Ярл, стой! Ярл!

– Убирайтесь!

Почти забытое имя не вызывало в душе отклика.

– Да послушай же! Ты погибнешь! Просто погибнешь там! Захлебнешься, и все!

– Я найду ее!

– Не найдешь!

– Озеро затянулось! Смотрите! Крови больше нет, лишь черный камень!

Сквозь удерживающие его руки Шторм глянул, как Ирган осторожно трогает застывшую, словно лава, поверхность. Друзья-враги, переглянувшись, отступили. А ильх остался сидеть на камнях, бездумно глядя на уже разгладившуюся тьму. Озеро внутри кольца из костей стало непроницаемым.

Одлис, кивнув, молча пошел к своим. Ирган со стоном зажал раненое плечо и отполз в сторону. Остался лишь Эйтри. Несколько мгновений беловолосый хмуρο смотрел на того, кого много лет считал другом и названным братом.

– Шторм, послушай...

Договорить он не успел, потому что у входа раздался шум, и в могильник, потрясая огромным топором, ввалился Торферд.

– А-а-а-а! Смерть врагам! – орал он, бешено вращая глазами и своим устрашающим оружием. За ним показалась Нана, Бирон и другие жители Последнего Берега. Поняв, что битва окончена, Торферд растерянно опустил топор.

– Твою ж мать, это что такое? Хёгг? Кости хёгга? Помилуй нас Перворожждённые!

Ему никто не ответил. Воины Агмунда обернулись и скривились. Ничего не понимая, Торферд повертел головой.

– Эй, битва закончилась? Мы что же, победили? Шторм! Што-о-орм! Ты жив?!

Нана, приблизившись, всмотрелась в залитое кровью лицо своего повелителя.

– На скалах загорелись сторожевые огни, – косясь на кости хёгга, сказала она. – И на вышке Нероальдафе. Дозорные заметили, что в Саленгварде неспокойно. Скоро здесь будут боевые хёггкары, Шторм. И нам всем лучше не встречаться с их отрядами.

Нана коснулась черного знака на своем лице. Глянула с беспокойством на Эйтри, тот ответил хмурым прищуром.

– Шторм, нам надо уходить, ты слышишь? Надо покинуть Последний Берег, пока еще есть возможность. Понимаешь?

– Да. – Лицо ильха ничего не выражало. – Ты права. Эйтри покажет путь к «Ярости Моря». Придется идти по воде, местами плыть, но вы справитесь. Поспешите.

Нана и Эйтри снова переглянулись.

– Поспешите... А ты?

– Я остаюсь.

– Но...

– Уходите. Быстро. Это приказ.

– Без тебя мы не справимся с «Яростью»!

– Справитесь. Белый Ёрмун не даст войти в бухту со стороны фьорда, но обратно вытолкнет, как только обрубите веревки. Надо только удержать хёггкар. Найдите Лиама, он рожден от зова сильного морского хёгга и поможет совладать с водным потоком. Идите.

– Но...

– Нана. Ты должна спасти тех, кого еще можно. Это приказ твоего капитана. Поторопись.

Неуверенно потоптавшись, Нана медленно кивнула. Снова обернулась на Вёльхона, вздохнула и пошла ловить все еще бушующего Торферда.

Шторм снова посмотрел на чёрное озеро. Ни всплеска, ни звука.

– Она не вернется, – тихо сказал Эйтри. – Шторм, послушай... Нам надо уходить, всем вместе. Она не вернется.

– Вернется.

– Даже если так... Эта дева уже не будет той, кого ты полюбил.
Не отрывая взгляда от черной глади, Шторм поднял брови.

– В арсенале изгнанного наследника Аурольхолла нашлось такое слово? А я думал, что все о тебе знаю.

– Это слово я позаимствовал у тебя. – Эйтри криво улыбнулся. – Меня вполне устраивали слова «мечь и свобода». Когда-то ты помог мне, спас жизнь.

– Тот долг давно оплачен, Эйтри.

– Тогда я, пожалуй, вспомню про слово «верность».

– Оно плохо сочетается со «свободой». Иди, Эйтри. Ты только зря тратишь время. Помоги тем, кого еще можно спасти.

– Да чтоб тебя, Ярл...

Взгляды ильхов встретились. И Эйтри, не прощаясь, развернулся и тоже пошел прочь.

Раненые воины Агмунда, кряхтя, покидали могильник. Другие выносили тела погибших, косясь на людей Последнего Берега. Торферд подкидывал топор, и его обходили стороной. Лезть в драку после всего увиденного уже ни у кого не было желания. Эта битва была честной, и она закончилась.

Могильник пустел. Скелет Вёльхона с прежним равнодушием взирал на мелких людишек, что копошатся у его костей. На черепе сидел, нахохлившись, беркут. Издалека птица казалась чучелом, а не живым созданием... Но в этом зале уже никто не обращал на нее внимания.

Погибших унесли. Живые ушли сами. Кто-то положил у ног Шторма бурдюк с водой и лепешку.

Последним задержался седой Одлис. Рядом топтался Брик.

– Ригон-хёгг, – обратился он, и Шторм не сразу обернулся на давно забытое имя. – Мы возвращаемся в Дассквил. Если позволишь... Я заберу с собой наследника моего города. И клянусь Перворожденными и своей честью, что мальчику никто не причинит вреда. Я сам буду рад назвать его сыном и поселить в своем доме. Когда Брик захочет – он сможет надеть кольцо Горлохума и выбрать свою дальнейшую судьбу. Что ты скажешь на это, Ригон-хёгг?

Шторм посмотрел на мальчика.

– Брик? Ты хочешь вернуться домой?

Парнишка на миг зажмурился. Перед глазами возник берег с ласковым морем, изумрудная долина, где пасутся белые как снег козы, старая липа, заметная из окон его комнатки...

Дом.

Брик широко распахнул глаза с мокрыми ресницами. Когда он бил ножом Агмунда, он и не думал плакать. А сейчас глаза щипало от соленой влаги...

– Я хочу остаться с тобой!

Шторм удивленно поднял брови. Словно говоря: даже после всего?

– Я хочу остаться с тобой! – яростно повторил мальчик.

– Боюсь, это невозможно, – мягко ответил ильх. – Прости меня, Брик. Помнишь, я говорил, что однажды всем приходится расставаться? Причины бывают разные, но этот момент неизбежно наступает. Сегодня и здесь пришло наше расставание. Встреть его достойно. Иди. Ты возвращаешься в Дассквил. Одлис о тебе позаботится.

Шторм постоял, размышляя. Он никогда не позволял себе лишних... нежностей. Не позволил и сейчас. Брик, отчаянно пытаясь не хлюпать носом, прижал руку к груди.

– Мы еще... увидимся? Мы ведь еще увидимся?

Шторм промолчал. Он не привык давать пустых обещаний.

Брик шмыгнул носом, стер влагу рукавом. И вдруг выпрямился, посмотрел твердо. Словно в один миг стал старше на несколько лет.

– Тогда я не буду прощаться, Шторм-хёгг, – сказал он. – И буду просить Перворожденных о нашей встрече. Как наследник своего отца и сын своей матери, я благодарю тебя. За все.

Повернулся и медленно пошел к выходу, слегка пошатываясь.

Одлис кинул на ильха задумчивый взгляд.

– Ригон-хёгг, я расскажу в Дассквиле историю Брика. И твою историю.

Шторм снова пожал плечами.

Далекий берег, где он родился и вырос, наконец-то остался в прошлом. Сколько лет он бредил возвращением туда, мечтал и горел. Видел во снах, тосковал. Сколько раз он представлял это – прощение и понимание, которыми его встретят те, кто остался там.

А сейчас все это стало совершенно неважным. Оказывается, ему совершенно наплевать на то, что думают о нем в этом самом Дасквиле. Считают его чудовищем или нет, боятся или почитают. Город больше не казался ему несбыточной мечтой. Воспоминания потускнели и стерлись, а призрачная тень его побратима навсегда растворилась в небытие. Прошрое отпустило и перестало иметь хоть какое-нибудь значение. Прошрое больше не вызывало никаких чувств. Лишь лёгкую улыбку о том, что было.

И давно прошло.

– Не нужно, – равнодушно ответил Шторм.

– И все же я расскажу. Люди должны знать правду. И должны помнить. Прощай, Ригон-хёгг.

Спустя час у черного кроваого озера остался только один ильх. Он сидел, не сводя взгляда с застывшей, ничего не отражающей поверхности.

Когда в развал стены заглянули первые звезды, Шторм тяжело поднялся, дошел до проема и посмотрел наружу. С его места были видны купальни и выступ, на котором когда-то стояла зрительная трубка. Мира тогда сказала, что за Туманом ее называют подзорной трубой.

Это воспоминание сжало горло и лишило дыхания. Но Шторм не позволил себе вспоминать. Он мотнул головой, откидывая со лба волосы. Светлые пряди от чужой крови стали черными, кожу стянуло засохшей коркой.

Он прищурился, всматриваясь в просвет горизонта. И не зря – на видимом лоскуте моря показались черные штрихи. Хёггкары. Значит, он правильно рассчитал время. За Саленгвардом наблюдали даже спустя столетия. Совет Варисфольда хорошо помнил силу Проклятого риара и не желал его возвращения.

Сторожевые башни увидели сражение в проклятом городе и выслали хёггкары. Скоро воины войдут в город, и Шторм понимал, что станет их заданием.

Весть о том, что случилось в могильнике Вёльхона, уже полетела по фьордам. Даже перебей Шторм весь отряд Агмунда, это ничего не изменило бы. Такие слухи невозможно удержать. Ну и потом был еще Верман и его красавица Альва. Эти двое сумели улизнуть до того, как Шторм расправился с риаром Дасквила.

Ильх снова окинул взглядом лоскут моря. Хёггкары из штрихов превратились в различные силуэты. Шторм навскидку прикинул их величину. Большие. Тяжелые. Много воинов и много мечей.

Ну что же.

Повернулся к безмолвной черноте озера.

– Мира, возвращайся, – сипло попросил он. – Где бы ты ни была, и какой бы ни стала – возвращайся.

Перевел взгляд на пустые глазницы хёггова черепа.

– Помоги ей, если можешь.

Отдавая дань уважения, прижал кулак к груди. А потом развернулся и пошел к выходу. Шел медленно. Очень медленно. Раны болели и кровоточили. Владыка Скорби был прав, увидев израненное тело. Сражение отобрало последние силы, и все, чего теперь хотел Шторм – это просто лечь и немного полежать.

Но отдохнет он потом. Потом.

Усмехнувшись, Шторм пересек зал, где свивались на полу черный и белый хёгги.

Ему как раз хватило времени, чтобы добраться до лестницы и спуститься на два яруса вниз.

Когда у подножия мраморных ступеней показались вооруженные ильхи, Шторм задумчиво жевал лепешку и встряхивал наполненный бурдюк. Он снова не ошибся, хёггкары были тяжелыми, воинов пришло много. Отряд обогнул вбитые в землю мечи и уставился на ильха, взирающего на них сверху.

Не меньше трех десятков – прикинул Шторм.

Вперед выдвинулся молодой воин, на его шее под воротом блеснуло матовое кольцо Горлохума. Длинные белые волосы, скованные тонким ободом, инеем блестели в свете ламп и факелов.

Плохо, подумал. Шторм. Он надеялся, что отряды придут без хёггов.

– Кто ты такой? – крикнул беловолосый ильх. – Что делаешь в проклятом городе?

– Как невежливо задавать вопросы, не назвав свое имя. – Шторм подумал и снова потряс бурдюк. Из-за спины беловолосого вышел второй ильх. Он был в штанах и простой темной рубаше, лишь у ворота поблескивала мужская брошь с синим камнем, да шею обвивал обруч.

«Твою ж мать, – подумал Шторм. – Двое. Потомки Ульхёгга и Лагерхёгга. Пламя и стужа. И у обоих крылья. Даже если Саленгвард не даст им совершить призыв, эти двое сильнее, чем весь остальной отряд. Вот дерьмо».

– Я Краст из Дьярвеншила, – спокойно произнес черноволосый ильх. Закинув голову, он рассматривал Шторма, и тому на миг показалась, что глаза у пришлого ильха какие-то неправильные. Странные. Разноцветные, что ли? Или это лишь блики факелов пляшут в чужих зрачках?

– А это мой побратим Рэмилан.

– Дьярвеншил? Далековато от Саленгварда.

Ильх хмыкнул и кивнул.

– Далековато. Но мы направлялись к друзьям в Нероальдафе, когда на холмах загорелись сторожевые башни. Варисфольд передал сигнал всем, кто мог его видеть. И мы подумали, почему бы не проверить проклятый город. Так кто ты и что здесь делаешь?

– Можешь называть меня Шторм. А что я тут делаю... Как видишь – мешаю тебе пройти.

Чужаки снова переглянулись. На губах беловолосого заиграла насмешливая улыбка. Конечно, трудно воспринимать всерьез слова одного-единственного ильха. Да еще и раненого, что видно даже с их места. Корка крови закрывала знак убийцы на лице Шторма, и, вероятно, его приняли за бродягу, потерявшего разум.

– Тебе лучше уйти, Шторм.

Краст-хёгг сделал несколько шагов по ступеням. Шторм на миг даже восхитился легкостью его движений. Ему самому понадобилось гораздо больше времени на преодоление этого проклятого яруса.

А этот Краст прошел его за пару минут. И даже не заметил. Остановился, когда Шторм поудобнее обхватил рукоять меча.

– На твоей шее кольцо Горлохума, Шторм-хёгг. А на теле – раны и кровь. Не знаю, кто ты, но мы не хотим причинить тебе вред, – спокойно произнес Краст.

Теперь Шторм видел, что глаза у него действительно разные. Один черный, как уголь, а второй небесно-голубой. И даже усмехнулся. В проклятый город явился проклятый!

– Зато я причиню вред тебе, если не останешься там, где стоишь, Краст-хёгг, – отозвался Шторм и еще раз взболтал свой бурдюк.

– Но почему? – Разноцветные глаза обшарили лицо ильха, переместились за его спину.

И что-то подсказывало, что этот чужак видит все, не упуская ни одной детали.

– Может, ты не знаешь, что это за город, Шторм-хёгг?

– Знаю.

– Может, не слышал о его проклятии?

– Слышал.

– Так почему ты здесь? И почему хочешь помешать нам пройти?

Шторм вздохнул и выпрямился. Посмотрел вниз, на огни факелов и настороженных людей. Много. Жаль. Они не виноваты в том, что так не вовремя оказались в проклятом городе.

Хотя у них все еще есть выбор и возможность уйти.

Назад он смотреть не стал. Если бы там раздался хоть шорох, он бы услышал.

Краст-хёгг выжидающе смотрел на ильха. Он не двигался, и в его странных глазах не было враждебности. Скорее наоборот, ильх выглядел дружелюбным. Но Шторм точно знал, что отсутствие злости не помешает пришлым сделать своё дело и убить его, если будет такая надобность.

– Зачем вы явились в Саленгвард?

– Нам приказано разрушить малахитовый дворец Проклятого риара и уничтожить всех, кто попытается нам помешать.

Шторм вздохнул. Что ж, этого он и ожидал. Заметив, что в Саленгварде беспокойно, совет Варисфольда передал на сигнальные маяки приказ уничтожить город. Обрушить дворец и башни, спалить дома, засыпать все камнями и пеплом. Варисфольд всегда боялся, что однажды сила сдерживающих мечей ослабнет, и придется принять иные меры.

Сегодня этот день настал.

Но если дворец разрушат, черное озеро останется под обломками. И Мира никогда не сможет его покинуть.

– Прости, но я не могу тебе это позволить, Краст-хёгг. Разве ты не можешь просто вернуться в свой Дьярвеншил? Разве дома тебя не ждет какая-нибудь дева?

– Еще как ждет. – Лицо чужака озарила мечтательная улыбка. – Не просто дева, а моя жена, венлирия. И эта дева особенная, вряд ли ты

встречал подобных ей. И больше всего я хочу поскорее увидеть берега Дьярвеншила. Но все же... Я уже здесь, Шторм-хёгг. И не привык отступать на середине. А в этом городе точно творится неладное. Поэтому отойди с моей дороги.

– Говорю последний раз – уходите. Я не позволю вам подняться по этой лестнице.

Шторм зубами вытащил из бурдюка пробку, вздохнул и сделал глоток. Горло вспыхнуло, словно он глотнул раскаленных углей – все-таки стоило добавить еще воды.

– Вряд ли ты в силах нас остановить, – мягко ответил чужак, внимательно наблюдая за действиями Шторма. – Ты ранен и едва держишься на ногах. Не знаю, почему ты противишься нам, но лучше просто отойди в сторону.

Да, с водой-то он просчитался. Остатки из бурдюка пришлось глотать почти на сухую. Едва влажные комки застревали в горле и царапали язык.

Шторм потряс опустевшую емкость и бросил ее на ступень. Пошатнулся со стоном. Глаза заволокло пеленой.

Краст- хёгг покачал головой, глядя на упавшего ильха. Кем бы ни был этот бродяга, он заслуживает снисхождения. Может, забрать его потом на хёггкар и отвезти в Дьярвеншил? В городе ему помогут...

– Эй, Рэм, – крикнул Краст, не оборачиваясь и поднимаясь по лестнице. – Позови целителя, пусть глянет, что с этим ильхом. Кажется, он собирается отправиться в незримый мир...

Его побратим Рэм не ответил. А совсем рядом раздался голос того самого умирающего бродяги.

– Только после тебя, пришлый.

Краст успел увидеть смазанную неуловимую тень. А потом его оторвала от лестницы чудовищная, невероятная сила и швырнула вниз.

Глава 28

Черная кровь сомкнулась над головой.

Она затекла в рот, глаза, уши.

Я ослепла и оглохла, мой крик слизала темнота.

Неужели я... умерла?

– Конечно, ты жива, дева! – прозвучал рядом голос Проклятого риара.

– Я что, это вслух сказала?

Открыв глаза, я некоторое время моргала, привыкая. Потом осторожно ощупала свое лицо, потрогала уши. Удивительно, но черной крови, в которой я захлебнулась, не было. Ничего похожего на нее. Да и дышала я, кажется, вполне свободно.

– Но как это возможно? И где мы?

– В Саленгварде.

– В Саленгварде?

Я оглянулась и вытаращилась на стены, украшенные резными янтарными панелями, тяжелую мебель, инкрустированную золотом, и бархатные занавеси у открытых окон, в которые заглядывали первые вечерние звезды.

– Здесь всегда закат. – Харгор отошел от меня и перебирал на столе пожелтевшие от времени свитки. – Если бы меня спросили, чего мне больше всего не хватает в безвременье, я бы ответил – рассвета. Знаешь, зарождающийся день дарит душе новую радость. И новую надежду. Мой побратим говорил, что рассвет вселяет в него веру в то, что любую беду можно исправить. Если солнце находит силы снова и снова заползает на небосклон, то и мы сможем собраться с духом, чтобы продолжать жить и бороться.

Свиток с шелестом упал на стол. Харгор вздрогнул, словно очнулся, и повернул ко мне жуткую половину своего лица. Растянул губы в улыбке, показывая кости челюсти. Я постаралась не вздрагивать от увиденного.

– Ёрмун слишком часто слушал странствующих скальдов и иногда говорил нелепости. Но рассвета мне действительно не хватает. И потому первое, что я сделаю, приняв твое тело – это напьюсь воды из

родника, а потом поднимусь на вершину горы и буду ждать новый восход солнца.

Я осторожно отодвинулась, оглянулась. Напротив виднелась распахнутая дверь, но куда она ведет? Этот Саленгвард казался каким-то ненастоящим. Призрачным. В реальном вся эта красивая мебель или сгнила или пропала, а здесь все так... как было при жизни Проклятого Владыки.

— Ты назвал это место безвременьем? Что это значит?

— Разве непонятно?

Понятно, но мне надо хоть немного времени, чтобы придумать план побега. Надеюсь, что этот окажется лучше, чем все предыдущие!

Брови Харгора сошлись на переносице, он досадливо поморщился, негодуя на мою бестолковость.

— Хотя я напрасно злюсь, ты дева, а не ученый муж. А я слишком долго был один, так почему бы не поговорить. — Он сделал широкий жест рукой. — То, что ты видишь, я называю безвременьем. Место, застывшее в той точке, когда воины из Совета Ста Хёггов воткнули мечи в камни города, пленив меня. Я остановил время в том дне и здесь могу жить веками. К сожалению, даже безвременье не в силах навечно сохранить мое тело. Плоть слаба и разрушается.

Он махнул на золотое блюдо, наполненное влажными темно-красными кусками.

— Это помогает, но время так беспощадно.

Взяв один кусок, Владыка впился в него зубами. На подбородок потекла темная кровь. Меня замутило. Это же... сырое мясо?

— Что ты... ешь?

— Единственное, что сохраняет мою жизнь в этом месте. Сохраняет веками. И по твоим глазам, дева, я вижу, ты догадываешься, что это.

Я тяжело проглотила горькую слюну. Мясо его хёгга. Мясо Вёльхона. Вот чем лакомился риар.

— Как ты создал это место?

Слова царапали горло.

— Все дело в крови хёгга. Его кости и мясо после ритуалов даруют мне исцеление и продлевают жизнь. А кровь сохраняет в безвременье мой разум.

Харгор прошел по комнате, трогая кончиками пальцев мебель.

– Удивительная сила хёггов. Даже я не сумел познать ее полностью. Я изучал хёггов так долго, но так и не понял их до конца. Порой я думаю, что их способности гораздо больше тех, что они позволяют применять ильхам.

Владыка обернулся и снова показал мне свою жуткую улыбку. Кажется, он даже не осознавал, что выглядит настоящим чудовищем.

– Что ж, теперь у меня будет время изучить то, что я не успел в прошлом. Хотя прошлое или будущее теперь не имеют надо мной власти. Я нашел способ жить вечно! Придет срок, и твое постаревшее тело я заменю на юное, чтобы продолжить путь познания.

– Но для чего? – Я осторожно передвинулась на несколько шагов. План спасения совершенно не желал придумываться, и пока я просто не знала, что делать дальше. Поискала взглядом какое-нибудь оружие, но вокруг были лишь свитки и тяжелая мебель, которую мне не под силу даже сдвинуть с места. Интересно, насколько Харгор силен? Выглядел он худым и даже ростом был едва ли выше меня. Да и двигался сейчас как обычный человек. Может, попытаться огреть его по голове и сбежать?

Главное – не думать о том, что придется снова окунуться в ужасное черное озеро.

– Для чего? – снова нахмурился Владыка. – Я хочу, чтобы мой город процветал!

– Но твой горд погиб, – медленно я обогнула стол, делая вид, что люблю интерьером. – Сады засохли, из камней ушла сила. Скалы, оплетенные паутиной железных дорог, не выдержали и обрушились камнепадом. Источники и родники стали горькими. Люди ушли или погибли. Ты уничтожил свой город, а теперь хочешь продолжить? Сделать то же самое со всеми фьордами?

– Ты ничего не понимаешь, дева! – обозлился Харгор. От резкого движения плоть на его лице треснула и разошлась жуткой бескровной раной – ото лба до самой шеи.

Я глубоко вдохнула, надеясь, что меня от этого зрелища не стошнит.

– Ну и что с того, что камни перестали менять форму по чужой воле? Или деревья не растут, если того пожелает какой-нибудь ильх, поймавший душу водного хёгга? Это лишь глупые забавы по сравнению с той мощью, которую могу дать детям фьордов я! Я могу

принести истинное величие! Создать нечто невероятное! Живые хёгги умирают, несмотря на их силу. Я же могу сотворить хёггов из железа и камня, которые будут жить вечно. И служить они тоже будут вечно! Я могу зажечь факелы, огни которых сравнятся со светом Великого Горлохума! Могу повернуть водный поток и даже расколоть гору, несмотря на то, что сила покинула ее. Да что там! Я могу остановить само время! Ты ведь видишь, дева? Но сейчас ты говоришь как мой предатель – а-тэм, и тем лишь раздражаешь меня!

Я вздохнула.

Если бы я родилась здесь, за Туманом, возможно, я могла бы поверить в слова риара. Возможно, даже восхититься величием его замыслов. Но я выросла там, где железные чудовища стали обыденностью. Там, где они отравляют воздух и почву, где давно нет живых скал. Там, где все мы дышим с трудом и даже не понимаем этого.

Лишь оказавшись за Туманом, я ощутила, что это такое – жить и дышать по-настоящему. Ощущать ток крови в каждой клеточке своего тела, быть частью мира, вливаться в него, словно капля воды – в поток. Фьорды жестоки и прекрасны, но отказаться от них почти невозможно...

Теперь я понимала, почему Совет Ста Хёггов когда-то уничтожил всех железных чудовищ Харгора, запечатал Саленгвард, а после разъединил разум, плоть и душу Владыки. Возможно, когда-то, много веков назад в мире Конфедерации тоже была разлита эта живая сила, которая ощущается на фьордах. Но люди моей родины выбрали путь, которым так желает идти Владыка Скорби.

Совет Ста Хёггов тогда испугался будущего, которым грезил Харгор. Саленгвард стал той точкой в истории, которая навсегда изменила развитие этих земель и отвернула фьорды от научно-технического прогресса. Людям Конфедерации ильхи кажутся варварами в домотканых рубахах и звериных шкурах, дикарями, сражающимися на мечях, как и сто лет назад. Но отказавшись от развития технологий, ильхи сумели сберечь хёггов и их магию. Сохранить заветы предков и живую силу своей земли.

В отличие от тех, кто живет по другую сторону Тумана.

Вот только мои доводы – пустой звук для Харгора, они его не остановят. Владыку не смог остановить даже его побратим Ёрмун. А

ведь риар по-настоящему тоскует по своему а-тэму даже сейчас, спустя века.

И все же убил его.

– Ты веришь в то, что делаешь, но ты заблуждаешься, Харгор-хёгг, – осторожно произнесла я. В дальнем углу блеснуло на сундуке что-то узкое. Нож? Кинжал? Не спуская глаз с ильха, я снова передвинулась. – Ты уже погубил Саленгвард и хочешь той же судьбы для всех фьордов. Увы, некоторые открытия лучше просто не совершать...

– О чем ты болтаешь, дева?

– Ты выбрал путь, который считаешь правильным. Но правильным в твоём понимании. Ты не подумал, что это правильное значит для других людей! Послушай меня! Сегодня утром Агмунд-хёгг сжег Последний Берег, тоже посчитав, что делает благое дело: освобождает фьорды от скверны. Но разве его поступок можно назвать правильным? Знаешь, Харгор-хёгг, мой папа часто повторял странную фразу, которую я не понимала в детстве, но хорошо осознала сейчас. Между правильным и неправильным каждому из нас лучше всего выбирать... милосердное.

Владыка прищурился, рассматривая меня.

– Ты не похожа на дев, которых я знал, – задумчиво протянул он. – Даже жаль, что придется уничтожить твой разум. Увы, великие свершения требуют жертв. Но довольно. Я хочу увидеть рассвет. Нам пора прощаться, дева.

– Вот попрощаюсь я с радостью! Катись ты к демонам, Харгор-хёгг! – рывкнула я и со всех ног бросилась к ножу. Схватила деревянную рукоять, обернулась... черная тень возникла рядом. И я, не думая, воткнула в нее нож.

Сталь вошла в мягкую – слишком мягкую – плоть.

А Владыка рассмеялся.

– Нет, дева, я ошибся, твой разум не стоит сожалений. Ты так ничего и не поняла. Неужели ты намеривалась убить того, кто уже долгие годы мертв?

Я перевела взгляд с рукояти, торчащей в груди ильха, на его ужасное лицо. Череп оскалился, верно, снова улыбнулся.

Мой ошеломленный взгляд скользнул ниже, на его шею.

– Постой-ка... Кольцо Горлохума... на твоей шее нет кольца Горлохума! Но, надев его, снять уже невозможно!

Если только не снести голову. Я слишком хорошо помнила рассказ Шторма о его побратиме, которого он не сумел спасти.

Харгор расхохотался. Отвратительное зрелище.

– Невозможно? Не для меня, дева. Я ведь сказал, что кровь, плоть и кости Вёльхона сохраняют мою плоть и мой разум. А душа... Душу можно скрыть от незримого мира лишь одним способом. Поглотив душу хёгга. Раздробив ее на куски и переварив, словно суп с земляными клубнями.

Я застыла, не веря тому, что слышу. Вот уж правда – благие намерения ведут прямым в котел демонов. Неужели этот сумасшедший не понимает, что его путь познания стал кровавым? И что никакие знания того не стоят?

Увы, нет, не понимает. Он все еще верит, что великая цель оправдывает любые жертвы.

Вот только я точно не собираюсь украшать собой эти ряды!

Отпустив бесполезный нож, я изо всех сил толкнула Харгора и отскочила в сторону. Оглянулась затравленно, решая, куда бежать. И бросилась к распахнутым дверям. Но стоило приблизиться, как створки захлопнулись, едва не прищемив мне нос!

– Глупая дева, – почти с сочувствием произнес за спиной Владыка. – Ты пытаешься убежать от меня в моем же безвременье? Беги. Если хочешь. Это ничего не изменит. Осталось недолго.

Недолго?

Я резко обернулась и прижалась спиной к закрытой двери.

Перед глазами потемнело, словно на веки упала пелена. Навалилась слабость.

– Что со мной? – даже шевелить языком оказалось трудно.

– Ритуал завершается. Твое тело уже почти принадлежит мне. Не сопротивляйся, дева, боли не будет. Ты просто уснешь.

Ну да, вечным сном! Не хочу!

Беззвучно скользнув над полом, Владыка завис рядом со мной. Костяная рука без плоти прикоснулась к подбородку. Почти ласково, почти нежно. Лицо с оголенными костями черепа оказалось близко-близко. Так, словно Харгор собирался меня поцеловать...

Я дернулась, снова пытаюсь убежать, но тело не слушалось. Слабость стала всеобъемлющей, навалилась на грудь гранитной плитой. Мысли метались испуганными птицами, и вдруг прямо в моей голове прозвучал голос Харгора:

«Не сопротивляйся...»

Я вздрогнула, осознав, что Владыка все еще стоит напротив, неотрывно глядя на меня. Однако я так явно слышу его мысли. Милостивые Перворожденные! Да он просто выселяет меня из моего же тела!

Хотела воспротивиться, но как? Ничего не получалось. Я лишь слабела.

Хотелось завывать от бессилия, но могла лишь тяжело дышать. Сознание путалось.

Воспоминания потускнели, смешались. Я пыталась удержать их, но почему-то видела совсем иное: радостного и одновременно испуганного мальчика с кольцом Горлохума в дрожащих руках...

Я ощущала на губах сладковатое дыхание Харгора, его костяные пальцы на своем подбородке, пока чужая память наполняла мою голову. Его становилось моим, а мое – его...

Надо сопротивляться! Бороться! Но мои воспоминания тускнели, заменяясь чужими. Я пыталась удержать их, но они таяли, выскальзывали водой из пальцев.

Вода! Надо вспомнить что-то, связанное с водой... что-то хорошее. Самое лучшее! То, что даст мне якорь. То, что удержит мою память и мой разум. Не даст им раствориться в ужасающей силе Проклятого риара.

Прогнав из головы воспоминания о мальчике – будущем Владыке, я сосредоточилась на своем прошлом.

Вот мой первый велосипед и первая поездка по дорожке вокруг родительской фермы. Мне лет шесть, я смеюсь от счастья и кручу педали, пока папа держит велосипед, не давая мне свалиться в кусты.

Мне семь, и мы всей семьей ночуем в палатке на склоне горы... Я учусь читать созвездия и распознавать следы на земле...

Мне восемь, и в конюшне родился тонконогий пятнистый жеребенок. Мы с Майком называли его Клюковкой.

Мне пятнадцать, и тренер уговаривает меня принять участие в соревнованиях. Мне пятнадцать, и их выигрывает Алекс.

Мне двадцать, и я знакомлюсь с Джетом...

Мне двадцать один, я научилась водить автомобиль и мечтаю о собственной квартирке...

Мне двадцать два, двадцать три. Двадцать четыре...

Сознание тает. И я с ужасом понимаю, что это все не то. Что счастливые события моей жизни не в силах удержать меня. Они похожи на солнечных зайчиков – ласково щекочут кожу, вызывают мимолетную улыбку и ускользают прочь. Плещутся в руках солнечным светом, согревая, но и только.

Или все, о чем я вспоминаю, слишком незначительно? Слишком мелко?

«Засыпай... – ласково шепчет Владыка. – Тебе не победить. Что ты знаешь о сражениях, хрупкая дева? Что знаешь о ранах, нежная? О ранах, что болят веками? Засыпай...»

Увы, в этой битве нельзя победить солнечным светом...

Нужно что-то совсем другое!

То, что я не хочу, не могу вспоминать...

Ведь то – другое – нельзя назвать счастливыми моментами моей жизни. И разве можно задержаться в этом мире ради них? Если даже думать о них больно?

В отчаянии я глянула на звезды, мерцающие на сумраке неба. И вдруг заметила нахохлившегося беркута, присевшего на край окна. Что он делает здесь, в чужом безвременье? И как вообще смог сюда попасть?

А впрочем, какая мне разница... До него ли сейчас.

Я таяла оплывающей свечой, сил сопротивляться почти не осталось.

Да и надо ли?

«Ради чего тебе бороться? Зачем...»

Голос в голове убаюкивал.

И правда... зачем?

Разве что...

...Мягкая волна качает разбитый хёггкар. На борту белой краской выведено кривое слово «Медуза». От шкур на кровати пахнет вереском. А под темным днищем спит морской змей. Он мог бы спать где угодно – в теплом гроте или в прохладной глубине, но он спит

здесь. И порой поднимает голову, чутко прислушиваясь к легкому дыханию девы...

«Помни свой шторм, Мира. И помни, что ты в нем выжила».

Слова обжигают и ранят. Нет, это не счастливые воспоминания. Эти воспоминания подобны клинкам – ранят насквозь, выпускают кровь, сдирают на живую кожу. Они безжалостны, словно дикие звери. Они жестоки. Они беспощадны. И лишь они могут удержать мою душу.

«Никогда не забывай о том, что тебя изменило. Храни в памяти и доставай, когда тебе надо стать сильнее. Злее. Яростнее. Когда тебе надо победить».

Свет сменяется мраком. Мрак становится силой.

Огромный белый корабль и Майк, стоящий на трапе. «Ну же, Мира, поторопись! Из-за тебя мы опоздаем, и уплывут без нас!»

Черное небо и хлесткие брызги в лицо.

«Не отпускай меня, Мира! Только не отпускай!»

Холодные бездыханные тела, через которые я пробираюсь снова и снова.

«Вы слышали? Ту бурю называли Мирандой... Так зовут вашу девочку, да? Какое ужасное совпадение...»

«Мама, зачем вы сняли фотографии Майка?»

«Тебе надо все забыть, Мира...»

Прохладная глубина бассейна и лютый страх, когда я шагаю с бортика...

Снова вода, но уже иная. Темная, слоистая. Живая.

«Что делать с девчонкой, когда мы пересечем Туман?»

Фьорды согрелись...

«Куда ты снова бежишь, лильган?»

Насмешка на губах. Серый туман над зелеными мхами...

Искры праздничного костра...

Мое отражение в глазах кракена.

И нож, входящий в сердце ильха.

Или в мое?

«Я хочу, чтобы у тебя остались воспоминания... О фьордах. Обо мне».

Мучительная боль потери. Жажда отмщения и горячая, хмельная ярость. Ненависть. Чувства, невыносимые настолько, что хочется

выдрать их из себя.

«Беда – та еще сволочь...Помни свой шторм»

Жестокие чувства.

Заставляющие жить.

Я открыла глаза.

Глава 29

Пролетев несколько ярусов, Краст свалился прямиком на своих воинов. Но к его чести, перекатился через голову и тут же вскочил, на ходу обнажая меч. Четкие ряды ильхов сломались. Одни по примеру своего риара выхватили оружие, другие – изумленно таращились на ильха, застывшего посредине беломраморной лестницы.

– ... невозможно!

– Да кто это вообще такой?

– Вот это силища!

Шторм сверху осмотрел чужаков. Втянул воздух – сильно, полной грудью. Внутри билась живая, первородная сила. Мир вокруг стал ярче и острее. Все чувства усилились. Даже шепот пришлых воинов Шторм теперь слышал так, словно стоял у них за плечом.

Поднял руку – порезы, полученные в бою, исчезли. Рана на груди, едва не отправившая его в незримый мир, затянулась до бледного рубца. И раздробленная нога больше не дергала так, что хотелось ее оторвать.

Он полностью исцелился. И стал сильнее, чем когда-либо. Сильнее, чем может быть человек или даже тот, кто поймал душу хёгга.

Вот только за это придется дорого заплатить.

Шторм снова втянул воздух – с наслаждением, со вкусом. Словно выпил залпом дорогое вино. Ощущать свое тело сильным и здоровым – невероятная роскошь. Не чувствовать боль – почти блаженство.

Жаль, что это закончится. Но прежде он будет защищать эту лестницу. Столько, сколько сможет. Столько, сколько понадобится Мира, чтобы найти путь обратно.

Шторм медленно повел головой, размял плечи. И рассмеялся от ощущения силы.

Воины внизу застыли, с опасением глядя наверх. Беловолосый а-тэм с яростью сжал кулаки.

– Чего застыли? Он напал на вашего риара! Стащите мерзавца с этой лестницы! Вперед!

Пришлые сорвались с места стаей диких собак, потрясая топорами и мечами, выкрикивая угрозы:

– Прочь с дороги! Убейте мерзавца! За риара Дьярвеншила!

Сам Краст-хёгг несясь первым.

И первым же снова слетел с лестницы! За ним туда отправился его побратим и остальные воины. И это при том, что Шторм даже меч не поднял – кулаков хватило!

– Почему бы вам просто не убраться? – предложил он.

Краст и Рэм переглянулись, первый усмехнулся.

– Зачем нам уходить? Саленгвард, оказывается, занятное место! И бродяги тут занимательные. Может, расскажешь, кто ты на самом деле?

– Я ведь уже сказал. Меня называют Шторм.

– И почему тебя так называют?

Шторм хмыкнул, заметив, как «незаметно» подкрадывается со стороны беловолосый а-тэм. Хитро. Но не для того, в ком бушует сила не-мертвого хёгга.

Прищурившись, ильх окинул взглядом горизонт. С лестницы был виден краешек моря, и сердце кольнуло тоской. Он всегда думал, что умрет в глубоких, бескрайних водах, навеки станет их частью. Умирать на ненавистой лестнице не хотелось, но судьбу не выбирают. А Шторм о своей не жалел.

Перевел взгляд на Краста, делая вид, что не замечает Рэмилана. Улыбнулся почти радостно.

– Сейчас узнаешь.

Водопад, стекающий по скале, обрел небывалую силу. Зарычал, налился губительной яростью, зашумел угрожающе. А потом изменил направление, взвился в воздух рекой и обрушился на людей! Накрыл сверху потоком бурлящей воды, снося всех, кто был на лестнице. Ругающегося в голос Рэма подхватил и закружил, потащил не вниз, а вверх, и с силой забросил на растущую у скал сосну с густой макушкой и лысым стволом. А-тэм из Дьярвеншила заорал диким зверем, пытаясь сначала вырваться из цепких оков воды, а потом – слезть с дерева.

Краст, по воле чужака снова кувыркнувшийся в воздухе и вымокший с головы до ног, приземлился и тоже выругался. Его люди валялись у подножия лестницы мокрые и злые.

Шторм захохотал. Ярость бушующей воды перекликалась с его собственной. Сила дарила ощущение могущества. Ненависть бурлила, требуя уничтожить, разорвать, убить!

Он помотал головой, отбросил со лба волосы.

«Не убивать... не убивать», – прошептал он, с трудом усмиряя ярость.

По крайней мере – пока. Может, чужаки все-таки одумаются и уйдут. Надежды на это мало, но надо держаться, пока она есть.

– Уходите! – снова выкрикнул он.

– Даже если мы уйдем, придут другие! – Краст-хёгг снова стоял на ступенях. Проклятый упрямец! – Почему ты защищаешь этот город? За что сражаешься?

Шторм покачал головой.

Не за что. За кого.

Но как объяснить это чужаку из далекого Дьярвеншила? Разве он поймет?

– Я не хочу вас убивать. Просто покиньте Саленгвард, поглоти вас пекло!

Рэмилан все-таки сумел одолеть сосну, хотя теперь и выглядел не только мокрым и потрепанным, но еще и окончательно разъяренным. Вокруг него вилась белая пороша сдерживаемого призыва, но хёгг снежного пока не появлялся.

– А вот мне теперь очень хочется отрезать от тебя хороший кусок мяса, бродяга! Сражайся! – рывкнул он, вытаскивая меч.

– Как пожелаешь, – сказал Шторм, и Рэм напал.

Он бил яростно, сильно. Нападал, желая смять защиту обидчика, сломать его оборону и добраться до живого тела. Но оказалось, что оборона эта крепче горного хребта, а сам обидчик – сильнее и быстрее стихии. Шторм двигался, словно морской ветер – нанося удары и уклоняясь в песчинке от кончика чужого меча. Рэм зарычал, позвал своего хёгга, но тот снова не откликнулся!

Вражеский клинок прошел совсем рядом с горлом Рэмилана, увернуться он успел в последний миг, ощутив на коже холод чужой стали. И увидел глаза окровавленного бродяги – темную, предгрозовую зелень и черноту, расползающуюся под веками. Жуткую, противоестественную черноту...

Мечи снова сошлись, руки загудели от силы удара. И Шторм отбросил Рэма в сторону.

Беловолосый ильх, не удержавшись, рухнул на колени, сплюнул со злостью, вскочил.

– Ты не человек! – рявкнул он. – Кто ты?

– Человек. Пока еще...

Клинки снова встретились, ударились со скрежетом, разошлись со звоном. И впервые Рэмилан, а-тэм из Дьярвеншила, подумал, что зря они ступили на проклятую землю Саленгварда. Что лучше бы и правда ушли...

Чужое лезвие прочертило на плече длинную полосу, и Рэм с шипением отступил.

– Моя очередь, – с предвкушением произнес Краст.

В отличие от его а-тэма, риар Дьярвеншила удары наносил скупое, но жестко. Короткие и сильные выпады, гибкие и быстрые уходы. Он бил сразу и наверняка, желая свалить Шторма, но наткнулся на слишком сильного противника. Мечи разошлись, не причинив вреда, лишь со злостью оцарапав сталь.

И прежде чем Краст снова напал, у подножия лестницы закричали:

– Хёггкары, мой риар! Пришли хёггкары! Я видел щиты Ауурольхолла, Варисфольда и Гараскона! Десятки десятков воинов!

– Вот видишь, бродяга, – сказал Краст, не спуская со Шторма внимательного взгляда. – Я ведь говорил, что скоро здесь будет не протолкнуться. Многие увидели огни на холмах и поспешили в эти воды. Саленгвард слишком давно стоит костью в горле фьордов. Многие сочтут за честь сравнять этот город с землей. Тебе не удержать всех.

– Я попробую.

– Но почему? За что ты готов отдать свою жизнь? – Краст нахмурился, всматриваясь в странного чужака. Выглядел тот чудовищно, а его сила и скорость поражали. Кто он и почему так отчаянно сражается?

Шторм не ответил. Не выпуская из вида Краста, он бросил быстрый взгляд на простирающуюся за площадью улицу. В тумане двигались силуэты – и не было им числа.

«Убить... убить всех... разорвать... в клочья!»

Жгучая ненависть обожгла кровь. По венам потек горький яд, отравляющий душу. Этот день для многих станет последним. Эту битву запомнят. Площадь заполнили чужаки из разных городов, и все они с недоумением смотрели на застывшего вверху ильха.

– Мне жаль, – сказал Шторм, снова поднимая клинок. Ударить не успел, потому что снизу снова закричали. И на этот раз голос оказался знакомым.

– Эй, Ярл, ты там еще не утомился мечом махать? Так мы сейчас тебе поможем, не переживай! Проредим малость ряды этих нахалов!

– Эйтри? Я разве не велел вам проваливать? – хмыкнул Шторм. Бурлящая внутри чернота ненадолго отступила, спрятала ядовитые жала.

– Так это бунт, капитан! – радостно отозвался Эйтри-Янтарь. Среди чужаков мелькнули его белые косы, блеснул злым азартом желтый камень в глазнице.

За Эйтри уже раскручивал булаву Торферд, и вокруг великана разрасталось пустое пространство. Никто не хотел ненароком остаться без головы.

– Ты разве не знаешь, что я делаю с бунтарями, Эйтри?

– Как не знать! – еще радостнее отозвался Янтарь. – Вережку на ногу – и в долгий путь под днищем «Ярости Моря»! Вода смывает все прегрешения, если смельчак выживет, конечно!

Эйтри захохотал, как безумец, прокручивая вокруг кистей рук парные мечи.

– Вот именно. Так какого пекла вы все явились?

– Мы не могли пропустить хорошую драку, Ярл! У тебя затевается недурное веселье, а нас не позвал? Нехорошо, капитан!

– «Ярость Моря» и капитан Ярл? – задумчиво произнес Крастхёгг.

– И его помощник – Эйтри, младший наследник Ауrolьхолла, взбунтовавшийся против семьи и нежеланной невесты, – так же задумчиво отозвался его а-тэм. – Известные фьордам имена.

– Не ожидал встретить их в проклятом городе.

Шторм пожал плечами. Посмотрел на луну, выкатывающуюся из-за гор. Море вдали рычало, и так хотелось окунуться в зыбкие воды, смыть солью чужую кровь... но не судьба.

Он посмотрел вниз и сказал:

– Эйтри, сегодня мы не берем пленных.

– Да, мой повелитель!

– К оружию!

Мечи снова взвыли стальную песню, ряды воинов сомкнулись и закружили людскими водоворотами. В один миг все смешалось – свои и чужие. Упавшие факелы вспыхнули огнём на сухом дереве, пламя заплясало, озаряя кровавую битву. Лязг, шум, вопли и стоны. Кто-то упал, кто-то снова вскочил... в какой-то момент стало ясно, что защитников Саленгварда совсем мало, гораздо меньше, чем чужаков. И что все они ужасно устали. Но столпившись рядом со своим повелителем, бились, как одержимые, словно у каждого в запасе была еще одна жизнь. И все же – проигрывали.

– Сдавайтесь! – крикнул Краст, отбивая медвежью атаку Торферда. – Шторм-хёгг, прикажи своим людям отступить! Или хочешь, что мы всех перебили?

Шторм оглянулся на голос и успел заметить, как упала Нана. Рухнула, словно срубленное дерево.

И тут закричал Ирган.

– Мечи! Мой повелитель, мечи Проклятого риара! Они... рассыпаются!

Небо – еще миг назад ясное и звездное, затянуло чернотой. Потянуло холодом – студёным, совсем не летним.

И в четырех угловых башнях Саленгварда, давно заброшенных, вспыхнуло зарево огня. Но был он странным, зеленоватым, словно горящий на могильнике торф. Черное сухое небо разорвала молния.

– Что это? Что?

Как по команде, все головы повернулись в сторону дворца. Двери его распахнулись, и на верхнем ярусе показалась фигура...

– Проклятый риар, – прошептал кто-то. А потом повторил уже в голос: – Проклятый риар вернулся! Владыка Скорби!

В наступившей гробовой тишине силуэт спускался по белой лестнице, ставшей от крови красной.

На бледном челе светился черными камнями венец риара Саленгварда. Карминные губы складывались в безумную улыбку. Длинный окровавленный подол тянулся по ступеням, по обнаженным белым рукам расползлось чернотой колдовское кружево. Глаза

отдавали малахитовой зеленью проклятого города, и темные волосы стелились за спиной, словно живая река.

– В венце черных звезд, в потоках крови вернется риар Саленгварда. И принесет с собой оживший ужас, – вспомнил древнее пророчество Ирган. Его шепот в наступившей тишине показался криком.

Людская волна отхлынула вниз.

И лишь Шторм качнулся навстречу, все еще не веря своим глазам.

– Это...дева? – изумленно протянул Краст-хёгг.

– Очень упрямая дева, – тихо добавил Эйтри-Янтарь.

Дева в венце риара Саленгварда обвела жутким малахитовым взглядом застывших внизу людей – одного за другим. И каждому захотелось попятиться.

– Довольно битв. Убирайтесь из моего города, – сказала она.

– Кто ты и почему мы должны тебя слушать? – нахмурился Краст-хёгг.

– Ты спрашиваешь, кто я? Я та, что сокрушила Проклятого риара Саленгварда и приняла его наследие. Мое имя – Миранда, запомните его! И то, что эти люди и этот город теперь под моей защитой! – Голос девы в наступившей тиши прозвенел громом. – Я не желаю вам зла. Уходите. Расскажите каждому, что Саленгвард никому больше не навредит, но он сумеет защитить тех, кто найдет здесь новый дом!

Краст-хёгг некоторое время стоял, рассматривая невиданную деву. Потом перевел взгляд на Шторма, прищурился с пониманием.

Из толпы вновь прибывших воинов выступил один – светловолосый, с льдистыми синими глазами и россыпью алмазов на одежде.

– Я Верес из Аурольхолла. Говоришь, ты одолела в битве Владыку Скорби, дева Миранда? Если ты победила прежнего риара, то имеешь право на его город, это верно. История фьордов знает примеры, когда риаром становился человек без кольца Горлохума. И даже когда им становилась дева. Но чем ты докажешь, что битва была? И что ты смогла одолеть Владыку Скорби? По слухам, его силе не было равных!

Дева, не моргая, смотрела в хрустальные глаза чужака. И тот сглотнул, сжал руку на рукояти меча, сдерживая желание отступить.

– Хочешь доказательств, Верес из Аурольхолла? Оглянись.

– Что я должен увидеть? – Верес нахмурился. – Здесь только туман.

– Туман прячет тех, кто веками хранит этот город. Туман делает их невидимыми. Ты смотришь, но не видишь, Верес из Аурольхолла. Саленгвард впускал многих, но никому не позволил покинуть свои стены.

– О чем ты говоришь?

Черные кружева на руках девы зашевелились, словно водяные струи. Потекли с ладоней и упали каплями с пальцев.

И земля вздрогнула. Площадь у лестницы пошла трещинами.

А из тумана потянулись фигуры. Призрачные силуэты ткались из серого марева, гнилой плоти, костей и лишайников. Они двигались в жутком безмолвии, смотрели пустыми беспощадными глазами. Сквозь их тела проросли бледные поганки и серые мхи, корявые ветки и навеки впаянное в кости оружие. Мертвые ильхи и их неживые девы, полусгнившие собаки и лошади, дохлые волки и грязные вороны. Люди, звери, птицы. Мертвые выходили из древних могильников, выползали из земляных ям и каменных захоронений. Открывали двери домов, спускались по лестницам, слетали с крыш. Они шли отовсюду, окружая живых людей кошмарным молчаливым кольцом.

Мертвые жители Саленгварда пришли на Зов своего нового риара.

Ведь они всегда были здесь – армия Владыки Скорби, вечные не-мертвые, жители погибшего города. Проклятый риар наказал живых, которые клялись ему в верности, а потом предали, открыв ворота Совету Ста Хёггов.

Они всегда таились в тумане, а Шторм всегда их чувствовал. Ощущал нутром, хотя и не видел. Но каждый раз, входя в Саленгвард, он знал, что за ним наблюдают сотни неживых глаз. Те, кто, как и Вёльхон, сторожили покой хозяина и ждали того, кто откликнется на мертвый Зов.

Они были ужасны.

И не было им числа.

Мертвый беркут опустился на плечо девы. Мертвый волк сел у ее ног.

Возле беловолосого Вереса зашевелился мертвец, сраженный в битве. Медленно поднял голову, посмотрел пустым взглядом. И встал,

пошатываясь. Верес не сдержался и все-таки выхватил меч, ударил. Сталь застряла в плоти, но мертвец продолжал двигаться.

Вторым – поднялся павший воин у ног Краст-хёгга. А потом все погибшие в бою встали и присоединились к вечной армии Саленгварда.

Дева захохотала.

Живые ильхи шарахнулись в сторону, оцетинились мечами и копьями, но в глазах каждого храбреца возник откровенный ужас.

– Вот тебе мои доказательства, Верес из Аурольхолла! – с насмешкой протянула Миранда. – Так ты признаешь мое право на этот город? Так готов оставить мои земли или хочешь присоединиться к моему мертвому легиону? Нравятся тебе мои воины, Верес?

Ильх сжал рукоять меча и затравленно оглянулся. Краст-хёгг нахмурился, но, к его чести, испуганным не выглядел. Скорее – задумчивым.

– По закону фьордов у риара должна быть хоть одна десятина защитников, – выплюнул Верес. – И это должны быть живые люди, дева! Покажи свою десятину, и мы признаем твое право на владение Саленгвардом.

Дева моргнула слегка растерянно.

И тут шагнул вперед тот, кого называли Шторм-хёгг и Ярл-Кровавое-Лезвие.

Встал на колени и четко произнес:

– Встаю под руку твою, Миранда. Склоняю перед тобой голову, отдаю свою жизнь, силу и меч во власть твою и знаю, что ты не воспользуешься ими бесчестно.

Эйтри хмыкнул. Почесал грязную белую макушку. Пробормотал какое-то замысловатое ругательство. Посмотрел на Вереса из Аурольхолла. Тот ответил тяжелым взглядом. А потом Эйтри весело усмехнулся и тоже опустился на колени.

– Встаю под руку твою, риар, – буркнул он так, словно сам не верил в то, что делает, а дева в венце черных звезд насмешливо улыбнулась.

Рядом тяжело упали Торферд и раненая Нана, потом плюющий кровью Ирган, тяжело дышащий Бирон-Стервятник и двое молчаливых ильхов Последнего Берега, имен которых Миранда не знала. И они тоже произнесли клятву.

Увы, больше от защитников города никого не осталось...

– Восемь из десяти, дева, – процедил Верес. – Есть еще желающие встать под руку нового риара?

Толпа живых отхлынула в сторону. Мертвецы угрожающе заворочались. Белые молнии прошли сухую темноту неба.

– Есть! Есть! – завопил из темноты старик Дюккаль. За ним ковылял Вегард-Без-Крыши, на его голове сидела кошка. И оба, кряхтя, опустились на колени у подножия лестницы.

– Встаем под руку твою, риар!

– Думаю, нам здесь больше нечего делать, – громко сказал Крастхёгг. – Новый риар получил власть по закону и сам... сама позаботится о Саленгварде. Возвращаемся на хёггкары!

И, спустившись с лестницы, пошел прочь.

Армия мертвых молча расступилась, выпуская риара Дьярвеншила. Его люди потянулись следом.

Верес из Аурольхолла яростно сверкнул хрустальными глазами, но потом медленно кивнул, тоже развернулся и пошел прочь.

А потом, торопясь и перешептываясь, ушли и другие. Все, кто намеревался уничтожить Саленгвард.

Разгорающийся рассвет позолотил силуэты быстро удаляющихся хёггкаров.

Дева в венце черных звезд посмотрела на небо и вздохнула так, словно делала первый в жизни настоящий вдох.

– Новый рассвет, – прошептала она. – Он все-таки наступил. Неужели мы победили? И выжили? Шторм, мы выжили?

Словно все еще не веря, она обернулась к ильху. И увидела черные незнакомые глаза, почти такие же пустые, как у мертвецов, поднятых ею.

– Ярл! – простонал рядом Эйтри. – Что, раздери тебя пекло, ты сделал?

Глава 30

Двадцать девятый рассвет... Раньше я не придавала им значения, а теперь считаю каждый. В открытое окно моей комнаты в башне риара видно крыши домов, море и кусок площади – все еще искорёженной и вспученной после того, что случилось в ночь моего возвращения. Ржавые мечи у подножия лестницы рассыпались прахом, когда я победила Харгора. Кровь, к счастью, смыло дождем, и теперь ступени снова сияют белым мрамором.

Мертвецов я отправила в недра горы, закрыв им выход. Они останутся там навечно, а я надеюсь, что мне никогда не придется повторять свой призыв мертвых. Не уверена, что заставляя двигаться давно истлевшие останки, я остаюсь собой. Или хотя бы – человеком.

Иногда я смотрю в кусок льдистого стекла, считая изменения. В моих волосах появились седые пряди. В мое тело навечно впечаталась драконья кровь. Руки она покрывает сплошной чернотой – от пальцев до локтей. На плечах и груди напоминает узоры. На живот и бедра стекает скорбными дорожками. И даже лицо украшает черная капля у левого века.

Мои глаза заполнила потусторонняя малахитовая зелень.

И если я захочу, то смогу позвать любого мертвеца в Саленгварде. Поднять из могилы и заставить мне служить.

Таково наследие Владыки Скорби.

В безвременье я получила часть его воспоминаний и думаю, мне понадобятся годы, чтобы научиться не вздрагивать от ужаса, когда мне снятся кровавые ритуалы проклятого риара. Харгор утратил милосердие и перестал видеть разницу между живым и мертвым. И то и другое стало лишь средством для достижения его целей.

Души живых он разрывал на части и запирали в своих железных творениях, надеясь создать идеальное вечное существо. В темных лабиринтах под Саленгвардом и сейчас ждут своего часа ряды железных чудовищ, до которых не сумел добраться Совет Ста Хёггов. Однажды я наберусь храбрости, чтобы спуститься в недра скал и увидеть их своими глазами.

А пока я должна научиться жить с тем, что от меня осталось.

Несколько дней назад я все-таки решилась и на рассвете открыла еще один проход. Идти пришлось долго, так долго, словно я спускалась в самую бездну. Чем ближе я подходила, тем громче становился яростный рокот, зарождающийся под Саленгвардом. Он указывал мне путь даже во тьме, когда погасла взятая с собой лампа.

Тело Ёрмуна, вернее – его останки, я нашла в подземном гроте с ледяной водой. Скелет лежал наполовину в воде, прикованный цепями из мертвого железа. Получеловек, полухёгг, не-живой и не-мертвый.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, я подошла ближе и произнесла:

– Силой и властью риара Саленгварда, я – Миранда, считаю исполненной твою клятву а-тэма. Я отпускаю твою душу, отныне она свободна. И пусть будут милостивы к тебе Перворожденные, Ёрмун.

И ударила топором, перерубая цепи.

Белый поток взревел раненым зверем, и почудилось, что мои слова прозвучали слишком тихо, слишком слабо. Разве можно расслышать их за ревом бушующего течения?

Подземное озеро взметнулось угрожающей волной и... опало.

Течение замерло. В гроте стало тихо-тихо. Так тихо, что я услышала звон капель, падающих с потолка.

Желтые от времени кости Ёрмуна медленно соскользнули в воду и исчезли на глубине.

Я еще постояла, глядя на темную и уже спокойную воду, а потом двинулась обратно. У меня оставалось еще одно не менее важное дело – запечатать могильник Вёльхона.

Пещеру с его костями я закрыла и даже коридор к нему завалила камнями, чтобы никто не смог найти дорогу. Саленгвард по-прежнему мертв, но большая часть души Вёльхона все еще остается во мне, даруя власть над камнями и новые невероятные способности. Именно не-мертвому хёггу я обязана этой силой – раздвигать скалы, вызывать сухие грозы и... призывать мертвых. Ритуалы Харгора изменили живые силы дракона и саму его суть. Владыка поглотил большую часть его разорванной души, но два клочка все же остались на свободе. Одна – нашла приют в мертвом беркуте. Вторая – в волке.

На мне нет кольца Горлохума, но вместе с поглощенной душой Владыки, а значит, и Вёльхона, я получила и его страшные силы.

Стило подумать, и на окно тяжело упала птичья тушка. Я хмыкнула, глядя, как давно не живой беркут пытается вычистить встопорщенные перья. К этому странному спутнику я уже привыкла, и он не вызывал во мне оторопи. А вотдохлый волк, крадущийся рядом, все еще заставлял меня подпрыгивать. Но он присоединялся к нам лишь во время прогулок по городу.

Кстати, пора собираться.

Сегодня в огромной кладовой города я выбрала почти целый наряд: светлое платье с серебристым подкладом и искусной вышивкой у горла. Волосы заплела в косу, сверху пристроила венец – оказывается, он отлично сдерживает рассыпающиеся пряди. Собрала корзину и вышла в коридор.

И уже у лестницы столкнулась с Эйтри. Мы скривились одинаково недовольно.

– Эй... Этот... Эта... ну то есть... Как же это... – Мерзавец пощелкал пальцами, делая вид, что не может вспомнить.

Я невозмутимо молчала. Эта демонстративная забывчивость повторялась каждый день, и я надеялась, что когда-нибудь она Эйтри все-таки надоест. Но пока этот счастливый день не наступил. К сожалению.

– А, вспомнил! Риар! Во! Куда идешь, риар?

Я повернулась и молча двинулась к выходу. Конечно, это не могло обескуражить Эйтри. Он посмотрел на мою корзину, увидел кисти и поднял белые брови.

– Ого, ты собралась рисовать? Неужели умеешь?

– Нет.

– Ну вот, – снова пощелкал он пальцами – очень противный звук, к слову. – А я уж думал, что у тебя появилось какое-то полезное умение, риар!

– У меня есть умение призывать мертвых! А у них есть умение – надирать задницы всяким заносчивым мерзавцам! – не сдержалась я, и Эйтри радостно улыбнулся.

– А, ну вот. Это все еще наша упрямая лильган. Ладно, не злись, я ведь должен убедиться, что Харгор не вернулся и не захватил твое тело.

Я снова пошла к двери. Эйтри подначивал меня на каждом шагу, я огрызалась, но иногда внутри делалось холодно. Это все еще была я.

Но могла ли я утверждать, что Харгор не вернется? Я даже не могу точно объяснить, что произошло в безвременье. Моя душа оказалась сильнее, мои боль и ярость – ярче. Моя душа поглотила душу Проклятого Владыки, а часть моих воспоминаний заменились на его.

Иногда я пытаюсь вспомнить имя девушки, с которой дружила в университете, или обстановку своей комнаты в Окламе – и не могу. Зато во всех подробностях вижу перед глазами очередной жуткий ритуал.

Так была ли я все еще той же Мирандой из-за Тумана?

Увы, я не знала ответа.

Возможно, надо просто принять изменения и жить дальше, приспособиваясь к новой для себя действительности. К кровавым снам. К голосам мертвых. К дохлomu беркуту на плече и волку у ног.

К другу, которого я все еще люблю.

– Снова идешь к нему? – Эйтри вмиг стал серьезным, помрачнел. Насмешка слетела с его лица и стали видны горькие морщинки у губ. – Мира, ничего не получится. Никто не вернулся, понимаешь? Мы пытались много раз. Но те, кто стали друзьями, перестают быть людьми. Его больше нет, Мира!

– Катись к демонам, Эйтри.

Я отпихнула ильха плечом, вихрем пронеслась по коридору и вылетела на улицу.

Лето растекалось над фьордом медом и золотом, и за пределами Саленгварда цветы уже сменились сочными ягодами. Однажды и в этот город вернется жизнь, в этом я была уверена.

– Мира, послушай...

– Никогда, – четко произнесла я, обернувшись на Эйтри. – Никогда я не позволю его убить и сжечь на холме. А если вопреки моему приказу ты решишь избавить его от страданий и сделаешь это тайком, то я вырву твое сердце, а потом подниму труп и заставлю вечность чистить отхожие ямы. Понял?

Беловолосый ильх изумленно моргнул.

– Отхожие ямы? Вечность? Хеллево пекло, твой разум еще более извращенный, чем...его! Ярл всего лишь вспарывал врагам брюхо!

– Вот именно. И не забывай, кому ты принес клятву верности, – напомнила я.

– Забудешь тут... как же, – пробормотал Эйтри.

– Лучше позаботься, чтобы у людей была еда. А потом напиши новые прошения. Отправь в Варисфольд и другие города. Добавь, что Саленгвард готов к торговле, в конце концов, в наших кладовых полно сундуков. А золото, к счастью, не гниет. Возможно, на фьордах найдутся смельчаки, готовые торговать с нами. И даже те, кто готов здесь поселиться.

Эйтри скептически хмыкнул, но я верила в то, что говорила. Конечно, дурная слава нескоро отпустит эти земли, но рано или поздно сюда придут новые корабли. Хотя бы ради любопытства. Ведь человеческую природу не изменить.

– Варисфольд и так к нам однажды явится, – буркнул Эйтри. – Посмотреть, что за новый риар теперь владеет Саленгвардом и чего от тебя ждать.

Я кивнула. Да, все так. И мы должны быть готовы к этой встрече.

Но все это впереди. А пока меня ждет берег и теплая волна, целующая босые ноги.

И он.

Так что я отвернулась от Янтаря и двинулась к городской стене. Теперь мне не нужно было через нее перелезть, камни разошлись раньше, чем я приблизилась. Каждый раз это получалось у меня все лучше. Сегодня я даже не задумалась, призвав странную и страшную силу Вёльхона.

Беркут и волк остались за стеной, они не покидали пределов города. Я рассеянно подумала, что надо бы дать им имена. Или, может, называть их Вэль и Хон?

В конце концов, все мы живы, пока кто-то произносит наше имя.

В лесу созрела голубика, я набрала пригоршню, медленно съела. Дошла до кромки моря, постояла, вдыхая соленый воздух. Между выступающими скалами на миг показалась огромная круглая голова и тут же снова спряталась в глубине. Я улыбнулась. В тот день мой пепел все-таки помог, и кракен выжил. И я была так счастлива, увидев чудовище, что едва не расплакалась.

К берегу Малыш не приближался, но я все-таки помахала ему рукой. Белый Ёрмун утих и больше не опоясывал город неприступным течением. Я надеялась, что слухов об армии мертвых будет достаточно, чтобы защитить Саленгвард от новой войны.

На сгоревшие остовы хёггкаргов Последнего Берега я смотреть не стала. Свернула за ясеновой рощей, миновала хлипкий мостик и оказалась в пещере. Потрясла тяжелую дутую лампу в углу, дождалась, когда внутри разгорится уголь. И лишь потом повернулась.

Цепи из мертвого железа тянулись от толстых колец и сковывали ильха по рукам и ногам. Говорят, этими цепями можно удержать даже дикого хёгга. Шторм смотрел на меня, прищурившись. Изодранная рубашка еще влажная, со светлых волос падают капли. Верно, Эйтри заходил и вылил на Шторма пару ведер воды. В первые дни мы опускали Шторма в море, надеясь на исцеление, но в итоге едва его не утопили. Ильх не призывал хёгга и не оборачивался. Даже на глубине он оставался человеком, и его почерневшие глаза внимательно наблюдали за людьми сквозь толщу воды. Поняв, что глубина не поможет, его приковали в пещере на берегу.

Эйтри рассказал мне, кем стал Шторм. Что он сделал, чтобы дать мне время на возвращение. Он принял столько пепла, что хватило бы на создание десяти драугов. И лучшее, что можно теперь сделать для того, кого я люблю – это развести костер, да пожарче.

Но я не желала об этом даже слышать.

Разложила на камне содержимое корзины, вытащила кисти.

– Знаешь, Шторм, из башни риара открывается потрясающий вид на горы и море. Особенно прекрасны рассветы. Честное слово, стоило занять этот город хотя бы ради того, чтобы любоваться ими. Но пока ты не можешь этого увидеть, я решила нарисовать тебе свой рассвет. Старый Дюккаль изготовил мне желтую краску, говорит, это смесь охры и ржавчины. Должна предупредить, что рисую я ужасно, но изобразить солнце сумею. Ты знаешь, что означает древнее название этого города? Я теперь знаю... «Тихая пристань». Душевно, правда? Я думаю, солнце станет новым символом Саленгварда. Золотой круг, который будет означать новый рассвет. Который все-таки наступил. Как думаешь?

За спиной никто не ответил.

– Жизнь понемногу налаживается, – тише продолжила я. Макнула кисть в краску и обрисовала на стене полукруг. – Проклятие спало, туман исчез и Саленгвард оживает. Ирган на днях увидел вереск, пробившийся на скале у дворца. Те, кто выжил в битве, решили обосноваться в городе. Нашли целые дома, принесли из малахитового

дворца столы и кровати. Конечно, на это решились не все. Кое-кто продолжает жить на берегу, в гротах или шалашах из веток.

Я вздохнула.

– Я нашла сокровищницу Саленгварда, но от золота Проклятого риара пока мало толка. Из него нельзя сварить горячий суп, когда наступят холода. Мы делаем запасы, но рук не хватает. А еще людям нужно мыло, ткани, теплая обувь и одежда. Одежда и шкуры. Лампы с живым огнем Горлохума, бумага и куча разных мелочей.

Полюбовалась на желтый круг и начала его закрашивать.

– Эйтри говорит, если ничего не изменится, то придется выводить из бухты «Ярость Моря». Он хочет добраться до ближайшего города и попытаться обменять золото на что-то полезное. Вот только... твой хёггар слишком приметный. И слишком норовистый. Эйтри не уверен, что сможет с ним справиться.

Угрожающая тишина за спиной нервировала, но оборачиваться было рано. Сначала нужно дорисовать солнце.

– Все ждут твоего возвращения, Шторм. Нана за все время не произнесла ни слова, но каждый день печет твои любимые пироги. Бирон вычистил твой меч и починил треснувшие ножны. Торферд ночует на скалах, и хоть утверждает, что там больше воздуха, мы знаем, что он хочет быть поближе к тебе. Даже кракен высовывается из воды каждый раз, когда кто-то появляется на берегу. Тоже ждет.

Краска пахла чем-то сладко-кислым, но легла ровно.

– А Вегард-Без-Крыши доделал лиру. Ты помнишь дощечки, которые он постоянно перебирал? Он сделал из них инструмент. И говорит, это лучшая лира за всю его жизнь. Ее песню слышно даже в незримом мире. Он играет на ней каждый день, чтобы ты мог найти дорогу обратно. Слышишь музыку? Она звучит и сейчас.

Еще пара мазков, и мое солнце озарит пещеру.

– Эйтри... Он тоже тебя ждет. Хоть и грозит сжечь на холме. Но я знаю, все дело в том, что ему больно. Больно видеть тебя таким. И... меня. Хотя этот мерзавец никогда в этом не признается!

Последний взмах кистью, и желтый круг засиял на камнях. Получилось слегка неровно, но вина, конечно, в шероховатости стен, а не в моей криворукости!

– А еще я теперь знаю, что значит Зов хёгга. И почему твои глаза порой так напоминали море... – Я запнулась, и капля краски упала на

землю. Постояла, выравнивая дыхание. – Ну вот, все готово. Теперь здесь будет сиять солнце. Нравится?

– Зачем ты держишь меня здесь? – хрипло произнёс Шторм, и я постаралась не вздрагивать.

Когда он заговорил первый раз, я так обрадовалась, что бросилась размыкать цепи. К счастью, не успела, а рядом оказались Эйтри и Торферд. Одной рукой Шторм едва не придушил обоих.

«Друзги могут говорить, Мира, – буркнул тогда беловолосый. – В них умирает все хорошее, все человеческое. Привязанности, милосердие, добро. Душа умирает. Но язык-то остается! Говорить они могут, хоть и не хотят. Да и зачем? У них теперь лишь одно желание – убивать. А еще драуги изворотливы. Они умеют притворяться теми, кого мы любим. Так что не верь тому, что он скажет. Это больше... не он».

– Я держу тебя здесь, чтобы ты не мог навредить другим, – твердо сказала я, откладывая кисть. И наконец обернулась.

Замерла, всматриваясь в его лицо. Впалые скулы, сжатые губы, черный знак – почти такой же, как его глаза.

Вытащила из корзины пирог.

– Я принесла обед. Тебе ведь всегда нравились пироги Наны. Поешь.

Вложила тесто в губы Шторма, и его зубы клацнули, едва не откусив мне палец. Я отпрыгнула, а ильх выплюнул пирог и усмехнулся.

– Я не хочу пирог, – медленно произнес он.

– Чего же ты хочешь?

Шторм склонил голову набок, губы растянулись в усмешке.

– Поцелуй меня... Мира.

Я глубоко вздохнула.

Ладно, это мы тоже уже проходили. Ужасно, но драуг помнит имена людей. Возможно, он помнит вообще все, просто больше не испытывает человеческих чувств. Когда-то Шторм убил своего риара и почти обезумел, став Ярлом-Кровавое-Лезвие. Тогда он тоже был далек от милосердия... Но сейчас... Сейчас в Шторме пробудилось все самое худшее. Темная сторона его души взяла верх.

– Поцелую, если съешь все, что я принесла, не пытаясь откусить мне руку, – ответила я.

– Ты врешь. Ты боишься подойти ко мне.

Ильх тихо рассмеялся. Я поежилась. Раньше я не слышала такого смеха. Встряхнулась, запрещая себе бояться, и, снова приблизившись, протянула новый пирог.

– Ну? Будешь есть или я уйду?

– Не уходи.

Не спуская с меня взгляда, Шторм коснулся губами краешка пирога.

– Ближе, – приказал он.

Я осторожно приблизилась, готовая отскочить при малейшем признаке агрессии. Но Ильх выглядел совершенно спокойным. Сухие губы коснулись моих пальцев. Шторм замер, а потом лизнул кожу. Медленно. И еще раз. Его дыхание сбилось. Зрачки в черных радужках не по-человечески сузились.

– Я хочу больше, Мира.

Нельзя! Стоп! Не верь!

В голове кто-то вопил голосом Эйтри. Но я не послушала. Медленно подошла еще ближе. Может, потому что я тоже слишком сильно хотела большего. Прикосновения. Хотя бы одного! Ощутить под пальцами ток его кожи, почувствовать, что он здесь. Что он живой. Поверить, что вернулся.

Я так сильно этого хотела, что теряла благоразумие.

И потому уронила пирог в корзину и положила ладонь на грудь Шторма. Туда, где в прорехе белел шрам от ножа. Застыла, впитывая его тепло. От Ильха слабо пахло морем и травами. Даже сейчас...

И я так безумно по нему соскучилась.

Так безумно, что порой теряла разум. Я боялась того, что может произойти, если Шторм не вернется. Захочу ли я уничтожить всех, кто пришел в тот день к изножью белой лестницы? Подниму ли я армию мертвых, чтобы найти риара Дьярвеншила и его голубоглазого а-тэма, Вереса из Ауrolьхолла, и каждого воина, вынудившего Шторма выпить целый бурдюк проклятого пепла? Стану ли я безжалостной, как Ярл-Кровавое-Лезвие, или превзойду его?

Стану ли я безумной, если его потеряю?

Я боялась это узнать.

– Ты мне нужен, – прошептала я, не сдержавшись. – Не смей сдаваться. Не смей уходить! Просто вернись, слышишь? Вернись,

раздери тебя кракен!

Рискуя остаться без языка, я прижалась к ильху и поцеловала его. И он ответил – сразу же. С силой и яростью, жестко, почти болезненно. В каждом движении губ – злость и желание. Ярость, которая может быть такой чувственной, что пожаром сжигает тело. Я вцепилась в его плечи, пытаюсь удержаться, пока Шторм просто имел меня языком. Так распушенно и порочно, с таким возбуждающе-хриплым стоном, как будто никогда не знал слова «стыд». Хотя почему «как будто»... Он и не знал. И сейчас терзает мои губы снова и снова, прижимается бедрами. Его возбуждение снова окунает меня в лаву, стоны толчками вырываются из горла.

– Отпусти меня.

Я знаю, что нельзя. Я знаю...

Жестокие Перворожденные, как же хочется поверить. Словно сон, в котором ты счастлив. От которого так не хочется просыпаться...

– Нет.

– Отпусти. Меня.

Он снова истязает меня поцелуем. Так жадно, так сладко. И так больно.

Проклятье!

Я обхватила его лицо ладонями. Закрыть глаза и позволить себе просто его целовать...

– Я понял, почему затуманные люди это делают, – медленно прошептал ильх. – Твои губы заставляют чувствовать себя живым...

Я зажмурилась изо всех сил. Глаза обожгло невыплаканными слезами.

Это слишком жестоко.

Слышать его голос со знакомыми насмешливыми нотками, ощущать запах моря и трав. Чувствовать под пальцами тепло и силу его тела. А потом видеть черные глаза друга и понимать, что все это лишь обман.

Даже после всего, что мы сделали, даже после всего, кем мы стали.

Это слишком жестоко!

Порой я понимала желание Эйтри сжечь Шторма на холме.

Отчаяние и боль стерли остатки благоразумия, и я ударила ладонью по груди ильха. А потом снова – двумя руками.

– Проклятый мерзавец! Хочешь, чтобы я отпустила тебя, да? Хочешь освободиться, чтобы разорвать меня? Этого ты хочешь? Так получай!

Яростно схватила ключ от стальных оков, повернула, освобождая руки Шторма.

– Этого ты добива...

Я отлетела в сторону, отброшенная невероятной силой друга. И пока я пыталась подняться, Шторм просто выдрал из скалы цепи, сковывающие его ноги. Повел плечами, разминая их.

Я прислонилась к стене, с ужасом понимая, что это конец. Я поддалась чувствам и сделала глупость. Ну что ж. Она будет последней. И я не сдамся так просто.

Подняла ладони, и Шторм рухнул на колени, когда его схватили выбившиеся из-под земли истлевшие руки. Я понятия не имела, чьи захоронения покоились в этой пещере, но сейчас мне пригодится любая помощь. За стеной Саленгварда призыв к мертвым давался труднее, на берегу было слишком много живой силы воды и земли. Но и моя злость оказалась неплохим топливом!

– Как тебе это, друг? – рявкнула я, когда из рыхлой почвы в углу выбралась почти неповрежденная медвежья туша и, тяжело перебирая лапами, бросилась на Шторма. Крупные желтые клыки сомкнулись на его плече и откинули ильха в сторону. Тот пролетел через всю пещеру, перевернулся в воздухе и мягко опустился на ноги. Рана от медвежьего укуса затянулась почти мгновенно. Пепел продолжал исцелять Шторма.

Не спуская с меня взгляда, ильх кинулся на медведя, оторвал его голову и отшвырнул. А потом повернулся ко мне.

Я вжалась в камни, изо всех сил призывая мертвых. Но в этой пещере остались лишь бесполезные столетние кости, слишком хрупкие, чтобы защитить меня.

Несколько быстрых шагов, и Шторм остановился напротив.

Я вскинула голову. Страх не было. Только невыносимая тоска.

– Ну, чего ты ждешь? – прошептала я.

Он положил ладонь мне на шею. Провел большим пальцем по бьющейся под кожей жилке. Нахмурился.

Снова погладил пальцем, словно вслушиваясь в ощущение. Я почти не дышала, не понимая, что происходит. И почему друг до сих

пор не задушил меня.

Второй рукой Шторм провел по моим волосам. Сжал пряди в кулак, дернул. Скользнул ладонью на затылок, притягивая меня ближе. К своему лицу, к своим губам.

Неужели проклятый демон собирается меня загрызть?

– Ты дал мне клятву, а-тэм! – рявкнула я. – Клятву защищать своего риара! Слышишь меня? Я приказываю тебе вернуться!

Музыка не давала покоя. Она звучала и звучала, без конца и края, вливалась в уши студеным потоком, злила. Эта музыка ему не нравилась, она раздражала, потому что заставляла двигаться. Куда? Он не понимал. Он блуждал в тумане, пока не услышал эту музыку.

А потом пришла кошка. Она казалась смутно знакомой, полосатой, почти такой же, как пряталась в бороде какого-то старика... Но как его звали, он не помнил. И лица не помнил... Лишь исходящую паром миску похлебки в сухих старческих руках...

Но это было столь мимолетно, что совсем не трогало.

Вот только кошка приходила снова и снова. Таращила желтые кошачьи глаза, смотрела с презрительным высокомерием. Чистила усы. И куда-то вела, порой поглядывая с недовольством. Кошка и музыка тянули его сквозь туман, заставляли двигаться.

Он хотел плюнуть и на назойливые звуки, и на плешивую зверюгу, но тут вспомнил что-то важное.

Кого-то.

За пеленой белесого сумрака его кто-то ждал.

Кто-то очень нужный.

Очень любимый.

Тот, о ком он тосковал, даже не помня.

И Шторм шел, шаг за шагом вспоминая ту, ради которой он захотел вернуться.

А когда туман рассеялся, он увидел ее лицо. Къяли. Мира. Его беспощадная стихия.

Ее слова отзывались внутри нежностью и яростью.

– Приказываешь, значит?

Шторм улыбнулся. Темнота под его веками переливалась ртутным блеском. И голод друга все еще бурлил в крови. Требовал насыщения – убить, разорвать...

Прижать крепче. Стянуть с белого плеча ткань. Ощутить губами узор на женской коже...

Черные глаза блеснули насмешкой. Я прижалась к стене, не понимая, что происходит. Почему я все еще жива.

И захлебнулась вздохом, когда драуг стянул с моего плеча ткань платья. Какого демона он делает?

– Мой риар?

– Да...

– Значит, приказываешь? – Он склонился ниже, тронул губами мочку уха, посылая вдоль позвоночника колкие искры. – Беспощадный риар...

– Под стать а-тэму...

– Вот как? Но скажи, разве а-тэм может любить своего риара ТАКОЙ любовью?

– Такой?...

– Да. Боюсь, мой риар, мои мысли о тебе очень... непочтительные. Я бы даже сказал, что они очень... порочные. И развратные, мой риар.

Он провел сухими пальцами по узору драконьей крови, впечатавшемуся в мою кожу. А потом прикоснулся губами. К шее, к ямке горла. К уже обнаженной груди. Лизнул медленно, зацепил зубами.

Подхватил меня под ягодицы, приподнял.

Демоны, что происходит? Жуткий драуг задумал убить меня особенно изощренным способом? И почему я не пытаюсь вырваться или остановить его? Почему позволяю поднимать мне платье, обнажая ноги. Почему таю от новых прикосновений... Жду их.

– И то, что я собираюсь с тобой делать, несколько противоречит моей клятве. Или нет? Никак не могу разобраться...

– И что же ты собираешься делать?

Я задыхалась, пытаюсь удержать и рвущееся из горла дыхание, и хмельную, дикую, почти невыносимую радость.

Поглаживание на внутренней стороне бедра заставляет дрожать от самого прекрасного предвкушения.

– Я собираюсь заставить тебя кричать. Громко и долго. Прикажешь мне остановиться, мой риар?

– Только попробуй, и я тебя... ах. Што-о-орм!

Слова утонули в его и моем стоне, тело выгнулось от сладкой судороги проникновения. Его рваное дыхание ласкало мне губы, пока мы оба снова и снова убеждались в том, что живы.

Снова и снова.

Из пещеры на склоне мы выбрались лишь к закату, с ног до головы перепачкавшись в земле, лежалых листьях и желтой краске, которая так и не успела высохнуть. Так что прежде чем явиться в город, пришлось залезть в воду и хорошенько отмыться. Но тут приплыл радостный кракен, и Шторм полчаса отбивался от попыток этого чудовища его задушить. Ну то есть обнять на свой чудовищный манер.

Отбившись от Малыша, мы снова любили друг друга на полосе прибоя, под навесом из мшистых скал, а потом просто болтались в воде – голые, уставшие и счастливые. Сплетались руками и ногами, словно два угря, не в силах разъединиться.

– Ты ведь знаешь, что нас давно заметили? – лениво повернув голову, спросил Шторм. – Эйтри уже пару раз выглядывал, плевался и уходил. Торферд скоро вытопчет в лесу траншею, а Вегард наконец-то прекратил эту жуткую музыку. Мне кажется, я ненавижу звуки лиры. И опасаясь кошек.

– Кошек?

– Эти зверюги не знают, что у миров есть границы.

Я рассмеялась, нежась в его руках и все еще не совсем поверив в его возвращение.

– Неужели твои друзья в кои-то веки проявили деликатность и решили нам не мешать?

– Скорее боятся, что ты надерешь им зад. Ты теперь можешь, повелительница мертвых.

– Ты тоже, друг.

– В пекло. Надрать им зад я мог и раньше.

Я тихо рассмеялась, блаженно покачиваясь в теплой воде. Губы распухли от греховных поцелуев, тело плавилось в сытой неге. А душа пела от чувств.

Решив не нервировать наблюдателей, Шторм утащил меня под мшистый бок скалы, в крохотную пещеру с теплыми камнями. Мы лежали на них, сплетая пальцы и не в силах друг от друга оторваться.

Долго и чувственно Шторм изучал черные линии на моем теле – мои новые знаки отличия.

– Давай навсегда останемся под этой скалой?

– Звучит как предложение жить долго и счастливо.

– Плевать, сколько. Главное, с тобой. Я люблю тебя, Мира.

– Любишь?

Я перевернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. Он насмешливо улыбнулся. Боги, как же я скучала по этой улыбке!

– Ты огрела меня веслом. У меня не было ни единого шанса.

Я оплела руками его шею. В волосах ильха болтались запутавшиеся водоросли и ракушки.

– Шторм? – вытащила травинку, провела нежно по черному знаку, перечеркнувшему его лицо, удивляясь, что когда-то – сто веков назад – он казался мне пугающим.

Я хотела сказать, что тоже люблю его. Что я поняла это, когда почти потеряла. Что эта любовь сводит с ума и кажется настолько огромной, что не помещается внутри.

Хотела сказать, но не находила слов. О Милостивые Перворожждённые, оказывается, я совсем не умею говорить о чувствах!

Шторм улыбнулся мягко, нежно погладил мне спину. И шепнул на ухо:

– Я знаю, кьяли.

Конечно, он знал. После всего, что мы сделали, слова уже были совсем не нужны.

– Значит, больше не будешь от меня убегать, Мира?

Я посмотрела на свод пещеры, мягко мерцающий в наступающих сумерках. Город отсюда не виден, но я его чувствовала. Его камни, его дыхание, его силу. Теперь я всегда его чувствовала.

Улыбнулась.

– Пожалуй, немного задержусь. В Саленгварде полно дел, знаешь ли.

И решилась на вопрос, который порой задавала себе.

– Шторм, как думаешь... Я случайно оказалась на фьордах? Или... или все предначертано?

Он лишь пожал плечами, загадочно улыбаясь.

Потом мы все-таки выбрались на берег и нашли свою одежду. Я отряхнула платье, сдула с венца из черных камней песок, водрузила

его на мокрые волосы. Вложила ладонь в теплую руку Шторма. Так мы и вошли в Саленгвард. И после всех слез и объятий я тайком пообещала Эйтри не рассказывать о костре, который он готовил для своего друга. Беловолосый ильх выглядел совершенно обескураженным и похоже впервые в жизни не нашел слов, чтобы съязвить в ответ. Он лишь снова и снова смотрел на Шторма, потом на меня, снова на Шторма. Открывал рот. И закрывал его, так ничего и не сказав.

Он выглядел, как человек, познавший что-то совершенно новое.

Жаль, что его ошеломленное молчание не могло длиться вечно.

Потом были праздники. Много праздников, много старого хмеля из подвала Саленгварда, и самые лучшие пироги Наны.

А утром Шторм ушел в море.

Я проводила его до глубины, пока вода не сомкнулась над головой, а вместо человеческого лица не возникла узкая морда морского змея. Погладив ее чешуйки, я махнула рукой, отпуская.

Шторму нужно море, но теперь у него есть дом, в который можно вернуться. Где его будут ждать.

Его глаза так и не избавились от темноты. Теперь, глядя в них, я видела не серые камни, а черные. Черные камни под зеленой волной.

Я чувствовала тьму друга в его душе. Иногда видела ее. Темнота и незримый мир забрали у Шторма возможность слышать живые растения, они больше не отзывались его призыву. И тем дороже стал для меня день, когда над нашими головами расцвело целое дерево. Еще одно воспоминание-сокровище, которое я буду хранить в своей душе и доставать, когда мне нужно будет согреться.

Мы оба изменились и уже никогда не будем прежними, ведь и во мне Шторм замечал то, что оставил Владыка Скорби. Мою новую внешность, мои кошмары и ужасающие способности. Силу, которую я пыталась удержать внутри.

Да, мы изменились. Но мы любили друг друга и продолжали бороться за свою человечность и за нас. Каждый новый рассвет.

И еще теперь я знала, что не могу вернуться в Конфедерацию. Я все еще скучала по родным и, возможно, однажды все-таки пересеку Туман, чтобы увидеть Алекса и родителей, сказать, что со мной все в порядке. Но прежде нужно решить судьбу Саленгварда и людей, которые волей Первороденных называли меня своим риаром. Пока я

плохо понимала, что это значит, но чувствовала потребность защитить их.

Удивительно, но моя жизнь обрела новый смысл и цель. А еще – дорогих людей. И одного – самого нужного. Ведь именно сейчас – едва не уйдя за грань и повелевая мертвыми, осознав хрупкость жизни и силу чувств, я ощущала себя по-настоящему живой и счастливой.

КОНЕЦ ОСЕНИ

Альва оглянулась, рассматривая оживленную торговую улицу Варисфольда. Накинула на голову капюшон, пряча под бархатом белые косы, перевитые жемчужными лентами.

С того дня, как она сбежала из Саленгварда, напросившись на один из хёггкаров, Альва пыталась забыть проклятый Последний Берег. И ей это почти удалось! Беловолосой красавице повезло понравиться знатному воину. Тот привез ее в Варисфольд и даже поселил в своем доме. Со дня на день Альва ждала венец нареченной и даже тайком купила свадебное платье с богатой красной вышивкой.

Сегодня в городе началась торговая неделя, съехались хёггкары со всех фьордов. Обменять мед на бумагу, ткани на мыло, а вино – на соленую сельдь. Ряды торговцев растянулись лентами вдоль всей Гавани, и чего здесь только не было! Аппетитные запахи пирогов, ватрушек, жирных супов и копченых куропаток плыли по воздуху и наполняли рот голодной слюной.

– Посмотри мои меха, дева! – крикнул торговец справа.

– Потрогай мои ткани, красавица! – перебили слева.

– Гребни! Самоцветы! Ленты! Подходи-и!

Альва с довольной улыбкой взвесила на ладони расшитый мешочек с монетами. Ее спаситель оказался щедрым и баловал нежную деву из Аурольхолла, что волей жестокой судьбы оказалась пленницей в проклятом Саленгварде.

Вспомнив тот день, красавица с досадой поморщилась. Порой ей хотелось выпить колдовское зелье вёльды, чтобы навсегда стереть из памяти то, что случилось на Проклятом Берегу. Забыть все. И всех.

И особенно ильха с солнечным камнем в глазнице.

Альва передернула плечами, запрещая себе думать о нем.

Не думать о Саленгварде было трудно, ведь даже в Варисфольде все только о нем говорили. И чего только ни болтали! И то, что новый

риар города – пришедшая из незримого мира дева-воительница, а ее город теперь населен мертвецами и призраками. Что служит деве давно погибший и восставший по ее зову Ярл-Кровавое-Лезвие, а сокровищницу стерегут останки не-мертвого хёгга. Что тех, кто ей неуютен, дева способна убить, а потом оживить и заставить служить целую вечность. Что духи умерших пируют в Саленгварде так же, как на празднике в незримом мире.

Правды в тех разговорах было мало, но главной байкой оказалась весть, что Совет Ста Хёггов разрешил хёггкару из проклятого города прибыть на торговую неделю. Эта новость всколыхнула все фьорды – от диких земель до самого Горлохума. Болтали, что возмутительное разрешение поддержали в Нероальдафе, Аурольхолле и Дьярвеншиле. Может, души их риаров тоже пленила Кровавая Дева Саленгварда?

Потому прибытие черного корабля жители Варисфольда ожидали со смесью ужаса и любопытства да шептали, что с проклятого борта явятся не люди вовсе, а мертвецы-друзи! И торговать они будут не древесиной с пушниной, а своими костями!

Кое-кто даже спешно прикупил у странствующих вёльд амулеты для защиты от мертвецов, а скальды-потешники уже сложили новые песни о Кровавой Деве в венце черных звезд и мертвом Ярле, полюбившем ее. Песни эти распевали во всех питейных и горланили на набережной, а мальчишки-разносчики за мелкую монетку шепотом пересказывали новости о Деве из Саленгварда всем, кто имел уши и ту самую монетку.

Так что к началу торговой недели весь Варисфольд только и ждал появления ужасной «Ярости Моря».

Но увы, пока в гавани покачивались лишь мирные и скучные торговые посудины, и это несколько расстраивало горожан.

А вот Альве от всех этих разговоров о Саленгварде хотелось завизжать на всю торговую площадь вместе с набережной!

Отпихнув очередного мальчишку-разносчика и взяв у бойкой лавочницы спелых краснобоких яблок, Альва двинулась прочь от торговых рядов. Она заставила себя думать о приятном и шла, размышляя, в чем встретит вечером своего мужчину, какое платье лучше подчеркнет ее красоту и какие камни добавят блеска прекрасным глазам. Синие или все-таки зеленые?

Она так задумалась, что не заметила ильха, словно выросшего из-под земли.

– Смотри, куда прёшь, – буркнула она недовольно.

Подняла взгляд. И испуганно отпрянула в сторону. Сильная рука не дала ей сбежать, крепко обхватив запястье.

– Вот и увиделись, Альва, – почти нежно произнес тот, о ком она боялась даже думать.

– Пусти... – Альва забилась, но держали ее крепко. И красавица поняла, что на этот раз Перворожденные ей не помогут...

– Эйтри-Янтарь всегда отдает долги, – произнес ильх.

Верман выругался. Новый хёггкар оказался плохо залатанной посудиной, а новая команда – неумелыми дураками!

Спасаясь из проклятого города, Верман успел прихватить всего одну кость. Слишком мало для того, что купить достойный его хёггкар! И потому пришлось довольствоваться лишь этой развалиной!

– Эй, там, поворачивайтесь, ленивые задницы! – прикрикнул он на босоногих ильхов, складывающих парус. Те, ответили косыми взглядами и недовольным ворчанием.

Верман приложил к глазам руку, всматриваясь в горизонт. Надо добраться до берегов Гараскона, который уже совсем близко, остановиться у скал, ожидая подношение. Люди болтали, что на днях в городе выловили банду воров, так что к вечеру их наверняка отправят в море с камнями у ног. А Верман – тут как тут. Подберет и обогреет. Хорошие рабы нужны на всех берегах! Глядишь, к весне удастся накопить на ладный хёггкар.

Конечно, он будет не таким, как всем известная «Ярость Моря», до которой Верман так и не добрался.

Но подобного «Ярости» хёггкара нет в водах фьордов.

Верман скрипнул зубами, вспомнив о вожденной и такой недоступной добыче.

Если бы он сумел найти «Ярость»! Если бы только сумел! Но увы, приходится тащиться на этой посудине, похожей на подыхающего осла!

Словно в ответ на его мысли, Хёггкар с гордым названием «Несокрушимый» вздрогнул и остановился.

– Какого пекла? – заорал Верман.

– Кажется, мы на скалу напоролись.... – крикнули в ответ.

Верман перегнулся через борт, пытаясь рассмотреть, что преградило им путь. И тут «Несокрушимый» мелко задрожал и плюхнулся на бок!

Все еще ругаясь, Верман рухнул в воду. Хотел призвать хёгга, но не успел – его тело обвили со всех сторон щупальца. Обвили и подтянули к жутким рыбьим глазам близко-близко. На брюхе чудовища темнел кривой порез. И Верман слишком поздно понял, что на этот раз кракен его не отпустит.

Эпилог

Командор Этан Грей хлопнул дверцей чёрного автомобиля с непроницаемыми стеклами и, не замечая приветствий сослуживцев, пересек парковку у серого здания госбезопасности. Его провожали косые и удивленные взгляды, но Грей их как всегда проигнорировал.

Он знал, что о нем говорят. Шепчутся в тиши коридоров, озираясь и прикрывая руками рты. Кто-то считал, что командор слишком одержим миром за Туманом, что один раз побывав там, он потерял разум. Что фьорды стали его навязчивой идеей, которая погубит и самого командора, и всех, кто стоит за ним.

Иные шептали, что командор заразился в диких землях неведомой болезнью, и она сводит его с ума, а заодно меняет его тело. Даже в жару Этан Грей теперь не снимал кожаных перчаток, а его тело всегда закрывал жёсткий форменный мундир.

Шептали это, конечно, так тихо и тайно, чтобы слухи не дошли до самого Грея.

И все же он о них знал.

Впрочем, в его ведомстве не было ничего, о чем не знал бы командор.

А может, и во всей Конфедерации.

Сеть шпионов и докладчиков исправно делала свою работу, принося вести – плохие и хорошие.

Три дня назад ему доложили, что Туман у тридцать седьмого наблюдательного пункта пересекли два человека. Мужчина и женщина. А добравшись до поста охраны, мужчина передал код, расшифровать который мог только сам командор.

В ответ тут же был отправлен военный борт, который приземлился на закрытом и тщательно охраняемом аэродроме недалеко от столицы. С которого Клейм – а это, несомненно, был он – сумел улизнуть.

Как он прошел сквозь заслоны охранной системы и живых людей – оставалось неясным. Почему ушел – тоже.

А главное – почему час назад прислал еще один код – на личный номер командора, которого никто не знал.

Грей нахмурился. Отправлять на задание этого агента было невероятным риском. Да и агентом Клейма можно было назвать весьма условно. Командор так и не понял, на кого и ради чего работает этот... субъект. Назвать его человеком у Грея язык не поворачивался. Клейм имел красный гриф, код повышенной опасности и полностью засекреченную биографию. На тонкой папке с его делом стояли две страшные буквы: А и М в черном круге.

Аннигиляция.

Модификация.

Агенты без реальных имен, но со стопроцентной отчетностью по самым сложным, практически невыполнимым делам. Клейм мог отказаться от любого задания, не объясняя своих причин, но уж если брался, то неизбежно их выполнял.

Всегда.

И именно это стало причиной того, что командор отправил за Туман столь непонятного агента.

И вот он вернулся.

С женщиной!

Значит, задание выполнено?

Не мог ведь Клейм приехать назад с Мирандой Коллинз – случайной пешкой этой войны с фьордами?

Нет, Коллинз, наверняка, сгинула где-то за Туманом, как и приказал командор, а в столицу Клейм привез ту, за которой и отправился на фьорды. Вэльду.

Но почему тогда Клейм покинул сопровождающих и исчез с аэродрома? Куда он отправился вместе с пленницей? Почему вернулся? И какого демона он знает личный номер командора Грея?

Балансируя между злостью и радостью, командор быстрым шагом миновал безликие коридоры здания, приказал никому его не беспокоить и толкнул дверь своего кабинета.

Лампы не горели. Комната тонула во мраке. Лишь в распахнутое окно – окно, которое сам Грей никогда не открывал, – втекала желтая река света от горящих внизу фонарей.

На миг показалось, что кабинет пуст, и Грей непроизвольно сжал в кулак левую руку. И привычно – уже привычно – ее не почувствовал. Пока Клейма не было, белая изморозь растеклась по телу командора до самого плеча.

Но потом тени шевельнулись, и он заметил две фигуры, стоящие у окна.

Мужскую и женскую. Они стояли друг напротив друга, не прикасаясь. Но у командора возникло чувство, что он увидел что-то запретное. Что-то слишком личное. То, что не должны видеть чужие глаза.

И разозлившись, командор ударил по выключателю. Яркий белый свет залил помещение – такое же серое и безликое, как и все в этом здании.

Мужчина у окна повернулся к командору, и Грей наконец увидел лицо Клейма. Но оно было неуловимо иным, словно на фьорды отправлялся один человек, а вернулась его копия. Похожая, но копия. Грей не мог объяснить, что в Клейме теперь выглядит иначе. Возможно, дело во взгляде. Теперь он не был таким... пустым?

Клейм накинул капюшон, пряча глаза в его провале. Он не любил, когда на него смотрят.

Но Клейм больше не интересовал начальника госбезопасности. Все его внимание приковала женщина. Хотя вернее назвать ее девушкой, она была молода.

Грей нахмурился. Разве он не приказал привезти самую опытную вельду?

Окинул острым взглядом незнакомку: длинное платье, расшитое алой нитью и широкий пояс со множеством свисающих амулетов, костяных фигурок, пучков травы и даже камней; плащ, украшенный птичьими перьями, и круглую шапочку с длинным лисьим хвостом, падающим на плечо. А потом взглянул в лицо. И будто обжегся, увидев изящные, словно вырезанные ножом черты и чуть удлинненные, темные и злые ведьминские глаза. Тонкие женские пальцы обхватили амулет, висящий на шее, сжали так крепко, что показалось – кровь брызнет.

Но этого не случилось. Девушка спрятала руку под свой птичий плащ и отвернулась.

– Девчонка слишком молода. – Грей не стал тратить слова ни на приветствия, ни на расспросы. Позже он прочитает отчет, если Клейм удосужится его дать, конечно. – Она сможет сделать то, что надо?

Клейм молча кивнул.

– А кольцо Горлохума? Ты принес его?

Агент постоял, словно раздумывая. На миг даже показалось, что сейчас он сделает шаг назад и растворится в темноте, словно никогда здесь и не был. Грей напрягся, заставляя себя не прикасаться к парализатору на плече или кобуре табельного пистолета. Эти двое, незвано проникшие в его кабинет, и занявшие его, словно свою собственность, вызывали необъяснимую, почти потустороннюю дрожь. И командор знал это чувство. Его вызывали люди, вернувшиеся ОТТУДА. Проклятые фьорды, вот чем веяло от агента с пометкой АМ и девушки в ведьмовском плаще.

Грею хотелось поторопить Клейма, рявкнуть, напомнить о том, кому этот солдат служит, но командор заставил себя стоять так же неподвижно, как сам агент.

И не вздрагивать, когда Клейм молча положил на стол тонкий черный обруч. На миг показалось, что в кабинете стало темнее, словно свет впитывался в то, что лежало на полированной столешнице.

Вельда обернулась резко, обожгла Клейма глазами. Тот сжал зубы, глядя на нее. Красивые чувственные губы вельды сложились в злую улыбку.

Грей же неотрывно смотрел на черный обруч. Он почти задыхался, ловя блики на его поверхности. Он почти сходил с ума от желания прикоснуться к нему. Левую руку внезапно дернуло болью – и это было первое, что ощутил командор за много дней.

Почти не дыша, он открыл сейф и осторожно положил туда артефакт фьордов. Захлопнул дверцу. Обернулся.

Двое в его кабинете так и не пошевелились. Словно застывшие статуи, а не люди!

Впрочем, людьми он не назвал бы ни первого, ни вторую.

Нажав на кнопку коммуникатора, командор вызвал охрану, чтобы сопроводить вельду в камеру.

То, для чего ее привезли, требует подготовки. Позже он все о ней узнает и все решит.

А сейчас...

Командор все еще дышал с перебоями. Руки дрожали, и он убрал их за спину, не желая продемонстрировать досадную слабость. На миг даже показалось, что он сейчас потеряет сознание, подобно глупой девице. Ему нужна передышка. И одиночество.

В дверь постучали – это пришли за девчонкой.

Она двинулась к двери молча, не пытаясь ни бежать, ни сопротивляться.

И лишь когда переступала порог, Клейм вздрогнул.

— Юфи, — тихо позвал он.

Вёльда помедлила на пороге. И ушла с конвоем, не обернувшись.

КОНЕЦ

Послесловие

Дорогие читатели, вы дочитали четвертую историю в серии «Мир за великим Туманом». Если бы вы знали, что чувствует автор, ставя последнюю точку еще в одной книге. Тут и радость, что большая работа закончена, можно отдыхать и думать о новых проектах, и немного печаль, потому что за время написания я привыкаю жить книгой и ее героями. Каждый раз это похоже на расставание с хорошими друзьями, которых надо отпустить в свободную жизнь без меня – автора.

История Шторма и Миранды подошла к концу, но обещаю – вы с ними еще встретитесь.

Как вы поняли из эпилога, впереди ждет пятая книга, в которой вы узнаете всю историю Клейма. Это очень необычный персонаж, и у меня уже чешутся руки от желания рассказать о его тайнах и приключениях, которые сыграют свою роль во всей истории двух миров – Конфедерации и фьордов. Я хотела рассказать о приключениях Клейма параллельно с историей Миры, но быстро поняла, что сделать это в рамках одной книги невозможно. Клейму необходима отдельная книга, ведь он слишком значительная фигура, а его история точно заслуживает подробного рассказа. Так что нас ждет следующая книга в серии, хотя хронологически приключения Миры и Клейма происходили в одно время.

В любом случае, фьорды не отпускают. У них еще много секретов)

Дорогие читатели! Я благодарю каждого из вас за поддержку во время написания книги и после ее завершения. Спасибо всем, кто выбирает мои книги и особенно тем, кто приобретает их еще на стадии черновика, тем самым помогая автору. Обнимаю вас всех: тех, кто читает и переживает за героев молча, и вдвойне тех, кто пишет мне горячие комментарии и делится своими эмоциями – это всегда очень приятно.

Я желаю каждому из вас устоять в нелегких жизненных бурях. Желаю, чтобы ваш личный шторм закалил и сделал сильнее, а новый рассвет принес прекрасное и доброе утро.

До встречи в новых историях.
Марина Суржевская.